РОКОССОВСКИЙ

В. Кардашов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 13
(517)

В. Кардашов

РОКОССОВСКИЙ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

63.3(2)722.78
К21

Четвертое издание

К $\frac{4702010200-298}{078(02)-84}$ Без объявл.

сень 1941 года. Середина октября. День нашей страны неизменно начинается со сводок Советского Информбюро, и они, эти сводки, мрачнее самой темной октябрьской ночи: на всем огромном советско-германском фронте под напором превосходящих сил фашистской Германии войска Красной Армии вынуждены отступать все дальше на восток, оставляя горящие города и села наглому врагу.

Особенно грозная ситуация сложилась на центральном участке фронта. Здесь, в засыпанных золотистой листвой рощах Подмосковья, уже две недели, с начала октября, идет ожесточенная битва, исход которой, по мнению «Оберкоммандовермахт» — верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии, — предрешен. Все рассчитано до мельчайших деталей, все предусмотрено, вплоть до коменданта Москвы. Адмирал Канарис, глава абвера — разведки вермахта, готов поклясться, что у русских войск и техники втрое меньше, чем в дивизиях фельдмаршала фон Бока, наступающих на Москву, что советское командование не располагает сколь-нибудь значительными резервами и не сможет после нанесенных сокрушительных ударов организовать сопротивление. И первые дни операции «Тайфун», казалось, подтверждают уверенность Гитлера и его стратегов. Под Вязьмой и Брянском фашистским войскам удается окружить несколько советских армий, после чего танковые группы генералов Гота и Гудериана вырываются на простор и, обтекая Москву с севера и юга, устремляются к ее предместьям.

Успех кажется гитлеровским генералам близким и неизбежным, они уже готовы торжествовать окончательную победу, но они ошибаются, и ошибаются жестоко. И поныне, спустя сорок лет, не могут, не хотят признать они истинных причин срыва операции «Тайфун» и видят их лишь в ошибках Гитлера или в грязи на дорогах Подмосковья. Да и трудно требовать этого от

фашистских генералов. Настоящая причина провала наступления вермахта на Москву — непреклонная решимость ее защитников, бойцов и командиров Красной Армии, непреклонная решимость всего нашего народа, руководимого Коммунистической партией, отстоять столицу Страны Советов. Окруженные армии упорно обороняются, сдерживая фашистские пехотные дивизии, а тем временем советское командование успевает организовать отпор танковым клиньям гитлеровцев, рвущимся к Москве. Чем ближе продвигаются немецкие танки к Москве, тем упорнее, настойчивее, ожесточеннее сражаются ее защитники. Не ограничиваясь обороной, они переходят в контратаки, вынужденные отступить, они отходят от рубежа к рубежу, но окружить и уничтожить себя не дают.

Именно в это время в статьях корреспондентов «Правды», «Известий», «Красной звезды» стали появляться упоминания о «командире Р.» и его войсках:

«14 октября. Бойцы командира Р. встретились с танками и автоматчиками врага... Бой этот продолжается с тем же ожесточением и сейчас...»

«15 октября. Части командира Р. внезапным прорывом немцев были отрезаны в районе Ярцево. Эти части отходили с боями... Только что получено известие о том, что части Р. вышли из окружения и заняли новый рубеж...»

«18 октября. В частях командира Р. каждый боец исполнен спокойной решимости — умереть, но не пропустить врага к Москве... Части командира Р. поражают своей организованностью и стойкостью...»

«19 октября. Действуя приемами подвижной обороны, наши войска на подступах к Москве не только сдерживают яростные атаки врага, но время от времени внезапным ударом заставляют его отступать. Одна из частей командира Р. отбросила немцев из пункта Б. В этом бою немцы понесли большие потери живой силой...»

«Командир Р. ...»

«Командир Р. ...»

Кто же скрывается за этой буквой Р, кто командует частями, столь героически защищающими Москву? В 1941 году таких вопросов не полагалось задавать, но инкогнито «командира Р.» было вскоре раскрыто:

«20 октября. Бойцы командира тов. Рокоссовского, отражая яростные атаки немцев, сожгли 60 танков...»

И на следующий день: «21 октября. Части командира Рокоссовского отражают непрестанные атаки противника и сами наносят ему удары...»

Снова и снова звучит в холодающем с каждым днем октябрьском воздухе это имя:

«22 октября. Части командира Рокоссовского продолжают упорно сдерживать натиск противника...»

«24 октября. Бойцы командира Рокоссовского весь день вели ожесточенные бои...»

И так изо дня в день, на протяжении октября и ноября 1941 года. С тех пор имя Константина Константиновича Рокоссовского становится известным всей стране, всему миру. Зачастую, чтобы охарактеризовать того или иного достойного человека, нам приходится добавлять слова: профессор, лауреат, изобретатель, режиссер. И не так уж много имен, которые достаточно просто назвать — и не только сам герой, но и вся его эпоха встает перед нами.

Рокоссовский...

Это один из тех, кто защищал Москву осенью 1941 года.

Рокоссовский...

Это один из тех, кто разгромил армию Паулюса под Сталинградом в феврале 1943 года.

Рокоссовский...

Это один из тех, кто закончил войну в Германии весной 1945 года.

Это слава наших отцов, стоявших насмерть от Белого до Черного моря. Это слава поколения, спасшего мир от страшной опасности.

Сегодня его знают все. До октября 1941 года его известность была невелика. Но слава и признание пришли к Рокоссовскому не внезапно, ибо к октябрю 1941 года за плечами у него было уже 45 лет жизни, и 27 из них он отдал воинской службе, сначала в русской, а затем в Красной Армии.

ород Великие Луки, расположившийся по обоим берегам реки Ловати, упоминается в русских летописях уже с XII века. В конце прошлого столетия Великие Луки были обыкновенным провинциальным городом России. К началу XX века в городе имелось жителей 8481 человек, два монастыря, более десятка церквей и восемь часовен, одно реальное училище и женская гимназия. «...Промышленность и торговля незначительны... Мещане занимаются шитьем сапог» — вот почти и все, что могла сообщить о тогдашних Великих Луках всезнающая энциклопедия Брокгауза и Эфрона. В этом городке, удаленном от столичной суеты, в семье Ксаверия Юзефа Рокоссовского 8 декабря 1896 года (по старому стилю) и родился мальчик, которого нарекли Константином.

Годы раннего детства Кости Рокоссовского проходили безмятежно. Дед будущего Маршала Советского Союза Винцентий Рокоссовский, по национальности поляк, служил лесничим под Варшавой и имел большую семью — девять человек детей. Отец, Ксаверий Юзеф, был уже немолод, когда появился сын: ему шел сорок четвертый год. Ксаверий Рокоссовский, высокий и сильный, внешне суровый, но добрый в душе и справедливый человек, имел мало времени для занятий с детьми: работа железнодорожного машиниста требовала постоянных разъездов. Тем не менее Ксаверий Рокоссовский нежно заботился о них и, будучи сам грамотным и начитанным человеком, старался дать образование сыну Косте и дочерям Марии и Елене. Профессия железнодорожного машиниста в конце XIX века была весьма дефицитной, высокооплачиваемой, Рокоссовский-отец зарабатывал приличные по тем временам деньги, и семья его не бедствовала.

Так как Ксаверий Рокоссовский был в постоянных разъездах, забота о детях почти целиком ложилась на плечи матери Антонины Овсянниковой, учительницы из

города Пинска. Воспитанная на лучших образцах русской литературы XIX века, мать всеми силами старалась привить детям любовь к ней и преуспела в этом. Костя Рокоссовский рано научился читать, и книгами, с которых началось его образование, были русские книги. Раннее и глубокое знакомство с русской культурой имело решающее влияние на жизнь Рокоссовского. Еще в отроческие годы он отчетливо осознал историческую общность судеб народов России и Польши, в неполные восемнадцать лет он раз и навсегда сделал выбор, и в будущем ему довелось совершить немало для того, чтобы эта общность окрепла и утвердилась навечно.

В семье Рокоссовских говорили и читали как по-русски, так и по-польски, Костя с детских лет владел обоими языками.

Костя был еще маленьким, когда семья переехала в Варшаву: Ксаверия Рокоссовского перевели работать на Варшавско-Венскую железную дорогу. Эта дорога, старейшая в России после Царскосельской, имела важное значение для страны и отличалась той особенностью, что колея на главной ее ветке, от австро-венгерской границы до Варшавы, была такой же ширины, как и на железных дорогах Западной Европы.

После провинциальной тишины Великих Лук Костя оказался в шумной и многолюдной Варшаве. В начале XX века Варшава уже была большим городом и продолжала стремительно расти: население ее увеличивалось в год на 20—25 тысяч человек.

Семья Рокоссовских поселилась на правом берегу Вислы, в предместье Варшавы — Праге. На новой службе отец Кости стал лучше зарабатывать и, заботясь о будущем сына, послал его учиться в училище Антона Лагуна, размещавшееся на одной из центральных улиц Варшавы — на улице Святого Креста, в доме № 25. Чтобы ходить в училище сыну было близко, семейство Рокоссовских переехало на улицу Маршалковскую и поселилось в доме № 117. Здесь, неподалеку от вокзала Варшавско-Венской железной дороги, в те годы жило немало железнодорожных служащих.

Теперь Костя жил в самом центре Варшавы. Каждое утро, отправляясь в училище, он шел по Маршалковской, прямой, протянувшейся на несколько верст, красивой улице, застроенной новыми пяти- и шестиэтажными домами. Вечером, особенно зимой, Маршалковская превра-

щалась в оживленное место гуляний. При блеске многочисленных огней, освещавших роскошные витрины магазинов, на тротуарах тянулась беспрерывная лента фланирующей публики, а посреди улицы мчались бесконечной чередой экипажи, конки, омнибусы.

В первые годы варшавской жизни Косте жилось легко. Однако спокойное детство окончилось быстро. Ксаверий Рокоссовский попал в железнодорожную катастрофу, был тяжело ранен. Он долго болел и, лишенный какой бы то ни было помощи, умер, оставив семью без средств к существованию. Перед семьей встал вопрос: что делать? Вся тяжесть содержания детей пала на плечи матери. Не имея возможности учительствовать, она стала брать на дом с чулочной фабрики на улице Широкой для вязания трикотажные вещи. Семейству Рокоссовских теперь не по средствам была квартира на Маршалковской улице, пришлось переехать на улицу Мариенштадт. Сестра Кости — Елена начала работать в мастерской искусственных цветов (вторая сестра, Мария, умерла вскоре после отца).

Мать делала все, чтобы сын продолжал учиться, и Костя оправдывал ее надежды. За ровный, спокойный, веселый характер его любили товарищи по классу. Учение давалось ему легко, он много читал и увлекался, как и почти все его сверстники, книгами Майн Рида. Довольно скоро самыми любимыми стали для него книги о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Мальчика пленяют образы прославленных героев и полководцев, с упоением проглатывает он книги о далеких походах и кровавых битвах. Одной из первых таких книг, запомнившихся и полюбившихся ему на всю жизнь, был гоголевский «Тарас Бульба». Подняв голову от книги, Костя закрывал глаза, и тогда перед ним возникала южнорусская степь, по которой он, утопая по пояс в траве, скачет вместе с запорожцами: «Ничего в природе не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов... В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха; вот она пропала в вышине и только мелькает одною черною

точкою! вот она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем...»

Костя читает дальше, и уже кажется ему, что в руке у него обнаженная сабля, что нога его чувствует стремя и рядом с казаками летит он навстречу врагу. Вот уже отчетливо виден передний, пригнувшийся в седле всадник, в мохнатой шапке, с копьем наперевес, и конский хвост развевается на конце копья. Мгновение, и Костя уклоняется от направленного на него острия копья, бросает коня в сторону — вот так! А теперь удар саблей. Сраженный враг медленно кренится в седле...

И как порой сбываются юношеские мечты! В возрасте сыновей Тараса Бульбы Константин Рокоссовский не только сам будет биться с врагом, но и поведет в бой эскадрон, полк, и много, очень много раз, прежде чем ему исполнится двадцать пять лет, доведется ему сходиться в рукопашных схватках со всадниками, на которых будет форма немецких драгун, чехословацких и польских легионеров, монгольские халаты и, что самое страшное и трудное, форма кавалеристов армии Колчака, казаков атамана Семенова и барона Унгерна.

Трудно представить, каким рисовалось собственное будущее застенчивому мальчику Косте Рокоссовскому. Кто мог думать, что в своей жизни он будет участником многих ожесточенных и кровопролитных битв, не имеющих себе равных в истории, что будет он сражаться и в сибирской тайге, и в песчаных пустынях Монголии, что возглавляемые им войска в майские дни 1945 года вырвутся на побережье Балтийского моря в самом сердце фашистской Германии?

Пока была жива мать, Костя мог учиться. В 1910 году здоровье ее ухудшилось, и мальчику пришлось прекратить учение. Окончив четырехклассное городское училище, он начинает трудовую жизнь. Сначала, правда, недолго, Костя помогает кондитеру, из-за побоев уходит от хозяина, некоторое время работает у зубного врача — по той же причине покидает и дантиста. «Пожаловаться было некому, месткомов тогда не существовало», — будет шутить на этот счет впоследствии маршал Рокоссовский. Затем Костя становится чернорабочим на той же чулочной фабрике, где работала и его мать. В начале 1911 года мать умерла, и 14-летний Константин Рокоссовский

теперь уже совершенно самостоятельно вынужден добывать себе кусок хлеба. Жил он сначала у бабушки, затем у тети. За год с лишним, проведенный среди трикотажников, Костя Рокоссовский многое узнал и многому научился. Здесь он познакомился с подпольной литературой, вместе с товарищами участвовал в пикетах. Здесь он впервые услышал о большевиках. Завершилось же его пребывание на чулочной фабрике примечательным событием.

Весной 1912 года по всей России, впервые после революции 1905—1907 годов, вспыхнули массовые забастовки и демонстрации рабочих. Бастовали рабочие окраин Петербурга и Москвы, бастовали и устраивали демонстрации и пролетарии Варшавы. К 1 мая прекратили работу и трикотажники фабрики на Широкой улице. Вместе с рабочими других предприятий вышли они на улицы предместья Варшавы — Праги с красным знаменем. В рядах демонстрантов находился и молодой чернорабочий Костя Рокоссовский. В толпе товарищей он шел навстречу отряду конной жандармерии. Произошло столкновение. Рабочие стали отбиваться вывернутыми из мостовой булыжниками. Жандармы выхватили знаменосца из рядов демонстрантов. Красное знамя упало; мгновенно Костя оказывается у знамени, отрывает его от древка и прячет за пазуху. Но тут же тяжелая рука жандарма падает на плечо паренька:

— Что ты спрятал? Флаг! За мной!

Так Константин Рокоссовский оказался в знаменитой тюрьме Павиак. Два месяца, проведенные здесь, имели большое влияние на будущую судьбу молодого человека, в тюрьме он впервые познакомился с представителями русского революционного движения и из разговоров с ними смог составить себе первоначальное понятие о требованиях и целях революционных партий. В тюрьме Рокоссовский впервые столкнулся с большевиками. Внимательно прислушивался юноша к их словам, еще не предполагая того, что большевики сыграют решающую роль в его судьбе, что в рядах партии, созданной Лениным, ему предстоит пробыть почти полвека.

Из Павиака несовершеннолетнего демонстранта отпустили, а с фабрики, конечно, уволили. Приходилось искать новую работу. В условиях безработицы в Варшаве это было делом нелегким. Кроме того, Косте хотелось приобрести профессию, пусть трудную, но профессию.

Муж одной из его теток, Высоцкий, имел в Праге небольшую мастерскую по изготовлению памятников. Несмотря на неполные 16 лет, Костя Рокоссовский был сильным и ловким юношей, поэтому Высоцкий взял его на работу, и Костя стал помощником каменотеса.

Заказов в мастерской Высоцкого в тот период было достаточно. Работа исполнялась в граните и мраморе примитивной техникой, физический труд был очень тяжелым, и все-таки Костя быстро привык, приобрел опыт и сноровку, научился делать изящную резьбу по граниту и мрамору.

В 1913 году предприятие Высоцкого получило крупный и ответственный заказ. В начале века Варшава была соединена с Прагой лишь двумя мостами — Александровским и железнодорожным. Интересы стремительно растущего города давно требовали строительства новых мостов, и с 1905 года велось строительство третьего восьмипролетного 500-метрового моста, получившего название моста Николая II. Облицовка моста гранитом была поручена предприятию Высоцкого. Много месяцев работали здесь его мастера и подмастерья, среди них и Костя Рокоссовский. Здесь, в среде рабочих, продолжается воспитание Кости. У своих товарищей по профессии он перенимает уважительное отношение к трудовому человеку. «Поставь себя на место другого» — эти слова, многократно повторяемые им впоследствии подчиненным, были услышаны Костей Рокоссовским от старого каменотеса.

Высоцкий хорошо заработал на государственном подряде и по окончании строительства решил перенести свое предприятие в провинцию, избрав для этого небольшой городок Гроец в 35 верстах на юго-запад от Варшавы. Вместе с предприятием переехали в Гроец и работники, в их числе и Костя Рокоссовский.

Городок этот над тихой речушкой Молницей был еще меньше Великих Лук. Когда-то Гроец, один из древнейших городов Польши, славился фабрикой музыкальных струн, находивших сбыт далеко за пределами Речи Посполитой, но давно, со времен шведских войн, совершенно обнищал. «Жителей 5086. Заводы мыловаренный и кожевенный, две маслобойни. Старинный костел, уездное училище, госпиталь и богадельня» — вот и все, что считала нужным сказать о нем та же энциклопедия.

В этом тихом городке и оказался молодой каменотес

Константин Рокоссовский. Несмотря на тяжелый физический труд, Костя постоянно находил время для чтения, ему хотелось учиться и дальше. Трудно сказать, как сложилась бы его жизнь. Суровый и изменчивый XX век распоряжался судьбами людей своеобразно и неожиданно: профессиональных русских военных он делал шоферами такси далеко на чужбине, а бывшие подмастерья скорняков и каменотесов становились прославленными маршалами победоносных армий. Рубежом, резко изменившим судьбу Константина Рокоссовского, была первая мировая война.

есть суток эшелоны с людьми и лошадьми 5-го Каргопольского драгунского полка двигались через Россию на запад. Погрузившись в вагоны еще 20 июля в Казани, где полк квартировал в мирное время, 26 июля он достиг Белостока. Здесь его выгрузили и походным порядком послали к Варшаве. Неожиданно прерванная поездка вызвала много разговоров у солдат: говорили, что дальше по железной дороге нельзя ехать из-за немецких дирижаблей, бомбивших эшелоны, что немцы уже прорвались к Варшаве. На самом же деле все было проще: массовая мобилизация и перевозка войск на запад чрезвычайно перегрузили железные дороги, не хватало вагонов и паровозов для переброски войск.

28 июля полк прибыл наконец в Варшаву. Город в эти дни пребывал в лихорадочном возбуждении. Улицы его были наполнены только что обмундированными и вооруженными резервистами, на каждом шагу разыгрывались тяжелые сцены прощания с родными отцов, сыновей и братьев, уходивших на войну. Обеспокоенные возможностью потери своих сбережений, толпы мелких вкладчиков осаждали банки и сберегательные кассы.

Возможность вторжения немцев, с которыми полякам так много и часто пришлось воевать, вызывала у большинства населения Польши стремление дать отпор агрессору. Поэтому проходившие через Варшаву русские части поляки встречали дружелюбно и приветливо.

5-я кавалерийская дивизия, в состав которой вместе с 5-м Каргопольским полком входили 5-й Александрийский гусарский, 5-й уланский Литовский и 5-й Донской казачий полки, пробыв несколько дней в Варшаве, выступила навстречу противнику. Весть о зверской бомбардировке немцами Калиша вызвала панику в районах, которым грозило вторжение, и навстречу кавалеристам тянулся поток экипажей, повозок, пеших бежецев, увозивших и уносивших пожитки.

2 августа 1914 года 5-й Каргопольский полк вступил в Гроец. Здесь предполагалась дневка. Полковой командир полковник Артур Адольфович Шмидт собирался уже идти обедать к местному ксендзу, любезно пригласившему офицеров на трапезу, и потому торопился продиктовать писарю последний пункт приказа: «Замечено мною было в Варшаве и здесь, что нижние чины продают за бесценок черный хлеб или же просто бросают его в расчете, что им на привале будет куплен новый хлеб. Объявить всем, что всякий нижний чин не только обязан хранить бережливо выдаваемое ему продовольствие, но и обязан 14
съедать его, дабы иметь силы в предстоящей ему боевой работе». Полковник едва закончил, как адъютант полка поручик Сергей Ломиковский ввел в помещение штаба нескольких молодых парней.

— Ваше высокоблагородие, — обратился он к полковнику, — местные жители из городишка Гроец просят зачислить их в полк.

— Зачислить в полк? — Полковник обернулся к вошедшим. Ближе всех стоял стройный плечистый парень с русыми волосами и красивыми светлыми глазами.

— Чем занимаетесь? — обратился к нему полковник.

— Работаю каменотесом, ваше высокоблагородие.

— Как зовут?

— Рокоссовский Константин.

— Сколько лет?

— Двадцать, ваше высокоблагородие.

— Ну что ж, зачислить.

Затем полковник побеседовал с другими добровольцами и вскоре ушел, а Ломиковский стал диктовать полковому писарю:

«Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокоссовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон».

Видимо, велико было желание Константина Рокоссовского поступить в полк, раз для этого пришлось прибавить, по совету старшего товарища Вацлава Странкевича, целых два года — на самом деле в августе 1914 года мо-

лодому добровольцу не было и 18 лет, а в русскую армию призывались тогда лишь лица, достигшие 21 года. Высокий и сильный юноша сошел за 20-летнего. Любопытно, что военную службу Константин Рокоссовский начал с отчеством Ксаверьевич. Так писалось его отчество в документах вплоть до начала 20-х годов, когда он переменил свое отчество и стал Константиновичем. Причиной этому было то, что Ксаверьевич постоянно перевирали: писали то Савельевич, то Ксавельевич, то Саверьевич, то еще как-нибудь.

В выборе полка Константину Рокоссовскому повезло — он попал в полк, который хотя и не мог сравниться с такими прославленными русскими полками, как Семеновский, Преображенский или Нижегородский драгунский, но обладал также прекрасными боевыми традициями и богатым послужным списком. Каргопольский полк, один из 22 драгунских полков, имевшихся в русской армии перед мировой войной, был сформирован в 1707 году из рекрутов Тульской провинции, принимал участие в боях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау во время кампании 1806—1807 годов, в Отечественной войне 1812 года, в «битве народов» под Лейпцигом в 1813 году. Во время войны с Турцией 1828—1829 годов полк особенно отличился в бою при селении Боелешты в Малой Валахии, когда, как писала «Военная энциклопедия», «находясь на правом фланге, атаковал подивизионно турецкую кавалерию, опрокинул ее и преследовал. В последовавшей затем ночной атаке селения полк ворвался в него и много способствовал выбитию из него турок». В память об этом сражении на парадных касках драгун красовалась надпись: «За отличие». В Крымскую войну полк храбро сражался под Инкерманом и на реке Черной.

Шестым эскадроном, в который попал Константин Рокоссовский, командовал ротмистр Занкович. Среди драгун, наряду с русскими, было немало татар (полк формировался в Казани), а на протяжении 1914—1915 годов в нем появились и поляки.

Была у полка и собственная песня. Она напоминала о славном сражении 5-тысячного русского арьергарда под командованием князя Багратиона против 30-тысячной армии французов под Шенграбеном. Русские солдаты сражались с поразительной стойкостью и задержали наполеоновскую армию, дав тем самым возможность основным силам Кутузова отойти. Было это в 1805 году, но слава

багратионовских орлов не меркла в памяти русских воинов. На учениях и в походах драгуны лихо распевали:

Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был арьергард Багратиона
Судьбой на гибель обречен.
Бой закипел и продолжался
Все горячей и горячей.
Людскою кровью напитался,
Краснел шенграбенский ручей.
Так свято ж помните об этом
На предстоящем нам пути.
И будет пусть у вас заветом:
Всегда пять против тридцати.

Война началась с пограничных сражений. В Восточной Пруссии, к западу от Варшавы, в Галиции, русские и австро-немецкие войска медленно сближались, стараясь определить, прощупать намерения противника, и в этой обстановке кавалерии отводилась особая роль — кавалерийские полки вступали в бой первыми, прежде чем основные силы успевали втянуться в него. И еще до того, как развернулись грандиозные сражения осени 1914 года, молодой охотник Константин Рокоссовский уже успел познакомиться с войной, понюхать, как говорится, пороху.

Новый драгун оказался достойным традиций полка. По-разному начинается нелегкая солдатская служба. Костя Рокоссовский начал ее с подвига.

5-я кавалерийская дивизия медленно двигалась навстречу противнику. 8 августа передовые разъезды Каргопольского полка обнаружили у посада Ново-Място на речке Пилице кавалерийские части противника, но не смогли определить их численности и намерений. Возникала необходимость разведки. Провести ее вызвался молодой драгун. Вечером он в гражданской одежде отправился в местечко, спокойно, будто на прогулке, прошелся по его улицам, поговорил с жителями и сумел выяснить, что занято оно кавалерийским полком немцев. Дерзость разведчика понравилась начальству, сведения, принесенные им, подтвердились, и Константин Рокоссовский получил первую боевую награду — Георгиевский крест 4-й степени за № 9841 [1].

[1] Современному читателю малоизвестна эта боевая награда. Георгиевский орден был учрежден в России в ноябре 1769 года и предназначался первоначально лишь для награждения офицеров. В 1807 году для поощрения храбрости и мужества солдат и ун-

Через два дня состоялось и боевое крещение Константина Рокоссовского. С утра 11 августа неприятельский кавалерийский полк, поддерживаемый ротой велосипедистов, начал наступление, намереваясь захватить мост через Пилицу и брод, находившийся несколько ниже моста. Два эскадрона Каргопольского полка, защищавшие эти переправы через реку, встретили вылазку врага ружейным огнем, а когда неприятель, неся потери, стал отступать, весь полк преследовал его. Отступление противника вскоре превратилось в бегство, велосипедисты побросали почти все велосипеды, и поле боя осталось за драгунами. Немцы оставили 15 убитых, 33 раненых, было захвачено 11 пленных.

Война только начиналась. И убитые враги, и захваченные пленные были новинкой, поэтому бой под Ново-Мястом был представлен в реляциях полкового начальства как крупный успех, тем более что последующие столкновения с противником удачи не принесли.

Остаток августа прошел в мелких стычках с врагом. 1 сентября дивизия получила приказ наступать на Сандомир, с целью захвата переправ на Висле. Русские пехотные части оказались не в состоянии взять город, тогда драгуны атаковали неприятельские окопы, выбили из них австрийцев, захватили трофеи — шесть пушек — и ворвались в город.

тер-офицеров учредили Знак отличия военного ордена, получивший в обиходе наименование Георгиевского креста. В статуте его было сказано: «Сей знак отличия приобретается только на поле сражения, при обороне крепостей и на водах». В 1913 году статут ордена был переработан и, кроме Георгиевского креста, имевшего четыре степени, стали производить награждение Георгиевской медалью, также четырех степеней (награждение производилось в порядке постепенности, начиная с 4-й степени).

Орденская лента Георгиевского креста — Георгиевская лента — состояла из чередующихся трех черных и двух оранжевых полос.

Поскольку награждение солдатскими георгиевскими наградами производилось только за боевые отличия, георгиевские кавалеры пользовались всеобщим уважением как храбрые и достойные люди. Недаром пословица говорила: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах». Многие советские военачальники, начинавшие службу в дореволюционной армии, были георгиевскими кавалерами. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков имел два Георгиевских креста. Герой гражданской войны В. И. Чапаев был кавалёром четырех георгиевских наград, а Маршал Советского Союза С. М. Буденный, кроме четырех Георгиевских крестов, имел еще и все четыре степени Георгиевской медали. В русской армии это считалось самой высокой боевой солдатской наградой.

Скупо сохранившиеся источники мало что сообщают нам о ратных делах Рокоссовского в ту пору. Да и сам Константин Константинович, будучи до конца своих дней необычайно скромным и даже застенчивым человеком, не любил рассказывать о своей юности.

Всю осень 1914 года Константин Рокоссовский провел с полком в боях. Он участвовал в кровопролитном сражении под Варшавой в октябре, когда русские войска сумели отбросить рвавшегося к Варшаве противника, вместе с полком молодой драгун атаковал немецкую пехоту под Бжезинами, во время Лодзинской операции, вместе с полком в декабре он оказался в окопах на реке Бзуре. Эти месяцы войны были для него и месяцами учебы. Воевать в драгунском полку было нелегко. Драгуны по своему назначению — род конницы, способной действовать в пешем строю, поэтому от солдат требовалось и умение вести конный бой, и умение сражаться в качестве пехотинцев, что особенно важно было в условиях войны 1914—1917 годов, когда наличие сплошной линии фронта резко ограничивало маневр кавалерии. Константин Рокоссовский быстро познавал солдатскую науку и вскоре в совершенстве владел винтовкой, шашкой, пикой.

Очень много времени и труда у драгун отнимал уход за лошадью. В Каргопольский полк отбирались лошади рыжей масти, а в 6-й эскадрон — наиболее темные из них. Константину Рокоссовскому достался конь с весьма выразительной кличкой — Ад, своенравный, но выносливый. Молодой драгун проводил все свободное время около него, полюбил свою первую лошадь и на всю жизнь сохранил эту любовь к верховой езде и лошадям. Драгун-доброволец старался изо всех сил стать настоящим военным, и скоро в молодцеватом, лихом наезднике и отважном рубаке трудно стало узнать бывшего каменотеса.

Однако в первые месяцы службы Рокоссовский имел возможность убедиться в том, что его представления об армии, о военной службе, почерпнутые из книг, были очень поверхностными. Жизнь оказалась гораздо сложнее и суровее юношеских мечтаний. Дореволюционная армия России была армией глубоких контрастов и противоречий. Между офицерами и рядовыми лежала непреодолимая пропасть, обусловленная происхождением и воспитанием. Наряду с богатыми боевыми традициями в русской армии уживались моральные издевательства над людьми

и мордобой. Это отягощало и без того нелегкую службу драгуна на войне.

Лишь в самом конце декабря 1914 года полк получил передышку. Его отвели в тыл и разместили на отдых в деревне Гач под Варшавой. 2 января 1915 года драгун впервые за пять с лишним месяцев отвели в баню. На следующий день Рокоссовскому разрешили увольнение, и он отправился повидать родных. Не мог тогда Константин Рокоссовский знать, что расстается с ними на многие и многие годы, что военная судьба забросит его далеко, очень далеко от Варшавы и увидит этот город вновь он лишь спустя тридцать лет, в сентябре 1944 года, с противоположного берега Вислы, из Праги, и будет город его юности гореть, подожженный немецкими командами факельщиков.

Две недели драгуны отдыхали, вымылись, вычистились. Но основное время, конечно, было занято строевыми учениями — за месяцы боев выправка драгун ухудшилась, а полковой командир (полком с осени 1914 года стал командовать полковник Петерс) был старым служакой и зорко следил за состоянием полка.

Короток солдатский отдых: с 14 января 1915 года Константин Рокоссовский вместе с эскадроном вновь сидел в окопах на западном берегу реки Бзуры. Лошадей с коноводами оставили на другом берегу: шла позиционная, окопная война. Активных боевых действий на этом участке фронта не было, лишь свирепствовала немецкая артиллерия. Рокоссовский и его товарищи больше всего страдали от мороза. Как назло, во второй половине января он усилился, и в эскадроне появились обмороженные солдаты.

2 февраля каргопольцев сменил 5-й гусарский полк. Предвкушая отдых, шагали в тыл за реку Бзуру драгуны, но долго отдохнуть им опять не пришлось: уже с утра 6 февраля позиции гусарского полка подверглись сильной немецкой атаке, гусары дрогнули, и каргопольцы, вновь в пешем строю, были брошены им на помощь.

К этому времени погода переменилась, наступила сильная оттепель, и на Бзуре началось раннее половодье. Река, в летнее время не достигавшая и 60 метров ширины, а глубиной во многих местах не более полуметра, теперь вдруг мощно разлилась, и мост снесло будто спичечный. Под жестоким артиллерийским огнем в течение нескольких часов лихорадочно вязали плоты. Ввечеру

началась переправа: с высокого правого берега под непрекращающимся обстрелом каргопольцы спускали плоты и немногочисленные лодки, бросались в них, стремясь скорее попасть на противоположный берег, где их товарищи-гусары изнемогали под напором врага. Чем дальше от берега, тем стремительнее становилось течение, тем с большей тревогой глядели на бушующую воду солдаты. Константин Рокоссовский хорошо плавал, но и на него вид взбесившейся реки, несшей льдины и деревья, действовал устрашающе, а в эскадроне было немало людей, не умевших плавать. Уже при подходе к берегу один из плотов, наткнувшись на корягу, перевернулся, и четверо погибли.

Мокрые, усталые, злые, сразу же после выхода на берег кинулись каргопольцы на помощь товарищам и вместе с ними сумели остановить врага. Немцы были вынуждены прекратить наступление и вымещали свою злобу тем, что на протяжении нескольких последующих дней методично громили позиции полка артиллерией. Драгуны несли потери. Досаднее всего было то, что русская артиллерия не отвечала — у нее не было снарядов.

В середине февраля полк сменили. Но и в тылу отдыхать драгунам не приходилось: каждую свободную минуту командиры эскадронов занимались строевой подготовкой, всякого рода учениями. По-прежнему одним из самых прилежных был Рокоссовский, без устали учившийся рубить лозу, вольтижировать, стрелять. 3 марта полк вновь сел в окопы на Бзуре, а после смены и отдыха в начале апреля 1915 года вся 5-я дивизия была переброшена на север, на Западный фронт, в район Поневеж — Шавли. На многие годы Константин Рокоссовский покидал Польшу.

С весны 1915 года на русско-германском фронте развернулись упорные и жестокие сражения. Наряду с наступлением в Галиции и Польше немцы в 1915 году предпринимали попытки захватить Ригу. На этом участке фронта и сражался в 1915 году Константин Рокоссовский.

Эскадроны едва успели выгрузиться под городом Поневежем, что севернее Ковно, как раздался сигнал боевой тревоги. Тут же стало известно, что в нескольких верстах северо-западнее станции находится противник, теснящий наши части. 5-й дивизии ставилась задача контратаковать его и отбросить. Один за другим эскадроны втягиваются в бой. Вот и ротмистр Занкович протяжно,

по-кавалерийски скомандовал: «Шашки вон, пики к бою!» — и эскадрон идет в бой. Тремя полками в конном строю атакует противника дивизия. Стремительно несутся всадники, от топота тысяч конских копыт дрожит земля. У кромки вспаханного поля вражеская кавалерия, пытавшаяся обойти русскую пехоту, начинает поворачивать, стремясь избегнуть столкновения: страшен вид несущихся во весь опор каргопольских драгун. Но поздно. Вырвавшийся вперед 6-й эскадрон в рукопашной схватке рубит немецких кавалеристов.

Дважды скрестил оружие Константин Рокоссовский с врагом во время атаки и дважды вышел победителем.

Бой, однако, еще не был окончен. Впереди, за лощинкой, на небольшом возвышении у редких чахлых кустиков, поспешно разворачивалась артиллерийская батарея противника. Видно было, как лихорадочно действуют артиллеристы, слышно, как кричит офицер. Рокоссовский поискал глазами Странкевича, и, не сговариваясь, они разом пришпорили коней. Вслед за ними рванулись еще несколько драгун, и еще несколько. 6-й эскадрон атакует батарею. Ее прислуга изготовилась уже к стрельбе, слышна команда:

— Фёйер, фёйер!

Стреляет первое орудие, второе... В спешке плохо целятся немецкие артиллеристы, да и слишком близко от них драгуны-каргопольцы. Шрапнель рвется где-то за спинами у атакующих; Константин Рокоссовский пришпоривает коня, верный Ад делает последний рывок, и вот драгун среди вражеских артиллеристов. Падает с разрубленной головой офицер, в ужасе, спасаясь от клинка Рокоссовского, разбегается прислуга, оставляя орудия. Ее настигают товарищи Рокоссовского, и в живых остается только тот, кто вовремя поднял руки. Орудия захвачены в целости, всего по одному разу выстрелили они в противника. Сзади уже звучит труба, сзывая драгун. Бой окончен. За этот бой Константин Рокоссовский был представлен к кресту 3-й степени, но награды не получил.

Лето 1915 года прошло для него в непрерывных сражениях. Кавалерийские налеты чередовались с позиционными боями, азарт атак сменялся горечью отступления. Немецкие войска, технически превосходившие русскую армию, рвались к Риге. Спешенные кавалеристы в окопах на реке Дубиссе по нескольку раз за день отражали ата-

ки врага. Особенно памятен был для каргопольцев день 7 июля. В 5 часов утра немецкая артиллерия обрушила на окопы, занятые полком, сотни снарядов; обстрел продолжался до 9 часов, и окопы были сровнены с землей. Но когда немецкая пехота поднялась в атаку, каргопольцы встретили ее прицельным ружейным огнем и заставили лечь. Еще дважды немцы пытались атаковать и дважды откатывались. Лишь к вечеру по приказу командования Каргопольский полк оставил позиции.

Ожесточенный бой вел Каргопольский полк за местечко и железнодорожную станцию Трошкуны. 19 июля спешенные 3-й и 6-й эскадроны к 8 часам выбили три неприятельских эскадрона со станции Трошкуны, захватить же местечко не могли, так как оно оказалось занятым полком пехоты, кавалерийскими частями с пулеметами. Наступала ночь, командира 6-го эскадрона беспокоила близость неприятельского полевого караула, откуда в любую минуту можно было ожидать нападения. Своими опасениями он поделился с унтер-офицером Ефимом Мешковым.

— Ваше благородие, — ответил тот, — разрешите выбить их оттуда?

— Как же ты их выбьешь? Да и найдутся ли охотники?

— Вы разрешите, ваше благородие, а охотники найдутся.

Охотники действительно нашлись. Выждав, пока темнота ночи опустится над позициями, пятеро охотников — унтер-офицеры Ефим Мешков, Семен Чернов, ефрейторы Семен Фирстов, Тихон Сухоплюев и драгун Константин Рокоссовский — начали подбираться к вражескому полевому караулу. Ползти пришлось долго, зато появление их перед немецким окопом оказалось совершенно неожиданным. В последовавшей рукопашной схватке трое немцев были убиты, а двое бежали. Оказавшись в окопе противника, смельчаки заняли оборону. Когда перед утром немцы пытались вернуться, их встретили ружейные залпы, и окоп остался за драгунами. Едва рассвело, немецкая тяжелая артиллерия начала обстреливать станцию Трошкуны. Ожесточенная канонада длилась весь день, но драгуны на занятых позициях удержались и лишь к вечеру, по получении приказа об отступлении, оставили Трошкуны. Все пятеро смельчаков за поиск в ночь на 20 июля были награждены Георгиевской медалью 4-й степени.

Это была вторая боевая награда драгуна Константина Рокоссовского за год войны.

С 21 июля под напором немцев, наступавших густыми цепями в сопровождении артиллерийского и пулеметного огня, полки 5-й дивизии, которой командовал теперь генерал П. П. Скоропадский, вынуждены были отступать. С переменным успехом бои на этом участке фронта продолжались и в августе — сентябре 1915 года, а с 9 октября полк занял позиции на реке Западной Двине, от деревни Лаврецкой до Буйвеска. Началась позиционная война. Изо дня в день на фронте отмечалась лишь редкая ружейная перестрелка, изредка немецкая или русская батарея посылали четыре-шесть снарядов на позиции противника — и все. Каргопольский полк, поочередно с 5-м Донским казачьим, находился на этих позициях вплоть до лета 1916 года.

За год войны Константин Рокоссовский привык, втянулся в службу. К тому же теперь он был не совсем одинок — в августе 1915 года в Каргопольском полку появился еще один представитель фамилии Рокоссовских — двоюродный брат Константина, Франц Рокоссовский. Братья, несмотря на разницу в возрасте (Франц был на несколько лет старше), дружили до войны и переписывались после ухода Константина в армию. Младший брат в письмах подробно рассказывал о службе, и, когда в августе 1915 года русские войска вынуждены были оставить Варшаву, Франц Рокоссовский ушел с ними на восток, поступил добровольцем в Каргопольский полк и был зачислен в тот же 6-й эскадрон. Теперь братья вместе сидели в окопах на берегу Западной Двины.

Ни немцы, ни русские на протяжении этого года здесь, на Западной Двине, решительных действий не предпринимали, лишь изредка проводились поиски разведчиков. Для таких поисков в дивизии из лучших, храбрейших солдат-добровольцев был создан партизанский отряд. Традиции партизанской войны всегда были сильны в русской армии, но в позиционной первой мировой войне последователям Дениса Давыдова действовать было куда как труднее, чем на Смоленской дороге в 1812 году. Мрачные ряды колючей проволоки... Пулеметы... Сплошная линия окопов. И ночь теперь не всегда укрывала смельчаков: у немцев появились осветительные ракеты.

Одним из первых охотников в партизанский отряд

вызвался ефрейтор Константин Рокоссовский (13 августа 1915 года его произвели в ефрейторы). Вместе с ним пошел и Вацлав Странкевич. На протяжении зимы и весны 1916 года многократно пересекали Двину разведчики и почти всегда возвращались с трофеями и пленными.

Утром 6 мая 1916 года низкие тучи плыли над Западной Двиной, и, когда команда разведчиков начала переправу у фольварка Ницгаль, стал моросить мелкий дождь. То ли место переправы было выбрано очень удачно, то ли дождь притупил бдительность немецких патрулей, но только переправиться драгунам удалось незамеченными. Выйдя на берег, командир разведки выделил в дозор на правый фланг четверых: младшего унтер-офицера Константина Макшецкого, ефрейторов Константина Рокоссовского, Густава Лавцевича и драгуна Ивана Савельева. Осторожно, держа наготове винтовки, двинулся вперед дозор: не успели пройти и сотни шагов, как на болотистой лужайке лицом к лицу столкнулись с вражеской заставой. Шестеро немцев явно не ожидали встречи, и выстрелы драгун застали их врасплох. После первого же залпа трое немцев были убиты, а остальные бросились бежать, но уйти удалось лишь одному. В то же время стрельба началась и левее, там, где находились остальные разведчики. Подобрав оружие врагов, дозор по команде Макшецкого стал возвращаться. И вовремя: преследуемые немецким отрядом разведчики уже отступали к берегу. Отстреливаясь на ходу, драгуны попрыгали в лодки и вскоре благополучно достигли своего берега. За эту успешную разведку Константин Рокоссовский, так же как и его товарищи, получил Георгиевскую медаль 3-й степени.

В партизанском отряде Константин Рокоссовский познакомился и сблизился с унтер-офицером 5-го эскадрона Адольфом Казимировичем Юшкевичем. Литовец, уроженец Вильно, Юшкевич был на семь лет старше Рокоссовского и служил в полку с 1910 года. Еще до войны он успел окончить учебную команду и школу подрывников. Старший по возрасту, Юшкевич был интересен Рокоссовскому не только благодаря характеру и опыту военной службы — Адольф имел свои собственные представления о войне, о том, кому она нужна и что следует делать солдатам. Знакомство и дружба с Юшкевичем сыграли немалую роль в том, что в 1917 году Рокоссовский избрал революционный путь и навсегда связал свою жизнь с

большевиками. Впоследствии, в годы гражданской войны, старший товарищ и друг помог становлению молодого командира Красной Армии Константина Рокоссовского.

Наиболее памятным каргопольцам столкновением с врагом в этот период был поиск в ночь на 19 июня 1916 года. За долгие месяцы, проведенные в окопах над Двиной, расположение противника было изучено ими достаточно подробно. Охотников для участия в поиске хватало; среди них были и Рокоссовский с Юшкевичем, только что возвратившиеся в полк из партизанского отряда.

В 11 часов вечера от пяти различных мест берега отошли лодки с драгунами и быстро пересекли реку. Первая и вторая партии успеха не имели: сразу же по высадке на вражеский берег их обнаружили немцы, и пришлось возвратиться. Третья партия драгун не смогла преодолеть проволочные заграждения. Наиболее успешной оказалась вылазка драгун 6-го эскадрона.

Июньская ночь была свежей и тихой; когда в 11 часов вечера лодка с разведчиками отошла от берега, с неприятельской стороны немедленно раздалось несколько выстрелов. Находившийся на берегу ротмистр Занкович велел остановиться. Напряженно ждали и в лодке и на берегу: прошло минут двадцать. Немцы больше не стреляли, и лодка, гребцы которой старались грести быстро и бесшумно, двинулась к левому берегу Двины. Через десять минут она была уже там. Вновь раздалось несколько ружейных выстрелов, по-видимому случайных, вскоре стрельба прекратилась. Над рекой стояла тишина. Выждав, пока немцы успокоятся, драгуны двинулись вперед и сразу же убедились, что в этом месте берег очень топкий и пройти не удастся. Пришлось обходить болото. Медленно, осторожно подбирались разведчики к проволочным заграждениям. Наконец они их достигли и стали резать проволоку специально припасенными ножницами. Одновременно командир выделил на левый фланг дозор из двух драгун. Правый фланг прикрывало болото. Очевидно, шум привлек внимание солдат двух немецких караулов, находившихся за проволочными заграждениями. В небо одна за другой поднялись три ракеты, немцы открыли ружейный огонь и стали бросать гранаты. Драгуны продолжали резать проволоку, а прапорщик Воскресенский и Константин Рокоссовский бросили в полевой немецкий караул по две гранаты. По всей ве-

роятности, гранаты попали в цель, так как стрельба оттуда прекратилась, и драгуны продолжали резать проволоку, добравшись уже до третьего ряда. В это время дозорные донесли, что слева разведчиков обходит отряд немцев в 30—40 человек. Прапорщик приказал всем разведчикам собраться к левому флангу, рассыпаться в цепь и ждать. Как только немецкие солдаты приблизились, драгуны открыли ружейный огонь и стали бросать гранаты. Немцы залегли, в небо полетели ракеты, ответный огонь усилился. Несмотря на это, драгуны сумели сесть в лодку и под сильным ружейным огнем без потерь переправиться. В половине первого они были уже на своем берегу. За этот поиск награды получили многие каргопольцы.

В начале июля 1916 года Каргопольский полк отвели в тыл; находился он там довольно долго — до 21 ноября. Все это время офицеры изводили солдат учениями и смотрами. В конце октября значительное количество драгун было переведено в 1-й запасной кавалерийский полк. В учебную команду полка попал и Костантин Рокоссовский. Начальство, давно уже заприметившее храброго, старательного и грамотного драгуна, резонно предполагало, что из этого 20-летнего георгиевского кавалера должен получиться хороший унтер-офицер.

Учиться было нелегко. Боевая подготовка в учебной команде была поставлена образцово, но вместе с тем за малейшим упущением тотчас же следовало дисциплинарное взыскание, нередко связанное с моральным оскорблением и рукоприкладством. Тем не менее пребывание в учебной команде многое дало Константину Рокоссовскому. Вероятно, он вполне мог бы присоединиться к мнению Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который примерно в то же время, в 1916 году, закончил учебную команду другого запасного полка: «Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октябрьской революции стали квалифицированными военачальниками Красной Армии».

Пока Константин Рокоссовский находился в учебной команде, Каргопольский полк сидел в окопах на берегу Западной Двины. Шел третий год войны, солдаты изны-

вали от тоски, от опостылевших окопных будней. Тоскливое настроение усугубляли письма, приходившие из дому, — и в деревне и в городе жить становилось все труднее. Солдаты в массе своей еще не могли понять, что положение в армии отражало общее положение в Российском государстве: развал хозяйства, хотя отдельные предприниматели и наживались на войне, разложение правящей верхушки, нарастание революционного подъема. В этой империалистической, захватнической с обеих сторон войне армия такого государства, каким была Российская империя к 1917 году, не могла одержать победы.

Наиболее грамотные, наиболее развитые солдаты начинали постепенно размышлять о войне, и перед Рокоссовским все чаще вставал вопрос: почему все это происходит, кому нужна война?

Трудно было драгунам, даже и таким грамотным и начитанным, каким был Рокоссовский, разбираться в сложных политических вопросах, трудно им было уяснить империалистический характер войны. Приходя постепенно к убеждению, что так продолжаться не может, они весьма смутно представляли себе, что же надо делать. Рокоссовский уже давно вел долгие беседы с Юшкевичем. От Юшкевича он снова услышал о большевиках. И это слово, запретное, опасное, впервые услышанное еще в Варшаве, все чаще стало повторяться в разговорах друзей.

На фронте между тем изредка, то на одном, то на другом участке, вспыхивала пулеметная и ружейная стрельба. Иногда появлялся аэроплан, русский или немецкий, и по нему открывала огонь артиллерия, всегда безуспешно. Зима 1916/17 года в Прибалтике выдалась холодная, морозы сменялись метелями. Чтобы не обморозиться, часовые на постах должны были чередоваться каждые один-два часа. Треть эскадрона сидела в окопах, остальные, ожидая своей очереди, грелись в землянках. В феврале 1917 года полк переформировали — теперь в нем осталось только четыре эскадрона. Рокоссовский, Юшкевич и Странкевич попали в 4-й эскадрон.

Монотонность окопной жизни нарушали только вылазки разведчиков. По крепкому в эту зиму льду Западной Двины переходили они на неприятельскую сторону, подбираясь к немецким окопам, забрасывали вражеские караулы гранатами. Иногда подобные вылазки предпри-

нимали и немцы. По возвращении из учебной команды в поисках стал участвовать и Рокоссовский. 29 марта командир полка Дараган произвел его за боевые отличия в младшие унтер-офицеры.

Март 1917 года, однако, памятен для солдат фронта, как и для всей страны, другими событиями. Уже давно, с конца 1916 года, среди солдат ходили слухи об убийстве Распутина, о бунте матросов на Балтике, толком же никто ничего не знал — солдаты были отрезаны от политической жизни страны, офицеры старались всемерно поддерживать эту изоляцию, поэтому немудрено, что известие о происшедшей в России революции достигло драгун с опозданием (полк в то время находился в тылу). В канцелярии полка первые сведения о событиях в столице были получены уже 2 марта, а 4 марта пришел и текст отречения Николая II от престола, но лишь во второй половине дня 5 марта полк в конном строю был созван, и полковник Дараган прочел акт об отречении, добавив от себя лишь несколько слов. Видно было, что полковник не знает, что и говорить по такому необыкновенному случаю.

Зато солдаты рассуждали на эту взволновавшую всех тему очень много: что же будет теперь, раз в России не стало царя? И скоро ли кончится война?

Через день полк сменил на позиции по берегу Двины александрийских гусар. По-прежнему на фронте — лишь редкая ружейная перестрелка, но в окопах теперь оживление. Солдаты целыми днями спорили, пытаясь разобраться в событиях, а сделать им это было очень нелегко как потому, что многое они в силу своей политической неграмотности не понимали, так и потому, что газеты попадали в окопы с опозданием и перерывами. Нередко за разъяснениями они обращались к Константину Рокоссовскому, как грамотному и начитанному человеку. Однако и ему разобраться во всем было очень трудно. В ту пору его знакомство с требованиями политических партий ограничивалось сведениями, почерпнутыми во время пребывания в тюрьме Павиак. Лишь постепенно Рокоссовский и большинство драгун научились ориентироваться в политической ситуации, понадобилось время, чтобы имя Ленина стало знакомо всем драгунам полка.

В бурные месяцы 1917 года у Рокоссовского зрело окончательное решение. Все то, что он, рабочий парень, видел в довоенной жизни, все то, что он, солдат, пережил

за годы, проведенные в окопах империалистической войны, все то, что он узнал в это нелегкое для него и его товарищей время, все это помогло ему принять окончательное решение. В сознании Рокоссовского медленно, но неуклонно происходил тот же процесс, что и в сознании большинства трудового народа страны, процесс, заставивший сделать вывод: существующий порядок вещей нужно изменить, причем изменения эти должны быть коренными и всеобъемлющими. О таких изменениях, о такой перестройке говорили представители только одной партии — партии Ленина, партии большевиков. И в конце 1917 года Рокоссовский сделал выбор — он пошел за большевиками.

События следовали между тем одно за другим. 8 марта был получен приказ об отмене звания «нижний чин» и необходимости титулования офицеров. 9 марта в полку выбирали делегатов (по четыре человека от эскадрона) для беседы с членами Государственной думы. 10 марта думцы беседовали с делегатами полка в Якобштадте, убеждая солдат вести войну до победного конца и поддержать Временное правительство. 11 марта полк присягнул этому Временному правительству, 12-го прибыл приказ о выборах солдатских комитетов и т. д.

С середины марта наступила сильная оттепель, в окопах появилась вода, она поднялась и поверх льда на Двине. 21 марта каргопольцев сменили гусары, и уже на следующий день состоялись выборы солдатских комитетов в эскадронах. 4-й эскадрон избрал подпрапорщика Василия Малова и драгуна Михаила Шилкина, известных своей опытностью и рассудительностью. В эскадронах и командах полка постоянно шли митинги, на которых страстно обсуждались вопросы, ранее подспудно волновавшие солдат и теперь прорвавшиеся: «Что делать с землей? Как быть с войной?»

Офицеры стремились убедить драгун в неизбежности продолжения войны, в необходимости драться до победы. Этой теме, к примеру, был посвящен «день объединения драгун и улан», состоявшийся на пасху, 3 апреля. В полдень драгуны под звуки хора трубачей, игравших «Марсельезу», во главе с офицерами и чинами полкового комитета с красными плакатами двинулись к месту расположения улан. Около штаба уланского полка состоялось собрание, говорилось много речей как офицерами, так и солдатами. Основными их темами были «война до

победного конца» и «демократическая республика». Затем совместно с уланами манифестация возвратилась в расположение драгун, где снова произносились речи и здравицы.

21 апреля перед каргопольцами с речью выступил вновь назначенный командир дивизии генерал Великопольский, убеждавший солдат вести войну до победного конца, «чтобы не погубить народившуюся в России свободу». Генерал призывал солдат и офицеров уважать друг друга, правильно понимать свои права и обязанности и так далее.

Желание выяснить для себя насущные вопросы политической жизни было характерным вообще для всех фронтовиков весной 1917 года, и солдаты могли часами слушать представителей различных политических партий, принимая, например, резолюции, подобные следующей, одобренной эскадронным комитетом 19 мая 1917 года: «В целях ознакомления с программами партий и выяснения многих интересующих ныне вопросов, на основании инструкции комитету ходатайствовать о присылке в полк представителей главнейших, но различных партий, для всестороннего освещения политической жизни страны и идей, этими партиями проповедуемых. Представители партии анархистов-коммунистов бесполезны и нежелательны».

Постепенно драгуны учились определять свои политические симпатии, в полку появились убежденные сторонники партии большевиков. Среди них самым энергичным был унтер-офицер Иван Тюленев (в будущем видный советский военачальник, генерал армии). В эскадронах стали появляться признаки грядущего столкновения офицеров и рядовых драгун.

Еще в конце апреля 4-й эскадрон подал в полковой комитет заявление на своего командира подполковника Занковича, требуя его удаления с поста командира эскадрона. Причиной конфликта был следующий инцидент. По приказанию командира эскадрона в 9 часов утра драгуны выстроились для того, чтобы следовать на смотр, устроенный командиром полка. Занкович подъехал к выстроившемуся эскадрону, поздоровался. Драгуны ответили на приветствие. Вдруг Занковичу бросилось в глаза, что над 1-м взводом несколько солдат держат красный флаг, на котором было написано: «Да здравствует свобода!» Это вызвало гнев офицера.

— Кто приказал взять флаг? По чьему приказанию его взяли с собой? — стал кричать он. — Я не поведу эскадрон, если этот флаг не будет убран!

Вмешался председатель эскадронного комитета, и флаг убрали. Воодушевленный этой победой, подполковник подъехал к драгуну Федору Чубу, находившемуся в строю рядом с Рокоссовским, и приказал ему снять приколотый к груди красный бант. Чуб неохотно повиновался. Тогда, обращаясь к эскадрону, Занкович заявил:

— Чтобы на занятиях никаких красных бантиков не было и впредь я их бы не видел! Ни на солдатах, ни на лошадях!

Описывая происшедшее в заявлении, солдаты жаловались (стиль и орфография подлинника): «Не желая обострять отношения, мы с болью в сердце и со слезами на глазах должны были удалить эти знаки добытой дорогой ценой свободы, так долго находящейся в руках деспотов и буржуазии».

Полковой комитет при рассмотрении жалобы натолкнулся на сопротивление командира полка Дарагана, защищавшего Занковича, и потому решения не принял. Дело было передано в дивизионное совещание, которое постановило: «Считая поступок подполковника Занковича не соответствующим духу времени и нетактичным, удалить в резерв чинов». 4-м эскадроном стал командовать штаб-ротмистр Газалиев, который, в общем, ладил с солдатами.

Подобные инциденты происходили и в других эскадронах. Все более и более внимательно прислушивались теперь драгуны, а среди них и Рокоссовский, к голосам большевиков, призывавших покончить с надоевшей, продолжавшейся уже три года войной.

До 15 июня 1917 года Каргопольский полк по-прежнему занимал позиции на Западной Двине. Затем его отвели в тыл и лишь 15 августа вновь возвратили на позиции. Дело в том, что немецкое командование предприняло в районе Риги наступательную операцию, имевшую целью захват этого города. С 19 августа Каргопольский полк в последний раз в своей истории принимал участие в боях, прикрывая отступление пехоты и обозов. К вечеру 21 августа 4-й эскадрон, находившийся в арьергарде полка, был обстрелян немецкой пехотой у деревни Вольдерау. Эскадрону было приказано задержать противника. Спешившись, драгуны залегли в цепь и ружейным огнем

остановили врага. Однако немецкие кавалеристы обошли эскадрон, и ему пришлось бы плохо, если бы на помощь не поспешили драгуны 1-го эскадрона, атаковавшие немцев. Рокоссовскому и товарищам удалось вырваться из окружения.

В ночь на 22 августа полк в пешем строю занял позицию у корчмы Планут, чтобы воспрепятствовать продвижению немцев по дороге. Позиции драгун подвергались артиллерийскому обстрелу. Тяжелые орудия немцев начали громить окопы. Русская артиллерия не отвечала. Позицию у корчмы Каргопольский полк удерживал до 5 часов вечера, дав тем самым возможность отступить пехоте и обозам.

23—24 августа каргопольцы упорно сражались на позиции у станции Зегевольд, и в ходе этих боев 4-й эскадрон неоднократно сталкивался с немцами. К вечеру 23 августа полк в полном составе контратаковал немецких кавалеристов. В рукопашной схватке вырвавшийся вперед младший унтер-офицер Константин Рокоссовский зарубил двух немецких драгун и стал преследовать третьего. Внезапно у того упал конь. Всадник тут же вскочил и, сорвав со спины карабин, дрожащими руками стал рвать затвор.

— Бросай оружие! — свирепо закричал Рокоссовский, и немец отшвырнул непослушный карабин, но тут же был ранен кем-то из налетевших драгун. Беспричинное бешенство овладело Рокоссовским, он отбил «своего» немца, и тот, держась за стремя, поплелся в плен.

Приближалась ночь. Драгуны остановились у местечка Кроненберг и готовились к ночевке, когда ротмистр Газалиев вызвал охотников идти в разведку. Вызвались трое: младшие унтер-офицеры Константин Рокоссовский и Владимир Скоробогатов и драгун Михаил Шляпников.

— Позади нас никого, наверно, нет, — сказал им Газалиев, — все уже отступили. Пехота, черт бы ее побрал, просто бежит! А немцы продолжают двигаться. Поедете по шоссе и постараетесь узнать, далеко ли они.

Ночь была темна — хоть глаза выколи. Медленно и осторожно ехали по шоссе драгуны. Не сделали они и двух верст, как Рокоссовский придержал коня.

— Стойте! — Впереди, и очень недалеко, слышался мерный шум шагов, что-то позвякивало, бренчало.

— Они! — прошептал Шляпников.

— Что делать? — пробасил Скоробогатов. — Дальше боязно, напрямки к ним въедем!

— Подождем, — решил Рокоссовский, — а потом посмотрим.

Драгуны замерли. Шум приближался, и все явственнее можно было различить топот кованых немецких сапог. Когда до врага оставалось не более двухсот шагов, Рокоссовский прошептал:

— Готовсь! — И тут же лихой свист пронзил воздух.

Несколько мгновений было тихо, но вслед за тем и на шоссе, и слева, и справа от него замелькали вспышки выстрелов, засвистели пули, в небо поднялась осветительная ракета. Но драгуны уже во весь опор скакали прочь. Все было ясно: немецкая колонна продолжала движение по псковскому шоссе.

За разведку под местечком Кроненберг в ночь на 24 августа 1917 года Константин Рокоссовский в четвертый раз был представлен к георгиевской награде. Получить Георгиевскую медаль 2-й степени ему не пришлось: приказ о награждении был отдан к концу декабря 1917 года, а к этому времени не существовало ни старой армии, ни старых знаков отличия. Сам же Константин Рокоссовский в декабре 1917 года был уже красногвардейцем.

Участием в рижской операции завершилась боевая история Каргопольского полка; 25 августа его, как и всю 5-ю дивизию, отвели в тыл. Полку предстояло пережить еще несколько бурных месяцев. Приближались события, имевшие решающее значение для судьбы нашей страны. На фронте, как и в тылу, на бесчисленных солдатских митингах все острее вставали вопросы, занимавшие всех без исключения: о мире, о земле, о власти. Все громче среди солдатских масс звучали слова представителей партии Ленина — партии большевиков, призывавших разрешить эти вопросы революционным путем. И все внимательнее прислушивался к словам большевиков Константин Рокоссовский.

За три с половиной года, проведенных в армии, Каргопольский полк стал ему родным. Давно, с момента расставания с Польшей, он не получал вестей от родственников из Варшавы. Одни драгуны хоть изредка имели возможность отправиться в краткосрочный отпуск, другим, как Странкевичу, присылали письма, иногда денежные переводы (10—15 рублей). Всего этого Константин

Рокоссовский был лишен. Полк был теперь для него и родиной и домом, товарищи по оружию заменяли родных. А относились товарищи к Рокоссовскому и с любовью и с уважением. В годы первой мировой войны, в суровых боевых буднях складывается, формируется, крепнет и закаляется характер Рокоссовского: сдержанный, спокойный, уверенный, лишенный позы, бахвальства. В то же время, несмотря на тяготы и ужасы войны, которая нередко огрубляет душу человека, Рокоссовский сохраняет на всю жизнь доброжелательность, стремление понять человека, войти в его положение, что впоследствии иногда воспринималось и людьми, его окружавшими, и его начальниками как мягкость характера. Некоторые люди склонны видеть сильную волю в жестокости, а твердый характер в грубости. Но вот Рокоссовский, обладая и волей и характером, с юных лет и всю жизнь начисто был лишен и жестокости и грубости в отношении подчиненных. Да и не только подчиненных.

В полку Константина Рокоссовского любили. Все в нем вызывало расположение окружающих: и внешний вид стройного, высокого, широкоплечего драгуна, и храбрость, и даже удаль, сочетающаяся со сдержанностью и уверенностью, и немалая образованность, начитанность, что для солдат русской армии тогда было редкостью. Драгуны полка выбирают в 1917 году Константина Рокоссовского в эскадронный, а затем и в полковой комитет. Как один из самых заслуженных георгиевских кавалеров, Рокоссовский в октябре 1917 года был избран в полковую георгиевскую думу и выполнял там обязанности секретаря. В вихре событий, в постоянных спорах зреет в нем решение, определившее всю его дальнейшую жизнь.

Огромную роль в жизни Рокоссовского, как и в жизни всего нашего народа, сыграло Октябрьское вооруженное восстание, в результате которого в стране установилась Советская власть. Собравшийся в это же время в столице II Всероссийский съезд Советов по докладу Ленина принял ряд исторических декретов, определивших дальнейшую судьбу страны: о мире, о земле, о власти. Большинство населения России, как в тылу, так и на фронте, с одобрением отнеслось к решениям II съезда Советов и развернуло борьбу за их осуществление. Уже вечером 25 октября, получив сигнал о восстании в Петрограде, Военно-революционный комитет 12-й армии (в нее и входила 5-я кавалерийская дивизия) издал манифест,

в котором говорилось: «Настал решительный час! Началась борьба за переход всей власти в руки самого народа... Мы, революционные солдаты, должны быть сильны, чтобы наши братья на улицах Петрограда могли быть уверены в нас... Нужно полное спокойствие и организованность. Военно-революционый комитет призывает вас к этому! Избегайте всяких неорганизованных выступлений. Не забывайте, что мы ведем борьбу на два фронта. Но вместе с тем не выполняйте приказов и распоряжений контрреволюционных штабов о передвижении частей, если эти приказы не подписаны Военно-революционным комитетом».

С воодушевлением встретили каргопольцы II Всероссийский съезд Советов и его решения. Это ярко засвидетельствовано в резолюции полкового комитета, принятой им 24 октября 1917 года и начинавшейся словами: «Шлем свой искренний привет II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов!» Драгуны-каргопольцы выполняли и вышеприведенное указание ВРК 12-й армии. Когда в ноябре 1917 года фронтовое командование предприняло попытку убрать с фронта сотни 5-го Донского казачьего полка, намереваясь использовать их против революционных сил, драгуны воспротивились этому намерению, отказавшись сменить казаков. 19 ноября драгуны 4-го эскадрона единогласно вынесли резолюцию относительно смены казаков с постов летучей почты: «Приказания этого эскадрон не исполнил ввиду его подозрительности. Постановили: никакой смены казаков в тыл не давать». В тот же день состоялось и общее собрание драгун полка, носившее весьма бурный характер и завершившееся принятием резолюции, в которой было заявлено: «Со дня устранения Духонина с поста верховного главнокомандующего и объявления его врагом народа полк Духонина не признает».

Большевистское требование — мир на базе победившей Советской власти — нашло горячий отклик среди солдат Северного фронта. Драгуны-каргопольцы также считали, что еще не пришло время покинуть фронт. 9 ноября на общем собрании 4-го эскадрона после многочисленных выступлений, среди которых была и короткая речь Рокоссовского, последовало решительное: «Ввиду опасности со стороны противника, мы считаем беспричинный самовольный уход частей с позиций или резервов недопустимым». Теперь солдаты сами выступали за сохранение по-

рядка и дисциплины, резонно считая себя ответственными за судьбы страны, и осуществляли тем самым позицию партии большевиков, позицию Ленина, писавшего, что «мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня... Мы — за защиту Советской социалистической республики России» [1].

Уже с октября 1917 года вся власть в решении вопросов полковой жизни принадлежала полковому комитету. Офицеры были отстранены от командования и, чувствуя постоянно растущую враждебность драгун, под всяческими предлогами стремились покинуть полк. Командовал полком теперь председатель комитета полковой каптенармус А. Иванькин. Командир 4-го эскадрона штаб-ротмистр Газалиев ушел в отпуск еще 11 октября и через семь недель, отведенных ему на отпуск, в полк не возвратился. Это обстоятельство было предметом горячих обсуждений на собраниях эскадрона, в результате которых решено было избрать командиром эскадрона старшего унтер-офицера, полного георгиевского кавалера Василия Стафеева, любимого и уважаемого драгунами. Офицеров же, еще оставшихся в эскадроне, «так как они, офицеры, интересы солдат не защищают», решено было распределить по взводам по одному в каждый взвод, отобрав, разумеется, у них денщиков и вестовых.

Согласившись на это, офицеры воспользовались первым подходящим случаем, чтобы бежать из полка. Дольше всех пробыл в эскадроне поручик Ясинский. Оставленный во взводе, он постоянно спорил с драгунами, презрительно высказываясь о большевиках и новых порядках в полку. 15 декабря Ясинского поставили на пост, с которого он ушел и попытался скрыться, был задержан латышскими стрелками и под конвоем возвращен в полк. На вопрос В. Стафеева, почему он покинул пост, Ясинский ответил:

— Я не желаю служить изменникам-большевикам, и вы меня не держите, все равно убегу.

После этого разговор принял горячий характер, и в конце концов один из драгун разрядил в Ясинского свой карабин. На следующий день, 19 декабря, этот инцидент был рассмотрен на собрании 4-го эскадрона, где присутствовали 85 человек, все, что осталось к тому времени от эскадрона. Было решено: «Настоящим постановлением

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 395.

устанавливается и подтверждается свое решение, принятое 18 декабря с/года о произведенном суде над бывшим поручиком Ясинским. Как радикальную меру пресечь его контрреволюционную деятельность эскадрон признает правильность лишения его жизни, что было произведено в исполнение вышеуказанного числа».

Таковы были суровые законы начинавшейся гражданской войны, и в этой войне каждый должен был определить свою позицию, встать на ту или другую сторону. И драгуны Каргопольского полка делали выбор. Еще в начале декабря эскадрон покинули Странкевич и Франц Рокоссовский — вместе с группой драгун-поляков они отправились в польский легион, формировавшийся тогда польскими националистическими лидерами. Двоюродный брат и Странкевич долго и упорно уговаривали Константина Рокоссовского оставить полк и уехать вместе. Но все уговоры были тщетны. Пути Странкевича и Рокоссовского, старых боевых товарищей, навсегда расходились. Классовые интересы оказались сильнее узконационалистических. Уже в ранней юности Рокоссовский начал осознавать единство исторических судеб русского и польского народов, поступил в полк и провел три года в огне империалистической войны. В армии он прошел школу боев, постиг боевые традиции лучшей в мире русской конницы. Он полюбил военную службу, почувствовал, что в ней его призвание. Теперь, в конце 1917 года, дореволюционная армия уходила в небытие. Большевики, идеи которых отныне он полностью разделял, собирались перестроить всю жизнь страны, они намеревались создать новую, рабоче-крестьянскую армию. В России, теперь уже в Советской России, в октябре 1917 года родился новый общественный строй. Эта новая Россия нуждалась в защитниках, и с ней связал всю свою жизнь Константин Рокоссовский.

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

Пятый драгунский Каргопольский полк доживал последние недели. Почти ежедневно полковой писарь каллиграфическим почерком выводил длинные списки драгун, не вернувшихся из отпуска, демобилизованных, а то и просто самовольно покинувших полк и потому подлежавших снятию с довольствия. Среди оставшихся шли ожесточенные споры о том, что же делать дальше. Многие были склонны считать, что следует, не дожидаясь заключения мира, бросить службу и возвратиться в родные деревни и села, где вот-вот должен был начаться или уже шел раздел помещичьих земель. Но было немало и таких, которые видели, что рано еще расставаться с оружием, что оно еще не раз пригодится. Среди последних был и Константин Рокоссовский.

О возвращении в Варшаву не могло быть и речи: уже два с половиной года она пребывала во власти германских оккупантов, и судьба находившихся там родственников оставалась неизвестной. «Дома» у Константина Рокоссовского не было. А главное, к этому времени он окончательно встал на сторону большевиков. Он был уверен, что боевой опыт, приобретенный им за годы первой мировой войны, очень скоро пригодится для защиты Советской республики.

Обстановка, сложившаяся в ту пору в стране, подтверждала это убеждение. Военное положение Советской России было очень напряженным и сложным: несмотря на то, что Советское правительство одним из первых своих декретов — Декретом о мире — выразило непреклонное намерение покончить с войной, бывшие союзники России — Великобритания, Франция, США — не пожелали вступить в мирные переговоры. Более того, их дипломатические представители недвусмысленно дали понять новому правительству России, что страны Антанты не остановятся перед вооруженной интервенцией, если оно заключит мир с Германией и Австро-Венгрией. С другой стороны, Совет-

ское правительство не могло рассчитывать (как и показали дальнейшие события) на миролюбие Германии и Австро-Венгрии, хотя эти государства и согласились на установление перемирия и вели переговоры о мире. Никто не мог гарантировать, что грозный враг, находившийся так близко от Петрограда и продолжавший держать на фронте десятки дивизий, не воспользуется трудной военной обстановкой революционной России и не начнет наступление с целью разгрома Советской власти.

В то же время, уже в первые недели своего существования Советское правительство столкнулось с выступлениями внутренних врагов: на Украине лихорадочно готовила свои формирования националистическая Центральная рада, на Дону атаман Каледин поднял мятеж, в оренбургских степях казачьи отряды атамана Дутова сражались с красногвардейцами, и можно было с твердой уверенностью предположить, что эти враги большевизма найдут поддержку как у бывших союзников России, так и у Германии и Австро-Венгрии. Наличие многочисленных внешних и внутренних врагов ставило Советское правительство перед необходимостью создания новой армии. Состояние старой армии делало невозможным использование ее частей в боевых операциях. Поэтому уже в декабре 1917 года решено было приступить к формированию, строго на добровольных началах, Красной Армии. В тот период ее часто именовали Красной гвардией. Предполагалось широко привлекать в Красную гвардию и солдат из полков старой армии. В декабре 1917 года вступали в Красную гвардию и каргопольские драгуны.

Собрание 4-го эскадрона открыл председатель полкового комитета А. Иванькин:

— Товарищи драгуны! Поступила телеграмма комиссара 1-го кавалерийского корпуса матроса товарища Семачева. Прошу внимания. — И председатель стал читать:— «На основании полученного приказа от Главковерха предлагаю немедленно приступить к записи на местах в добровольческие полки Красной революционной гвардии...»

Последние слова Иванькина были покрыты гулом голосов. Кто-то из драгун выкрикнул:

— Долго ли служить?

— Мы, товарищи, — стал объяснять Иванькин, — запрашивали разъяснений, и нам ответили, что красногвардейцы при поступлении в отряд должны дать торжественное обещание пробыть на службе шесть месяцев.

— А с кем будем воевать? — послышался хриплый голос одного из драгун.

— Большевики ни с кем воевать не хотят, да сами знаете: и немцы грозятся, и внутренняя контра не дремлет.

— Жалованье сколько положат?

— В месяц пятьдесят рублей. Может, товарищи, кто-нибудь выступит? Кто хочет?

С места поднялся Адольф Юшкевич. Говорить речи он не умел, но решительность и убежденность его была такова, что произвела большое впечатление на слушающих. Настроение драгун было сочувственным, и когда Иванькин предложил начать запись добровольцев, их оказалось более 30 человек. В списке пожелавших вступить в Красную гвардию рядом с фамилией Юшкевича появилась и фамилия Рокоссовского.

Новые красногвардейцы расстались с полком не сразу. Вместе с полком они в конце декабря 1917 года были отправлены в тыл. Для Константина Рокоссовского начинался путь военных странствий по просторам России, приведший его через несколько лет от западных границ к пескам пустыни Гоби.

Более недели тащились эшелоны из Латвии на восток, более недели смотрел Константин Рокоссовский на медленно проплывавшие мимо русские деревни и села. Впоследствии много раз во время поездок по стране приходилось глядеть ему на бескрайние русские поля и леса, но в эту свою первую поездку по России он испытывал совершенно особые ощущения.

Последней в истории Каргопольского полка стоянкой оказалась станция Дикая, что в 25 верстах к западу от Вологды. Здесь полк пробыл до окончательного расформирования в начале апреля 1918 года. 7 апреля состоялось последнее прощальное заседание полкового комитета, после которого последний руководитель полка А. Иванькин, имевший, как видно, склонность к поэзии, занес в последний протокол следующие слова: «Итак, Каргопольский полк, просуществовав около 211 лет, выйдя от грани абсолютизма и дойдя до грани социализма в эпоху полной хозяйственной разрухи и народного бедствия, умер. Слава и честь ушедшему в вечность славному Каргопольскому полку!»

Да, Каргопольский полк перестал существовать, но многие его солдаты в разных концах России продолжали нести службу, и Каргопольский красногвардейский отряд,

в который вошло около сотни бывших драгун, уже в январе — феврале 1918 года активно включился в борьбу с врагами Советской власти. Командные должности в Красной гвардии тогда были выборными, и каргопольцы избрали своим командиром Адольфа Юшкевича. Константина Рокоссовского, пробывшего в отряде несколько недель рядовым, товарищи избрали на должность помощника командира отряда. Это была его первая командная должность в Красной Армии.

В начале 1918 года в распоряжении Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов имелось лишь несколько небольших красногвардейских отрядов из рабочих города, поэтому появление каргопольцев, опытных солдат-кавалеристов, оказалось очень кстати. Обстановка в Вологде в это время сложилась крайне напряженная, и работы красногвардейцам хватало. Помимо охранной службы, им приходилось постоянно вести борьбу с контрреволюционными выступлениями.

В первых числах февраля 1918 года в Вологодский Совет поступило известие, что к Вологде по железной дороге продвигается несколько так называемых «буйных» эшелонов с демобилизованными солдатами — явление, характерное для того времени. Возвращавшиеся с фронта солдаты, попав под влияние анархистов и деклассированных элементов, нередко становились угрозой для тех, кто имел несчастье повстречаться им на пути. Располагая оружием, которое, как правило, при демобилизации не изымалось, и пользуясь тем, что далеко не повсюду молодая Советская власть имела в своем распоряжении достаточные вооруженные силы, такие «буйные» эшелоны на остановках всячески бесчинствовали, громя привокзальные магазины, грабя пассажиров и даже расстреливая тех из них, кто им по какой-либо причине не понравился. В Вологде два таких эшелона, возглавляемых анархистами, наткнулись на решительный отпор.

Едва состав прибыл на станцию, солдаты стали выскакивать на перрон, и вскоре его заполнила вооруженная толпа, устремившаяся было на привокзальную площадь. Но при выходе ей преградила дорогу группа красногвардейцев, руководимая рослым парнем в длинной шинели.

— Вы куда, ребята? — спросил Константин Рокоссовский (это был он).

— А твое какое дело? Пошел ты...

— Не спешите. Посмотрите туда. — И Рокоссовский уверенным и спокойным движением показал на перрон. Только тут солдаты заметили, что в обоих концах перрона на платформе установлены пулеметы и их прислуга уже изготовилась к стрельбе. Пулемет стоял и при выходе с перрона, за спиной у Рокоссовского.

— А ну быстро в вагоны! Не то...

Такая недвусмысленная и, главное, твердая встреча возымела действие. Солдаты попятились. В это время Юшкевич, отделившись от группы пулеметчиков, направился к первому вагону.

— Кто у вас тут главный?

— Я, — нехотя ответил низенький, необычайно широкий в плечах солдат. Прислонившись к притолоке, он стоял в дверях теплушки и лениво, как будто происходящее его не затрагивало, лузгал семечки, наблюдая за тем, что творилось на перроне. Над головой его чуть колыхалось черное знамя — символ анархии.

— Давай команду сдавать оружие. И чтоб никаких безобразий, иначе худо будет!

Главарь пытался торговаться, однако это не помогло. Неохотно, с криками и угрозами, солдаты сдали оружие, и в самый короткий срок эшелон был отправлен. Точно так же расправился отряд Юшкевича и со вторым эшелоном. После этого на вокзале в Вологде подобные эксцессы не повторялись.

Революция всколыхнула к активной деятельности самые глубинные слои народа. Энергия масс била через край. Ленин и партия стремились направить этот поток на творческую, созидательную работу, на строительство новой, советской государственности. В этой своей деятельности партия большевиков столкнулась с яростным сопротивлением анархистов и деклассированных элементов всех мастей. Прикрываясь демагогическими лозунгами самого примитивного типа («За что боролись!», «Не старый режим!», «Триста лет терпели!» и т. п.), этот полууголовный сброд, руководимый порой профессиональными преступниками, занялся насилием и грабежами. Называлось это «борьбой с буржуазией». И самым странным было то, что соблазнительные лозунги «свободы», которыми оперировали анархиствующие демагоги, разлагающе действовали на политически неопытных людей.

Константину Рокоссовскому, с юности привыкшему к дисциплине, человеку, прошедшему хорошую школу ар-

мейской службы, был органически ненавистен беспорядок. Сдержанный в своих чувствах человек, здесь он готов был быть беспощадным.

Столкнулся с анархистами Каргопольский отряд и в самой Вологде. Приехавшие сюда несколько групп анархистов, вынужденных покинуть Петроград, захватили здание одной из гостиниц, окружили его пулеметами и даже орудиями. Но казавшаяся неприступной анархистская крепость пала без сопротивления, как только однажды ночью красногвардейские отряды Вологды окружили ее и пригрозили открыть огонь, если анархисты вздумают противиться. К утру весь анархистский отряд был разоружен.

Поскольку преданность каргопольских красногвардейцев Советской власти была очевидна, отряд стал выполнять все более сложные и ответственные задания. В феврале его отправили в Буй.

В этом маленьком городке Совет рабочих и солдатских депутатов был вынужден арестовать группу эсеров, которые вели антиправительственную пропаганду, и намеревался отправить арестованных в Петроград. Эсеры и меньшевики устроили антисоветскую демонстрацию и попытались освободить арестованных. Исход конфликта решило вмешательство красногвардейцев: предупредительный залп в воздух заставил демонстрацию разойтись, и вагон с арестованными эсерами был отправлен в Петроград.

Через несколько дней после этого отряд Юшкевича перебросили в Галич, где создалось тревожное положение в связи с продовольственными трудностями. Солдаты находившегося тут запасного пехотного полка также принимали участие в беспорядках, и прибытие кавалерийского красногвардейского отряда помогло руководителям Галичского Совета овладеть положением. Однако в Галиче отряд пробыл недолго.

В расположенном в сотне верст от Галича и от железной дороги уездном городе Костромской губернии Солигаличе в конце февраля 1918 года вспыхнуло контрреволюционное восстание. Этот небольшой северный городок, как показало позднее следствие, оказался местом скопления активных противников Советской власти, во главе которых встали монахи местного монастыря. Против Солигаличского Совета постоянно велась яростная агитация, и все его мероприятия встречались в штыки. Взрыв произошел в момент, когда Совет решил конфисковать монастырские хлебные запасы.

Утром 26 февраля[1] монахи ударили в набат. После молебна в монастыре большая толпа пришла к казармам расположенного в Солигаличе запасного полка, солдаты которого, заранее сагитированные контрреволюционерами, присоединились к горожанам. Мятежники захватили Совет, избили до полусмерти и отправили в тюрьму шестерых членов уездного исполнительного комитета, а уездного комиссара, петроградского рабочего большевика Василия Вылузгина расстреляли на площади. Власть в городе и окрестностях оказалась полностью в руках антисоветских элементов.

Надолго запомнился каргопольцам этот тяжелый переход. Когда 1 марта отряд вышел из Галича, метель еще не окончилась и все дороги были заметены. Через огромные сугробы трое суток пробивался отряд; временами лошади проваливались в снег по самые уши, и к концу перехода Жемчужный — так звали нового коня Константина Рокоссовского, — как и все лошади отряда, едва передвигался. Тем не менее отряд утром 4 марта достиг Солигалича.

Мятежники ожидали появления красногвардейцев и выставили заставы на дороге, по которой приближался отряд Юшкевича. Не желая кровопролития, Юшкевич отправил в город нескольких красногвардейцев с предложением сложить оружие и выдать зачинщиков, но они вернулись с отказом. Главари восставших собирались сопротивляться. Они не знали, что в распоряжении красногвардейского отряда есть три пулемета, с великим трудом доставленные по снежной дороге. Послав взвод, возглавляемый Рокоссовским, в обход города по льду реки Костромы, Юшкевич с остальными силами, поддерживаемыми пулеметным огнем, атаковал мятежников. Как только пулеметчики открыли огонь, всякое организованное сопротивление прекратилось. Каргопольский отряд вступил в город, главари мятежа и среди них несколько священников были арестованы, судимы революционным судом и расстреляны.

В Солигаличе вновь установилась Советская власть. Через неделю состоялись торжественные похороны Вылузгина. Решено было соорудить ему памятник, и для этой цели собрание каргопольцев постановило пожертво-

---

[1] Все даты после 18 февраля 1918 года даются по новому стилю.

вать около 2800 рублей суточных денег, полагавшихся красногвардейцам.

На этом события в Солигаличе не окончились. Уже после восстановления Советской власти в городе внезапно появился отряд анархистов, прибывший сюда якобы для наведения «революционного порядка». В чем заключался этот «порядок», стало ясно с первого дня, после того как отряд, состоявший из всякого сброда, начал производить самовольные обыски, конфискации, аресты. Пришлось каргопольцам призвать к ответу виновников бесчинств. Под угрозой применения оружия анархисты были разоружены, их главари арестованы и наказаны, а отряд отправлен туда, откуда он прибыл. 17 марта из Солигалича ушли и каргопольцы.

Шла весна 1918 года, а вместе с ней и суровые испытания гражданской войны и иностранной интервенции, постигшие молодую Республику Советов. Уже в феврале на западных границах республики положение из угрожающего превратилось в катастрофическое. Германские и австро-венгерские вооруженные силы 18 февраля 1918 года возобновили военные действия и, воспользовавшись своим превосходством, двинулись в направлении Петрограда, Белоруссии, Украины. Советское правительство вынуждено было бросить навстречу врагу все имеющиеся в его распоряжении силы только нарождавшейся Красной Армии.

В конце марта 1918 года Каргопольский красногвардейский кавалерийский отряд был погружен в эшелон и через Москву отправлен в Брянск, откуда уже походным порядком красногвардейцы выступили навстречу врагу. После суровой вологодской зимы бойцы оказались во власти ранней весны южных губерний России. Под ласковым апрельским солнцем взбухли и разлились ручьи и речки, на дорогах непролазная грязь цепко держала не только повозки, но и пеших и конных.

Военные действия здесь резко отличались от позиционной войны 1916—1917 годов. Не существовало сплошного фронта, чаще всего столкновения враждующих сторон происходили вдоль линий железных дорог, вокруг крупных населенных пунктов. Отсутствие сплошной линии фронта увеличивало значение кавалерийских частей, которые теперь, в отличие от условий позиционной войны, имели возможность маневра, обхода противника с фланга и тыла.

В конце апреля — начале мая 1918 года продвижение немецких войск на этом направлении прекратилось, установилась своеобразная граница. Столкновения на ней, однако, продолжались, и инициаторами их были националистические войска П. Скоропадского. Этот крупный украинский помещик, бывший командир 5-й кавалерийской дивизии, в конце апреля был провозглашен интервентами в угоду украинским националистам гетманом Украины. Красногвардеец Константин Рокоссовский понимал, что если витязи Запорожской Сечи были истинными борцами за цельность и независимость своей родины, если они признавали историческую необходимость единения народов Украины и России, то гайдамаки Скоропадского, пришедшие на Украину в обозе немецко-австрийских войск, были лишь послушными слугами немецких генералов, отдавшими и свободу, и богатства Украины в обмен на помощь в борьбе с собственным народом, и никогда в схватках с ними не знала жалости шашка Константина Рокоссовского.

Войска Скоропадского были сильны лишь поддержкой хозяев — немецких генералов и в столкновениях с красноармейцами постоянно терпели неудачи. Апрель — май 1918 года Каргопольский отряд провел в стычках с ними. В июне, однако, он покинул пределы Северной Украины.

Так Константин Рокоссовский начал свой нелегкий путь по фронтам гражданской войны. Путь этот пролегал среди бескрайних пространств Урала и Сибири. Здесь в каждой операции приходилось считать не на версты, а на сотни верст, здесь приходилось форсировать гигантские полноводные реки, преодолевать сухие, безводные степи и занесенную снегом тайгу. Здесь, в этих суровых безбрежных просторах, зрел талант будущего полководца Великой Отечественной.

В мае 1918 года на всем протяжении Великой Транссибирской железнодорожной магистрали, от Волги до Владивостока, в направлении с запада на восток двигались эшелоны с чехословацкими легионерами. Чехи и словаки, бывшие военнослужащие австро-венгерской империи, взятые в плен русской армией в ходе войны 1914—1917 годов, выразили желание сражаться против немцев. Когда после заключения Брестского мира

руководители корпуса захотели выехать во Францию через Владивосток, Советское правительство пошло им навстречу, предоставив возможность проезда по железной дороге. Руководители корпуса твердо обещали сдать имевшееся у них в изобилии оружие, но обещания своего они не выполнили. Плохо разбиравшиеся в происходящем в России, обманутые своим командованием, которое утверждало, будто Советское правительство собирается выдать их Австро-Венгрии, солдаты чехословацкого корпуса, по сути дела, стали слепым орудием в руках врагов Советской республики и в первую очередь своих руководителей, толкнувших чехословацкий корпус к мятежу против Советской власти.

Мятеж начался 25 мая, и в течение недели чехословацкие войска, воспользовавшись неожиданностью выступления и отсутствием у советских органов Поволжья, Урала и Сибири достаточных вооруженных сил, захватили значительную территорию.

Туда, на Урал, и отбыл 10 июня 1918 года Каргопольский отряд. В этот раз путешествие через всю Европейскую Россию затянулось. На скорости передвижения эшелона сказывалась разруха, господствовавшая в железнодорожном транспорте. Сидя целыми днями у раскрытых дверей теплушки, следил Рокоссовский за тем, как постепенно, по мере приближения к Уралу, менялась окружающая природа. После станции Чусовая поезд, пыхтя и вздрагивая, стал подниматься к перевалу по склонам Уральского хребта. Вдали, подернутые синеватой дымкой, виднелись горы, обросшие щетинистым лесом. Миновали ночью границу Европы и Азии. Состав, то скрываясь в тоннелях, то снова появляясь на поверхности, двигался к Екатеринбургу.

На Урале развернулись упорные бои, в которых красногвардейские части, несмотря на самоотверженность и готовность их бойцов сражаться, терпели поражения и несли большие потери. Главной причиной этого было то, что отряды, в подавляющем большинстве состоявшие из добровольцев-рабочих, не имели никакой военной подготовки. Добровольцы, безусловно преданные, сознательные люди, как правило, вовсе не имели понятия об оружии, а к инструкторам, посланным из центра, подчас относились с предубеждением. Отряды не имели внутренней организации, средств передвижения, питания и связи. Начальники отрядов в большинстве случаев были такими

же рабочими, не обладавшими самыми элементарными сведениями об управлении войсками в бою.

Только в ходе сражений командиры и рядовые красногвардейских отрядов учились искусству войны, приобретали необходимый боевой опыт, но давался им этот опыт нелегко и стоил немало крови.

В борьбу, развернувшуюся под Екатеринбургом, Каргопольский отряд вступил во второй половине июля 1918 года, когда положение города было уже критическим. Несмотря на упорное сопротивление красных войск, противник 25 июля овладел Екатеринбургом и продвинулся значительно западнее. Отступил на запад по железной дороге Екатеринбург — Кунгур и сильно поредевший после боев отряд Юшкевича.

На Кунгурском направлении Рокоссовский участвовал в ожесточенных боях августа — сентября 1918 года. Линия фронта проходила здесь в районе Сылвенского завода и станции Шаля. Станцию занимал Верхне-Исетский красногвардейский батальон, а левый фланг позиции поручено было защищать каргопольцам вместе с красногвардейцами расположенного поблизости Сылвенского завода. Но задержать противника надолго не удалось. Под напором чехословацких и казачьих отрядов Верхне-Исетский батальон оставил станцию, каргопольцы и сылвенские красногвардейцы оказались отрезанными. Удержать Сылвенский завод в таких условиях было невозможно, и с тяжелым сердцем сылвенские красногвардейцы, оставлявшие во власти белых свои семьи, вынуждены были отступить.

Единственный путь отступления вел через болото к деревне Дикая Утка. Всю ночь гуськом, по еле заметной тропе медленно пробирались по болоту люди и лошади. То и дело приходилось вытаскивать из трясины бойцов, имевших неосторожность ступить чуть в сторону от тропы. К утру, когда большая часть отряда уже достигла края болота, оступилась и упала в воду лошадь с навьюченным на нее пулеметом «максим», который каргопольцы возили с собой со времени расставания с полком. Едва Константин Рокоссовский с группой бойцов принялся спасать верного товарища, не раз выручавшего каргопольцев, как раздался крик:

— Казаки!

Казачий отряд внезапно, почти рядом с красногвардейцами выскочивший из-за леса, очевидно, имел хоро-

ших проводников, указавших ему более короткий и менее трудный путь через болото. Появление его было столь неожиданным, что среди сылвенских красногвардейцев готова была уже вспыхнуть паника, но ее в самом начале погасила спокойная уверенность опытных бойцов-каргопольцев.

— Спокойно! Слушай мою команду! В цепь! — раздался зычный голос Юшкевича.

Бойцы залегли в цепь, грохнул один залп, другой, третий... Прицельный огонь заставил казачий отряд отступить, а тем временем Рокоссовский с бойцами сумели вытащить из трясины пулемет. Под огнем казаков красногвардейцы начали отходить к опушке леса, где и скрылись от преследования. К вечеру отряд Юшкевича соединился с основными силами красных.

На всем протяжении фронта, несмотря на недостаточную организованность и обученность, молодые красноармейские отряды сражались упорно, с огромной самоотверженностью. Многие пункты по нескольку раз переходили из рук в руки, и за каждый шаг продвижения и та и другая стороны платили дорогой ценой. Временным было отступление красных войск и под Сылвенским заводом.

Через две недели Константин Рокоссовский в пешем строю шел в наступление на Сылвенский завод. Прежде чем начать атаку, пришлось каргопольцам вместе с бойцами других отрядов потрудиться при наведении моста через реку Сылву у деревни Шигаевой. Стремительное течение довольно глубокой и широкой в этом месте реки и крутые скалистые ее берега делали эту задачу нелегкой, но переправа прошла быстро и организованно. Со стороны завода доносился колокольный звон — в этот день праздновался спас, и население поселка сходилось к церкви. Поэтому цепи красных сумели подойти незамеченными почти вплотную к заводу. Атака их была неожиданной. После первого замешательства белые оказали серьезное сопротивление. С церковной колокольни и господствующей над поселком Сокольной горы по красным цепям начали бить пулеметы, все более организованным становился ружейный огонь. Из заводских прудов была спущена вода, что сделало невозможным обход противника — единственный путь в поселок вел теперь через плотину, а именно около нее и укрепились белые.

Все же чаша весов клонилась на сторону красноармейцев: их единственное трехдюймовое орудие, стрельбой которого руководил матрос Попов, несколькими выстрелами заставило замолчать пулеметы белых, на заводе вспыхнул пожар. Рокоссовский и его товарищи, дойдя до первых строений поселка, вели перестрелку с казаками, засевшими в заводских зданиях, а по плотине в панике уже бежали белые солдаты. Исход боя решило активное вмешательство чехословацкого батальона, цепи которого были поддержаны интенсивным пулеметным огнем. Не выдержав удара, понеся большие потери, красноармейцы вынуждены были отступить за реку Сылву, и мост оказался весьма кстати.

Возобновили наступление красноармейские отряды через несколько дней, на этот раз оно было лучше организовано и подготовлено, и 30 августа станция Шаля, Сарга и Сылвенский завод были заняты красными войсками.

В конце июля — в августе 1918 года на Восточном фронте, протянувшемся с севера на юг па 2 тысячи километров, произошли важные организационные перемены. «Отрядный» период гражданской войны кончался. Было очевидно, что для победы над врагом необходимо создание регулярных, правильно организованных частей и соединений. На Восточном фронте войска Красной Армии были разделены на пять армий. Отряды, сражавшиеся на Кунгурском направлении, вошли в состав 3-й Уральской дивизии 3-й армии. Одновременно с организацией армейского управления отдельные отряды и отрядики сводились в батальоны и полки, а те, в свою очередь, в дивизии. Вскоре наступил черед и Каргопольского отряда.

К сентябрю в нем едва насчитывалось сорок бойцов. Командование решило объединить Каргопольский отряд с конными Верхне-Исетским, Сылвенским и Латышским отрядами, и с середины сентября 1918 рода в составе 3-й Уральской дивизии появляется 1-й Уральский кавалерийский полк.

Принятые в тот период командованием Восточного фронта энергичные меры имели в виду организацию кавалерии типа «ездящей пехоты». Для формирования кавалерии, обладающей способностью к удару в конном строю, требовались обученные люди и подготовленные (выезженные) лошади. И тех и других в распоряжении командования Восточного фронта было очень мало. Кроме того,

организация такой кавалерии требует значительного времени на обучение и подготовку в тылу. Покупая же лошадей у местного населения и сажая на них находившихся под рукой рабочих-красногвардейцев, командование Восточного фронта рассчитывало создать «ездящую пехоту», способную маневрировать на коне, а драться в пешем строю. Конечно, только спустя долгое время такие бойцы, овладев искусством верховой езды, становились настоящими кавалеристами.

Если опытные рядовые кавалеристы в то время в Красной Армии были в большом дефиците, то в кавалерийских командирах она нуждалась в еще большей степени. Естественно поэтому, что бывалые драгуны Каргопольского полка, имевшие к тому же полугодовую практику гражданской войны и проявившие себя в ней с самой лучшей стороны, получили во вновь создаваемом кавалерийском полку руководящие посты. Адольф Юшкевич становится командиром полка, Константин Рокоссовский получает под командование эскадрон.

В начале октября 1918 года 1-й Уральский кавалерийский полк находился еще в процессе формирования. Насчитывал он всего 195, как тогда говорили, «активных сабель» и два пулемета.

Критическое положение на фронте не оставляло командованию 3-й армии времени на длительное обучение новых частей, и с середины октября Константин Рокоссовский в составе 1-го Уральского кавалерийского полка, насчитывающего теперь около 500 человек, дерется с белыми, рвущимися к Кунгуру, на левом фланге 4-й Уральской дивизии. В ноябре эта дивизия получает порядковый номер 30. Под этим номером она и вошла в историю Красной Армии. Ее бойцам и командирам предстояло свершить немало славных дел.

Достойным дивизии оказался и командир 1-го эскадрона 1-го Уральского кавалерийского полка Константин Рокоссовский. Свое боевое крещение как командир эскадрона он получил во время ноябрьского контрнаступления 3-й армии. В результате ожесточенных боев, в которых полк Юшкевича принял активное участие, белые войска к 17 ноября вновь были отброшены за реку Сылву.

Сражаться кавалеристам приходилось в условиях, малопригодных для действия кавалерии: сильно пересеченная болотистая местность ограничивала возможность маневра конницей.

С ноября передвижение кавалерии затруднялось и выпавшим обильным снегом.

Мороз и снег были весьма серьезным противником для частей Красной Армии. Теплого обмундирования в 30-й дивизии не хватало, нелегким было и продовольственное положение. Сложившаяся ситуация хорошо охарактеризована в докладе военкома 5-й бригады 30-й дивизии Ионова (1-й Уральский кавалерийский полк в тот период входил в состав этой бригады). 17 ноября военком докладывал начальству: «Район нашего нахождения мы весь объели, надежды же на получение из отдела снабжения штаба дивизии необходимого фуража и продовольствия у нас нет. Теплого обмундирования не хватает. Перчаток, теплых портянок нужно страшно, у многих их нет, отдел снабжения не дает, а выдал вязаные, как это кавалеристам носить — неделю, и все порвались... Нет у многих шинелей, когда пришла пора ходить в шубах, а у некоторых ни того, ни другого, и таких порядочно в полках, сапоги развалились, и чинить их нечем, кожи подошвенной дают десятую часть необходимого. Сапог нет, в 4-м номерном полку ходят некоторые в лаптях, одежда рвется; маленькая дырка, которую можно бы зашить, с быстротой превращается в большую — нечем зашить, ниток не дают... Холода, заболеваемость отражаются сильно. Болеют массами во всех полках». Болели и люди и лошади. Однако, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия борьбы, боевой дух кавалеристов оставался все время высоким, что полностью подтвердилось во время ноябрьских и особенно декабрьских боев.

Население деревень в большинстве своем сочувственно относилось к красноармейцам, помогало им, чем могло, но часть жителей, особенно зажиточная прослойка, недовольная продразверсткой, нетерпеливо ожидала прихода белых войск. В этом бойцам 1-го эскадрона однажды пришлось убедиться самым наглядным образом.

Кавалеристы, как и подавляющее большинство бойцов 3-й армии, не имели зимнего обмундирования. Единственное, чем своевременно смогла снабдить бойцов хозяйственная часть полка, — это теплыми папахами, которые работник хозчасти Кузьма Ширинкин закупил на весь полк во время поездки в Кунгур.

Во второй половине ноября 1918 года эскадроны полка расположились по деревням северо-восточнее Кунгура, в трех-пяти верстах от передовых частей неприяте-

ля. Между эскадронами была установлена телефонная и постоянная конная связь, каждый эскадрон выставил сторожевые посты. Поэтому, когда часов в 12 дня 2-й эскадрон подвергся внезапному нападению неприятельской конницы, Константин Рокоссовский во главе своего эскадрона немедленно бросился на выручку товарищей.

На обратном пути, довольные успешным боем, кавалеристы оживленно обсуждали его ход. Постепенно возбуждение, вызванное боем, стихало, а мороз к вечеру окреп, и конники сильно продрогли. Уже поблизости от деревни, где стоял эскадрон, навстречу колонне попался мужичок, несший за плечами увесистую с виду котомку. Поравнявшись с ехавшим впереди командиром эскадрона, мужичок, пристально вглядевшись во всадников, вдруг скинул шапку и низко, чуть не до земли, поклонился кавалеристам. Рокоссовский придержал коня:

— Ты что, дед?

— Здравствуйте, братцы! Вот по всему уж видать, что вы беленькие: лошадки дородные, да и сами-то в белых шапочках.

Кто-то из наезжавших сзади бойцов уже хотел выразить свое возмущение, но Рокоссовский жестом остановил его.

— Ну и что же?

— А я здесь неподалеку живу,— и мужик показал в сторону от дороги. — В гости приглашаю, хлеба-соли отведать да от большевиков избавить. Версты за полторы от меня стоит полк красноголовиков...

— Ты это точно знаешь, дед?

— А как же? Я ночью проведу вас по тропам к ним в тыл и укажу, куда гнать их надо, всех там перебьем.

Кровь застучала в висках у бойцов от подобной речи, а командир эскадрона казался невозмутимым.

— Что ж, отчего и не поехать? Погреемся...

Поехали. В просторную избу вместилось человек тридцать. Хозяин дома немедленно приказал домашним тащить все, что есть в доме, и гостям оставалось лишь удивляться, откуда только это взялось у него: и гусятина, и поросятина, и сметана, и молоко, и самогон.

Никто из бойцов не пил и не ел. Каждый думал о том, что, окажись этот щедрый кулак днем раньше на пути настоящих белых, вряд ли бы кто-нибудь из них был сейчас жив. Молча сидели бойцы, молчал и их командир. Наконец он встал:

— Ну, хватит! Крепко ты ошибся, дед! Не белые мы, а красные.

Недоумение, недоверие, а затем испуг промелькнули на лице кулака, он наконец понял, упал на колени.

— Пощадите, ради бога!

— Возьмите его, ребята, с собой, — хмуро бросил уже в дверях Рокоссовский. — Отведем в особый отдел, там разберутся.

Остаток пути эскадрон ехал молча.

К зиме боевые действия на Восточном фронте стали более ожесточенными, и немалую роль в этом сыграл процесс консолидации контрреволюционных сил, происходивший в тылу белых войск. 18 ноября 1918 года в далеком Омске директория была свергнута. На смену директории пришла диктатура адмирала Колчака, принявшего титул «верховного правителя России».

Через несколько дней после переворота Колчак отдал приказ о начале решительного наступления на Пермь — Вятку, все с той же целью: соединиться с войсками американо-английских интервентов, двигавшимися с севера. 29 ноября войска Колчака перешли в наступление, и положение 3-й армии сразу же стало очень серьезным. Особенно грозным оно выглядело на левом фланге, где оборонялись 29-я дивизия и Особая бригада. Под напором врага они вынуждены были отходить, и командование 30-й дивизии, чтобы помочь своему левому соседу — Особой бригаде, сформировало отряд во главе с командиром Красногусарского кавалерийского полка Фандеевым; в отряд вошел и 1-й Уральский кавалерийский полк. Основные силы отряда 3 декабря сосредоточились в селе Сосновском. Полк Юшкевича был отправлен в авангард.

Весь короткий зимний день 3 декабря полк двигался по направлению к деревне Сая, где, по свидетельству разведки, можно было встретить разъезды одного из полков Особой бригады. Движение по заснеженной дороге было чрезвычайно утомительным и медленным. Лишь к вечеру на горизонте появились дымки деревни Сая. Она действительно оказалась занятой бойцами Особой бригады. Полк расположился на ночевку в деревне, а 1-й эскадрон Константина Рокоссовского, несмотря на наступивший вечер и усталость бойцов и лошадей, получил приказ выдвинуться в направлении деревни Матвеево, откуда предполагалось появление противника. Продвинувшись вперед на несколько верст, эскадрон, в котором к этому вре-

мени насчитывалось едва 70 бойцов, остановился на ночевку в небольшой деревушке.

Люди и лошади падали от усталости, но командир эскадрона выставил сторожевое охранение и отправился спать в избу, битком набитую сморенными усталостью бойцами, не прежде чем убедился, что все необходимое для безопасности сделано. Несколько раз за ночь он поднимался проверять посты и чуть свет был уже на ногах. Нелегко, очень нелегко давалась Рокоссовскому военная наука. Командиром эскадрона он стал в чрезвычайно сложную пору, учиться водить людей в бой приходилось на полях сражений, во время непрерывных и тяжелых столкновений с врагом. Но «так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». К тому же Рокоссовский неизменно ощущал товарищескую поддержку и помощь Юшкевича, заботливо руководившего становлением молодого командира.

Осторожность оказалась нелишней. Противник находился поблизости и, едва рассвело, начал движение по Кунгурскому тракту со стороны деревни Матвеево. Эскадрон встретил колонну противника ружейным и пулеметным огнем, и, как только стало ясно, что силы несоразмерны, командир отдал приказ отступать к деревне Сая. Здесь к этому времени находились 1-й Уральский кавалерийский полк и батальон 1-го морского Кронштадтского полка; совместными усилиями они остановили колчаковцев. Весь день 4 декабря прошел в артиллерийской и ружейной перестрелке. Как выяснилось позднее, колчаковцы ожидали подхода основных сил.

С утра 7 декабря два полка 2-й Сибирской дивизии и офицерский батальон, обойдя на лыжах левый фланг красных войск, атаковали деревню Сая с севера. Одновременно подвергся атаке и правый фланг позиции группы Фандеева. Выход лыжников во фланг был неожиданным, но оборонявшие этот участок кавалеристы Юшкевича и кронштадтские моряки не дрогнули. Шесть раз за день белые атаковали деревню Сая и шесть раз, напоровшись на огонь пулеметов, вынуждены были отступать. Когда стали опускаться сумерки, белые, чтобы не ночевать в открытом поле в жестокий 30-градусный мороз, отошли на восток к соседним деревням. Перед позициями кавалеристов остались лежать в снегу несколько десятков трупов сибирских колчаковских пехотинцев.

На следующее утро бой возобновился. Теперь баталь-

оны Томского полка, по-прежнему на лыжах, сумели обойти позицию красных еще глубже и атаковали ее не только с севера, но уже и с запада. Тем не менее они встретили организованное и стойкое сопротивление, причем в этот день красноармейцы не ограничивались обороной. Позволив противнику приблизиться вплотную к своим позициям, кронштадтцы открыли огонь, а затем перешли в контратаку. На заснеженном поле в яростной рукопашной схватке они сумели одолеть колчаковцев, и те стали пятиться по направлению к деревне Магиной. В этот момент в бой вступил 1-й эскадрон. В открытом поле снег был не столь глубок, и, используя это, кавалеристы атаковали отступающих врагов в конном строю. Теперь колчаковцы уже побежали. Преследуя их, бойцы Рокоссовского достигли окраины деревни Магиной, но ворваться в нее на плечах отступающего противника не удалось: в полутораметровом снеговом покрове лошади вязли, из-за строений деревни по наступающим цепям моряков и конникам безостановочно бил пулемет, вырывая из их рядов одного за другим бойцов.

— Назад, ребята! — разнесся над полем голос командира эскадрона. Пришлось под огнем противника возвращаться на прежние позиции. Выбиваясь из сил, Жемчужный вынес уже своего хозяина на дорогу, и в этот момент пуля пробила коню голову — Константин Рокоссовский едва успел выпростать ногу из стремени и соскочить с падающей лошади. Только кавалерист знает, что значит потерять коня. Это был друг, верный товарищ. И вот этот друг лежит у твоих ног, большие глаза подернулись смертной пеленой. И всадник невольно проводит по лицу рукавом шинели... Идет бой. С теплого еще коня снимают седло, сбрую, освобождают удила из костенеющего рта. Идет бой. И его надо выиграть.

Вокруг Рокоссовского один за другим собирались разгоряченные боем кавалеристы, но многих, слишком многих недосчитались они. В наступающих ранних зимних сумерках на снежной равнине, куда ни глянь, темнели пятна: это вперемежку с колчаковскими солдатами лежали боевые товарищи Рокоссовского, кавалеристы и моряки.

Итог двухдневного боя был не в пользу колчаковцев; несмотря на большие потери, они не смогли уничтожить или хотя бы отбросить противника. Правда, и командование 30-й дивизии не в состоянии было использовать

успех в оборонительном бою. Красноармейские части также потеряли немало, причем к убитым и раненым добавились и обмороженные. Докладывая вечером 8 декабря командующему армией о положении, командир и комиссар 30-й дивизии особенно подчеркивали, что бойцы ударной группы не имели зимней обуви и теплой одежды и что без лыж при снежном покрове в 1,5—2 метра действовать крайне затруднительно. Наступление решено было отложить до 14 декабря, когда ожидался подход резервов.

Как ни тяжелы были для бойцов 30-й дивизии боевые действия в начале декабря 1918 года, худшее ожидало их еще впереди. Колчаковское командование, подтянув части 7-й Уральской дивизии, 13 декабря возобновило наступление севернее железной дороги Екатеринбург — Кунгур. Яростные атаки колчаковцев, во время которых неоднократно дело доходило до штыкового боя, днем 13 декабря были отбиты, но в ночь на 14 декабря лыжники белых обошли расположение кронштадтцев и кавалеристов Юшкевича и атаковали их с тыла в деревнях Верхние и Нижние Исады. В последовавшем ожесточенном ночном бою бойцы 1-го Уральского кавалерийского полка благодаря выдержке и решительности своих опытных командиров сумели прорвать кольцо окружения, 1-й же морской Кронштадтский полк полностью погиб. В эту ночь во встречном бою понесли тяжелые потери и другие стрелковые полки ударной группировки. О наступлении думать уже не приходилось. Под напором превосходящих сил противника, пытавшегося все время обойти левый фланг 30-й дивизии, слабые численно кавалерийские части стали отходить на запад, к Кунгуру.

Последующие две недели декабря 1918 года части 30-й дивизии были вынуждены отступать. После упорного боя, многократно выливавшегося в рукопашную схватку, 21 декабря был оставлен Кунгур. Еще хуже обстояли дела на северном фланге 3-й армии. Здесь 24 декабря колчаковцы захватили Пермь. Между 29-й и 30-й дивизиями образовался большой разрыв, и противник стремился это использовать. Находившийся на левом фланге 30-й дивизии сильно поредевший 1-й Уральский кавалерийский полк все время должен был бороться с попытками врага обойти его с фланга.

Снежная уральская зима, непроходимые лесные чащи до предела сужали возможность применения кавалерии

в конном строю, поэтому бойцы, как правило, сражались спешенными. Боевые действия в основном сосредоточивались около населенных пунктов. Из-за малочисленности подразделений и большой протяженности фронта командованию красных войск не удавалось создать сплошную линию обороны, и потому постоянно приходилось считаться с возможным обходом противника с флангов и тыла. Командирам Красной Армии неизвестен был в то время термин «круговая оборона», но боевая действительность заставляла их применять именно этот тактический прием. Занимая для обороны какой-нибудь населенный пункт, батальоны и полки Красной Армии располагали свои огневые средства не только в наиболее угрожаемом направлении, но учитывали и возможность появления противника со всех сторон и соответственно этому строили план обороны.

Много раз во время боев на протяжении зимы 1918 года командир 1-го эскадрона 1-го Уральского кавалерийского полка, как и другие командиры Восточного фронта, применял тактический прием, основанный на дисциплинированности, выдержке и храбрости бойцов, полностью уверенных в своих командирах. Как правило, эскадрон, обнаружив наступление противника, не проявлял большой активности, не открывал сильного огня и давал возможность противнику приблизиться к линии обороны на максимально короткую дистанцию. Атаковать противнику приходилось почти везде по глубокому снегу, и он не мог передвигаться достаточно быстро. Обороняющийся же, внезапно введя в действие все свои огневые средства, расстреливал наступающего в упор, вслед за этим бойцы во главе с командиром поднимались в контратаку, и бой заканчивался. Часть колчаковцев трупами застывала в снегу около позиций эскадрона, взятые живыми конвоировались в тыл, а захваченные винтовки и пулеметы шли на пополнение запасов вооружения эскадрона. За зиму 1918 года бойцы 1-го эскадрона захватили немало пулеметов, и не о всех из них знало начальство: чтобы иметь возможность оставить у себя захваченные пулеметы, командиры подразделений нередко преуменьшали в донесении свои трофеи.

Правда, в дни декабрьского отступления трофеев кавалеристам Рокоссовского удавалось брать мало. Сражаться приходилось в невероятно тяжелых условиях. Двигаться можно было только по дорогам, и достаточно

было сделать несколько шагов в сторону от дороги, как и люди и лошади утопали в снегу. Лыж почти ни у кого не было. Уральские морозы свирепствовали весь декабрь, и по-прежнему красноармейцы страдали от холода. Но еще хуже было с питанием. По нескольку дней подряд получали только по четверти фунта овсяного, колючего и вдобавок к тому же промерзлого хлеба на человека. Случались дни, когда люди ничего не ели и бывали рады любой пище, будь это отруби или мясо убитых лошадей. Измученные ежедневными боями, страдающие от холода и голода, бойцы нередко ложились на снег и говорили: «Не в силах стоять на ногах, тем более не можем ходить, устали, кончайте с нами, товарищи», — и командиру эскадрона, который от голода и усталости сам еле держался на ногах, стоило немало сил, чтобы заставить красноармейцев подняться и продолжать путь.

Отступающие, измотанные, теряющие бойцов части 30-й дивизии тем не менее не были разбиты противником. Цепляясь за каждый удобный рубеж, они не давали возможности врагу опрокинуть себя. В чудовищно тяжелых боях зимы 1918/19 года закалялись и крепли бойцы и командиры будущей победоносной 30-й дивизии, а среди них рос и мужал командир эскадрона Константин Рокоссовский...

Начало нового, 1919 года части 30-й дивизии, как и вся 3-я армия, встречали в положении, близком к катастрофе, что и было отмечено прибывшей в армию комиссией ЦК РКП(б), возглавляемой Сталиным и Дзержинским. Проинформировав ЦК РКП(б) и Ленина о создавшейся ситуации и необходимости срочной помощи войскам 3-й армии, комиссия приняла также ряд мер для стабилизации положения. Помощь войскам армии могла поступить лишь в середине января 1919 года. Тем временем противник продолжал наступление, и 30-я дивизия не могла сдержать его. Вместе с другими частями через Юговский завод, отражая наседавших лыжников, устраивая засады, отходили к Оханску проселочными дорогами среди бесконечных сугробов и кавалеристы 1-го Уральского полка. Собственно говоря, и полком-то назвать его уже было нельзя: за ноябрь — декабрь 1918 года он лишился большинства бойцов, и на 2 января 1919 года в строю числилось лишь 60 сабель. Кроме убитых и раненых, имелось немало обмороженных и больных.

В ночь на 10 января оставшиеся в строю кавалеристы, ведя в поводу немногих сохранившихся еще лошадей, по льду реки Камы стали переправляться на ее западный берег. В кромешной тьме январской ночи двигаться приходилось на ощупь, и немудрено, что уже в самом начале переправы в полынью попали двое бойцов вместе с лошадью. Не раздумывая долго, бросился на помощь товарищам Константин Рокоссовский и, несмотря на то, что сам тут же провалился в воду, сумел вытащить одного из них. В мокрой одежде после купания в ледяной воде командир эскадрона прошел еще несколько верст до ближайшего населенного пункта, но к вечеру он заболел и настолько серьезно, что его пришлось эвакуировать в тыл.

В госпитале, размещавшемся в здании школы в городе Глазове, Константин Рокоссовский пробыл недолго. Его могучий организм быстро справился с болезнью.

После отступления за Каму части 30-й дивизии сумели остановить противника, попытки колчаковцев овладеть Оханском не удались, с 19 января дивизия, получившая к тому времени подкрепление людьми и, главное, валенки и полушубки, перешла в наступление. Но в нем 1-й Уральский полк уже не участвовал.

В распоряжении командования 30-й дивизии имелось несколько столь же малочисленных кавалерийских частей, и оно решило объединить их. В середине января 1919 года полк Юшкевича был отведен в тыл для переформирования и размещен на Нытвенском заводе. В конце января в него был влит 1-й кавалерийский полк имени Володарского, также насчитывавший несколько десятков бойцов, а в начале февраля — эскадрон 1-го Кунгурского полка. Новая часть получила название Сводного Уральского имени Володарского кавалерийского полка; в годы гражданской войны такие красочные и несколько пространные наименования воинских частей не были редкостью.

Командиром нового полка остался Юшкевич, большинство других командных должностей заняли его боевые товарищи. 1-м эскадроном, состоявшим из старых бойцов полка, по-прежнему командовал Рокоссовский, к тому времени уже выздоровевший и возвратившийся в родной полк.

В феврале 1919 года из тыла прибыло значительное пополнение, и количество бойцов в полку увеличилось

до 750 человек. Особо нужно отметить, что в полку, как и в большинстве других частей Восточного фронта, было много коммунистов: в середине марта партийная организация полка насчитывала более 300 человек. В подавляющем большинстве армейские коммунисты времен гражданской войны состояли из рабочих и крестьян. Эти люди первыми шли в цепях в атаку, последними отступали. В плен они не сдавались. Коммунисты цементировали ряды молодой Красной Армии.

Опираясь на коммунистов, командный состав полка за короткое время сумел сколотить боеспособную часть, что и было отмечено в приказе по 3-й армии: «30-ю стрелковую дивизию в Нытвенском заводе на параде в день годовщины существования Красной Армии представляли Сводный кавалерийский имени Володарского полк, отдельная Богоявленская сотня и батарея и другие части 1-й и 3-й бригад. Перечисленные части радовали своим прекрасным видом, строевой подготовкой и бодростью...» Уже в ближайшие недели полк Юшкевича в боях доказал, что боеспособность его вполне соответствовала его хорошему внешнему виду.

В феврале 1919 года на фронте 3-й армии шли лишь небольшие бои, но можно было ожидать нового наступления колчаковцев. Так и случилось. Переформировав и пополнив свои дивизии, Сибирская армия генерала Гайды 4 марта возобновила наступление на левом фланге Восточного фронта, нанося удар в стык между 2-й и 3-й армиями. Несмотря на полученные подкрепления, позиции 30-й дивизии оставались растянутыми от Нытвенского завода почти до Осы. Резервы для контрударов, кроме конницы, отсутствовали, а конница, как и прежде, не могла действовать из-за глубоких снегов. Кроме того, лыжные войсковые подразделения врага легко проникали в стыки между красноармейскими частями. 7 марта колчаковцы взяли Оханск, 8-го — Осу, но дальнейшее их продвижение замедлилось.

Уже в первый день наступления противника полк Юшкевича был переброшен из Нытвенского завода на правый фланг дивизии к Оханску и 5—6 марта участвовал в упорных боях юго-западнее этого города. Под напором белых лыжников к вечеру 7 марта эскадроны полка отошли к селу Дубровскому.

Вечером по избам, в которых усталые конники рас-

полагались на ночлег, пробежали несколько бойцов, повсюду выкрикивая одно:

— Коммунисты, на собрание в школу!

Через полчаса в крохотном здании местной школы началось собрание, в повестке дня которого был только один пункт: прием в члены РКП(б). Одним из первых рассматривалось заявление командира 1-го эскадрона. Рекомендацию ему давал бывший токарь-металлист М. А. Хвалимов, уже несколько месяцев служивший в полку вместе с Рокоссовским.

— Я думаю, товарищи, нет нужды долго говорить о том, что Константин Рокоссовский давно достоин быть членом партии. За то время, что я в полку, всегда я удивлялся, что он еще не коммунист. Мы все его хорошо знаем; происхождения он пролетарского, Советской власти предан, в бою смел. Думаю, что он будет достойным коммунистом.

Знали хорошо Константина Рокоссовского и другие коммунисты, поэтому их решение было единогласным, и с 7 марта 1919 года Константин Рокоссовский стал исчислять свой партийный стаж. Нужно сказать, что коммунисты Сводного Уральского кавалерийского полка сделали в тот вечер правильный выбор: без малого 50 лет пробыл Константин Рокоссовский в рядах партии большевиков и был всегда, при всех обстоятельствах, одним из самых верных ее сынов.

На следующее утро Рокоссовский опять повел бойцов своего эскадрона в огонь сражений. Как и в декабре — январе, в пешем строю отражали кавалеристы яростные атаки наседавших колчаковских лыжников, вновь были вынуждены отступать, несли потери, но никогда не оставляли раненых.

С приходом апреля наполнились водой болота, разлились реки, на дорогах — непролазная грязь, и это положило предел активным действиям обеих сторон. Во второй половине апреля — мае 1919 года кавалеристы Юшкевича участвовали лишь в единичных стычках с неприятелем, и в одной из них комполка был серьезно ранен. Его пришлось эвакуировать. С этой поры пути Адольфа Юшкевича и Константина Рокоссовского навсегда разошлись. За пять лет совместной службы Константин Рокоссовский многому научился у старшего товарища, и особенно важны для него полтора года, проведенные под начальством Юшкевича с момента вступления в ряды

К. Рокоссовский среди родственников. Перед первой империалистической войной.

Выписка из приказа о зачислении К. Рокоссовского в 5-й Каргопольский драгунский полк. 1914 г.

Выписка из наградного листа 1917 г.

Часть войскъ, званіе, имя, отчество и фамилія.	Описаніе подвига.	Какая награда испрашивается и на основаніи какихъ статей статута.
5-го драгунского Каргопольского полка		
Мл. ун.-оф. Константин Ксаверьевич Рокоссовский	В ночь с 23 на 24 Августа 1917 г. у м. [illegible] вызвался охотником пойти в разъезд, высланный по [illegible] шоссе. Несмотря на темную ночь, когда противник [illegible] малого разъезда [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]	Георг. медаль 2 ст. Георг. статута п. 4 ст. 1 3145.
Мл. ун.-оф. Владимир [illegible]	В ночь с 23 на 24 Августа у м. [illegible] вызвался охотником пойти в разъезд, высланный по [illegible]	Георг. медаль 4 ст. Георг. ст. п. 4, 3145 ст. 1 [illegible]

Основание: рапорт ветеринарного врача от 4го Августа № 5.

23.

Крестьянин Троицкого уезда, дер. [illegible] [illegible] волости [illegible] [illegible] [illegible] Строгиевич, награжденный в [illegible] Государственного ополчения 1го разряда в 1911 году и [illegible] волости [illegible] Островского уезда, Константин [illegible] [illegible], родившийся в 1894 году зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания конных зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6^ю^ сотню.

По хозяйственной части

24.

Выдать [illegible] суточные порционные деньги за переход из Казани в Симбирск 415 руб., [illegible] документа произвести по получении от Интендант[illegible]

В каком приказе объявлено о награждении / год, месяц, число и № приказа/.	Под какими №№ числятся Георгиевские кресты и медали.					
	2-й ст.		3 ст.		4-й ст.	
	кресты	медали.	кресты	медали.	кресты	медали.
Прик. 9 армии 1917 г. № 29 / Приказ [illegible] отряд [illegible] 1916 г. № 443. / Прик. 6 [illegible] корп. 1916 г. № 95.	-	-	-	3504	9341.	245140.
—	—	—	—	—	—	—

Драгун К. Рокоссовский. 1916 г.

К. Рокоссовский среди участников борьбы с Унгерном. 1923 г.

Парад красной кавалерии в Омске.

Вступление Краснои Армии в Иркутск.

К. К. Рокоссовский.

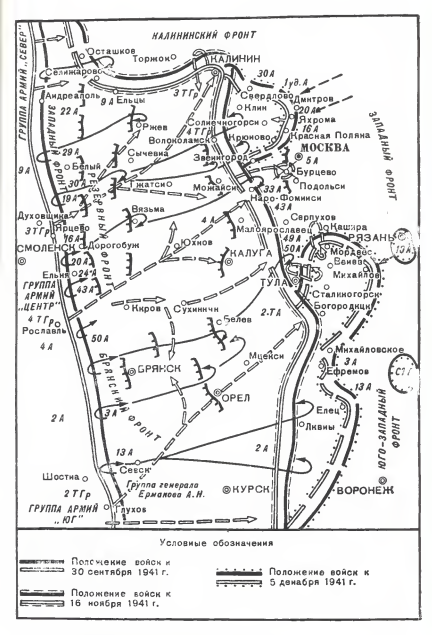
К. К. Рокоссовский на XVII Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов. Январь 1937 г.

К. К. Рокоссовский и А. А. Лобачев. 1941 г.

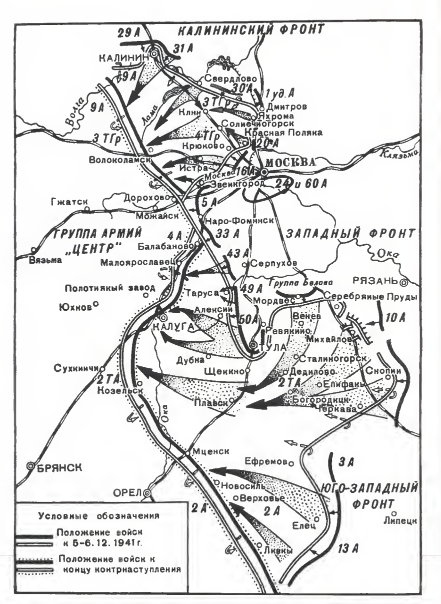
К. К. Рокоссовский. Западный фронт. 1942 г.

Карта оборонительных боев под Москвой.

К. К. Рокоссовский. 1941 г.

Карта контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков.

Танки и автомашины, брошенные немецко-фашистскими войсками при отступлении от города Солнечногорска. Декабрь 1941 г.

Военный совет 16-й армии. Слева направо: В. И. Казаков, А. А. Лобачев, К. К. Рокоссовский, М. С. Малинин.

К. К. Рокоссовский в госпитале после ранения. 1942 г.

Красной Армии. С грустью расставались друзья. Ни тот, ни другой не могли знать, что готовила им судьба. После выздоровления Юшкевич станет командиром кавалерийского полка прославленной 51-й дивизии Блюхера. Пройдет всего восемнадцать месяцев, и 28 октября 1920 года во время преследования вражеской пехоты в сухих степях Таврии под Перекопом вырвавшийся вперед с небольшой группой бойцов Юшкевич будет в упор расстрелян врангелевскими пулеметчиками, и на теле его после боя товарищи насчитают 22 пулевых ранения.

Затишье на фронте продолжалось до конца мая, когда начали подсыхать дороги, и колчаковцы возобновили наступление. Снова пришлось отступать полку, которым теперь командовал Рудольф Вигант. Это было уже последнее отступление полков 30-й дивизии в гражданской войне. До небольшой реки Кильмезь в Вятской губернии отступали под напором врага красноармейцы и здесь окончательно остановились, чтобы от этой мало кому известной реки дойти впоследствии до берегов Байкала.

В конце мая 1919 года полк держал оборону на пространстве в 30—35 верст к западу от реки Кильмезь. Между ним и противником простиралась обширная болотистая пойма и лес, что препятствовало действиям кавалерии. Несмотря на недавно окончившееся отступление, полк был хорошо обмундирован и снаряжен, регулярно получал продовольствие, и только с фуражом постоянно происходили затруднения. В этот период и произошла очередная реорганизация полка: он был разделен на два дивизиона, и 2-м Уральским отдельным кавалерийским дивизионом, насчитывавшим около 500 бойцов, стал командовать Константин Рокоссовский.

Раздел полка был осуществлен 31 мая, а 2 июня пришел долгожданный приказ о переходе в наступление. К этому времени колчаковские дивизии, не добившись разгрома 3-й армии и потерпев сокрушительные поражения южнее, под Белебеем, Бугурусланом и Уфой, были вынуждены начать отступление по всему фронту.

Константину Рокоссовскому впервые за пять лет военной жизни предстояло осуществлять руководство отдельным войсковым подразделением. Получив приказ, дивизион двинулся через болотистую пойму к берегу Кильмези. По сведениям разведки, на противоположном левом берегу ее две небольшие деревушки на Казанском тракте были заняты противником. Взвод 1-го эскадрона по

распоряжению Рокоссовского вступил в перестрелку с неприятелем через реку, а в это время дивизион двинулся в обход вниз по течению реки. Подходящее место для переправы нашлось в двух верстах ниже расположения противника. Вода реки в эту пору была еще очень холодна, тем не менее командир дивизиона, не колеблясь, первым начал переправу вброд, и вскоре весь дивизион оказался на другом берегу. Колчаковцы не ожидали обхода и, когда дивизион, приблизившись к деревушке, открыл ружейный и пулеметный огонь, побежали в беспорядке. Только болото спасло их от лихой кавалерийской атаки и полного уничтожения. Пленных дивизион захватил несколько десятков.

Лето 1919 года показало, что колчаковские дивизии больше не в состоянии не только наступать, но и сдержать натиск Красной Армии. За зиму 1918/19 года колчаковцы потеряли большинство своих солдат-добровольцев, а мобилизованные сибирские и уральские крестьяне не желали сражаться против Красной Армии и стали разбегаться или сдаваться в плен целыми полками. В дивизиях чешского корпуса также явно обнаружились признаки разложения, и колчаковское правительство было вынуждено убрать их с фронта. В тылу армии Колчака по всей Сибири полыхала партизанская война, и у омского правительства не хватало сил, чтобы с ней справиться. Не помогали ни массовые порки, ни расстрелы населения восставших районов: с каждым месяцем территории, захваченные партизанами, росли.

Да и сам противник, с которым приходилось колчаковцам бороться на фронте, был уже далеко не тот, что в 1918 году. Вместо разрозненных, необученных и плохо руководимых красноармейских отрядов теперь войскам Колчака противостояли полки и дивизии регулярной армии, может быть, недостаточно хорошо обмундированные и накормленные, но дисциплинированные, ведомые молодыми, талантливыми и смелыми командирами и, самое главное, убежденные в правоте дела, которое они защищали, воодушевленные победами.

После перехода через Кильмезь и захвата деревень на Казанском тракте Рокоссовский немедленно организовал преследование отступавшего противника. Правда, ни 3 июня, ни на следующий день авангард дивизиона не смог прийти в соприкосновение с врагом. Началось почти безостановочное движение вслед за отступающими белы-

ми, продолжавшееся вплоть до реки Камы. День за днем форсированным маршем шли кавалеристы Рокоссовского впереди пехоты, главным образом впереди 263-го стрелкового полка. Иногда вместе с пехотинцами они отражали контратаки противника, а затем снова переходили к преследованию. В июне 1919 года западнее Камы колчаковские войска, будучи деморализованными, атаковали очень редко и стремились как можно быстрее отойти за Каму.

Один из немногих упорных боев произошел 18 июня у деревни Сосновской, верстах в 40 к западу от Оханска. Разведка донесла Рокоссовскому, что в деревне находится большой обоз колчаковцев. Не ожидая подхода пехоты, командир дивизиона послал 1-й эскадрон под командованием Николая Шаблинского в обход деревни с севера, сам же с остальными бойцами немедленно атаковал ее. Белые попытались было сопротивляться, даже контратаковали, но в этот момент 1-й эскадрон ударил с фланга, и колчаковцы бежали из деревни, побросав сотни повозок. Спустя несколько минут, не обращая внимания на все еще раздающиеся выстрелы, население деревни высыпало на улицы встречать красных кавалеристов.

Невзирая на усталость бойцов, комдивизиона приказал продолжать преследование, и к вечеру 19 июня кавалеристы достигли Оханска. Одновременно сюда же подошли и бойцы первого дивизиона. Утром 20 июня совместно с подоспевшими пехотными батальонами они начали наступление на Оханск. Враг не принял боя, поспешив убраться на левый берег Камы.

Колчаковцы предполагали отсидеться за возведенными на левом берегу Камы укреплениями, но это им не удалось. Не давая противнику опомниться и закрепиться, бойцы 30-й дивизии на участках между Оханском и Казанкой на плотах и лодках переправились через реку, отбросили врага и устремились на Урал, к Екатеринбургу. Уже не надеясь задержаться на Урале, противник быстро отходил, и за время пути от Камы до Екатеринбурга части 30-й дивизии серьезных боев не вели.

Перебрасываемый из одной бригады в другую, дивизион Рокоссовского преследовал противника в авангарде 30-й дивизии до начала июля. Радостными были эти дни освобождения городов и сел Урала. Один за другим проходили перед бойцами места боев прошлой осенью и зимой. Побывали кавалеристы Рокоссовского и в Сылвенском заводе. Мало осталось в дивизионе людей, когда-то

составивших 1-й Уральский кавалерийский полк, слишком многие погибли за этот год жестокой борьбы. Молча стояли кавалеристы дивизиона над братскими могилами на Сокольей горе, где были похоронены бойцы тех отрядов, из которых возник полк.

С 4 июля дивизион Рокоссовского после месячного беспрерывного преследования врага был отведен в резерв и в июле нес службу в летучей почте. Обозы дивизиона отстали, снабжение бойцов ухудшилось. Быстрота передвижения сказывалась в особенности на состоянии лошадей, и красноармейцы тратили на корм для лошадей и жалованье, и те скудные средства, которыми располагали. Многие лошади выбивались из сил и падали, своевременную замену удавалось получить далеко не всегда, самовольный же обмен лошадей командир дивизиона не разрешал и строго преследовал.

Несмотря на утомление, отставание обозов и ухудшавшееся снабжение, части 30-й дивизии продолжали стремительное продвижение на восток. 15 июня они достигли Екатеринбурга. Здесь состоялся парад 3-й армии. Торжественно проследовал по городу и 2-й отдельный кавалерийский дивизион во главе с командиром.

Несколько дней отдыха — и снова вперед, преследовать врага. Далеко позади остались Уральские горы. Чем глубже в Сибирь, тем меньше лесов встречалось кавалеристам: теперь они двигались по лесостепной полосе. Ель постепенно сменяли сосны, все больше встречалось березовых рощиц с примесью осины и ивы, «колков», рассыпанных всюду по небольшим низинам сибирской равнины.

Уже 5 августа дивизион был в Шадринске, а к 12 августа части 30-й дивизии вышли на реку Тобол на участке Курган — Белозерское — Упорово. К 15 августа полки 30-й дивизии переправились и через эту мощную сибирскую реку, но в 15—20 километрах от нее они встретили ожесточенное сопротивление противника. На этом рубеже колчаковское командование намерено было остановить продвижение красных войск, с тем чтобы отдохнуть, перегруппировать силы и затем продолжать борьбу. Примерно с 1 сентября 1919 года восточнее Тобола началась так называемая «тобольская кадриль»: то противник отходил и красные войска его преследовали, то под натиском колчаковцев отступали красноармейцы. Это повторялось много раз, и за сентябрь 1919 года дивизион Рокос-

советского лишился десятков бойцов. Отступая, через каждые две-три версты спешивались кавалеристы, отбивали атаки колчаковцев, а затем, ведомые бесстрашным своим командиром, переходили в атаку и отбрасывали врага. Непрерывные бои приходилось вести, по сути дела, без централизованного снабжения; патроны выдавались по счету: 10—20 штук на стрелка и 100—200 штук на пулемет.

К концу сентября бои стихли. Войскам 30-й дивизии удалось сохранить плацдарм на восточном берегу реки Тобол, к северу от железной дороги Курган — Омск, а колчаковцы понесли огромные потери, восполнить которые белое командование не могло. Моральное состояние белых войск, несмотря на некоторые успехи в сентябре, было подавленным: все время им приходилось воевать на два фронта, и даже самые отсталые сибирские солдаты-крестьяне стали говорить, что против них ведет войну весь русский народ, что такая война обречена на поражение. К этому добавился и недостаток обмундирования и снаряжения у колчаковцев: полученное в августе — сентябре из-за границы обмундирование было или израсходовано, или «осело» в тылу, и попытки извлечь его оттуда ни к чему не приводили. Белогвардейцы, располагая оружием и боеприпасами, испытывали острую нужду в обуви и шинелях, а это тяжело сказывалось на боевом духе солдат.

В то же время боевой дух советских частей был высоким, бойцы и командиры горели желанием покончить с врагом. Этому во многом способствовал радушный прием, который они встретили у местного населения. Во время отхода красных жители правого берега Тобола целыми селами, забрав весь домашний скарб, угоняя скот, уходили вместе с отступающими красноармейцами. Поэтому у советского командования не существовало проблемы резервов: когда в октябре комиссар 30-й дивизии, желая восполнить потери в бойцах, организовал набор добровольцев из местных жителей, то их оказалось более шести тысяч человек.

Получил пополнение и 2-й кавалерийский дивизион, квартировавший почти весь октябрь 1919 года в деревне Русаково, что к северо-востоку от Кургана. Молодой командир дивизиона в эти октябрьские недели фронтового затишья неустанно готовил своих бойцов к завершающей схватке с врагом. Хранящиеся в Центральном государ-

ственном архиве Советской Армии документы дивизиона за лето и осень 1919 года рисуют нам многие детали хлопотливой деятельности его командира. В августе и сентябре Константин Рокоссовский многократно водил бойцов в атаку на наседавших колчаковцев, и основное внимание, конечно, занимали боевые дела. Но одновременно масса всяческих забот одолевала комдивизиона. Приходилось экономить патроны — и следует приказ о строжайшем их учете и сборе стреляных гильз; выполнение приказа Рокоссовский постоянно контролировал. Надвигались осенние холода, дожди — и комдивизиона проводит ревизию одежды и обуви своих бойцов. Выясняется, что необходимы самые решительные меры, ибо наступление холодов многие бойцы могли встретить буквально раздетыми и разутыми. Постоянную и нелегкую заботу для Константина Рокоссовского составляли и лошади, их снабжение неизменно требовало все новых и новых усилий. Особенно внимательно следил командир дивизиона за состоянием оружия и, разумеется, за дисциплиной бойцов, не оставляя без последствий ни одного ее нарушения и не останавливаясь перед строгими наказаниями.

В некоторых случаях Константин Рокоссовский прибегал к помощи весьма действенного средства — дивизионного товарищеского суда. Так поступил он с красноармейцем Иваном Минеевым. Этот кавалерист поссорился с красноармейцем обозной команды Александром Петуховым. Когда ссора дошла до взаимных обвинений, Петухов позволил себе упрекнуть Минеева: «Вы все, коммунисты, эксплуататоры», в ответ на что Минеев выстрелил из револьвера и пробил щеку обидчику. Командир дивизиона распорядился передать дело в товарищеский суд. 6 октября 1919 года заседание суда приняло следующее решение:

«Кавалериста 1-го эскадрона товарища Минеева как нарушившего партийную дисциплину, а Петухова за провокаторство приговорить каждого к месячному аресту с применением принудительных работ».

Особо строго следил Рокоссовский, чтобы его подчиненные, даже в самых тяжелых положениях, не обижали население, не позорили звания красноармейца. Нужно сказать, что таких проступков было немного и товарищеский суд всегда внимательно разбирал их. На заседании 10 октября суд рассмотрел дело красноармейца Василия Ильина, потерявшего казенную лошадь и угнавшего вза-

мен пасшуюся в поле крестьянскую. Решение суда было следующим (пусть читатели простят авторам его некоторые стилистические погрешности, зато этот документ отражает дух эпохи): «Принимая во внимание, что Ильин Василий доброволец и член РКП, зная, что согласно приказа Совнаркома нельзя самовольно брать и обменивать крестьянских лошадей, не только сам лично, но как член партии должен удерживать от этого и своих товарищей. И в то же время тов. Ильин потерял казенно-народную лошадь, чем он кладет несмываемое пятно на имя Красного Революционного воина. Товарищеский суд приговорил: взыскать с тов. Ильина Василия за утрату народной лошади 250 рублей в пользу семей красноармейцев. Приговор суда окончательный и обжалованию не подлежит». Авторитет товарищеского суда в дивизионе был очень велик, и командир всячески поддерживал этот авторитет.

К моменту перехода 30-й дивизии в наступление 2-й отдельный кавалерийский дивизион был полностью готов к боям, и основная заслуга в этом принадлежала комдивизиона. Наступление началось в 20-х числах октября, и сразу же красноармейские полки сумели достигнуть больших успехов, отбросив колчаковцев от Тобола. 30-я дивизия, двигавшаяся в полосе около 60 километров шириной к северу от железной дороги Курган — Петропавловск, стремительно преследовала колчаковцев, судорожно цеплявшихся за удобные для обороны рубежи и пытавшихся тем самым выиграть время для эвакуации столицы колчаковского правительства — города Омска.

2-й дивизион находился на левом фланге дивизии вместе с полками 1-й бригады. Командовал бригадой И. К. Грязнов, а общее руководство северной группировкой войск дивизии осуществлял начальник ее штаба С. Н. Богомягков. К концу октября грязь, сказывавшаяся до этого на быстроте передвижения красноармейских частей, стала подмерзать. В ночь на 1 ноября ударил легкий морозец, земля замерзла. Это позволило ускорить движение, и севернее озера Черного, обойдя колчаковцев с тыла, утром 1 ноября, когда еще даже и не развиднелось, 262-й и 264-й полки дивизии при поддержке огня легких орудий атаковали противника в селе Чистоозерском.

Согласно сведениям разведки можно было ожидать, что части егерской дивизии, занимавшие село, окажут ожесточенное сопротивление. Поэтому, когда, к удивлению командования бригады, противодействие врага ока-

залось слабым и пехотинцы без задержки ворвались в Чистоозерское, начальник штаба дивизии, наблюдавший за боем, поймав взгляд находившегося рядом командира 2-го кавалерийского дивизиона, приказал:

— Пора атаковать кавалерии!

И Рокоссовский немедленно поскакал к уже изготовившимся к бою эскадронам. Спустя несколько минут весь дивизион развернулся и бросился в атаку на село.

— Сдается мне, что комдивизиона не удержится от соблазна ворваться в село вместе с бойцами, — усмехнувшись, обратился Богомягков к комбригу.

— Он смелый парень и молодой командир, — ответил тот, следя в бинокль за удаляющимися кавалеристами. — Поедем, пожалуй, и мы: все, кажется, кончено.

Действительно, когда спустя несколько минут штаб бригады въехал в село, бой уже прекратился и навстречу плелись большие группы пленных колчаковцев. Оказалось, что командование егерской дивизии не ожидало атаки в глубоком тылу и против 1-й бригады успело развернуться лишь сторожевое охранение. По улице села навстречу Богомягкову ехал и Константин Рокоссовский.

— Молодцы, кавалеристы! Хорошо работаете! — обратился к нему начштаба. — Только вот что: командиру дивизиона не обязательно атаковать врага впереди эскадронов. Будет больше пользы, если сзади станешь руководить боем.

Рокоссовский потупился, чуть помолчал и ответил, улыбнувшись:

— Не привык я быть сзади.

— Ну что ж, надо привыкать руководить боем.

Внезапность и умелое выполнение маневра бригадой принесли большой успех: среди нескольких тысяч пленных оказался и штаб колчаковской дивизии во главе с ее начальником. Красноармейцы захватили 12 орудий и обозы, в которых было много патронов и снарядов, так необходимых полкам 30-й дивизии.

В следующую ночь мороз усилился, разыгрался сильный буран, однако 30-я дивизия продолжала преследовать врага и к вечеру 2 ноября достигла реки Ишима. Мороз уже сковал ее крепким льдом, и особого препятствия для красноармейцев она не представляла. Но ее восточные высокие и крутые берега оказались сильно укрепленными и прикрытыми сплошным проволочным заграждением.

Утром 3 ноября в штабе бригады собрались командиры частей для обсуждения последующих действий. Совещание было коротким, и все присутствовавшие согласились с Богомягковым, подведшим итог обсуждения:

— Нужно немедленно атаковать. Если мы этого не сделаем, то противник уйдет на Омск. Нам надо не просто столкнуть его с этих сильных позиций, — и Богомягков показал жестом, как «столкнуть», — но и уничтожить. Этим мы сильно поможем 5-й армии, которая уже на пути к Омску.

— Следует поначалу провести разведку боем, — заметил комбриг.

— Да, неплохо бы. А кого пошлем? — И тут Богомягков снова встретился со взглядом командира 2-го кавалерийского дивизиона. — Уж не послать ли нам вновь его? Посмотрим, как он учится воспринимать советы старших командиров, а? — Дружный смех был ему ответом.

От дневной разведки решено было отказаться, и лишь с наступлением ночи дивизион двинулся в путь. Лед на реке оказался достаточно крепким, ночь была темной, поэтому переправа прошла благополучно. На противоположном берегу кавалеристы один за другим исчезали в глубоком овраге. Дивизион проскользнул мимо вражеских постов и, продолжая двигаться в глубь расположения противника, к утру достиг села Вакоринского. На окраине его к этому времени уже шел бой. Как выяснилось впоследствии, 262-й полк сумел форсировать Ишим ниже по течению, и батальон этого полка под командованием Н. П. Паначева атаковал Вакоринское. Засевшие на господствовавших высотах колчаковцы встретили красноармейцев плотным ружейно-пулеметным огнем, цепи батальона залегли. Звуки боя были отчетливо слышны Рокоссовскому, и он, посоветовавшись с командирами эскадронов, решил атаковать Вакоринское.

Один за другим эскадроны пошли в атаку. Белые, не ожидавшие столь мощного и стремительного нападения с фланга, за несколько минут были сбиты со своих позиций и побежали в село. Кавалеристы ворвались в него, и бой завязался уже на его улицах. Командир дивизиона, помня совет начальства, воздержался от участия в атаке. Но в этот день ему все же пришлось скрестить оружие с противником.

Напряжение боя достигло высшей степени, когда Рокоссовский увидел, что на южной окраине села спешно

разворачивается вражеская батарея, прикрытая ротой солдат. Медлить нельзя, поддержка артиллерийским огнем может прекратить панику во вражеском стане, и тогда исход боя станет неясен. Не теряя времени, Рокоссовский командует единственному своему резерву — взводу кавалеристов:

— Вперед, за мной! — и вот уже горсточка храбрецов, выскочив из березняка, несется на батарею. Пули свистят вокруг Рокоссовского, но стреляют колчаковцы поспешно, да и трудно запугать командира красных конников: не впервой ему в конном строю атаковать врага. Несколько десятков секунд — и все кончено: колчаковские солдаты побросали винтовки, два офицера, вздумавшие отстреливаться из наганов, зарублены, и батарея в руках Рокоссовского.

И вовремя. С юга к селу приближается крупная колонна белой конницы. Резервов у Рокоссовского нет, бойцы дивизиона все еще ведут бой в селе. Он принимает единственно возможное решение: подскакав к пленным артиллеристам, радовавшимся столь удачному избавлению от службы в колчаковской армии, кричит:

— Кто среди вас старший?

— Я, — отзывается из толпы батарейцев унтер-офицер.

— Видишь — казаки? Огонь по ним! Будете стрелять — будете жить.

Через несколько минут батарея ведет беглый огонь по казакам, и те, не выдержав его, отступают. Село Вакоринское в руках красных войск. Надо отметить, что захваченная в этом бою колчаковская батарея прошла в составе 30-й дивизии весь путь до Иркутска.

Успех под Вакоринским позволил 1-й бригаде перейти в наступление, форсировать Ишим, и вскоре по всему фронту перед ней побежали колчаковцы. Путь к Омску был открыт.

В тот же вечер в штабе бригады Богомягков, выслушав доклад Рокоссовского о бое, сказал:

— Слышал, слышал я о твоем геройстве, — и, обращаясь к комбригу Грязнову, добавил: — Ну что же, хоть он и не слушает советов командира, но награды заслуживает. Представь его к награждению орденом.

Комиссар бригады Мяги тут же уселся за стол и вскоре краткое описание подвига Рокоссовского было готово: «4 ноября 1919 года в бою под селом Вакорин-

ским... тов. Рокоссовский, действуя в авангарде 262-го стрелкового полка и непосредственно управляя вверенным ему дивизионом, прорвал расположение численно превосходящего противника. В конном строю с 30 всадниками атаковал батарею противника и, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия, лихим ударом взял батарею в плен в полной исправности...» Далее следовал краткий вывод: «Ходатайствовать перед высшим командованием о представлении тов. Рокоссовского к ордену Красное Знамя» [1].

Так Константин Рокоссовский заслужил свою первую награду в Красной Армии — орден Красного Знамени за № 1717, первый из шести таких орденов, полученных им за время службы в армии Страны Советов.

В ближайшие дни новый кавалер революционного ордена доказал, что он достоин награды. Сбитые с рубежа обороны на Ишиме колчаковцы в беспорядке отступали на восток, к Омску, и главной задачей красных войск являлось не дать им закрепиться. Поэтому бригада Ивана Грязнова следовала за отступающим врагом по пятам. Канун второй годовщины Великой Октябрьской революции они отметили освобождением станции Мангут в 85 верстах к востоку от Ишима.

От пленных, захваченных на станции 262-м полком, комбригу стало известно, что неподалеку от Мангута, в станице Караульной, размещается колчаковский штаб, по-видимому не предполагающий, что красные так близко. Решено было послать в тыл врага кавалеристов Рокоссовского, которые меньше устали во время перехода к Мангуту.

Получив задание, Рокоссовский незамедлительно выступил с основными силами дивизиона. Ночь на 7 ноября

[1] Орден Красного Знамени — первый советский революционный орден был учрежден декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 16 сентября 1918 года и вручался воинам Красной Армии, «проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». В специально изданной памятке «Что такое орден Красного Знамени и кто его носит?» было сказано: «Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший из них; что своим поведением он должен всегда и везде, во всякое время являть пример сознательности, мужества и преданности делу Революции». На фронт ордена поступили лишь весной 1919 года, и орден Красного Знамени № 1 был вручен 11 мая 1919 года В. К. Блюхеру.

дивизион провел в пути. Через вражеские порядки прошли удачно, и в первую очередь потому, что имелись хорошие проводники — пленные колчаковские солдаты. К рассвету дивизион тихо и незаметно подошел к Караульной. Над станицей господствовала тишина. Рокоссовский решил еще раз использовать пленных, сохранивших погоны: нацепив их, бывшие колчаковцы направились в станицу и вскоре возвратились, ведя за собой снятых вражеских часовых. Они подтвердили, что в Караульной действительно находится штаб колчаковской дивизии и нападения красных никто не ожидает. После этого станицу можно было атаковать безбоязненно. Развернув эскадроны, Рокоссовский бросил их в бой.

Молча конники ворвались в станицу, и через несколько минут она была в их руках. Сопротивления красные кавалеристы не встретили: взяться за оружие никто не успел, да колчаковские солдаты и не хотели драться. Столкновение произошло лишь в одном месте.

Рокоссовский с группой всадников мчался вдоль улицы. Внезапно из ворот большого каменного дома выскочили две повозки, битком набитые офицерами: их было человек пятнадцать.

— Сдавайтесь! — крикнул во весь голос командир дивизиона, но в ответ раздались выстрелы. Окруженные со всех сторон кавалеристами, офицеры не подняли рук, пытаясь как-то организовать оборону. Рокоссовский, сопровождаемый товарищами, не медля пришпорил лошадь и погнал ее прямо на врагов.

Первым на его пути оказался высокий, стройный офицер в распахнутом полушубке. Он, не целясь, выстрелил в Рокоссовского из нагана и промахнулся. Второго выстрела он уже не успел сделать, получив смертельный удар шашкой по голове. Еще миг — и конь Рокоссовского вздыбился над другим колчаковцем. Единственное, что успел заметить комдивизиона, — надвинутая на лоб папаха, щеточка усов над ощеренным ртом и дуло нагана, направленное на него, Рокоссовского. Мгновение и, перегибаясь через лошадь, командир дивизиона наносит страшный удар. В ту же секунду звучит выстрел и Рокоссовский ощущает сильный толчок в плечо. Лошадь проносит его вперед, наконец он останавливает ее и оборачивается.

Все кончено, только трое колчаковских офицеров, вовремя бросивших оружие, остались в живых. Из сосед-

них дворов кавалеристы выгоняют охрану штаба дивизии, не вылезавшую из домов во время схватки. Около убитых врагов несколько кавалеристов рассматривают только что зарубленного Рокоссовским офицера.

— Как ты его... — говорит один из них, Николай Шаблинский, обращаясь к медленно подъезжающему Рокоссовскому. — Да что с тобой?

— Ничего, думаю, страшного, ранил он вот меня, — придерживая плечо другой рукой, отвечает тот и, обращаясь к пленным, спрашивает: — Кто это?

— Генерал Воскресенский, начальник нашей дивизии, — цедит сквозь стиснутые зубы уцелевший колчаковский офицер.

Еще через полчаса дивизион, конвоируя обезоруженных штабистов, покидает станицу. За ним тянутся телефонные двуколки и подводы с войсковым имуществом. В одной из них сидит Константин Рокоссовский. Это его первое ранение в Красной Армии, до сих пор пули врагов щадили храброго командира. Правда, еще во время первой мировой войны был он дважды ранен, но легко: один раз пуля пробила мякоть икры левой ноги, не задев кость, в другой — поцарапала правую щеку.

В этот раз рана оказалась серьезной, и на следующий день в деревне Большой Куртал писарь дивизиона под диктовку пишет приказ № 53 по 2-му Уральскому отдельному кавалерийскому дивизиону: «§ 1. Сего числа вследствие моего ранения я отъезжаю в госпиталь на излечение. Во временное комадование дивизионом приказываю вступить командиру 1-го эскадрона тов. Шаблинскому...»

Для лечения раны пришлось возвратиться в Ишим, где развернулись госпитали 3-й армии, в то время как ее части упорно шли на восток. Колчаковцы после понесенного поражения на Ишиме безостановочно катились к Омску. Попытки организовать его оборону ни к чему не привели, и 10 ноября правительство Колчака бежало из Омска, а еще через 4 дня город уже был в руках красных. Но основная боевая сила трех полевых армий Колчака, прикрываясь сильными арьергардами, сумела оторваться от передовых частей Красной Армии и продолжала отходить.

Продвинувшись на восток еще на 40—50 километров, части 5-й армии (от Омска в преследовании врага участвовала только 5-я армия, и 30-я дивизия была вклю-

чена в ее состав) несколько дней отдыхали, а с 20 ноября возобновили погоню за врагом, который без сопротивления откатывался на восток. С конца ноября единственная железнодорожная магистраль была до предела запружена эшелонами. В них удирали белогвардейские военные и гражданские учреждения, чиновники, буржуазия, эвакуировались военные и промышленные грузы. Впереди колчаковцев по этой же дороге, начиная от Новониколаевска, бежали от Красной Армии польские, румынские и чехословацкие легионеры. Все это вскоре перемешалось в одну огромную, растянувшуюся на сотни верст массу объятых страхом, бегущих людей.

А вслед за отступающими колчаковцами неумолимо, как рок, не давая им ни дня для передышки, не оставляя надежд на спасение, надвигались полки 5-й армии.

Труден был путь советских воинов, и недаром спустя сорок лет, вспоминая об этом походе, Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский будет писать: «Я до сих пор не перестаю восхищаться мужеством воинов, которыми мне привелось командовать». В начале декабря суровая сибирская зима полностью вступила в свои права. По обе стороны железной дороги и старинного Сибирского тракта, по которым шло преследование врага, стояла глухая, непроходимая тайга, и свернуть с дороги не было никакой возможности: и люди и лошади немедленно тонули в глубоком снегу. Плохо одетые, нередко голодные, до предела усталые бойцы и командиры 5-й армии, проделавшие путь от самых Уральских гор, тем не менее упорно шли вперед, имея только одну цель — догнать и окончательно уничтожить врага.

Ноябрь — декабрь 1919 года принес им новое испытание. Еще в октябре отступающие белые стали оставлять первых больных тифом, а в ноябре на дорогах и улицах городов и сел лежали уже сотни и тысячи трупов. Все оставляемые белыми города были заполнены десятками тысяч тифозных больных, не меньшее число трупов было сложено в сараях или просто во дворах. Больные, которых колчаковцы пытались эвакуировать, часто оставались в брошенных составах, и бойцам Красной Армии, ко многому привыкшим за два года гражданской войны, становилось жутко, когда приходилось разгружать целые эшелоны замерзших тифозных больных.

Вошь оказалась страшным врагом. Через местное население и пленных тиф передавался и красноармейцам.

Теперь и ряды Красной Армии таяли от болезни. Тысячи советских бойцов и командиров лежали в тифозном бреду, многие из них умирали. Болели тифом почти все члены Реввоенсовета 5-й армии и ее командующий Г. Х. Эйхе, от этой болезни умер начальник штаба армии Иваснов. И все же наступление войск 5-й армии продолжалось безостановочно.

В госпитале Константин Рокоссовский не задержался. Как только рана начала заживать, он стал просить выписать его и в начале декабря отправился в путь, догонять далеко ушедший на восток дивизион. Дорога была не близкой, к этому времени части 30-й дивизии уже приближались к Новониколаевску (ныне Новосибирск — *В. К.*).

Ехать приходилось в холодных вагонах медленно тянувшегося состава, радуясь тому, что хоть паровоз обеспечен дровами, а их не хватало постоянно. В морозную лунную ночь добрались до станции Чулым и, когда поезд у станции вошел в коридор между двумя высокими штабелями дров, выглянули на платформу. Луна, ярко освещавшая штабеля, позволяла рассмотреть на их вершине, как показалось сначала всем, сидящего часового с винтовкой в руках.

— Тут порядок, даже охрану выставили, — заметил кто-то.

Но присмотрелись к часовому и заметили, что слишком долго он остается в одной странной позе, стали приглядываться пристальнее, и чувство ужаса обуяло даже этих видавших виды людей: сложены в штабеля были не дрова, а трупы умерших от тифа, а наверху с винтовкой в руках сидел часовой, замерзший в такой позе где-то на посту.

Дров на станции Чулым не было. Раздобыть их удалось лишь утром, и состав двинулся дальше. Так, с остановками и пересадками из одного поезда в другой Рокоссовский добрался до Новониколаевска. Город этот был взят 14 декабря частями 27-й дивизии, но теперь, спустя всего несколько дней, стал уже глубоким тылом. 27-я и 30-я дивизии впереди других войск 5-й армии, на плечах отступающих колчаковцев, рвались к Томску. Вслед за ними спешил к своим боойцам и командир 2-го отдельного кавалерийского дивизиона. Но после Новониколаевска пришлось пересесть на лошадей: отступая, белые взрывали за собой железнодорожные мосты, сжигали

станционные постройки, и следовать санным путем было быстрее.

Действительно, через несколько дней Константин Рокоссовский уже догнал части 35-й дивизии, двигавшиеся южнее Сибирской магистрали вслед за отступающими обозами 3-й колчаковской армии и подходившие к небольшому уездному сибирскому городку Щегловску (ныне Кемерово. — *В. К.*). Поздно вечером Рокоссовский оказался в штабе 311-го полка, с которым ему впоследствии пришлось вместе сражаться в Забайкалье.

Была полночь, и штабные работники собирались спать, когда в штаб прибыли комиссар дивизии Погодин и командир бригады Татаринцев. Ознакомившись с обстановкой, доложенной ему командиром полка и комиссаром, Погодин приказал:

— Немедленно построить полк и выступать вперед. До Щегловска так близко, что если мы нападем врасплох, то, по крайней мере, отхватим часть обоза.

— Красноармейцы страшно устали, — хмуро заметил комполка.

— Их очень трудно будет собрать, — тихо добавил комиссар, — лучше бы отложить до утра.

Тем не менее в два часа ночи полк выступил. Вместе с командирами отправился и Рокоссовский. Командование полка имело основание откладывать до утра выступление; красноармейцы действительно были очень усталыми, почти каждые две-три версты просили привала. Несмотря на сильный мороз, они тут же на дороге ложились, засыпали, и поднять их вновь было очень трудно.

Все же к 8 часам утра батальоны полка вступили в Щегловск, но белых уже не застали. Узнав от жителей, что хвост обоза белогвардейцев вышел из Щегловска только несколько минут назад, комиссар дивизии выслал конную разведку для того, чтобы создать хоть видимость преследования: посылать пехоту не представлялось больше возможным. Спустя полчаса стала слышна ружейная и пулеметная стрельба, а через час конники пригнали в город около 300 отбитых у неприятеля подвод.

В это же время командованию полка стало известно, что в начинающейся в 17 верстах от города на восток тайге имеется только одна трактовая дорога, что в 7 верстах от начала тайги есть маленькая деревушка переселенцев, не нанесенная на карту, и что к этой деревушке

ведет еще одна проселочная дорога через деревню, расположенную к югу от Щегловска.

Решение комиссара дивизии было быстрым: один батальон полка, менее уставший, посадили на подводы и направили по этой свободной от неприятеля дороге. Вместе с батальоном отправился Рокоссовский, соскучившийся по делу.

Лошади у батальона оказались свежими, и через несколько часов он уже достиг лесной деревушки. Передние подводы с бойцами, среди которых был и Рокоссовский, остановились, поднявшись на бугор, и все взгляды обратились к черной ленте колчаковского обоза, тянувшейся в нескольких сотнях метров от них.

Удиравшие остатки колчаковской армии, все на подводах, головной своей частью подошли к выходу из тайги в степь, в то время как хвост обоза еще только втягивался в тайгу. Двигался обоз очень медленно, и, чтобы как-то ускорить движение, телеги были построены в три ряда, так как ширина трактовой дороги позволяла это. Но свернуть в сторону было невозможно, поскольку все вокруг утопало в рыхлом трехметровом снегу.

Снег не позволял развернуться и красноармейскому батальону, а уж атаковать по снежной целине и вовсе было немыслимо. Поэтому командир батальона ограничился приказанием открыть огонь из пулемета, находившегося на передней подводе.

Нескольких очередей из «льюиса» было достаточно, чтобы среди колчаковцев поднялась страшная паника. С быстротой молнии она передалась в голову колонны и, естественно, вызвала стремление ехать быстрее. Как выяснилось позднее, перед самым выходом из тайги протянулся огромный глубокий овраг. Под напором задних подвод в него стали падать передние, и вскоре дорога оказалась загроможденной. Расчистить ее у колчаковцев уже не было сил. Спасая свою жизнь, всякий, кто еще мог, рубил постромки или распрягал лошадей, садился верхом и удирал. Но даже и это удавалось далеко не всем.

Весь обоз, в котором впоследствии насчитали около 10 тысяч подвод, застрял в тайге и достался красным. Чего только здесь не было! Артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки, телефонно-телеграфное имущество — все смешалось в одну многоверстную кучу вместе с продовольствием, гражданским скарбом и вещами самих бело-

гвардейцев. Саперный батальон дивизии работал целые сутки только над тем, чтобы разбросать по сторонам подводы среднего ряда и дать возможность продвинуться вперед нашим частям.

К декабрю 1919 года, за истекшие с начала его военной жизни пять с половиной лет, Константину Рокоссовскому пришлось быть свидетелем многих тяжелых сцен. Но никогда в своей долгой и богатой военными событиями жизни он не мог забыть страшную дорогу посреди этого кладбища 3-й колчаковской армии в заваленном снегом сибирском лесу, дорогу, по которой он ехал на следующий день. Навстречу Рокоссовскому брели группами полузамерзшие колчаковские солдаты, направлявшиеся в ближайшие деревни. Их никто не останавливал.

Когда тайга кончилась, в степи стали попадаться тысячи истощенных, голодных лошадей, которых бросили удиравшие белогвардейцы, после того как им посчастливилось захватить у крестьян свежих лошадей. Напуганные рассказами белогвардейцев, крестьяне, опасаясь, что красные будут их преследовать, не брали этих лошадей.

По этой страшной дороге Константин Рокоссовский торопился к своему дивизиону. Догнал он его в начале 20-х чисел декабря, когда вновь завязались ожесточенные бои. Отступавшие до этого без боя колчаковские войска, поспешно уйдя из Томска, получили надежду на то, что им удастся хоть немного отдохнуть от преследования, казалось, неутомимых войск 5-й армии. Дело в том, что под станцией Тайга красноармейские части 27-й и 30-й дивизий настигли, в конце концов, интервентов, которым до тех пор удавалось бежать впереди колчаковских войск.

Чехословацкие, польские и румынские легионеры, за несколько месяцев до этого отведенные колчаковским командованием в тыл, охраняя Сибирскую железнодорожную магистраль, вели жестокую, кровавую, но безуспешную борьбу с сибирскими партизанами, стремившимися прервать движение по ней. Вынужденные, спасаясь от Красной Армии, бежать, они, по сути дела, захватили железную дорогу в свои руки и не позволяли колчаковским войскам воспользоваться ею. Интервенты спешили как можно быстрее уйти на восток с награбленным имуществом; в эшелонах они везли с собою все, что могло уместиться в вагонах: мебель, экипажи, станки, зеркала, огромные запасы продовольствия, обмундирования, мануфактуры и т. п. В ленте их бесконечных эшелонов зате-

рялся и Колчак со своим поездом и двумя эшелонами с золотым запасом России, захваченным чехами в 1918 году в Казани.

Константин Рокоссовский догнал свой дивизион как раз вовремя: в конце декабря 1919 года — начале января 1920 года предстояли решительные бои с интервентами и колчаковцами. Удирать интервентам так быстро, как хотелось бы, все же не удавалось. Пропускная способность Сибирской железной дороги была очень ограниченной, да к тому же паровозы подолгу простаивали из-за отсутствия топлива. Это позволило красным войскам, по пятам преследовавшим отступающих пешим порядком по Сибирскому тракту колчаковцев, наконец настичь интервентов.

Свой дивизион Рокоссовский вновь повел в бой под станцией Тайга. Драться кавалеристам на этот раз пришлось с польскими легионерами. Оказавшиеся в арьергарде эшелонов интервентов, польские легионеры приняли полки 27-й и 30-й дивизий за партизан (бойцы дивизий были вынуждены, спасаясь от холода, одеться кто во что горазд), смело дали бой и жестоко поплатились за это.

По всем правилам военного искусства они были атакованы и разбиты. Красная пехота, не обращая внимания на сильный огонь противника, ворвалась на станцию, кавалеристы обошли ее с севера, а нетерпеливо ожидавшие освободителей рабочие железнодорожного депо станции Тайга, подняв восстание, ударили по интервентам с тыла и тем довершили их разгром. Впоследствии один из польских легионеров так описывал это сражение: «Начался такой бой, какого польские отряды в Сибири еще никогда не видели. Как из-под земли вырастали колонны регулярных большевистских отрядов и партизан. Одновременно рабочие атаковали из центра огромной станции, сосредоточившись в железнодорожном депо, складах и мастерских».

Польский мемуарист ничего не пишет о потерях легионеров в этом сражении, а они были огромны. На месте боя осталось до 4 тысяч человек. Стоял лютый мороз, раненые, которые не могли идти сами, немедленно замерзали. Потеряв 2 бронепоезда и более 20 орудий, легионеры бежали и с этого момента уже не ввязывались в столкновения с частями Красной Армии.

30-я дивизия, которой командовал теперь А. Я. Лапин, пополнив в Томске и Тайге свои ряды добровольца-

ми, продолжала преследование противника, не давая ему передышки. Одновременно сибирские партизаны висели над тылом колчаковских войск. На пути отступления белогвардейцы по-прежнему оставляли тысячи больных и обмороженных солдат. Эпидемия тифа продолжала косить как колчаковцев, так и красноармейцев. Но ряды Красной Армии быстро пополнялись вливавшимися в части сибирскими добровольцами.

Паровозов и вагонов у 30-й дивизии было теперь более чем достаточно, и перегон за перегоном бойцы делали в эшелонах. В том случае, если путь был разрушен, садились в сани и, понукая трофейных лошадей, мчались до уцелевшей станции. Где с боем, где мирно добывали новый подвижной состав и опять рвались дальше. Таким образом, более чем 300-верстное расстояние от станции Тайга до Ачинска части 30-й дивизии сделали за 6 дней и здесь вновь настигли основные силы колчаковцев.

Нужно сказать, однако, что многочисленные попытки 30-й дивизии прорваться через кордон арьергардов белых были неудачны; для прикрытия своих отступающих войск колчаковское командование назначало наиболее крепкие и боеспособные части. Обойти отходящие группы колчаковцев и проникнуть в промежутки между колоннами не позволял глубокий снег. Движение даже самых мелких отрядов возможно было только по немногочисленным дорогам в полосе шириной не более 50 километров вдоль железной дороги, сплошь прикрытым к тому же арьергардами белых.

Поэтому, когда бригада Грязнова, вместе с которой наступал дивизион Рокоссовского, в первый день нового, 1920 года ворвалась в Ачинск, это следовало считать большим успехом. В стане белых царила полная растерянность — у Ачинска они предполагали отдохнуть, собраться с силами, думая, что оторвались от преследователей. К вечеру ожесточенное сопротивление врага было сломлено, и бригада продолжала преследование белых, отходивших основной своей массой южнее Сибирской железной дороги.

У командования 30-й дивизии возникла было мысль: не собирается ли противник уходить на юг, к Минусинску. Однако выяснилось, что колчаковцы по-прежнему стремятся на восток, вдоль железнодорожной магистрали. Это давало возможность частям 30-й дивизии, охватив противника с запада, севера и востока, отбросить его к

югу, в тайгу, а зимняя сибирская тайга для белогвардейцев — противник не менее суровый, чем Красная Армия.

Основные силы 30-й дивизии были брошены в район станции Чернореченской и развернуты фронтом на юг. Снабженная артиллерией сводная группа, включавшая и дивизион Рокоссовского, двинулась дальше, к расположенной верстах в сорока станции Большой Кемчуг. Задача была очень сложной, но кавалеристы с ней справились и после упорного боя захватили Большой Кемчуг, завершив тем самым окружение колчаковцев.

Два дня части 30-й дивизии сдерживали попытки врага вырваться из кольца на север от Сибирской железной дороги и уйти. Особенно большое напряжение выпало на долю кавалерийской группы у Большого Кемчуга. На протяжении всего дня продолжался с переменным успехом бой в районе этого большого села, расположенного в холмистой местности. Колчаковцы дрались с отчаянием обреченных. Поддерживаемые артиллерийским огнем, бросались они в атаку на позиции красных. Спешенные кавалеристы пулеметным огнем косили их, колчаковские пехотинцы шли снова и снова. Не раз и не два водил своих бойцов в контратаку в этот день Константин Рокоссовский, отбрасывая врагов назад. Накал боя не снижался. Бойцы 30-й дивизии также недосчитывались многих товарищей, и приблизительно в 7 часов вечера колонна белых войск, около 10 тысяч человек, под командованием генерала Каппеля, сумела вырваться из окружения. Это было все, что спаслось из состава 2-й и 3-й армий Колчака.

К вечеру после прорыва группы Каппеля напряжение боя спало. Противник прекратил атаки на всех участках и оттягивался в тайгу, к югу от железной дороги.

Наступила морозная ночь, разыгралась вьюга. В штабе 30-й дивизии командование уточняло расположение и состояние своих частей, разрабатывало планы дальнейшего ведения операции.

Вдруг вошел комендант штаба и обратился к А. Я. Лапину:

— Товарищ начдив, прибыли белые генералы, просят принять!

Принимать белых генералов — дело не совсем обычное для красных командиров, они больше привыкли их бить, но принять пришлось. Вошли два запорошенных снегом пожилых человека в генеральской форме.

— Честь имею явиться — начальник штаба 2-й армии. Прошу назначить условия сдачи частей армии...

Быстрые, по-военному деловые вопросы, такие же ответы: где, сколько сдается, в каком состоянии, могут ли самостоятельно довольствоваться...

Два дня колчаковские генералы передавали десятки тысяч людей, сотни орудий, огромное количество военного имущества. А в это время командующий красноярской группой колчаковских войск генерал Зеневич уже вел переговоры о сдаче этого города и гарнизона красным войскам. 4 января вечером у него произошел следующий разговор по телеграфу с начальником штаба 30-й дивизии Богомягковым:

«У аппарата генерал-лейтенант Зеневич.

Зеневич. Я знаю о событиях на фронте. Красноярский гарнизон и находящаяся в нем польская дивизия (недавно разбитая красноармейцами. — *В. К.*) представляет собой реальную силу. Однако едва ли целесообразно новое кровопролитие, поэтому я выработал условия вывода частей из города и предложу их вам...

Богомягков. Ни о каких ваших условиях не может быть и речи. Мы поставим вам условия капитуляции, которые вы обязаны выполнить. Эти условия я сообщу вам через час. Сколько у вас людей?

Зеневич. В условиях, когда части прибывают, убывают, трудно определить число людей.

Богомягков. Сосчитайте у котла и ждите условий капитуляции.

Зеневич. Слушаюсь».

Так Красноярск, крупнейший сибирский город со стотысячным населением и многочисленным гарнизоном, был взят красными войсками по телеграфу. В ночь на 7 января 1920 года 5-я армия, радостно приветствуемая населением города, вступила в Красноярск. Всего в районе Красноярска в плен сдалось около 60 тысяч солдат колчаковской армии. К востоку от Красноярска, у станций Камарчага, Балай, Клюквенная, 264-й головной полк дивизии настиг интервентов. Воспользовавшись ночной темнотой, красноармейцы отрезали путь на восток эшелонам врага. Дивизия польских легионеров и несколько чехословацких частей сложили оружие перед бойцами одного лишь красноармейского полка.

Армия Колчака перестала существовать. Но и части 30-й дивизии тоже понесли серьезные потери и после

красноярской операции вынуждены были отдыхать, пополняя и перестраивая свои ряды.

Реорганизации подверглась и кавалерия 30-й дивизии, сильно пострадавшая во время боя под Большим Кемчугом. В Красноярске вместо отдельных кавалерийских дивизионов был сформирован кавалерийский полк, командиром его 23 января 1920 года был назначен Константин Рокоссовский.

Формирование нового полка было делом непростым. Для пополнения рядов кавалеристов Рокоссовскому предстояло принять несколько сот новых красноармейцев, в большинстве своем бывших сибирских партизан. Храбрые и выносливые бойцы, они не привыкли еще к армейской дисциплине и не обладали всеми навыками, необходимыми кавалеристам. Имелись среди вновь поступивших и бывшие колчаковские солдаты, которые требовали пристального внимания командира полка. Наконец, лошади, как правило, были истощенными и нуждались в уходе и лечении. Естественно, что у нового командира полка, не имевшего к тому же опыта руководства крупной кавалерийской частью, было полно хлопот.

Добиться в кратчайшие сроки боеспособности полка Константину Рокоссовскому помогал Николай Сергеевич Шаблинский, назначенный помощником командира 30-го кавалерийского полка по строевой части. Военная судьба Шаблинского была схожа с судьбой Рокоссовского. Белорус по национальности, он начал военную службу еще в 1912 году в 3-м гусарском Елизаветградском полку и в старой армии дослужился до подпрапорщика. В Красную Армию Шаблинский вступил добровольцем в конце 1917 года и в 1-м Уральском кавалерийском полку воевал вместе с Рокоссовским с сентября 1918 года. Коммунист с 1918 года, Шаблинский, обладавший твердым характером, энергией, пользовавшийся большим авторитетом у красноармейцев, был верным и надежным помощником Константина Рокоссовского во время совместной службы в 30-м кавалерийском полку.

Заботы о полке отнимали у Рокоссовского почти все время, и только изредка он вместе с товарищами позволял себе прогулку по Красноярску (полк стоял на окраине города) или по его окрестностям. Сам по себе Красноярск в то время был не слишком-то привлекателен, все улицы и площади его были немощеными, тротуары деревянными, как и подавляющее большинство домов. Но окрестно-

сти Красноярска не могли не нравиться. С Красноярска начиналось для Рокоссовского знакомство с природой Восточной Сибири, где ему довелось прожить много лет.

К 20-м числам февраля 1920 года полк был в основном сформирован. Состоял он из четырех эскадронов, коннопулеметной команды и команды связи. В таком составе 30-й кавалерийский полк 22 февраля выступил на восток.

Хотя в начале января 1920 года большинство войск армии Колчака сдалось в плен под Красноярском, гражданская война на востоке страны еще была далека от завершения. Главным противником, который противостоял теперь дивизиям 5-й армии, были чехословацкие интервенты, не успевшие все-таки своевременно убраться восвояси.

В середине января 1920 года полки 30-й дивизии возобновили движение на восток и сразу же натолкнулись на эшелоны чехословаков, простаивавшие из-за отсутствия топлива. 15 января у Канска 30-я дивизия наголову разбила интервентов. Потом последовало столкновение под Нижнеудинском, под станцией Зима... Минуло то время, когда разрозненные красногвардейские отряды были вынуждены отступать под напором чехословацких батальонов. Интервенты по-прежнему не испытывали недостатка в оружии, обмундировании и продовольствии. Но теперь им противостояли полки революционной Красной Армии, закаленные в боях, ведомые опытными и решительными командирами. Бойцы этой армии, уверенные в правоте дела, за которое они сражались и ради которого совершили беспримерный в истории поход в 3 тысячи верст по заснеженной Сибири, в то же время были прямыми наследниками боевых традиций регулярной русской армии. И каждое их столкновение с интервентами кончалось для чехословацких легионеров поражением, тяжелыми потерями. Спасались от яростного натиска бойцов 30-й дивизии легионеры только тем, что взрывали за собой мосты, лишая таким образом красные войска возможности преследовать их по железной дороге.

После сокрушительного поражения под станцией Зима 6 февраля 1920 года руководители чехословацких легионеров под угрозой полного уничтожения запросили перемирия. Советское командование не хотело лишнего пролития крови и предоставило им возможность свободного продвижения на восток для выезда в свою страну. Решение это было принято, несмотря на то, что бойцы 30-й ди-

визии, начиная с рядовых красноармейцев и кончая командиром ее, рвались вперед, чтобы рассчитаться с легионерами. Постепенно эшелоны чехословаков, минуя Иркутск, уходили в Забайкалье.

Между тем остатки колчаковской армии, так называемая группа генерала Каппеля, воспользовавшись перемирием между красными войсками и легионерами, сумели значительно опередить чехословаков, двигаясь по Сибирскому тракту пешком и на санях к Иркутску. К концу января группа насчитывала 6—7 тысяч человек. Здесь находились наиболее упорные враги Советской власти. Это были самые крепкие физически и морально люди. В суровую сибирскую зиму они отступали от Омска до Иркутска, то есть более 2500 километров, в большинстве пути пешком или на санях. Приближаясь к Иркутску, они мечтали овладеть городом хоть на один день, отогреться, одеться. Кроме того, каппелевцам было известно, что в Иркутске находится их глава — адмирал Колчак, арестованный и выданный чехословаками Иркутскому ревкому.

Но в Иркутск каппелевцев не пустили восставшие рабочие города и солдаты гарнизона. После ожесточенных боев каппелевцы, узнавшие, что Колчак в ночь на 7 февраля расстрелян по решению Иркутского ревкома, обошли Иркутск и 9 февраля у села Лиственничного, там, где Ангара вытекает из Байкала, спустились на лед озера, ушли под защиту японцев, оккупировавших Забайкалье.

30-й кавалерийский полк Рокоссовского в этих завершающих боях по разгрому колчаковцев и чехословацких интервентов не участвовал. Отправившись в конце февраля 1920 года из Красноярска, полк успел лишь к торжественному акту, знаменовавшему завершение блестящего похода 30-й дивизии по Сибири — вступлению Красной Армии в Иркутск.

Ночевали неподалеку от города. На рассвете 7 марта советские войска, построенные в походную колонну, двинулись в Иркутск. День оказался теплым, ясным, как бы специально подгадавшим для праздника, состоявшегося в главном городе Прибайкалья.

С раннего утра горожане устремились к Ангаре, откуда к 10 часам утра ожидался приход красных полков.

Первыми в город вошли кавалеристы 30-й дивизии. «Известия» Иркутского ревкома так описывали встречу героев в этот незабываемый день: «Вот вдали реют крас-

ные знамена советских войск. Музыка заиграла бодрый военный марш. Идет Красная лихая конница уральцев. Лица загорелые, обветренные и такие близкие, родные, серьезные... Старое знамя уральцев вылиняло в походе, но боевые лозунги чудесно сохранились и трепещут смертельной угрозой для врага. За конницей идет старый советский Красноуфимский полк...»

Под музыку военного оркестра, игравшего боевые марши, проследовали кавалеристы по улицам праздничного города. Дома его были украшены плакатами и флагами, на перекрестках стояли мастерски сделанные из снега фигуры красноармейцев, державших на изготовку винтовки. Возле ревкома и других советских учреждений были устроены трибуны и арки, украшенные ветками елей. С трибун произносились приветственные речи.

После парада и речей войска проследовали на отведенные им квартиры. К вечеру бойцы отдохнули и отправились в театры и кино, работавшие в этот день специально для частей Красной Армии. Так закончился освободительный поход от Урала до Иркутска, совершенный 30-й стрелковой дивизией. За свои подвиги в борьбе против войск Колчака и интервентов дивизия получила высокую награду — орден Красного Знамени и почетное право именоваться 30-й Иркутской стрелковой дивизией.

Колчаковская армия перестала существовать, но гражданская война в Забайкалье и на Дальнем Востоке еще не окончилась. Поэтому порох следовало держать сухим.

Военно-политическая обстановка начала 1920 года не позволяла продолжать дальнейшее наступление советских войск на восток — это вызвало бы столкновение с японскими интервентами, располагавшими в Забайкалье и на Дальнем Востоке значительными силами. Воевать с Японией Советская Россия была не в состоянии. Учитывая международную обстановку, ЦК РКП(б) по предложению Ленина принял решение отказаться от немедленного провозглашения Советской власти в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Был выработан курс на создание промежуточного буферного государства — Дальневосточной республики (ДВР).

Март — апрель 1920 года Константин Рокоссовский провел в Иркутске. 30-й кавалерийский полк после нескольких дней квартирования в городе был переведен в

большое село неподалеку от Иркутска. Несколько недель полк активно готовили к дальнейшим военным действиям, он получил пополнение людьми — партизанами и бывшими солдатами и офицерами белых армий, добровольно перешедшими на сторону народа.

К середине апреля полк представлял собой порядочную силу: в нем насчитывалось 1080 человек, из них 745 «активных сабель». Немалым был и конский состав полка — 854 лошади. Снабжение, обмундирование, а главное, обучение столь крупной войсковой единицы требовали от 23-летнего командира полка полной отдачи сил и времени.

Положение Советской республики продолжало оставаться очень напряженным, и можно было ожидать, что придется еще не раз скрестить оружие с врагом. В Забайкалье боевые действия не прекращались. Народно-революционная армия ДВР попыталась уже в апреле 1920 года ликвидировать так называемую «Читинскую пробку». Под этим термином подразумевались в этот период все районы Забайкалья, оккупированные японскими интервентами и белогвардейцами, в основном вдоль железных дорог Могзон — Чита — Пашенная и Карымская — Маньчжурия, отделявшие буферное Прибайкалье от советских районов Амура.

Бои шли с переменным успехом, и постоянно существовала угроза, что молодая народно-революционная армия, еще недостаточно окрепшая, потерпит поражение, если японские интервенты усилят натиск. На выручку товарищам по борьбе и была отправлена 30-я стрелковая дивизия, занявшая позиции в тылу народно-революционной армии на трехсоткилометровом расстоянии от низовьев реки Селенги до самой китайской границы — до Кяхты. Пехотные части выступили еще в апреле, а 30-й кавалерийский полк отправился лишь 9 мая. Теперь Константину Рокоссовскому предстояло ехать еще дальше на восток, в места, о которых и он, и большинство его современников мало что могли знать, настолько отдаленными были они тогда.

Эшелоны медленно обогнули Байкал и проследовали до станции Мысовская (ныне город Бабушкин). Отсюда полку предстояло совершить двухсоткилометровый переход к границе. Переход был очень труден, особенно первая его часть, где на протяжении 60 верст не было ни одного населенного пункта. Правда, красота пути, по ко-

торому следовали кавалеристы, возмещала сторицей все перенесенные ими невзгоды.

Сначала дорога шла по берегу реки Мысовой, то по правой, то по левой ее стороне. Русло быстрой горной реки, берега которой густо заросли лесом и кустами, было усеяно крупными валунами. Переливаясь по камням и падая с них, образуя во многих местах красивые водопады, вода настолько сильно шумела, что временами трудно было разговаривать. Целый день поднимался полк вверх к перевалу через Хамар-Дабанский хребет.

На вершине перевала еще лежал снег, и только дорога, расчищенная саперным батальоном, начинала немного притаивать. За перевалом дорога следовала вдоль речки Удунги, берега которой обступил беспросветный лес. Постепенно долина реки расширялась, становилась все более светлой и веселой; горы все более оголялись от леса, и очертания их становились мягкими, и вскоре стала видна круглая, глубокая, необъятная котловина — Боргойская степь, — окруженная со всех сторон по горизонту, как исполинскими крепостными валами, горными хребтами, покрытая уже яркими цветами, с рассеянными по степи редкими бурятскими поселками, возле которых пестрели большие стада овец.

В пути полк пробыл неделю и 15 мая находился уже на русско-монгольской границе, протянувшейся по быстрой мутной реке Джиде. На Джиде, левом притоке Селенги, имелись зажиточные русские поселения. В одном из них разместился штаб 30-го полка, сменившего здесь 266-й полк 30-й стрелковой дивизии.

На долю полка Рокоссовского выпала охрана 70-верстного участка границы на крайне-правом фланге дивизии. Этот огромный участок нужно было превратить в укрепленный район. Кавалеристы, продолжая начатое их товарищами-пехотинцами дело, рыли окопы, возводили блокгаузы, оборудовали артиллерийские позиции, прокладывали новые дороги, готовили этапные пункты и зимнее жилье.

Одновременно командир полка не забывал и о боевой учебе. Красноармейцы совершенствовали огневую и тактическую подготовку, занимались в школах ликвидации безграмотности и политграмоты. Молодой командир старался во всем разобраться сам, и, когда летом 1920 года в 30-й дивизии были проведены маневры, они показали, что кавалерийский полк Рокоссовского обладал уже поря-

дочной сплоченностью, а командир его многому научился. В аттестации, составленной в это время комиссаром 30-й дивизии о молодом командире кавалерийского полка, наряду с анкетными данными сказано и следующее: «К общему делу организации Красной Армии относится как коммунист. Характер мягкий. В работе энергичный. Среди красноармейцев, комсостава и партийных организаций большим авторитетом пользуется. Смелый боевик, показывающий в наступлении пример храбрости...»

Серьезной проблемой для командира полка постоянно оставалось снабжение своих бойцов продовольствием. Места вокруг, правда, были богатые, в реках было полно рыбы, а в сопках сколько угодно дичи. Но охотиться и ловить рыбу было нельзя: вся эта живность почиталась коренным населением этих мест — бурятами — священной, и самовольные уловы могли только расстроить отношения с бурятами, в особенности с влиятельными тогда среди них буддийскими ламами.

Такая же проблема стояла и перед другими частями дивизии, и ее командир Грязнов решил этот вопрос с дипломатической осторожностью. Подобрав специальную делегацию, комдив отправился на переговоры к главе буддийского духовенства в России ламе-ахаю. Среди командиров дивизии, стремившихся ради любопытства посмотреть на верховного ламу, был и Рокоссовский. Ранее ему и в голову не приходило, что он будет на приеме у столь экзотического, на взгляд европейца, духовного лица.

Резиденция верховного ламы — Гусиноозерский дацан, окруженный 17 небольшими, деревянными, одноэтажными, с куполами буддийскими храмами, — находилась в 25 верстах от Селенгинска, среди каменной пустыни, на юго-западном берегу также пустынного Гусиного озера. Здесь возвышалось огромное белое трехэтажное здание китайской архитектуры, украшенное наверху символической фигурой двух вызолоченных, блестящих на солнце оленей с колесом между ними. На однообразном и унылом фоне пустыни это белое здание особенно выделялось, казалось величественным и грозным.

Пытался выглядеть величественным и верховный лама, но ему это плохо удавалось. И на него, и на его приближенных делегация, возглавляемая Грязновым, произвела очень большое впечатление. Красные командиры подъехали к буддийскому святилищу на двух «фиатах» и двух «мерседесах», отвоеванных у колчаковцев еще под Крас-

нoярском, в сопровождении кавалькады блестящих всадников, одетых в новенькую красноармейскую форму. Появление такой видной делегации произвело на буддийских монахов должное впечатление, и верховный лама объявил своим верующим, что запрет на ловлю рыбы и отстрел дроф не распространяется больше на красноармейцев.

С этого времени красноармейцы не испытывали острой нужды в мясе и рыбе, хотя по-прежнему страдали от недостатка хлеба: бывали периоды, особенно в мае — июне 1920 года, когда кавалеристы не видели хлеба целыми неделями и хозяйственная часть полка выбивалась из сил, доставляя его через Хамар-Дабанский хребет.

Еще сложнее обстояло дело со снабжением лошадей. Так как местное бурятское население хлебопашеством почти не занималось, овса раздобыть было невозможно, и лошади находились на подножном корму. Этого было явно недостаточно, если учитывать расстояния, на которые приходилось совершать переезды кавалеристам при охране границы.

Крупных боевых столкновений у кавалеристов Рокоссовского в этот период не было, но назвать спокойной службу на границе никогда нельзя. За рекой Джидой, в пределах Монголии, скрывались бежавшие от Красной Армии белогвардейцы. В Восточном Забайкалье шли упорные бои по ликвидации «Читинской пробки». Казачье население станиц относилось к красноармейцам настороженно, нередко и враждебно, да и в самом 30-м кавалерийском полку часть вновь принятых красноармейцев требовала строгого присмотра.

В начале июня эскадроны были расквартированы по разным деревням. Штаб полка вместе с 1-м и 2-м эскадронами, состоявшими в большинстве из старых красноармейцев, находился в одной станице. 3-й эскадрон, куда входили западносибирские партизаны, размещался верстах в четырех от штаба, а 4-й эскадрон, в котором имелось много бывших колчаковцев и казаков, Рокоссовский счел целесообразным поместить подальше от границы. Как стало известно впоследствии, среди бойцов 4-го эскадрона созрел заговор, организованный несколькими бывшими колчаковскими офицерами и двумя поляками — в прошлом легионерами, работавшими писарями в штабе. Заговорщики собирались напасть на штаб,

разгромить его и уйти в Монголию. Случай воспрепятствовал полному осуществлению их плана.

В первых числах июня полковой казначей Грамматчиков возвращался из отдела снабжения дивизии с деньгами для выдачи жалованья. Во избежание лишних разъездов он отправился сначала в 4-й эскадрон. Подъезжая ночью к деревне, где стоял эскадрон, Грамматчиков заметил в ней необычное и показавшееся ему странным оживление. Въехав в деревню, он убедился, что бойцы эскадрона седлают лошадей. Тогда осторожного казначея взяло сомнение, на виду собирающихся в поход кавалеристов он повернул и во весь опор ускакал. Добравшись до штаба полка, он сообщил там об увиденном.

Так как 4-й эскадрон никаких приказаний о выступлении не получал, Рокоссовский поднял на ноги оба эскадрона, и отряд галопом понесся к месту происшествия. В деревне было уже пусто. Казаки эскадрона — 60 человек, вспугнутые полковым казначеем, бежали в полном вооружении. Рокоссовский организовал погоню, но беглецы успели перейти монгольскую границу. Комиссия политотдела дивизии, расследовавшая это происшествие в полку, удалила из его рядов еще около 20 бывших белогвардейцев.

На отдаленном участке границы Советской республики Константин Рокоссовский нес службу до 18 августа 1920 года. В этот день был подписан приказ о перемещении Рокоссовского на должность командира кавалерийского полка в 35-й стрелковой дивизии, также входившей в состав 5-й армии. Приходилось расставаться с боевыми товарищами, делившими с ним на протяжении двух с лишним лет и горечь поражений, и радость побед. Рокоссовский уже собирался уезжать, когда стало известно, что и вся 30-я дивизия покидает Забайкалье. В начале сентября 1920 года пришел приказ о переброске дивизии в Европейскую Россию. Поскольку в это время шли упорные бои на советско-польском фронте и войска Красной Армии, понеся поражение под Варшавой, вынуждены были отступать, резонно было предположить, что 30-я дивизия отправляется на Западный фронт. Естественно, что Константин Рокоссовский очень хотел вместе с дивизией возвратиться в места, где прошла его юность и где находились родные, о судьбе которых он вот уже 5 лет ничего не знал. Рокоссовский обратился с просьбой об оставлении в дивизии к ее командиру, и тот поддержал эту

просьбу. В архивном фонде 5-й армии хранится телеграмма Грязнова в штаб армии от 2 сентября 1920 года: «Комполка 30 кавалерийского тов. Рокоссовский согласно приказа войскам армии № 1254 долженствующий отправиться в распоряжение начдива 35 для вступления в должность комполка 35 кавалерийского, в связи с новым назначением дивизии ходатайствует, как старый доброволец, коммунист польской национальности, об оставлении его в дивизии и отправке с дивизией на Западный фронт. Подтверждая ходатайство тов. Рокоссовского, прошу об оставлении его в кавполку, независимо от командирования на должность комполка тов. Троицкого».

На телеграмме имеется карандашная резолюция начальника штаба армии: «Сообщить начальнику 30 стрелковой дивизии, что приказ по армии за № 1254 остается без изменения». Приказ есть приказ, и Рокоссовский остался в Восточной Сибири. Увидеть Польшу ему довелось лишь спустя 24 года. Впрочем, 30-й дивизии также не пришлось сражаться с белополяками. К концу сентября 1920 года, когда эшелоны дивизии добрались до Европейской России, с польским правительством уже велись переговоры о мире и дивизию бросили против врангелевцев. В боях против «черного барона», во время штурма Чонгарского моста, дивизия завоевала первой среди частей РККА почетнейший титул «имени ВЦИК».

Командование 35-й дивизии телеграммами торопило нового командира конного полка с приездом и приемом вверенной ему части. 5 сентября Рокоссовский выехал в Иркутск, где размещался полк, а 11 сентября уже датирован подписанный им приказ по 35-му полку: «Сего числа в командование 35-м конным полком вступил, приняв таковой от тов. Троицкого в следующем составе: командно-административного состава 28/5[1], налицо 22/5, красноармейцев: строевых по списку 732, налицо 688, хозяйственно-нестроевых по списку 194, налицо 180; лошадей строевых по списку 385, налицо 345, обозных по списку 92, налицо 92...»

В сражениях, вплоть до июня 1921 года, 35-й конный полк не участвовал, и новый его командир, которому не исполнилось еще и 24 лет, целиком погружается в строевые и хозяйственные дела, трудится упорно и целе-

[1] В числителе дроби — командный состав, в знаменателе — административный.

устремленно, овладевая сложным искусством управления полком. На предыдущей должности это давалось ему нелегко, и в уже упоминавшейся аттестации, составленной в 30-й дивизии летом 1920 года, наряду с лестными для Рокоссовского словами имелись и следующие: «Занимаемой должности не вполне соответствует. Отсутствует умение правильно распределить силы полка... По занимаемой должности оставляет желать лучшего».

Отмеченные начальником штаба 30-й дивизии недостатки Рокоссовского в качестве командира можно целиком объяснить его молодостью и неопытностью в руководстве столь крупной боевой единицей, как конный полк. Впоследствии в аттестациях, которые будут давать Рокоссовскому его начальники, никогда больше не встретятся слова о том, что он «оставляет желать лучшего». Упорным трудом добивается Рокоссовский того, чтобы стать настоящим командиром, и документы той поры показывают, как он меняется. Теперь это не только лихой кавалерист, готовый отправиться в окопы противника или атаковать в конном строю батарею врага. Теперь это уже командир, отвечающий за жизнь нескольких сот людей, сознающий, что эти люди в любой момент должны быть готовы исполнить свой воинский долг, а он, их командир, обязан сделать все, чтобы его подчиненные выполнили этот долг по возможности лучше.

Вот он через день после приема нового полка рапортует в штаб 35-й дивизии: «Доношу, что принятый мною 35-й конный полк в таком состоянии, в каком находится в настоящее время, как кавполк никакой боевой силы из себя не представляет. Из числа 437 лошадей, имеющихся в полку, половина подлежит выбраковке как совершенно негодная для несения службы. 35% конского состава с наминами спин, что служит доказательством непригодности к кавслужбе людей, в большинстве бывших пехотинцев и по недоразумению попавших в кавалерийский полк. Из имеющихся в полку 416 седел разного типа вполне исправных насчитывается 160, а остальные необходимо заменить и часть ремонтировать. Дабы избегнуть напрасной затраты фуража, необходимо назначить комиссию для выбраковки совершенно непригодных к дальнейшей службе лошадей...» И, завершая свой рапорт, Рокоссовский пишет: «Донося Вам о состоянии полка, в каковом я его принял, прошу оказать содействие в пополнении конским составом, а также всем необходи-

мым для приведения полка, как кавалерийского, в соответствующее состояние».

Как видно из рапорта, обстановка в новом полку Рокоссовского была тяжелой. Еще в конце июля 1920 года комиссия, рассматривавшая положение дел в полку, признала, что строевая и боевая подготовка бойцов 35-го конного полка недостаточна, «обмундирование пришло в ветхость и крайне оборванное, отчего вид людей крайне плохой. Шинелей нет, сапог недостаточно, и даже в строю находились босые. Белье по одной паре, портянок, полотенец и носовых платков нет». Такое состояние полка вызывало тревогу комиссии, и она требовала принять самые энергичные меры для подъема полка. На долю Рокоссовского и выпало осуществление этих мер.

В ответ на рапорт Рокоссовский получил заверение, что все возможное будет сделано. Но дать все необходимое полку не могло и командование армии: слишком тяжелым было положение Советской России осенью 1920 года, война и разруха ставили много казавшихся неразрешимыми проблем. В этих условиях решающее значение имели инициатива и энергия командира полка. Рокоссовский действует энергично. Особенно тревожился он за лошадей, так как за свою шестилетнюю службу кавалериста имел много раз возможность убедиться, что кавалерист, у которого плохая лошадь, — плохой боец. Через несколько дней вслед за только что цитированным рапортом в штаб 35-й дивизии направляется новый: «Доношу Вам, что дальнейшее оставление полка на стоянке в г. Иркутске влечет за собой факт лишения конского состава, так как опродкомдивом в зерне полку отказано, ввиду недостатка такового, сена также нет. Пастбище, коим до сего времени пользовался полк, в настоящее время совершенно выбито лошадьми; единственный выход из положения — скорейший вывод полка из Иркутска в деревню. Подходящим районом, и никем не занятым, является деревня Мальта (что 70 верст северо-западнее Иркутска) в двух верстах от железной дороги. В указанном районе полк в состоянии в крайности прокормиться даже соломой, коей там имеется в достаточном количестве...»

Командование дивизии согласилось с необходимостью перемещения полка, и через две недели он в полном составе отбыл из Иркутска. Штаб и часть эскадронов разместились в Мальте — зажиточном торговом селе, а дру-

гие эскадроны — в семи с половиной верстах, в селе Бадай. Здесь полк и пробыл осень 1920 года.

Уже в первые недели своего пребывания в полку Константин Рокоссовский ввел строгий распорядок дня и требовал неукоснительного его соблюдения. Чтобы иметь представление о том, как молодой командир организовал работу с личным составом, познакомимся с этим распорядком дня.

Каждое утро бойцы и командиры поднимались в 6 часов; до 8 часов следовали уборка, завтрак и утренняя поверка. Затем начинались занятия. Вот их расписание на неделю:

«Понедельник: с 8 до 11 часов — приемы огнестрельным и холодным оружием. Эскадронные учения (пеше по конному), с 14 до 16 часов — дисциплинарный устав, с 16 до 18 — политбеседа.

Вторник: с 8 часов — полковые учения конные; с 16 до 18 — политбеседа.

Среда: с 8 до 11 — приемы холодным и огнестрельным оружием. Рубка лозы. Эскадронные учения (пеше по конному). С 14 до 16 — полевой устав, с 16 до 18 — политбеседа.

Четверг: с 8 до 11 — эскадрон в сторожевом охранении. Заставы, полевые караулы. Дозоры, наступательный бой эскадрона в пешем строю. С 14 до 16 — полевой устав; с 16 до 18 — политбеседа.

Пятница: с 8 до 11 — эскадронные учения (пеше по конному). Лава эскадрона. Смыкание лавы по крыльям. Атака. С 14 до 16 — устав внутренней службы.

Суббота: чистка оружия, приведение в порядок снаряжения».

С 18 до 21 часа бойцы Рокоссовского убирали лошадей, затем следовал ужин и вечерняя поверка. И так из недели в неделю, несмотря ни на что.

Учились и командиры. Рокоссовский составил расписание занятий командиров и строго следил за его соблюдением. Надо сказать, что и в 30-м, и в 35-м конных полках ему повезло с товарищами. Это были в подавляющем большинстве хорошие командиры, и Рокоссовский с полным основанием мог писать о них уже в ноябре 1920 года: «Весь строевой комсостав в строевом отношении подготовлен в достаточной степени, дисциплинирован и исполнителен. В теоретическом — слабо, но заметно

стремление к пополнению знаний. Отношение к служебным обязанностям — сознательное...»

Неутомимая энергия командира полка стала давать положительные результаты уже вскоре после его назначения. 26 октября инспектор кавалерии 5-й армии осматривал полк и пришел к выводу, что «люди полка размещены свободно, помещения содержатся в чистоте, довольствие получают на руки полностью. Обмундирование имеется в достаточном количестве и хорошего качества». Только обувь, по замечанию инспектора, у 10 процентов бойцов требовала замены. Особо следует отметить завершающий вывод инспектора: «Все оружие и оружейные принадлежности содержатся в образцовом порядке и чистом виде». Вывод этот весьма характерен: в те тяжелые для всей страны времена в полку Рокоссовского у бойцов могло не хватать обуви, лошади не всегда получали достаточное количество фуража — далеко не все мог здесь сделать командир полка, слишком многое от него не зависело, — но всегда и в 30-м полку, и в 35-м, и в других частях, которыми командовал Рокоссовский, все комиссии отмечали, что «оружие содержится в образцовом порядке» и бойцы Рокоссовского всегда готовы были взять это оружие и немедленно пойти в бой. А в том, что его бойцы умеют владеть оружием, Рокоссовский был уверен, так как тратил на их обучение все свои силы.

Зимой 1920/21 года, правда, 35-му конному полку серьезных боев вести не пришлось, лишь всю осень эскадроны его участвовали в операциях против банд, иногда довольно крупных. Одной из самых больших была операция по разгрому банды у селения Евсеево. Здесь 2 ноября эскадрон полка окружил и заставил сложить оружие около 50 бандитов.

Одновременно часть бойцов привлекалась к проведению продразверстки в соседних районах, иногда на значительном удалении от полка. Так, 31 октября в распоряжение продовольственных органов армии было выделено 100 человек, через неделю — еще 158.

Командиры и бойцы не только учились, не только дрались с бандами, но и участвовали в сельскохозяйственных работах. В начале октября полк провел Неделю помощи крестьянам. Распределив людей на две смены и чередуя их ежедневно, Рокоссовский с одной группой бойцов занимался по установленному расписанию, а другая часть в это время работала в селах Мальта и Бадай. Крас-

ноармейцы косили горох, молотили хлеб. В Мальте командир полка болел — тиф, наконец, добрался и до него. Несколько недель Рокоссовский провел в постели.

Долго оставаться в Мальте не пришлось — деревня была слишком мала для размещения полка, и с начала декабря 1920 года полк перемещается еще западнее, в село Уян, на левом берегу реки Оки, в 48 верстах севернее станции Зима. Место это было гораздо более глухим, даже по сравнению с Мальтой, но тут можно было с грехом пополам прокормить лошадей. По-прежнему полк на протяжении всей суровой зимы 1920/21 года начинал свой день с занятий утренней гимнастикой, причем командир подавал в этом, как и во всем остальном, пример своим подчиненным. Регулярно проводились манежная езда, взводные, эскадронные и полковые учения и т. д. В свободное время красноармейцы помогали крестьянам. Приходилось бороться и с бандитизмом. Памятна для Рокоссовского погоня за бандитами в конце января 1921 года.

Вместе с эскадроном он возвращался с учения через село Листьянка. На единственной улице этого глухого села внимание кавалеристов привлекла большая группа крестьян, молча стоявшая около дома, из окон которого доносились рыдания нескольких женщин.

— В чем дело? — придерживая коня, спросил Рокоссовский.

— Да вот председателя нашего... убили, товарищ командир, — тихо ответили из толпы.

Выяснилось, что один из местных жителей, дезертир, скрывавшийся где-то поблизости, среди бела дня убил председателя сельского Совета. Когда сельский милиционер и случайно оказавшийся в селе красноармеец попытались его задержать, дезертир убил милиционера, ранил красноармейца и бежал. По словам крестьян, он не мог еще уйти далеко. Быть проводником никто из крестьян не захотел: они боялись мести бандита.

— За мной! — приказал Рокоссовский.

Не успели конники сделать и трех верст, как навстречу им попались два крестьянина, у которых дезертир и трое ожидавших его таких же, как он, лесных бродяг отобрали подводу. Один из ограбленных крестьян с готовностью сказал, куда могла направиться шайка, и согласился проводить отряд.

Отряд Рокоссовского настиг бандитов на лесной заимке, но захватить их врасплох не удалось. Попытка приблизиться к избе была встречена ружейным огнем.

Тогда отряд обложил заимку со всех сторон.

Экономя патроны, бандиты не отвечали на выстрелы. Рокоссовский послал к ним крестьянина с предложением сдаться. Дезертиры не отпустили парламентера обратно.

Командир эскадрона Чижов решил действовать энергично, хотя Рокоссовский и советовал подождать. Под прикрытием огня пулемета «льюис» бойцы, возглавляемые Чижовым, двинулись к заимке. Немедленно последовали выстрелы, и одним из них в грудь навылет был ранен Чижов. Пули же красноармейцев не достигли цели: срубленная из вековых сосен, заимка была хорошим укрытием.

— Назад! — приказал Рокоссовский. — Подождем ночи и обойдемся без потерь.

К этому времени к заимке подошел и отряд красноармейцев 310-го полка, товарища которых ранил дезертир. Ночи, очевидно, ждали и осажденные — только воспользовавшись темнотой, можно было рассчитывать спастись бегством.

Едва сгустились сумерки, цепь красноармейцев сделала вновь попытку приблизиться к заимке. Дезертиры оборонялись упорно и стреляли метко: они убили одного красноармейца и еще двоих ранили. Видя бесполезность дальнейших приступов, Рокоссовский приказал поджечь заимку. Это удалось одному из подкравшихся красноармейцев. Когда пламя стало разгораться, из дома выскочил человек, но вслед ему раздались выстрелы, и он упал. Как обнаружилось впоследствии, это был крестьянин-парламентер, пытавшийся спастись. Дезертиры же не сделали попытки уйти из заимки: прозвучало несколько выстрелов — осажденные предпочли самоубийство плену.

Жизнь полка в этот период была нелегкой. По-прежнему очень много красноармейцев отвлекалось со службы для проведения продразверстки, по-прежнему лошади в полку недоедали и болели. Командира полка беспокоило, что он не может содержать полк так, как того требует устав, и свидетельство этого — следующее письмо, направленное им инспектору кавалерии 5-й армии в январе 1921 года: «Доношу, что с выделением из состава полка отрядов по выполнению различных задач в полку оста-

лось незначительное количество строевиков, кои поголовно расходуются для несения летпочты и домашних нарядов. Строевых лошадей в полку совершенно не осталось, так как все находятся в командировках. Люди, находящиеся в отрядах, разбросаны по улусам, по 2—3 человека, на протяжении 100 и более верст. Продолжительное пребывание в подобных условиях чувствительно отразится на спайке и дисциплинированности, а также на боевой и строевой подготовке людей полка, тем более что полк все время находится в стадии формирования и таковое фактически закончено не было... Из донесений начальников выделенных из полка отрядов видно, что отряды, выполняя возложенную на них задачу по проведению разверстки, заездили, в положительном смысле этого слова, лошадей, кои приходят в совершенно непригодное для несения службы состояние. По-видимому, высшей инстанцией упущено из виду то обстоятельство, что полк, носящий название *кавалерийского* (подчеркнуто Рокоссовским. — *В. К.*), должен в любой момент по первому требованию выполнить возлагаемую задачу... Доношу о вышеизложенном, ходатайствую перед Вами о принятии зависящих от Вас мер и оказании содействия к доведению полка к возможности не только носить название *кавалерийского*, но и походить на таковой».

К сожалению, и инспектор кавалерии, и командование 5-й армии не в состоянии были коренным образом изменить положение. Время было неимоверно тяжелым, и не только для Красной Армии— для всей Советской России. После окончания гражданской войны крестьянство не хотело больше мириться с продразверсткой, в промышленных центрах страны рабочие получали голодный паек, железнодорожный транспорт, по сути дела, был парализован, и в этих условиях требовался гений Ленина для того, чтобы вовремя осознать приближение катастрофы и принять меры для предотвращения ее. Как раз в начале 1921 года Ленин разрабатывает основы новой экономической политики, призванной ликвидировать последствия гражданской войны и интервенции.

В далекой Сибири в распоряжении руководства 5-й армии было не слишком много средств, чтобы изменить положение в частях. Одним из таких средств было сокращение состава частей, демобилизация красноармейцев старших возрастов. В начале февраля 1921 года приказ о демобилизации и переформировании полка в отдельный

кавалерийский дивизион в составе двух эскадронов получил и Рокоссовский. О проблемах, возникших перед командиром отдельного дивизиона, говорит его донесение в штаб дивизии: «На основании приказа к переформированию полка приступил. Прошу содействия к отзыву в полк отрядов, находящихся в командировках в Залари и Балаганске, так как только с прибытием таковых можно будет закончить переформирование. Прошу указать причины моего смещения с высшей на низшую должность. Согласно приказа РВСР 1648 перемещение производится только на основании указанных в приказе причин. По своему положению комкавдивом должен являться мой помощник по строевой части Раковский, и как поступить в отношении такового. По поводу моего назначения мною подан рапорт в штаб армии».

В ответ на рапорт Рокоссовский получил сообщение, что сокращение временное, и впоследствии дивизион вновь будет развернут в полк, и не следует считать, что его понижают в должности. В феврале — начале марта Рокоссовский провел переформирование своей части. На 15 марта в дивизионе осталось 449 человек — 348 сабель. С прежней энергией взялся он за сколачивание и обучение части. Вскоре пришла пора вновь вступить в бой — на восточных границах Советской республики снова зашевелились враги.

На этот раз опасность угрожала со стороны банд барона Унгерна. Барон Роман Унгерн фон Штернберг — потомок старинного немецкого рыцарского рода, с XIII века осевшего в Прибалтике и на протяжении сотен лет выжимавшего соки из прибалтийских крестьян. Унгерн в 20-летнем возрасте попал на Дальний Восток, где вскоре увлекся буддизмом, стал изучать китайский и монгольский языки. Во время первой мировой войны Унгерн дослужился до чина войскового старшины. К октябрю 1917 года он оказался в Забайкалье, стал помощником атамана Семенова и, начиная с декабря 1917 года, во главе созданной им «инородческой» конной дивизии вел непримиримую борьбу с Советской властью, прославившись чудовищными зверствами, ставившими его имя в ряд, совершенно исключительный в истории человечества, — казалось, нет на свете жестокости, на которую не был бы способен этот человек.

Главной его целью, как заявлял он уже в плену во время допросов в штабе 5-й армии, являлось восстановле-

ние монархического правления не только в России, но и во всем мире.

С презрением и ненавистью относился Унгерн к русскому народу. На допросах 1 и 2 сентября 1921 года он говорил, что «к судьбе России безразличен, так как, во-первых, не патриот, во-вторых, сторонник желтой расы и допускает оккупацию России Японией...», что «славяне не способны к государственному строительству». Немудрено, что образом Унгерна впоследствии любовались и германские фашисты, пьеса о нем годами не сходила со сцен фашистских театров.

Отделившись еще в августе 1920 года от Семенова, Унгерн двинул свою «конноазиатскую» дивизию насчитывавшую до 10 тысяч человек (ядро ее составляли восемь сотен забайкальских и оренбургских казаков), в Монголию. В начале февраля 1921 года ему удалось захватить столицу Монголии город Ургу (ныне Улан-Батор) и стать фактическим диктатором Монголии. С весны 1921 года барон начал систематическую подготовку к нападению на Советскую Сибирь и Забайкалье.

Угроза вторжения заставила командование 5-й армии принять соответствующие меры. Части 35-й дивизии, до этого времени выполнявшие различные работы на трудовом фронте, были спешно сосредоточены южнее озера Байкал. Туда же предстояло отправиться и отдельному кавалерийскому дивизиону 35-й дивизии.

23 марта эшелоны с кавалеристами двинулись в путь, а уже 27 марта они были на станции Мысовск. 29 марта Рокоссовский повел бойцов вновь знакомым путем через хребет Хамар-Дабан. На этот раз переход совершали зимой, а лошади в дивизионе по-прежнему оставались слабым местом. Поэтому перед выступлением в поход Рокоссовскому пришлось приказать: «Командирам эскадронов и начальникам команд при передвижении обратить самое серьезное внимание на сбережение консостава, не увлекаясь быстротой передвижения, делая не более 30 верст в сутки. Через двое суток похода иметь однодневные остановки...»

Перейти в марте перевал было очень трудно, и только 10 апреля Рокоссовский с бойцами добрался до станицы Желтуринской. Расположена эта станица была на реке Джиде, несколько западнее прошлогодней стоянки 30-го полка. Здесь же размещались и другие части 35-й стрелковой дивизии.

Обстановка на границе была более тревожной, чем год назад. Вторжения Унгерна следовало ожидать в любой момент, и надо было готовиться к нему. Мелкие отряды противника стали появляться на границе еще в апреле.

Вечером 28 апреля дивизион Рокоссовского получил приказание выступить для ликвидации бродившего поблизости неприятельского отряда. Немедленно Рокоссовский поднял своих красноармейцев и в два часа ночи выступил в юго-западном направлении. Всю ночь и все утро дивизион, не жалея лошадей, спешил к месту, где, по сведениям, находился враг.

В 11 часов утра, когда солнце стояло уже высоко над головой, передовой разъезд наткнулся на вражескую засаду. Заняв позиции на сопках, окружавших падь, белогвардейцы открыли ружейный и пулеметный огонь. По-видимому, это была часть отряда одного из подчиненных Унгерна — полковника Костерина. Перестрелка продолжалась около получаса без всякого видимого успеха, но когда Рокоссовский сделал попытку частью сил обойти противника, белогвардейцы бежали. Преследовать их на территории Монголии он не стал.

Пользуясь тем, что советские войска не преследовали их на монгольской территории, передовые отряды Унгерна вели разведку на протяжении всего мая. Лишь в конце его барон решился начать наступление. Основной удар он намеревался нанести на Троицкосавск и Кяхту. Помощник Унгерна — генерал Резухин предполагал напасть на Желтуринскую — большую и богатую казачью станицу.

30 мая Рокоссовский выслал в разведку один из эскадронов — 55 сабель. Уже в 18 верстах к югу от Желтуринской эскадрон наткнулся на крупный отряд противника; в завязавшейся перестрелке один красноармеец был убит. Пробиться через заставы врага эскадрону не удалось, и, выделив для наблюдения за противником 12 бойцов, эскадрон возвратился. В этот же день был обстрелян разъезд кавалеристов в другом месте. Сообщая об этом командованию, Рокоссовский писал: «В общем, наблюдается со стороны противника разведка небольшими частями в районе Желтуры, по-видимому, с целью нападения на таковую».

Командир 35-го отдельного дивизиона не ошибся — 31 мая бригада Резухина, в которой имелись уроженцы станицы Желтуринской, хорошо знавшие местность, сби-

ла заставы, выставленные Рокоссовским, и заняла кожевенный завод в девяти километрах от станицы. Рокоссовский принял все необходимые в данной обстановке меры к обороне Желтуринской. Выслав разведку для установления сил противника, он одновременно привел в боевую готовность весь личный состав дивизиона, вплоть до нестроевиков, приказал своим подчиненным занять боевые позиции и в случае наступления белогвардейцев упорно обороняться. В то же время Рокоссовский вступил в контакт с командирами пехотных частей, расположенных в станице, сообщил им о своих намерениях и договорился о взаимодействии.

На следующее утро Рокоссовский, решив не ограничиваться обороной, силами своего дивизиона атаковал кожевенный завод. Казаки Резухина не оказали серьезного сопротивления и отступили. Однако к вечеру подошли главные силы бригады Резухина.

С 9 часов утра 2 июня бой возобновился. Используя подвижность своей конницы и малочисленность красноармейских частей, Резухину удалось сбить пехотинцев 311-го стрелкового полка с их позиций в пяти верстах к югу от станицы и преследовать их вплоть до окраины Желтуринской. Но здесь красноармейцы остановили белобандитов.

Перегруппировав силы, Резухин в 11 часов возобновил наступление. Поддержанные артиллерийским огнем, казаки его вскоре сумели отрезать от основных сил и окружить 2-й батальон 311-го полка, едва насчитывавший 200 красноармейцев. Бойцы, несмотря на огромное неравенство в силах, упорно сопротивлялись, и пример им в этом показал комиссар батальона Козлов, героически погибший в рукопашной схватке. Все же батальон, вероятно, погиб бы, но исход боя решило вмешательство 35-го отдельного дивизиона Рокоссовского.

Накануне дивизион был отведен в резерв и находился на правом фланге у станицы. Издалека Рокоссовский видел, как отступают красноармейские стрелковые цепи, как окружают их резухинцы. Но не таков был Константин Рокоссовский, чтобы видеть гибель товарищей и не попытаться помочь им. Короткие приказания, и:

— За мной, товарищи! Руби гадов!

Впереди эскадронов летит на гнедом англо-дончаке Константин Рокоссовский. На нем выгоревшая от солнца, взмокшая от пота гимнастерка, защитного цвета фураж-

ка со звездой. В последний раз он в кавалерийском строю атакует врага.

Удар красных кавалеристов страшен, и казаки Резухина не выдержали его. Опрокинутые, они бегут.

— Вперед, товарищи! Вперед! Руби их, не давай опомниться!

Сколько врагов зарубил в этой схватке командир дивизиона — знал только он. Впоследствии в своих воспоминаниях он напишет: «нескольких».

Вдруг боевой конь командира споткнулся, пробороздил мордой землю и повалился. Насмерть срезала его вражеская пуля. Привычно соскочил Рокоссовский с падающей лошади и тут же свалился сам — пуля врага пронзила и его ногу, а он в азарте боя этого не заметил. Через секунду командир дивизиона был вновь на ногах. Ординарец подводит ему нового коня. Как будто и нет ранения — Рокоссовский снова в седле, снова руководит кавалеристами.

Разбитый враг бежит, напряжение боя стихает, а потеря крови уже дает себя знать. Рокоссовский спешивается, ординарец вспарывает сапог. Он полон крови... За бой под станицей Желтуринской Реввоенсовет РСФСР вторично наградит командира 35-го отдельного кавалерийского дивизиона Константина Константиновича Рокоссовского орденом Красного Знамени.

Рана оказалась очень серьезной. Пуля перебила кость. В тот же день, сдав дивизион своему заместителю — Ивану Константиновичу Павлову, Рокоссовский отбывает в госпиталь. Расположен был этот госпиталь все в том же Мысовске. Здесь он пробыл июнь и июль 1921 года.

Между тем борьба с Унгерном продолжалась. Видную роль в ней играли бойцы Рокоссовского. На протяжении всего лета 1921 года они преследовали отряды Унгерна, показав завидную выносливость. Видимо, хорошо готовил их к боям зимой 1920/21 года Константин Рокоссовский.

Отбросив в июне Унгерна от границ Советской республики, части экспедиционного корпуса по просьбе Временного народно-революционного правительства Монголии двинулись на освобождение Урги и 6 июля 1921 года вступили в нее. Тем временем Унгерн, узнавший, что основные силы советских войск ушли в Монголию, еще раз перешел границу и бросился на север, намереваясь прорваться к Сибирской железной дороге, взорвать тоннели и прекратить сообщение на этой важнейшей магистрали.

Вполне реальной в конце июля 1921 года стала угроза прорыва Унгерна к Мысовску.

Рокоссовский, узнав, что городу грозит нападение Унгерна, не стал ожидать приказа или тем более эвакуации, на которую имел полное право. По его требованию медицинские сестры прибинтовывают еще не выздоровевшую ногу к двум палкам, Рокоссовский берет костыли и садится в тачанку. В кратчайший срок из тыловиков и выздоравливающих красноармейцев 35-й стрелковой дивизии и 5-й Кубанской кавалерийской бригады Рокоссовский формирует сводный отряд — около 200 конных и 500 пеших бойцов. Отряд хорошо вооружен, в его распоряжении оказываются даже два орудия. Часть бойцов удается посадить на подводы, и с этим достаточно подвижным отрядом Рокоссовский выступает через хребет Хамар-Дабан, все тот же Хамар-Дабан, навстречу врагу.

Бойцы в отряде подобрались боеспособные, командир у них был опытный, поэтому немудрено, что Унгерн после небольшого столкновения с отрядом Рокоссовского не стал наступать на Мысовск, а повернул на северо-восток, по направлению к Ново-Селенгинску и Верхнеудинску (ныне город Улан-Уде). Возникла угроза захвата Верхнеудинска, так как в распоряжении командования 5-й армии не было свободных сил. Теперь Рокоссовский получает распоряжение срочно, прикрыв частью сил дорогу на Мысовск с юга по пади Удунга, погрузиться в эшелон на станции Мысовск и прибыть в Верхнеудинск, где выгрузиться и обеспечить город с юга от возможного проникновения туда унгерновских частей.

Константин Рокоссовский выполнил и это поручение. Вернувшись в Мысовск, он грузит свой отряд в состав и отправляется в Верхнеудинск. Не медля ни минуты, из Верхнеудинска он выступает походным порядком навстречу врагу в Тарбагатай. И все это на костылях. Невольно приходишь в восхищение от решительности, энергии и самоотверженности этого необыкновенного человека!

Противника на своем пути отряд Рокоссовского не встретил. Понеся поражение в боях 5—6 августа от войск экспедиционного корпуса, срочно возвратившихся из Монголии, Унгерн, еле вырвавшись из кольца советских частей, бежал вновь к югу. В Тарбагатае Рокоссовский расформировывает отряд. После митинга на площади этого городка личный состав отряда был возвращен на свои места, а его командир, уже не вспоминая о госпитале, от-

правляется в Троицкосавск к командующему экспедиционным корпусом Я. П. Гайлиту. На следующий же день с небольшим конным отрядом, состоявшим из кавалеристов 35-го отдельного дивизиона, собранных по дороге, Рокоссовский догоняет свой дивизион. Гражданская война для Рокоссовского подходит к концу...

Тем временем Унгерн бежит в Монголию. Советские войска преследуют его, и главную роль в этом преследовании играют бойцы отряда известного сибирского партизана П. Е. Щетинкина и 35-го отдельного кавалерийского дивизиона под командованием И. К. Павлова — временного заместителя Рокоссовского.

Хорошо учил своих бойцов и командиров зимой 1920/21 года Константин Рокоссовский! В пустыне, испытывая жажду и голод, две недели гнались за противником кавалеристы Щетинкина и Рокоссовского. То отражая атаки белогвардейцев, то атакуя, то преследуя врагов, эти отважные кавалеристы 22 августа настигли барона юго-западнее горы Урт, далеко в глубине степей Монголии. Без боя головной эскадрон 35-го кавалерийского дивизиона захватил в плен Унгерна и его монгольскую охрану.

Под строгим конвоем барон был отправлен сначала в Троицкосавск, а затем в Новониколаевск. 15 сентября 1921 года по приговору ревтрибунала в Новониколаевске Унгерн был расстрелян. Так завершилась одна из последних страниц в истории гражданской войны, страница, на которой Константин Рокоссовский своим оружием и своей кровью написал несколько ярких строк.

ел август 1921 года. Гражданская война, необычайно измучившая огромную страну, наконец заканчивалась. По Украине, безотвязно преследуемые красноармейскими кавалерийскими отрядами, метались остатки банды Махно, и вскоре им ничего не оставалось, как бежать в Румынию. В Тамбовской губернии руководимые Тухачевским войска настойчиво и сурово расправлялись с мятежной армией эсера Антонова. На востоке России, куда своенравная военная судьба на долгие годы забросила Рокоссовского, трудно было сказать, окончилась ли война и когда она вообще окончится. Японские интервенты все еще оккупировали Приморье. Барон Унгерн был разгромлен, но остатки его отрядов, так же как и другие большие и малые банды, бродили в степях и лесах Забайкалья. Словом, для красного командира Константина Рокоссовского поле его боевой деятельности по-прежнему оставалось широким.

Теперь, после семи лет, прошедших в беспрерывных сражениях, он и не мыслил себе иной жизни, кроме жизни военной. Он свыкся с ней, приучился поступать так, как велит ему воинский долг и приказ. Полученный же в Троицкосавске в штабе экспедиционного корпуса приказ предписывал ему догнать дивизион, ушедший далеко в глубь монгольских степей в погоню за Унгерном. И Рокоссовский отправляется в путь.

Так впервые попадает он в эту страну, не зная того, что еще не один раз доведется ему, рука об руку с монгольскими кавалеристами, скакать по безграничной степи. Монголы с радостью встречали красноармейцев-освободителей. Благожелательно относились к красноармейцам даже многие монгольские феодалы. С кургана в необозримой степи один из них с гордостью показывал Рокоссовскому многотысячные стада скота, принадлежавшие ему. Пройдет сорок с лишним лет, неузнаваемо изменится Монголия, и с этой же высоты директор монгольского госхоза, обладатель высшего специального образования,

будет показывать Маршалу Советского Союза Рокоссовскому, одному из тех, кто принес новую жизнь этой древней стране, огромные поля, покрытые буйной пшеницей.

Долго догонять товарищей не пришлось. 24 августа 1921 года маленький отряд Рокоссовского встретился в степи с возвращавшимися из Монголии после захвата Унгерна бойцами отряда Щетинкина и кавалеристами 35-го кавдивизиона. Еще в Троицкосавске Рокоссовский получил приказ о развертывании своего дивизиона в полк и подчинении ему отряда Щетинкина. Поэтому после встречи в степи Щетинкин передал командование Рокоссовскому, и бойцы его отряда влились в новую часть.

Полк, по сути дела, следовало создавать заново, и делать это на границе в тревожной обстановке тех лет не было возможности. Поэтому полк переводят подальше от границы. В осенние месяцы 1921 года на станции Залари, что 300 верст северо-западнее Иркутска, Рокоссовский, в третий раз за неполные два года, проводит формирование кавалерийского полка.

Опыта подобного рода работы у него теперь было достаточно, и вскоре полк вновь существовал как боевая единица, но долго командовать им Рокоссовскому не пришлось. В декабре 1921 года его переводят на новое место службы — командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. Поскольку с ней связаны последующие полтора десятилетия жизни Рокоссовского, следует сказать несколько слов об истории дивизии.

Дивизия эта, носившая первоначально номер 33, была сформирована в апреле 1919 года далеко на западе от Забайкалья, в Астрахани. Дивизия отважно сражалась с белополяками, а по окончании советско-польской войны была отправлена в Сибирь, в город Петропавловск. Когда в июне 1921 года возникла угроза вторжения в Забайкалье отрядов Унгерна, полки дивизии были срочно переброшены на восток и активно участвовали в разгроме банд Унгерна. С этого времени 5-я Кубанская кавалерийская дивизия надолго осталась в Забайкалье, связав свою историю с жизнью этого края.

А жизнь эта была и тревожной и нелегкой. После победоносного завершения гражданской войны и разгрома внутренних и внешних врагов Советская страна смогла перейти к мирному строительству. Но переход этот был осложнен многими обстоятельствами. Хозяйственная разруха в промышленности и на транспорте, неурожай и, как

следствие его, страшный голод во многих губерниях Европейской России, постоянная угроза возобновления иностранной интервенции — все это сказывалось на быстроте и успешности перехода страны к мирному труду. На востоке же нашей Родины обстановка осложнялась и тем, что гражданская война здесь все еще продолжалась. Правда, в октябре 1920 года народно-революционная армия Дальневосточной республики освободила Читу от банд Семенова, но в Приморье все еще оставались войска японских захватчиков. Войска созданного ими белогвардейского правительства Меркулова 22 декабря 1921 года захватили Хабаровск, и возникла угроза их дальнейшего продвижения. К столкновению с белогвардейцами и японскими регулярными войсками и готовилась 5-я Кубанская дивизия. Она нуждалась в опытных боевых командирах, и Рокоссовский с большой охотой отправился в Забайкалье, туда, где, казалось, вновь придется скрестить оружие с врагом.

В штаб дивизии, размещавшийся в небольшом городке, новый командир бригады прибыл в конце декабря 1921 года. Этот городок, выросший и сформировавшийся как буржуазно-чиновничий, был расположен недалеко от границы с Монголией. На протяжении второй половины XIX века здесь проходил главный торговый путь из России в Китай и Монголию, по которому шли огромные караваны шелка, чая и других товаров. Со времени строительства Транссибирской железной дороги торговое значение города снизилось, но по-прежнему он оставался опорным пограничным пунктом в торговле России и Монголии, откуда завозилось большое количество скота, кожи, шерсти, мяса.

В городе и пригороде его имелись мужское реальное училище и женская гимназия, действовало отделение императорского географического общества, большой, интересный музей, работала публичная библиотека. Правда, в годы гражданской войны культурные и материальные ценности города серьезно пострадали, но все же город, в котором Рокоссовскому пришлось провести несколько лет своей жизни, хоть и находился на далекой окраине России, не мог быть назван глушью.

Никаких промышленных предприятий здесь не было, кроме небольшой электростанции. В городе проживало немало ремесленников. Значительную часть населения составляли служащие государственных учреждений и

трудовая интеллигенция. В 1919—1920 годах в городе осело немало беженцев — буржуазии, белых офицеров, чиновников и их семей, в поисках спасения от революции докатившихся сюда с Урала и Сибири и не решившихся все же покинуть пределы России.

Таможенная охрана бездействовала, граница охранялась слабо, и широко процветала контрабандная торговля, причем многие «торговцы» выполняли роль шпионов и связных между контрреволюционными элементами внутри страны и бежавшими за границу врагами Советской власти.

В этом беспокойном пограничном углу нашей страны и прошли несколько лет жизни молодого командира Константина Рокоссовского. Сразу же по приезде он окунулся в жизнь дивизии. Сражаться с японскими интервентами не пришлось, но за всевозможными бандами, бродившими по Забайкалью, части 5-й Кубанской кавдивизии были вынуждены вести постоянные погони.

Армейские будни той поры были нелегкими. Разрушенная и истощенная страна не могла позволить себе содержать большую армию, и демобилизация, начавшаяся еще весной 1921 года, продолжалась. В результате к сентябрю 1923 года армия сократилась по сравнению с 1920 годом в 10 раз и насчитывала немногим более полумиллиона бойцов и командиров. В армии оставались лишь те, кто решил в соответствии со своими наклонностями и способностями посвятить всю жизнь военной службе. Среди этих сравнительно немногочисленных командиров Красной Армии был и Рокоссовский, не мысливший себя вне рядов армии Страны Советов.

Демобилизация коснулась и 5-й Кубанской кавдивизии. С начала июля 1922 года она была преобразована в 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду трехполкового состава. Одним из полков — 27-м — стал командовать Рокоссовский.

Не было тогда в городке ни благоустроенных казарм, ни домов начальствующего состава, ни столовых, клубов и других помещений, считающихся ныне обязательными для повседневной жизни воинской части. Жили бойцы и командиры в частных домах, пища приготовлялась в походных кухнях, лошади же размещались во дворах местных жителей, но никто не считал такие условия жизни ненормальными — вся Советская страна переживала тогда исключительные трудности. Лишь осе-

нью 1922 года полки бригады стали квартировать в «красных казармах» на окраине городка. До революции здесь размещались пограничные войска. Теперь, после ремонта, казармы получили наименование «красноармейский городок «Пламя революции».

Молодой, энергичный, отличавшийся большой настойчивостью командир 27-го кавалерийского полка отдавался работе с упоением, вкладывал в нее все силы, все время, по 15—16 часов в сутки. Такими же одержимыми в работе были и его подчиненные — командиры. К тому же большинство из них не имели еще семей и никаких забот, кроме служебных, не знали. И все-таки времени для того, чтобы сделать все необходимое, у Рокоссовского постоянно не хватало.

Июнь и июль 1922 года 27-й полк провел в лагерях на реке Орхоне — шли обычные военные занятия с составом полка. В конце июля, однако, их пришлось прервать для выполнения других, очень насущных потребностей. Вот приказ командира бригады Писарева по этому поводу, весьма характерный для армейской жизни той поры: «1. С 20 сего июля прекращаю в частях вверенной мне бригады, находящихся в лагерях, строевые занятия и, за исключением отдельной конной батареи... приступаю к полевым и хозяйственным работам по обеспечению вверенных мне частей всем необходимым на предстоящий зимний период... Исполняющему должность комполка 27 тов. Рокоссовскому до 24 сего июля оставаться в лагерях, ведя занятия и подготовительные работы хозяйственной кампании. 25 же июля, оставив конский состав в лагере с необходимым количеством красноармейцев и комсостава... в районе лагеря на попасе, с остальной частью полка и штабом перейти пешим порядком на дровозаготовку в район Троицкосавска, к каковым полку и приступить самым интенсивным образом...»

Полку было необходимо заготовить ни много ни мало как 10 тысяч погонных саженей дров. Бойцам и командирам пришлось работать весь август и сентябрь действительно «интенсивным образом», но зато к зиме казармы полка были обеспечены топливом. Так, чередуя погоню за бандитами со строевыми занятиями, заготовкой дров и сельскохозяйственными работами, командовал Рокоссовский полком в 1922—1923 годах.

Весной 1923 года в его жизни наступила перемена. Юлию Петровну Барма Рокоссовский увидел впервые

еще в августе 1921 года. Он только что возвратился из погони за Унгерном. Выдалось несколько свободных часов, и он пошел вечером в театр. И тогда и впоследствии Рокоссовский выделялся в любом обществе. Здесь же, в театральной толпе небольшого уездного городка, где все знали всех, высокий, стройный, красивый, слегка прихрамывающий молодой командир-кавалерист с орденом Красного Знамени на груди — редкостью для той поры — не мог не обратить всеобщего внимания. Заметила его и Юлия Петровна, но знакомство состоялось лишь год спустя.

Летом 1922 года по вечерам на городском бульваре, где любила проводить время молодежь города, стал прогуливаться и 25-летний командир кавалерийского полка. За год он не изменился, выглядел по-прежнему очень молодо. Единственной переменой в его внешности можно было считать только второй орден, появившийся на гимнастерке. Разумеется, женская половина местного общества была очень заинтересована личностью красного командира. А он, казалось, ни на кого не обращал внимания и лишь, проходя мимо скамейки, на которой с подругами сидела обычно Юлия Петровна, слегка косил глазом в сторону стайки девушек. Так продолжалось несколько недель.

Семь долгих, опасных, кровавых лет провел Константин Рокоссовский на войне. Если будет нужно, не задумываясь ни на секунду, поскачет он с шашкой в руках на вражескую батарею, не дрогнет в бою лицом к лицу с любым врагом, но вот познакомиться с понравившейся девушкой — стесняется! На помощь пришел один из командиров-кавалеристов, ухаживавший за подругой Юлии Петровны. Он попросил разрешения представить ей командира 27-го кавалерийского полка. Юлия Петровна не возражала.

Рокоссовский подошел вечером следующего дня к скамейке на бульваре, вежливо поклонился и представился:

— Рокоссовский, Константин Константинович!

Молодые люди вскоре подружились. Рокоссовский начал бывать в семье Юлии Петровны, и в мае 1923 года они поженились. Отныне Юлия Петровна разделяла все тяготы и заботы долгой и богатой событиями жизни командира Красной Армии Константина Рокоссовского.

27-й кавалерийский полк был родным домом его командиру, он сжился с товарищами, полюбил Забайкалье и его чудесную природу. Поэтому, когда в августе

1923 года Рокоссовского назначили временно исполняющим должность командира отдельной Дальневосточной бригады, размещавшейся еще дальше на востоке, он всей душой рвался обратно в Забайкалье и в конце октября этого же года вновь стал командиром 27-го полка.

Шел четвертый год, как Рокоссовский стал командовать кавалерийским полком. За это время он многому научился. Весьма почетная и ответственная должность командира полка всегда считалась важнейшей ступенью в овладении военным искусством. Полк — основная боевая часть, в которой для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск. Чтобы успешно руководить полком, Рокоссовскому необходимо было знать свои подразделения, средства усиления, придававшиеся полку в боевой обстановке. От него требовалось умение определить главное направление в бою и сконцентрировать на нем основные усилия.

Уже в первые годы командования полком Рокоссовский хорошо освоил систему управления вверенной частью, всегда стремился обеспечить постоянную боеготовность полка и многого достиг на этом пути. Закалка, полученная им во время командования полком, способствовала тому, что он и впоследствии, на всех ступенях командования как в мирное, так и в военное время был передовым военачальником.

Но для этого ему приходилось много и упорно трудиться. Общее образование Рокоссовского и в эту пору было достаточно высоким, по крайней мере, выше образовательного уровня большинства командиров Красной Армии того времени. Он много и постоянно читал, но специального военного образования ему не хватало: за плечами была лишь унтер-офицерская учебная команда в дореволюционной русской армии. Этого, конечно, было недостаточно для командира современной армии, и Рокоссовский хорошо сознавал слабые места своей военной подготовки. Как и многие другие командиры Красной Армии, в лагерных условиях, так сказать, без отрыва от производства, пополнял он свои военные знания, тут же отрабатывая их в учениях, маневрах и походах.

Благодаря неустанному труду Рокоссовского и его помощников 27-й кавалерийский полк уже к 1923 году выделялся среди частей бригады, а в следующем году он был признан лучшим в Сибирском военном округе. Вот как аттестовало командование 5-й отдельной Кубанской

кавбригады Рокоссовского в конце 1923 года[1]: «Обладает твердой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчиненным, равно как и к себе, требователен. Заботлив. Пользуется любовью и популярностью. Военное дело любит. Состояние здоровья удовлетворительное, но требует постоянной поддержки вследствие ряда ранений. Походную жизнь переносит легко. Обладает незаурядными умственными способностями, с любовью относится к своей работе, уделяя больше внимания работе боевой, организационной и административной работе уделяет менее внимания. Член РКП. Образование имеет пять классов гимназии. Специального военного образования не имеет, но, любя военное дело, работает над собой в области самоподготовки. Обладает большим практическим стажем и боевым опытом в Красной Армии, равно как и боевым опытом империалистической войны. Полученный опыт с пользой применяет в обстановке мирной жизни, стараясь его обосновать и теоретически. Награжден двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать на курсы. В должности комполка вполне соответствует.

Комбриг 5-й кав. *Писарев*. Воен. комиссар бригады *Хрусталев*».

На аттестации командующий 5-й армией И. П. Уборевич 3 декабря 1923 года написал следующее: «Заслуживает выдвижения на должность комбрига кав. не отдельной вне очереди».

---

[1] Ежегодное аттестование, введенное в Красной Армии приказом РВС республики от 21 сентября 1921 года, являлось одной из важнейших форм укрепления командного состава. Аттестации, в которых должны были найти отражение основные качества командира, следовало составлять в виде «полного, краткого, выпуклого и законченного очерка», содержащего мотивированный вывод о дальнейшем служебном использовании командира. Аттестации рассматривались на заседаниях специальных комиссий и утверждались командиром и комиссаром. Составители необъективных, предвзятых аттестаций сурово наказывались, вплоть до предания суду военного трибунала. Если аттестуемый не соглашался с выводами аттестационной комиссии, он имел право подать жалобу по команде.

Таким был Рокоссовский в 27 лет! И какое сочетание качеств: воля и выдержка, лихость и хладнокровие, требовательность и любовь подчиненных, увлечение военным делом и постоянное самоусовершенствование! Надо сказать, что начальники будущего Маршала Советского Союза хорошо знали своего подчиненного. Они не только подчеркнули его уже сложившиеся черты отнюдь не рядового командира полка, но и сумели отметить в молодом командире то, что впоследствии сделало Рокоссовского выдающимся военачальником Советской Армии.

В ближайшие же недели после составления столь лестной аттестации командир 27-го кавполка с блеском доказал, что вполне оправдывает ее.

Конец 1923 и начало 1924 года в Забайкалье были ознаменованы усилением активности антисоветских элементов. Разгромленные Красной Армией и партизанами Забайкалья остатки войск Колчака, Семенова и Унгерна бежали в пределы соседней с Забайкальем Маньчжурии и при благосклонном покровительстве китайского милитариста и японского ставленника Чжан Цзолина свили там настоящее осиное гнездо. Обосновавшиеся в Маньчжурии многочисленные белогвардейские организации ставили своей целью продолжение борьбы с Советской властью, намереваясь воспрепятствовать мирному труду населения Забайкалья, приступившему к восстановлению разрушенного войной хозяйства.

И в 1922 году, и в начале 1923 года через пограничную реку Аргунь, пользуясь огромными расстояниями, таежной глухоманью и слабостью пограничных застав, постоянно переходили банды белогвардейцев. Излюбленным местом их выхода на советскую территорию был район Сретенска. Чаще всего они форсировали Аргунь на участке Нерчинский завод — Газимуровский завод. Обыкновенно банды белогвардейцев стремились проникнуть в глубь советской территории, в районы, заселенные бывшими забайкальскими казаками, в надежде найти у них помощь и поддержку. Главной целью бандитов была борьба с местными органами Советской власти. Бандиты грабили государственное имущество, угоняли лошадей и скот, не щадя и личного имущества местных жителей. Будучи настигнуты красноармейскими частями, бандиты старались скрыться на маньчжурской территории, продавали там захваченную добычу и вновь возвращались в Забайкалье.

Со второй половины 1923 года контрреволюционные

силы стали активизироваться, редкие пограничные заставы не могли воспрепятствовать переходу крупных банд через границу. В ноябре 1923 года в районе Сретенска появилась довольно крупная банда — несколько сот человек, — возглавляемая бывшим казачьим атаманом одной из станиц Шадриным. Отправляя ее в набег, белогвардейцы рассчитывали на возможность, пользуясь тяжелым экономическим положением страны, натравить на Советскую власть местное население приграничных районов — забайкальских казаков. Расчет оказался ошибочным. Основная масса населения районов, в которые удалось прорваться Шадрину, поддерживала Советскую власть и всеми способами помогала нашим частям в ликвидации бандитизма. Все же банда Шадрина, действуя в междуречье Аргуни и Шилки, причинила много бед. Творимые бандитами бесчинства — убийства партийных и советских активистов, грабежи — и невозможность ликвидировать банду местными силами вынудили советские власти обратиться за помощью к командованию Красной Армии.

27-й кавалерийский полк срочно был переброшен в этот район. Рокоссовский уже обладал достаточным опытом борьбы с бандами, и скоро Шадрин почувствовал, что имеет дело с серьезным противником. Преследуемая по пятам банда заметалась, пытаясь оторваться от красноармейцев, но это ей не удалось. После многодневной погони по заснеженной тайге в январе 1924 года белогвардейцы были окружены северо-восточнее Сретенска на северном берегу реки Шилки. Несмотря на отчаянное сопротивление, бандиты были разгромлены и перебиты. В схватке погиб и Шадрин.

Закордонные белогвардейцы на этом, однако, не успокоились. Начиная с мая 1924 года проникновение банд на территорию Забайкалья приняло еще большие размеры. Форсировав на широком фронте пограничную Аргунь, в глубь советской территории проникли несколько крупных банд, возглавлявшихся бывшими атаманами забайкальских станиц — Деревцовым (он был атаманом Сретенска), Дугановым, Гордеевыми. Общее руководство действиями банд осуществлял генерал Мыльников.

Хорошо организованные и вооруженные банды вдобавок были и очень подвижными, так как состояли из конницы. Они имели и то преимущество, что хорошо знали местность: большинство бандитов были забайкальскими казаками. Пользуясь этим и слабостью красноармейских

частей пограничных участков, белогвардейцы сумели терроризировать население на значительной территории — они действовали в районах Нерчинского, Александровского, Газимурского заводов, Сретенска и других населенных пунктов на северном берегу Шилки.

Бандиты безжалостно расправлялись с коммунистами и комсомольцами, с гражданами, работавшими в советских учреждениях, и вообще со всеми, в ком хотя бы подозревали сочувствие власти Советов. Все государственные и кооперативные магазины, имущество государственных и кооперативных учреждений подвергались разграблению. Угонялся или уничтожался скот и лошади. Несмотря на демагогические декларации, будто бандиты ведут лишь «идейную» борьбу с Советской властью, атаманские подручные сплошь и рядом грабили личное имущество граждан. Нападая на железнодорожные магистрали, белогвардейцы взрывали пути, разрушали станции, водокачки. Так, банда Дуганова, напав на станцию Могоча, убила 12 работников станции и разграбила станционное имущество на 41 тысячу рублей.

Поскольку район действия банд охватил обширную территорию и местных сил, способных противостоять разгулу белогвардейцев было явно недостаточно, для ликвидации белобандитов были привлечены части 5-й отдельной Кубанской кавбригады, войска ОГПУ, отряды ЧОНа и войска местных гарнизонов. Организовать широкую операцию по разгрому и уничтожению банд было поручено командиру 27-го кавполка Рокоссовскому.

Для руководства операцией было создано управление. В управление, которое возглавлял Рокоссовский, вошли также начальник штаба Арсеньев, начполитотдела Гарвей и начальник ОГПУ Забайкальской области Клиндер.

Началась упорная борьба, о которой Рокоссовский впоследствии писал: «Трудность борьбы с бандитами заключалась в том, что значительная часть из них была из местного казачества, отлично знавшая местность, на которой происходили боевые действия. Многие сохранили связи с родственниками, проживавшими на территории Забайкалья. Эта связь использовалась ими для осведомления о движении наших войск. Действия проходили в условиях гористо-лесистой местности, затруднявшей маневр войскам.

Высокая подвижность бандитов позволяла им быстро менять места своего расположения, совершать большие переходы в обход крупных населенных пунктов, зани-

маемых воинскими гарнизонами. Для атак на такие гарнизоны банды объединялись и большими силами нападали внезапно. Длительного боя они не вели, а при неудаче рассеивались на мелкие группы и удалялись от мест боя на большие расстояния. То же делали они при встречах с нашими сильными отрядами. На слабые наши войска они нападали и зверски истребляли всех».

Поединок с таким своеобразным и нелегким противником потребовал от командира объединенной группы немалого умения и выработки соответствующей тактики. Стремясь не дать бандитским шайкам ни минуты передышки, крупные и подвижные красноармейские отряды постоянно преследовали и атаковали их, продолжая погоню и днем и ночью, в то время как более мелкие подразделения помогали окружить противника, загнать его в ловушку.

Добиться этого было нелегко. На стороне белогвардейцев было то преимущество, что они, не стесняясь, меняли уставших лошадей на свежих, забирая их у крестьян. Красноармейцы делать этого не могли, но зато они пользовались симпатией основной массы крестьян, оказывавших частям Рокоссовского всевозможную помощь в ликвидации бандитизма. Крестьяне поступали так, несмотря на то, что бандиты зверски расправлялись со всеми, на кого падало подозрение в содействии красноармейцам.

Командир сводной группы поощрял и широко использовал инициативу своих подчиненных, как командиров, так и рядовых. Огромную помощь в борьбе с бандитами оказали местные партийные и комсомольские организации, взявшие на себя разведывательные функции и доставлявшие в отряды и штаб информацию о передвижении, действиях и местонахождении банд.

Три месяца продолжалась погоня за бандитами. Несколько раз они выскальзывали из окружения и уходили от преследователей, погоня возобновлялась, и постепенно, одна за другой, белогвардейские шайки терпели поражения. Общими усилиями отрядов Рокоссовского при содействии местных крестьян к сентябрю 1924 года с бандами было покончено. Подавляющее большинство их участников было убито или захвачено в плен и лишь очень немногим удалось бежать за Аргунь.

Последней из крупных банд была окружена в районе Сретенска, в таежной гористой местности, носящей название Аркиинские столбы, банда Деревцова. Бандиты на протяжении нескольких часов отчаянно сопротивлялись

объединенному натиску кавалеристов 5-й Кубанской кавбригады и войск ОГПУ, но были разгромлены. Большая часть их вместе с руководителем погибла в бою. Генерал же Мыльников был взят в плен. Характерно, что этот белогвардеец разочаровался в возможности поднять на восстание против Советской власти население забайкальских станиц, о чем свидетельствовали записи в его дневнике. Будучи арестован, Мыльников написал обращение к своим бывшим единомышленникам в Маньчжурии, в котором называл борьбу против Советской власти бесцельной и преступной. Представший перед советским судом, Мыльников понес заслуженное наказание.

Операция по уничтожению банд в Забайкалье была успешно завершена, и немалую долю в этом успехе следовало отнести на счет умелого и решительного руководства Рокоссовского. Он многому уже научился за годы, прошедшие со времени окончания гражданской войны. Сразу же после ликвидации банд в Забайкалье командиру 27-го кавполка представилась возможность к дальнейшему совершенствованию своего мастерства.

1924 год — дата весьма примечательная в истории Советских Вооруженных Сил. В этом году началась органическая перестройка Красной Армии, вошедшая в историю под названием военной реформы. К 1924 году внутреннее и внешнее положение Советской страны упрочилось. Благодаря героическим усилиям рабочих и крестьян успешно восстанавливалось народное хозяйство. В то же время Советское правительство принимало меры, необходимые для дальнейшего укрепления Красной Армии, призванной охранять мирный труд советских людей. Состояние же армии после прошедшей демобилизации, те крупные недочеты, которые обнаружились в армии, в значительной мере объяснялись антипартийной деятельностью Л. Троцкого. Этот авантюрист, возглавлявший Реввоенсовет, нанес вместе со своими единомышленниками огромный вред делу обороны нашего государства. Тут было все: и презрение к народным талантам, выдвинутым революцией, и высокомерное третирование лучших боевых традиций старой армии, и недоверие к боевым комиссарам, авантюризм, позерство, мелочное кокетство, невероятное и (как всегда в таких случаях) беспочвенное самомнение, когда недоучившийся одесский реалист и впрямь вообразил себя полководцем. Все это неизбежно привело Троцкого к острому конфликту с партией и нанесло большой вред Красной Ар-

мии. Специальная комиссия ЦК партии выявила ряд серьезных недостатков в состоянии армии, и в марте 1924 года Центральный Комитет РКП(б) утвердил обширный проект мероприятий для улучшения ее положения. Троцкий был выведен из состава Реввоенсовета. Началась реорганизация Красной Армии.

Было ясно, что в мирные дни Советская страна могла содержать в тот период лишь относительно небольшую кадровую армию. Но в то же время следовало всегда помнить о враждебном окружении и необходимости противопоставить врагу в случае нападения мощную, сильную армию. Выход из этого положения был найден во введении территориального принципа комплектования Красной Армии в сочетании с кадровым. Сущность этого принципа состояла в том, чтобы дать необходимую военную подготовку максимальному количеству трудящихся с минимальным их отвлечением от производительного труда.

Территориальный принцип распространялся на стрелковые и кавалерийские дивизии. Технические войска и большая часть войск приграничных военных округов, в том числе и 5-я отдельная Кубанская кавбригада, оставались кадровыми.

Непосредственно касалась Рокоссовского и одна из главных задач военной реформы — перестройка, усовершенствование и расширение системы подготовки командных кадров. Давнее желание Рокоссовского и рекомендация начальства сбывались: его направляли на два года в Высшую кавалерийскую школу, находившуюся в Ленинграде.

Решение о командировании его на курсы было известно Рокоссовскому еще во время операций против банд, и он, урывая часы от сна, садился за учебники, уставы и наставления, чтобы подготовиться к вступительным экзаменам, но многого сделать не удалось: слишком напряженным был трудовой день у командира 27-го кавполка, преследовавшего и громившего белогвардейские банды.

В долгий путь от восточной границы до побережья Финского залива Рокоссовские отправились в сентябре 1924 года. Ленинград, лишь недавно, в память о великом вожде революции, сменивший свое прежнее наименование, встретил приезжих ветрами и дождем. В городе, особенно в его прибрежных районах, виднелись следы

повреждений: незадолго до приезда Рокоссовских здесь разразилось одно из самых больших и разрушительных наводнений.

Экзамены при поступлении в Высшую кавалерийскую школу были легкими, их следовало бы назвать даже формальными, и Рокоссовский был зачислен в школу.

Среди других командиров полков, товарищей Рокоссовского по занятиям, оказались знаменитые впоследствии советские военачальники: Г. К. Жуков, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко.

Как и большинство его товарищей по школе, Рокоссовский был в Ленинграде впервые. С неослабевающим интересом знакомились он и Юлия Петровна с достопримечательностями города на Неве, с его дворцами, площадями, музеями. Но главное время, конечно, Рокоссовский посвящал занятиям. Учиться было нелегко, нагрузка слушателей была очень большой, и, кроме посещения лекций, приходилось много заниматься самостоятельно. Лишь благодаря необыкновенной выносливости и упорству, даже фанатизму слушателей, удавалось им выполнять задания преподавателей.

Руководил Высшей кавшколой В. М. Примаков, в прошлом — командир легендарной 8-й кавалерийской дивизии Червонного казачества, дивизии, которая наводила страх на белогвардейские войска. Широкообразованный человек, умевший четко изложить свои мысли, Примаков сразу завоевал симпатии слушателей. Вскоре Примаков получил назначение на должность командира корпуса на Украине, и руководителем школы стал известный теоретик конного дела М. А. Баторский. Высшую школу преобразовали в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), время обучения сократили до одного года, что, естественно, еще больше увеличило нагрузку слушателей.

Курсанты не только занимались — они активно участвовали в общественно-политической работе парторганизации курсов и Ленинградской парторганизации. В аудиториях курсов нередко выступали участники Октябрьского вооруженного восстания — рабочие фабрик и заводов города. В свою очередь, бывалые военные — кавалеристы часто появлялись на предприятиях Ленинграда, где рассказывали о недавней, еще ярко горевшей у всех в памяти кровавой борьбе с внутренними и внешними врагами Советской республики.

Кроме занятий, курсанты нередко участвовали в конноспортивных соревнованиях, на которых всегда присутствовали зрители-ленинградцы. Фигурная езда, конкур-иппик, владение холодным оружием, а летом гладкие скачки и стипль-чез — во всех этих видах конного спорта Рокоссовский неизменно участвовал вместе с Жуковым, Баграмяном и другими спортсменами ККУКС.

Осенью и зимой курсанты в основном овладевали теорией военного дела, расширяли свое политическое образование. Курсанты часто практиковались на ящике с песком, проводились упражнения на планах и картах. Много времени у командиров кавалерийских частей, разумеется, занимало конное дело — езда и выездка, их-то кавалеристам следовало знать в совершенстве.

Кроме того, Рокоссовский уже за счет личного времени много фехтовал на саблях и эспадронах. Немногочисленные зрители становились свидетелями ожесточенных поединков, которые, произойди они лет 20—25 спустя, вызвали бы большой ажиотаж у прессы: на эспадронах сражались друг с другом будущие Маршалы Советского Союза Жуков и Рокоссовский, причем успех чаще сопутствовал последнему.

Когда пришла весна 1925 года, занятия курсантов были перенесены в полевые условия. Полевой тактической подготовкой курсантов руководил сам Баторский.

Занятия на ККУКС завершились форсированным маршем к реке Волхов, где курсанты обучались плаванью с конем и переправе через водный рубеж. Рокоссовский хорошо умел делать это — еще во время первой мировой войны он вместе с другими драгунами неоднократно переплывал Западную Двину. Но одно дело уметь самому — иное учить других.

По окончании курсов Рокоссовского вновь направили в Забайкалье. За годы службы в этом краю Рокоссовский полюбил его. Кроме того, в Забайкалье его ждали жена, уехавшая туда ранее, и только что появившаяся на свет дочь Ада. Рокоссовский возвратился в Забайкалье и вновь вступил в командование полком (к тому времени он назывался уже 75-й кавполк). 7 сентября 1925 года в приказе по 5-й Кубанской отдельной ковбригаде сказано: «Возвратившегося по окончании старшего класса кавалерийских курсов усовершенствования комсостава РККА в городе Ленинграде командира 75-го кавполка Рокоссовского К. К. с 1 сентября сего года полагать на-

лицо и вступившим в командование полком с 6 сентября».

Через неделю после этого Рокоссовский получает повышение — он становится временно исполняющим должность командира бригады, так как ее предыдущий командир Зубавин уехал учиться в тот же Ленинград. Хлопоты и заботы о большом хозяйстве бригады свалились на Рокоссовского.

Бригада состояла из трех полков: 73, 74 и 75-го. Штаб этой бригады располагался в нескольких верстах от Верхнеудинска. Все основное внимание, как и прежде, командир бригады уделял боевой и строевой подготовке, политической работе среди бойцов и командиров. В то же время он не ограничивался чисто военной деятельностью и активно участвовал в работе областного комитета партии и правительства Бурято-Монгольской АССР, о чем до сих пор вспоминают тогдашние руководящие работники республики.

Особенно много помогал начальствующий состав 5-й отдельной Кубанской кавбригады во главе с Рокоссовским в создании первой национальной бурято-монгольской кавалерийской части.

Формирование национальных соединений было неотъемлемой частью военной реформы. Комплектование школы командного состава и кавалерийского бурятского эскадрона началось еще в 1924 году. Осуществлялось оно первоначально на принципах добровольности, а потом — по призыву. В аймаках и улусах организация бурятской части была встречена с воодушевлением, и количество добровольцев, желавших поступить на службу, во много раз превышало потребность, что позволяло производить тщательный отбор кандидатов.

Бурятская школа комсостава и кавалерийский эскадрон дислоцировались вместе с частями 5-й Кубанской кавбригады, командный и политический состав которой считал своим долгом передавать обучаемым знания и опыт. С первого же дня совместной службы между кавалеристами 5-й кавбригады и красноармейцами бурятских частей установились дружеские, товарищеские отношения. Буряты с детства привыкли к коню, поэтому служба в коннице — это их призвание, и учеба, связанная с конем, очень легко им давалась. Кроме военной и политической подготовки, много времени уделялось ликвидации неграмотности, так как безграмотной была зна-

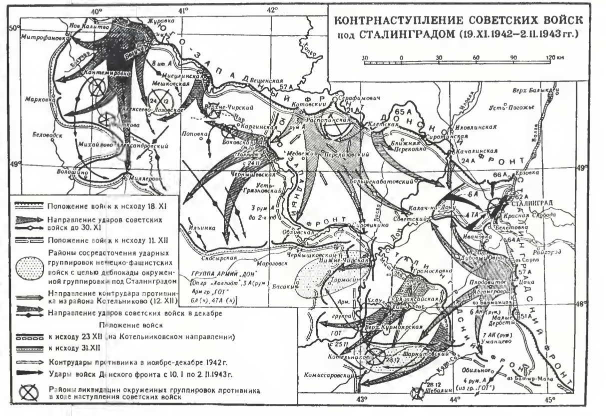
чительная часть красноармейцев-бурятов. Впоследствии Рокоссовский писал об этом: «Весь курс подготовки военнослужащих в бурятских кавалерийских частях был рассчитан на то, чтобы каждый красноармеец, прослуживший срок в этой части, вернувшись в свой аймак или улус, был продолжателем укрепления Советской власти на местах, повышения культурных навыков среди отсталого населения улусов и пропагандистом военизации бурятской молодежи.

Насколько я помню, судя по отзывам, поступавшим с мест, демобилизованные военнослужащие, возвращаясь в родные места, оказывали большую помощь местным властям в претворении в жизнь всех этих вопросов».

В заботах и хлопотах пробежал еще один год жизни Рокоссовского. Летом 1926 года он вывел личный состав бригады в лагеря на берегу реки Уды. В лагере и отдан приказ от 1 июля 1926 года: «Сего числа командование бригадой сдал начальнику штаба бригады Помощникову А. Л. и отбыл к месту новой службы». Новая служба Рокоссовского носила особенный характер, и место ее находилось не близко. Его командировали в Монголию.

После разгрома барона Унгерна и остатков его банд в 1921 году по просьбе правительства Монгольской Народной Республики части Красной Армии были оставлены в Монголии, так как все еще существовала угроза безопасности и независимости молодого монгольского государства как со стороны китайских милитаристов, так и со стороны белогвардейских банд, продолжавших сидеть в соседней Маньчжурии. В начале 1925 года по предложению правительства СССР и с согласия монгольского народного правительства красноармейские части были выведены из Монголии. К этому времени для защиты революционных завоеваний и независимости страны была уже создана регулярная Народно-революционная армия, и помощь в организации и формировании этой армии монгольским военнослужащим оказывали советские командиры, привлекавшиеся в качестве инструкторов. Инструктором 1-й кавалерийской дивизии МНРА и был назначен Рокоссовский.

Рокоссовские отправились в Ургу всей семьей. Стояли июльские знойные дни. Нежно-голубое, прозрачное, без единого облачка небо раскинулось над путниками. Вокруг них простиралась выжженная, необъятно широкая степь, пересеченная небольшими возвышенностя-

Карта контрнаступления советских войск под Сталинградом.

Командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и член Военного совета фронта К. Ф. Телегин на НП командующего 65-й армией. 30 января 1943 г.

В районе Сталинграда. 1942 г.

Знамя Победы над площадью Павших борцов. Сталинград. 1943 г.

К. К. Рокоссовский и Н. Н. Воронов допрашивают Ф. Паулюса. 1943 г.

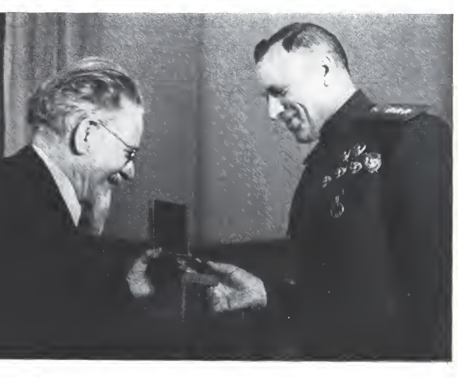

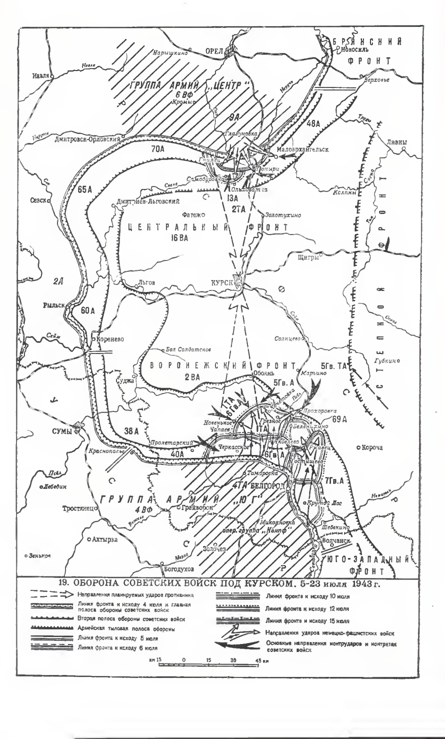
К. К. Рокоссовский с женой Юлией Петровной и дочерью Адой. 1943 г.

К. К. Рокоссовский принимает делегацию трудящихся Казахской ССР. Март 1943 г.

К. К. Рокоссовский и В. И. Казаков среди артиллеристов — Героев Советского Союза Белорусского фронта. 1944 г.

М. И. Калинин вручает орден Суворова К. К. Рокоссовскому.

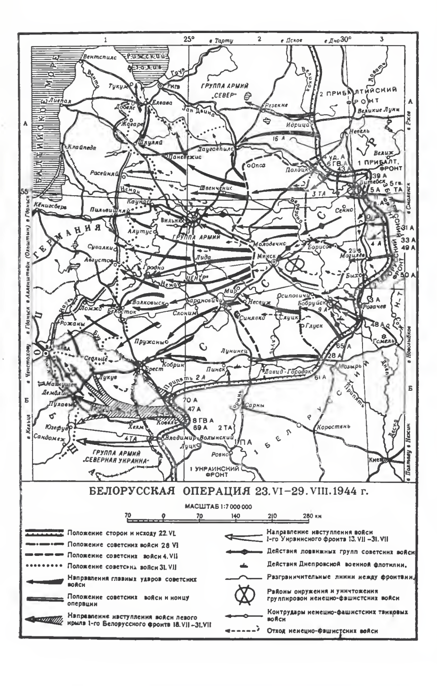

19. ОБОРОНА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД КУРСКОМ. 5-23 июля 1943 г.

К. К. Рокоссовский в штабе 1-го Белорусского фронта. 1944 г.

К. К. Рокоссовский и К. Ф. Телегин на КП фронта. 1944 г.

ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР"
2 ПРИБАЛТИЙСКИЙ ФРОНТ
1 ПРИБАЛТ. ФРОНТ
ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР"
ГЕРМАНИЯ
ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕРНАЯ УКРАИНА"
1 УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
Рига
Вильнюс
Минск
Витебск
Полоцк
Могилев
Бобруйск
Гродно
Брест
Пинск
Ковель
Барановичи
Киев
Рижский залив
БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 23.VI–29.VIII.1944 г.
МАСШТАБ 1:7 000 000
70 0 70 140 210 280 км
Положение сторон к исходу 22.VI
Положение советских войск 28 VI
Положение советских войск 4.VII
Положение советских войск 31.VII
Направления главных ударов советских войск
Положение советских войск к концу операции
Направление наступления войск левого крыла 1-го Белорусского фронта 18.VII–31.VII
Направление наступления войск 1-го Украинского фронта 13.VII–31.VII
Действия подвижных групп советских войск
Действия Днепровской военной флотилии.
Разграничительные линии между фронтами
Районы окружения и уничтожения группировок немецко-фашистских войск
Контрудары немецко-фашистских танковых войск
Отход немецко-фашистских войск

К. К. Рокоссовский и К. Ф. Телегин на трибуне во время митинга по случаю месяца со дня освобождения Гомеля. 1944 г.

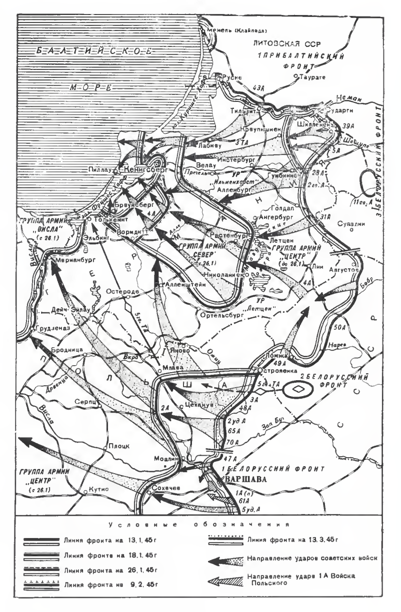
К. К. Рокоссовский среди жителей города Люблина. 22 августа 1944 г.

К. К. Рокоссовский на КП вблизи Варшавы. Ноябрь 1944 г.

К. К. Рокоссовский и П. И. Батов на КП близ Варшавы. 16 ноября 1944 г.

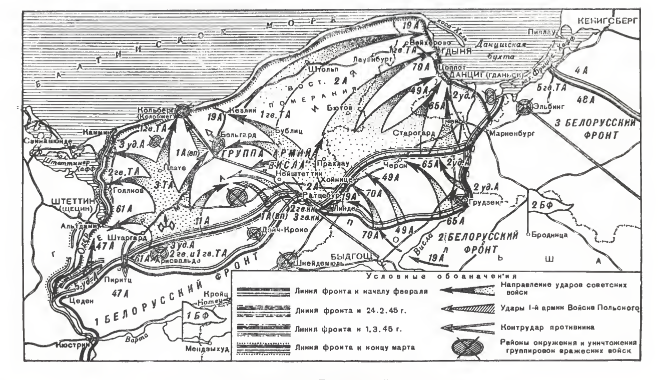
Военный совет 2-го Белорусского фронта. Восточная Пруссия. 1945 г.

Карта Восточно-Прусской операции.

О. В. Куусинен вручает К. К. Рокоссовскому маршальскую звезду. 1944 г.

С. К. Тимошенко, Л. А. Говоров, И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко, С. И. Богданов в Кремле после вручения им грамот о присвоении звания Маршала и Героя Советского Союза. 1945 г.

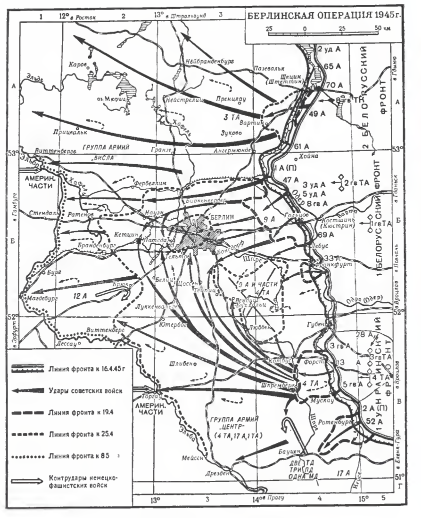

Карта Восточно-Померанской операции.

Советские танки у Балтийского моря в районе Померании. 1945 г.

Кавалеристы генерал-лейтенанта Осликовского проходят через Ной-Штеттин. Март 1945 г.

Карта Берлинской операции.

К. К. Рокоссовский и Б. Монтгомери. 1945 г.

Встреча Г. К. Жукова, В. Д. Соколовского, К. К. Рокоссовского с Б. Монтгомери. Берлин. 1945 г.

К. К. Рокоссовский среди солдат и офицеров в Берлине. Май 1945 г.

Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский объезжают войска во время Парада Победы. Москва. 24 июня 1945 г.

Маршалы Советского Союза К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Г. К. Жуков, И. С. Конев.

К. К. Рокоссовский в зале заседаний первой сессии Верховного Совета СССР. Март 1946 г.

К. К. Рокоссовский возлагает венок на могилу, где было похоронено сердце Кутузова. Бунцлау. Сентябрь 1945 г.

Г. К. Жуков, Б. Берут и К. К. Рокоссовский.

Маршал Польши К. К. Рокоссовский на параде. Варшава.

К. К. Рокоссовский.

К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, В. Д. Соколовский, И. С. Конев на трибуне Мавзолея 1 Мая 1957 г.

К. К. Рокоссовский, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков. 1956 г.

Семья Рокоссовских на отдыхе.

К. К. Рокоссовский на охоте.

Посол Монгольской Народной Республики С. Лувсан вручает орден Сухэ-Батора К. К. Рокоссовскому. 1961 г.

Маршалы Советского Союза К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, А. М. Василевский, С. С. Бирюзов, адмирал С. Г. Горшков, генерал-полковник А. С. Желтов среди участников совещания боевой и политической подготовки. 16 марта 1957 г.

К. К. Рокоссовский на открытии памятника-монумента защитникам Москвы. 4 декабря 1966 г.

У кремлевской стены. 1968 г.

К. К. Рокоссовский.

ми — отрогами горных хребтов, видневшихся вдали. Дороги как таковой не было, и можно было ехать лишь по еле заметной колее. Наезженная дорога встречалась только на горных перевалах. Многочисленные реки приходилось переезжать иногда по шатким деревянным мостикам, иногда на паромах, а чаще всего вброд.

В степи бродили стада низкорослых коров и быков, по склонам гор паслись табуны лошадей, отары овец и коз, иногда встречались двугорбые верблюды. Караулили этот многочисленный скот мужчины, женщины, подчас даже ребятишки.

Рокоссовский знал толк в верховой езде, и его восхищала изящная посадка, легкость и естественность, с которой монголы держались в седле. Это и не мудрено, так как и мальчиков и девочек с раннего детства приучали к седлу, а соревнования в скачках считались одним из главных развлечений монгольских жителей той поры.

Путешествие до Урги продолжалось три дня. Под вечер, преодолев пологий хребет на спуске к реке Тола, путники увидели сверкающие позолотой в лучах уходящего солнца большие монастыри на холмах, раскиданные без всякого порядка юрты, саманные домики, окруженные частоколами, многочисленные кварталы китайских магазинов, складов, мастерских, переплетающиеся кривые переулки. Во всем городе ни единого деревца. Это и была столица молодой республики — город Урга, где Рокоссовскому и его семье предстояло провести более двух лет.

Работы оказалось много, и была она своеобразной. Круг задач и обязанностей инструкторов был обширным. Создать заново монгольскую армию, которая во всех отношениях отвечала бы современным требованиям, — сложное и ответственное дело, и Рокоссовский, как и все остальные советские инструкторы, ясно сознавал это. Приходилось не считаться со временем, не жалеть труда, чтобы передать монгольским ученикам весь богатый опыт, накопленный к тому времени в Красной Армии.

Самая острая проблема, стоявшая тогда перед монгольской армией, — отсутствие подготовленных командирских кадров. Обучать их нужно было, начиная с командира взвода и выше. Еще до приезда в МНР Рокоссовского в Урге было создано объединенное военное училище, специально готовившее командиров для всех

родов войск. Но этого было мало. Одновременно с воспитанием кадров инструкторы занимались формированием и организацией частей, соединений, их штабов. В подчинении у Рокоссовского как инструктора кавалерийской дивизии находилось значительное количество советских командиров, работавших инструкторами в подразделениях — от эскадрона, роты, батареи до дивизиона, полка, бригады. Вместе со своими монгольскими товарищами — будущими командирами — советские инструкторы делили все тяготы и радости боевой и политической подготовки.

Кавалерийские качества монголов могли вызывать только восхищение. Да и как было не восхищаться ловкостью всадников, на карьере ухитрявшихся подхватить брошенную на землю монету. На учениях монгольские командиры и бойцы — цирики — лихо джигитовали, с азартом участвовали в скачках. Правда, несколько хуже они владели шашкой и пикой.

Нерешенных вопросов, проблем перед инструкторами возникало очень много. В первые годы после создания Монгольской НРА во всех кавалерийских и артиллерийских частях не было постоянного конского состава. Каждая часть располагала своим табуном, в котором имелось вдвое-втрое больше лошадей, чем это требовалось по боевому расчету. Табуны содержались в степи, нередко на большом расстоянии от части. Для боевой подготовки и хозяйственных нужд из табуна поочередно пригоняли лошадей, которые через несколько месяцев заменялись следующей партией, и так на протяжении всего года. Разумеется, что такая система, при которой личный состав не имел постоянных лошадей, а лошади — постоянных хозяев, не могла быть терпима, поскольку в этом случае ни о какой выездке лошадей, обучении всадников, тем более о постоянной боеготовности не могло быть и речи. Пришлось менять заведенный порядок.

Замены требовало и само монгольское седло, которое, будучи продуктом многовековой практики, казалось, должно было удовлетворять всем требованиям верховой езды. Но высокое маленькое деревянное седло, сидеть в котором надо было боком и одно стремя которого было короче другого, удобное, по всей вероятности, в быту кочевника-скотовода, не могло быть принято в регулярной армии. Дело осложнялось и тем, что кавалерийские седла Красной Армии были слишком велики для низкорослых монгольских лошадей. Тщательно изучив этот вопрос,

монгольское командование, по совету инструкторов-кавалеристов, ввело в армии не монгольское и не кавалерийское, а русское казачье седло.

Очень осложняло подготовку военных кадров то, что подавляющее большинство как рядовых цириков, так и отобранных для занятий в школах и училищах было неграмотным. Это ставило нередко, казалось, неразрешимые проблемы — обучение современных командиров просто невозможно без усвоения хотя бы элементарных понятий математики и физики. И все же инструкторы ухитрялись доносить свой опыт слушателям. А желание учиться, знать военное дело у монгольских командиров было огромным.

Монгольское правительство и Монгольская народно-революционная партия постоянно помогали инструкторам. Это, конечно, облегчало их работу. На месте сидеть инструктору 1-й кавалерийской дивизии не приходилось. Он много ездил по стране и смог познакомиться и с ее горно-лесистыми районами севера и северо-запада, и со степными районами востока, и с югом страны, где степи переходили в Гобийскую пустыню. Во время поездок по Монголии он много охотился, благо дичи здесь было в изобилии, а охотничьи угодья — прекрасные. Надо сказать, что эта страсть к охоте, приобретенная еще в Забайкалье, осталась у него в течение всей жизни.

Благодаря усилиям своего личного состава Монгольская НРА при деятельной помощи инструкторов из СССР росла и крепла год от года. Ее зрелость была доказана в последующем. И если во время боев на Халхин-Голе в 1939 году или в Маньчжурии в 1945 году монгольские кавалерийские части при столкновении с японскими милитаристами проявили себя с самой лучшей стороны, то в их успехе была и доля труда Рокоссовского.

Вернувшись в СССР, Рокоссовский не покинул Забайкалья: с октября 1928 года он становится командиром все той же 5-й отдельной Кубанской кавбригады. Теперь он не только командир бригады, но и ее военный комиссар. Введение единоначалия в Красной Армии было важнейшим мероприятием военной реформы. Институт военных комиссаров, введенный партией в 1918 году и сыгравший существенную роль в годы строительства Красной Армии во время гражданской войны, постепенно должен был уступить место единоначалию. В ноябре 1928 года по указанию ЦК партии было принято Поло-

жение о комиссарах, командирах-единоначальниках и помощниках по политической части, согласно которому ответственность командира за все стороны жизни в армии значительно возрастала. Введение единоначалия способствовало резкому укреплению дисциплины и повышению боевой готовности наших вооруженных сил.

Той же цели служила и учеба всех командиров армии, как бы высоко ни было их звание. Для того чтобы командиры частей и соединений всегда были в курсе всех происходивших в Красной Армии изменений, командование практиковало их регулярную переподготовку на специальных курсах. В январе 1929 года был командирован в Москву на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) и Константин Рокоссовский.

Учебные занятия на курсах были организованы отлично. Преподаватели, как правило, лучшие специалисты в области тактики и оперативного искусства, стремились помочь своим слушателям усвоить ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомить их с образцами новой техники и вооружения, которое в это время начало поступать в части Красной Армии.

На курсах, как и ранее, как и всю последующую жизнь, Рокоссовский очень увлекался военной теорией. Он не пропускал ни одной новинки, стремился приобрести все выходящие книги по военным вопросам. А советская военная наука конца 20-х — начала 30-х годов могла удовлетворить вкусы самых высоких знатоков военного дела. Книги по военному искусству появлялись в тот период в большом количестве.

В первую очередь внимание Рокоссовского привлекали работы крупнейшего советского военачальника Михаила Васильевича Фрунзе, отстаивавшего необходимость создания единой военной доктрины, которая определяла бы дальнейший характер строительства Советских Вооруженных Сил. Тогда же, в конце 20-х годов, появился капитальный труд Б. М. Шапошникова «Мозг армии», где анализировалась роль Генерального штаба в современной армии. С интересом знакомился Рокоссовский с работами М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева, А. И. Корка и других видных военачальников. Оживленные дискуссии среди командиров Красной Армии вызвала книга заместителя начальника штаба РККА В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий». С большой смелостью

и глубиной автор рассматривал перспективы развития армий того времени.

Приходилось только жалеть, что занятия на курсах так кратковременны — всего два месяца. Горя стремлением приложить полученные знания к работе, возвращался Рокоссовский в апреле 1929 года в Забайкалье, к своим кубанцам, с которыми он свыкся и которых полюбил за годы совместной службы. Предстояло на деле использовать приобретенные знания для дальнейшего укрепления боеспособности 5-й отдельной Кубанской кавбригады. Части и соединения Красной Армии на востоке нашей Родины должны были находиться в состоянии полной боевой готовности.

С сентября 1927 года штаб 5-й отдельной Кубанской кавбригады размещался в военном городке. Бригада имела задачу прикрыть границу на реке Аргуни, и это требовало и от командира, и от личного состава полной отдачи сил. Восточная граница СССР на протяжении всех лет после окончания гражданской войны была тревожной и опасной, а с конца 1928 года положение на ней еще более осложнилось.

Китайские милитаристы, поддерживаемые империалистами Англии, Франции, США и белоэмигрантами, в большом числе проживавшими на территории Маньчжурии, захватили летом 1929 года принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) [1], грубо нарушив тем самым существовавшее с 1924 года советско-китайское соглашение о совместном управлении дорогой. Более двух тысяч советских граждан — служащих КВДЖ, были арестованы и брошены в концлагерь. После этого на наших дальневосточных границах, от Владивостока до станции Маньчжурия, усилились налеты китайских солдат и белогвардейских отрядов. Особенно известными советским людям стали в это время станция Маньчжурия и разъезд № 86, где изо дня в день китайские солдаты устраивали провокации.

---

[1] КВЖД была выстроена русским правительством в соответствии с русско-китайским договором 1896 года об оборонительном союзе России и Китая против возможного нападения Японии. На строительство этой железнодорожной магистрали, пересекающей Северо-Восточный Китай от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин до станции Пограничная, с южной линией до Порт-Артура, русское правительство истратило огромную сумму народных денег.

Правительство СССР не желало кровопролития и отдало войскам строгое приказание не поддаваться на провокации. Но китайские милитаристы и белогвардейцы не утихомирились. Всего за несколько месяцев 1928 года на восточной границе нашей страны было зарегистрировано 116 обстрелов советской территории и 82 нападения на нее, во время которых было убито 29 красноармейцев и 27 мирных жителей, ранено 48 красноармейцев и 70 мирных жителей, разорено 18 населенных пунктов. Неоднократные протесты Советского правительства ни к чему не приводили. Мало того, китайское командование начало подтягивать силы для крупных военных действий как в Приморье, так и в Забайкалье. По городу Маньчжурии маршировали молодчики из мукденского «Отряда уничтожения СССР», распространявшие воззвания вроде следующего: «Мы хотим уничтожить красное пламя в России, хотим топтать ногами русскую землю. Нам хорошо известно, что Красная Россия — наш исконный враг...» Воззвание украшала карта, на которой советский Дальний Восток был включен в состав Китая. Подготовку военных действий китайские милитаристы сопровождали бешеной агитацией среди китайских солдат и командиров. Провокации на границах все множились. У советских людей оставалось единственное средство — проучить китайских милитаристов и заставить их восстановить нарушенный ими же мир.

Полки 5-й кавбригады прикрывали от нападения границу по реке Аргунь. С болью в сердце смотрел Рокоссовский, как пустели пограничные села, как оставались неубранными поля, как враги пулеметным огнем с противоположного берега уничтожали пасшийся скот, как поджигали снарядами дома. Особенно часто приходилось видеть это в районе станицы Олочинской. Китайские солдаты из крепости Шивейсян изо дня в день обстреливали станицу. Жизнь в ней замерла. Прекратились все сельскохозяйственные работы. 27 октября собрание жителей Олочинской приняло следующую резолюцию: «Мы просим Советскую власть и командование Особой Дальневосточной армии принять такие меры против белокитайских бандитов, от которых они не очухались бы и в будущем не посмели бы мешать нашему мирному труду».

Такие меры были приняты.

В период с 12 октября по 20 ноября 1929 года в трех

последовательных операциях китайские милитаристы были разгромлены. В одной из этих операций — Чжалайнор-Маньчжурской видную роль сыграла и 5-я отдельная Кубанская кавбригада Рокоссовского.

15 ноября командующий Забайкальской группой войск С. С. Вострецов отдал приказ о подготовке к предстоящей операции. Приказ этот застал полки 5-й кавбригады рассредоточенными на большом расстоянии. Им предстояло совершить к месту сосредоточения форсированным маршем очень большие переходы. Но недаром командир бригады учил своих подчиненных действовать в мирное время так, как будто назавтра бой: все полки своевременно были на месте. 73-й кавполк, выступив в полночь 11 ноября, в три ночных и один дневной переход без дневок прошел 300 километров. Части бригады, выступившие во главе с Константином Рокоссовским в 10 часов 15 ноября, за сутки прошли более 100 километров. Уже в том, как осуществлялись подобные переходы, видна опытность руководителя и тренированность личного состава. Надо отметить, однако, что лошади к началу операции были сильно уставшими.

Боевой приказ бригаде гласил: перейдя в наступление от Абагайтуевской сопки и выйдя на линию железной дороги, что в 9 верстах южнее Чжалайнора, атакой на северо-запад совместно с пехотными частями разбить гарнизон Чжалайнора.

Прошло уже 8 лет с тех пор, как Рокоссовский участвовал в боях подобного размаха. Да и находившиеся в его распоряжении силы бригады — полторы тысячи бойцов — значительно превышали все, что ему когда-то приходилось вести в бой. Но командир 5-й отдельной бригады действовал хладнокровно и уверенно, он многому научился и в мирное время, а за своих подчиненных был спокоен: они не подведут.

В 11 часов вечера 16 ноября Рокоссовский выслал вперед разведку и с нею взвод саперов для обследования льда на реке Аргуни и выбора места переправы. В час ночи бригада в полном составе (73, 74 и 75-й кавалерийские полки и 25-й конно-артиллерийский дивизион) выступила из поселка Абагайтуевского. Ночь была темной, довольно морозной, и в такую ночь бригаде предстояло преодолеть серьезное препятствие: замерзшую Аргунь. После большого осеннего разлива русло реки в месте переправы, и без того широкое из-за многочисленных про-

ток, ответвлявшихся от фарватера, достигало ширины 6 верст. По скользкому, но уже крепкому льду колонна кавалеристов перешла через Аргунь и устремилась на юг по восточному берегу реки. К 7 часам утра, еще раз переправившись через Аргунь, головной 75-й кавполк вышел к линии железной дороги в тылу Чжалайнорского гарнизона. Когда об этом доложили Рокоссовскому, он отдал приказ:

— Взорвать железнодорожное полотно! Вывести из строя телеграфную линию!

Появление кавалеристов Рокоссовского в тылу китайских войск было, по всей вероятности, полной неожиданностью для них, потому что спустя буквально несколько минут после выхода кубанцев к железной дороге со стороны Чжалайнора показался поезд, следовавший на Хайлар. Так как саперы не успели взорвать путь, батарея кубанцев по приказу комбрига, развернувшись, с открытой позиции несколькими снарядами остановила состав. Из вагонов в панике начали выскакивать офицеры и солдаты, открыв беспорядочную стрельбу, они бросились врассыпную. Тогда последовала конная атака эскадрона 74-го полка. Разрозненные группы противника были уничтожены, а сложившие оружие 29 человек (в том числе 16 офицеров) взяты в плен. В поезде у захваченных пленных кубанцы обнаружили ценные документы, позволившие впоследствии с достаточной ясностью разоблачить авантюристические планы китайских милитаристов относительно советского Забайкалья.

Захватив поезд, бригада к 10 часам утра, переправившись по льду через Мутную протоку, под редким артиллерийским огнем противника со стороны южной окраины Чжалайнора вышла в район сопки «Мать». Сопку пытались оборонять небольшие группы пехотинцев противника, но они были быстро оттуда выбиты. После этого продвижение замедлилось, так как стрелковые части, которые должны были атаковать Чжалайнор с севера, еще не подошли.

Несколько часов прошли в ожидании. Очевидно, присутствие бригады Рокоссовского в тылу противника, перехват кавалеристами железной дороги беспокоили китайское командование, и со второй половины дня оно попыталось отбросить кубанцев, но эти попытки были легко ликвидированы советскими бойцами. Около 14 часов наблюдением была отмечена пехота противника, пы-

тавшаяся охватить левый фланг расположения бригады. Рокоссовский распорядился атаковать противника. 3-й эскадрон 74-го кавполка выполнил это распоряжение: конники уничтожили до роты солдат, 15 из них взяли в плен. Немного позже в том же районе появился китайский батальон, двигавшийся из Чжалайнора с явной целью ударить во фланг бригады. Тогда Рокоссовский бросил в атаку в конном строю эскадроны 75-го полка. Поддержанные пулеметным огнем, кавалеристы настигли противника у безымянной высотки. Более 200 вражеских солдат было убито, 39 взято в плен. Потери полка во время атаки составили 7 убитых и 5 раненых. Характерно, что во время атаки китайские солдаты, бросавшие оружие, вновь хватались за него и стреляли в спину проскакавшим мимо них кавалеристам.

Намеченная вечером атака Чжалайнора не состоялась. С 20 часов части бригады отошли с занимаемых позиций в район сопки «Мать», где и провели ночь. Ночевка эта была тяжелой: под открытым небом, при низкой температуре и сильном северо-западном ветре. Командование бригады не имело возможности эвакуировать раненых. Положение ухудшалось и тем, что не было воды для лошадей и горячей пищи для бойцов.

Но больше всего Рокоссовского беспокоило то, что он не знал о положении дел в других частях группы. Бригада оказалась в тылу противника, оторванной от своих войск. Лишь к исходу 17 ноября на короткое время удалось установить связь по радио со штабом группы, и с утра 18 ноября совместно со 108-м стрелковым полком, подошедшим за ночь, кубанцы возобновили наступление на Чжалайнор. Несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь противника, его сопротивление около 11 часов было сломлено, и бой закипел на улицах города. Засевших в домах и упорно оборонявшихся китайских солдат пришлось выбивать гранатами. Вскоре Чжалайнор был в руках советских войск.

17—18 ноября 1929 года кавалеристы 5-й отдельной бригады выдержали серьезный экзамен. Без пищи и сна в течение двух дней, пронизываемые ледяным ветром, под сильнейшим ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем преодолевали они крутые, голые каменные сопки, изрытые несколькими рядами окопов, рвов, блиндажами.

Часть войск противника все же сумела вырваться из

Чжалайнора и уйти на юг. В погоню за ними Рокоссовский отправил 75-й кавполк. Около 14 часов кавалеристы настигли отходящие китайские части в 10—12 верстах юго-западнее разъезда Аргунь и атаковали их в конном строю. Результат был следующим: около 300 убитых врагов и 32 пленных. От дальнейшего преследования пришлось отказаться, так как лошади кубанцев крайне устали и уже много часов были непоенными.

После взятия Чжалайнора бригада 19 ноября отдыхала, расквартировавшись в поселке. На следующий день ее перебросили западнее, к станции Маньчжурии, где еще сопротивлялся окруженный гарнизон китайских войск. 20 ноября генерал Лян Чжуцзян отдал приказ о капитуляции, но 5-я кавбригада получила еще одно, последнее в этой операции, задание: перехватить путь отхода прорвавшейся от крепости Любенсян к югу группы противника и уничтожить ее. И эту задачу бригада Рокоссовского выполнила блестяще. Настигнув врага к 11 часам, 73-й и 75-й кавполки атаковали его при поддержке артиллерии и уничтожили. Лишь незначительные группы китайских солдат смогли уйти в глубь сопок. Это была последняя кавалерийская атака кубанцев во время конфликта на КВЖД. Это был и последний бой, которым Рокоссовский руководил в качестве кавалерийского командира.

После окончания гражданской войны среди командиров Красной Армии шли споры о возможности применения кавалерии в будущих военных конфликтах. Результаты действий 5-й кавбригады в Чжалайнор-Маньчжурской операции показали, что конница, по крайней мере, против такого противника, как китайские милитаристы, еще имеет большие шансы на успех. В своих «Выводах и пожеланаиях по рассмотрению боевых операций, проведенных 5-й отдельной Кубанской кавбригадой» ее командир писал: «Действия в конном строю при борьбе с китармией наших дней возможны, и конные атаки являются одной из наиболее частых форм боя». Подробно и последовательно рассматривая все вопросы применения кавалерии и ее взаимодействия с другими родами войск, Рокоссовский заключал: «Действия частей бригады в конном строю (конные атаки) имели место в течение всех трех дней операции и полностью себя оправдали, так как конными атаками противнику был нанесен наибольший ущерб. За период боев частями бригады было проведено до восьми атак, и все они имели положительные резуль-

таты... Успех атак обеспечивался их внезапностью, стремительностью и правильным нацеливанием подразделений».

Некоторое время, пока шли переговоры об урегулировании конфликта, бригада Рокоссовского стояла в Чжалайноре. Советские бойцы и командиры сделали все, чтобы обеспечить нормальную жизнь в городе, и заслужили признательность и уважение его жителей. Когда в конце декабря 1929 года бригада покидала Чжалайнор, рабочие угольных копей, расположенных в этом районе, в знак благодарности преподнесли красноармейцам знамя и адрес: «Красным кубанцам от рабочих Чжалайнорских копей. Мы, рабочие Чжалайнорских копей в составе 400 человек, выражаем свою признательность частям Красной Армии за их хорошее, заботливое к нам отношение. За все время нахождения в Чжалайноре частей Красной Армии не было ни одного случая мародерства или грубого отношения к нам красноармейцев. В знак своей признательности и благодарности преподносим вам — красным кубанцам — знамя и сей адрес».

В боях во время конфликта на КВЖД 5-я отдельная Кубанская кавбригада показала отличную боевую подготовку, и многие ее бойцы и командиры были награждены. Главную роль в успехе бригады сыграло уверенное руководство Рокоссовского. За годы, прошедшие со времени окончания гражданской войны, он многому научился, а богатый военный опыт давал ему возможность в сложной обстановке добиваться наилучших результатов. Признанием заслуг командира 5-й отдельной Кубанской кавбригады служило его награждение 13 февраля 1930 года третьим по счету орденом Красного Знамени. Но Рокоссовский уже не командовал кубанцами — на время он оставил Забайкалье.

Теперь путь Рокоссовского лежал на запад: он получил назначение командиром 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизии, входившей в состав Белорусского военного округа. Сформированная в апреле 1919 года под Астраханью, дивизия имела богатую и яркую боевую историю. Во время гражданской войны ее полки дрались с белогвардейцами под Астраханью, Царицыном, Кизляром, Пугачевском, Бузулуком. В послевоенное время дивизию возглавляли такие видные советские командиры, как Н. Д. Каширин, Г. Д. Гай, Д. Сердич.

По сравнению с 5-й Кубанской кавбригадой дивизия была большим и сложным организмом. В составе каждого из ее четырех полков (37, 38, 39 и 40-го) имелось шесть эскадронов, пулеметный эскадрон (16 пулеметов на тачанках), полковая батарея, взводы связи, саперный, химический и полковая школа по подготовке младшего комсостава. Общая численность дивизии достигала 7 тысяч человек.

Дислоцировалась дивизия в Минске и его окрестностях. В то время государственная граница с Польшей проходила неподалеку от Минска, и дивизия всегда должна была находиться в полной боевой готовности, так как взаимоотношения Советского государства с панской Польшей в тот период оставляли желать лучшего. Впрочем, за годы службы на Дальнем Востоке Рокоссовский и сам привык к тому, что ежеминутно можно было ожидать боевой тревоги, и научился поддерживать состояние постоянной боевой готовности в подчиненных ему частях.

С головой окунулся Рокоссовский в новую работу, стараясь поддержать славу дивизии. В этом он преуспел. Полевые учения и участие в окружных маневрах, проводившиеся ежегодно в Белорусском военном округе, неизменно проходили для полков дивизии с успехом. Поддерживать традиции дивизии Рокоссовскому помогали его подчиненные — командиры полков. Один из них, Г. К. Жуков, командовавший сначала 39-м кавполком, а затем 2-й бригадой дивизии, писал 35 лет спустя: «Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием».

7-й кавдивизией Рокоссовский командовал сравнительно недолго. Служебный долг вновь звал его на Дальний Восток. Там, в Маньчжурии, завязывался первый узел будущей мировой войны, разгорался пожар, который спустя несколько лет вновь охватил весь мир.

Без объявления войны в 1931 году Япония вторглась в Маньчжурию и начала ее оккупацию. Руководящие

японские правительственные и военные круги открыто заявляли о своих планах захвата советского Дальнего Востока, и Северный Китай должен был служить им в качестве плацдарма для нападения на СССР. Советское правительство было вынуждено срочно укреплять свои восточные границы. Туда, в Забайкалье и Приморье, направлялись новые части и соединения, а расположенные ранее там переформировывались и пополнялись.

Переформировать 5-ю отдельную Кубанскую бригаду в дивизию было поручено Рокоссовскому. 22 февраля 1932 года он снова вступил в командование кубанцами. Обстановка в Маньчжурии была тревожной, там шла борьба между японскими и китайскими войсками. Поэтому формирование и сколачивание частей было проведено в кратчайшие сроки, и с середины марта 1932 года в Забайкальской группе войск числится 15-я кавалерийская дивизия в составе 64, 73, 74 и 75-го кавполков, 15-го конно-артиллерийского полка и 15-го отдельного механизированного дивизиона (в сентябре этого же года дивизион был развернут в 15-й механизированный полк).

Размещался штаб дивизии все в том же самом военном городке. Начальником его гарнизона был назначен Рокоссовский. Главной заботой, постоянным центром его работы, разумеется, и в эти годы была боевая подготовка вверенных ему бойцов и командиров. Материалы архивов дают наглядное представление, с каким вниманием и строгостью относился к этой стороне дела Рокоссовский и в мирное время. В приказе от 1 июня 1933 года он отмечает крупные недочеты, обнаруженные в стрелковой подготовке 73-го полка, и пишет об их причинах: «В основном низкая стрелковая подготовка этого полка объясняется общей расхлябанностью всего состава полка, неумением организовать стрельбы, отсутствием внешнего воинского вида, невысокой дисциплинированностью и попытками большинства начсостава свои неудачи объяснять различными объективными причинами». И как следствие всего этого командир дивизии приказал: «За допущенную расхлябанность, неорганизованность и слабую подтянутость полка, а также за слабое знание начсоставом полка основных уставов, командиру-комиссару полка и помполиту, допустившим такое положение, объявляю выговор».

Поскольку дивизия Рокоссовского была кавалерий-

ской, командир ее особо следил за конной подготовкой бойцов, требовал, чтобы подчиненные ему командиры любили и знали конное дело, и был очень строг с теми, кто пренебрегал этой стороной подготовки кавалеристов. Характерен в этом отношении его приказ от 10 мая 1934 года о результатах поверки боевой подготовки полковой школы 73-го кавполка, в котором звучит неприкрытая насмешка над незадачливыми кавалеристами: «Управление конем не отработано, курсанты овладели лишь одним из способов управления — это поводом, причем управление производится чрезвычайно грубо, основной вид управления — шенкель — совершенно не отработан... Получается весьма оригинальная для конницы картина, когда не всадник управляет конем, а конь всадником. Как следствие этого лошади на препятствие не идут, обносят препятствие или останавливаются перед таковым, и всадник не в силах заставить коня преодолеть препятствие...»

Немалое место в планах работы командир 15-й кавдивизии отводил спортивной и физической подготовке своих подчиненных. Опытный, бывалый солдат, он хорошо знал, что только закаленные, крепкие бойцы способны вынести тяжесть войны и от подготовки каждого бойца зависит успех части в целом. Учитывая возможность военного столкновения, Рокоссовский приучал своих бойцов совершать напряженные и форсированные марши и марш-броски в любую погоду, днем и ночью, по дорогам и без дорог. Он требовал от командиров полков, чтобы они овладевали искусством с ходу развертываться в боевые порядки для стремительной атаки врага, для преследования его после боя до полного уничтожения. Все это под силу только хорошо подготовленным физически людям. Будучи сам образцом и в этом отношении (рабочий день Рокоссовского неизменно начинался с интенсивной зарядки, а всеми конными видами спорта он продолжал заниматься и в сорок лет), командир 15-й кавдивизии требовал того же и от подчиненных ему командиров. Иногда приходилось делать это в приказном порядке. 8 октября 1933 года датирован следующий приказ: «Ежедневно в течение 45 минут со всем начальствующим составом производить физзарядку, как меру, способствующую успеху тактического и стрелкового дела».

Угроза столкновения с японскими милитаристами,

обосновавшимися в Маньчжурии, требовала от командиров частей и соединений не только постоянной боевой готовности, но и детального знания возможного противника, его особенностей, его языка. Командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и командир Забайкальской группы войск (им был в этот период И. К. Грязнов) обязали весь начальствующий состав ОКДВА изучать японский язык, отводя для этого за счет командирской учебы определенные часы. О серьезности, с которой подходили к этому делу в дивизии Рокоссовского, свидетельствует следующий его приказ: «На всех тактических учениях и штабных учениях практиковать опрос пленных по имеющимся словарям, пленных изображают один-два командира, отвечающих только на японском языке. С июля сего года во всех штабах частей установить один день в пятидневку, закрепив в этот день один час, в течение которого весь разговор в штабе лицами начальствующего состава ведется только на японском языке, пользуясь словарем. Изучению японского военно-разговорного языка придать исключительное значение, поставив целью к декабрю сего года овладеть всем начальствующим составом всей суммой слов разговорника словаря».

Требовательный к себе, Рокоссовский не терпел никаких нарушений дисциплины или тем более проступков, ведших к понижению боеспособности подчиненных ему частей. В таких случаях Рокоссовский, бывший гуманным человеком, стремившийся в своих подчиненных видеть в первую очередь людей, не колебался. Так, ему стали известны факты очковтирательства, к которому прибегли некоторые командиры 64-го кавполка, чтобы улучшить свои показатели на стрельбах. В приказе от 9 декабря 1933 года по этому поводу Рокоссовский писал: «Такое явление говорит о потере бдительности со стороны ответственных за боевую подготовку лиц, забывших, по-видимому, о том, что части стоят на одной из ответственных на данном этапе границ, и от их повседневной боеготовности зависит исход первых боев с врагом, который попытается перейти эту границу, и что за обман самих себя частям придется в первых же боях расплачиваться большой кровью...» За столь серьезный проступок командир 1-го эскадрона 64-го полка был отдан под суд, несколько других командиров получили по 20 суток ареста, а командир полка — строгий выговор.

Будучи нетерпимым ко всякому проявлению недисциплинированности, командир 15-й кавдивизии с особой строгостью относился также к тем из подчиненных ему командиров, кто допускал грубость в отношении бойцов. Очень показателен для характера Рокоссовского хранящийся в архиве приказ от 23 ноября 1934 года, написанный его рукой и содержащий в концентрированной форме основные взгляды Рокоссовского на то, как должен вести себя командир с подчиненными. Отметив, что в частях его дивизии он все еще наблюдает факты грубого отношения к подчиненным и даже случаи рукоприкладства, Рокоссовский продолжал: «Вместо решительной борьбы было замазывание фактов, попытки объяснить такие случаи нервозностью, некультурностью и т. п. Между тем каждый командир и политработник обязан знать, что нет худшего в Красной Армии преступления, кроме измены и отказа от службы, как рукоприкладство, матерщина и грубость, то есть случаи унижения достоинства человека, человека, призванного в армию, которому дано оружие, который носит почетное звание красноармейца, защитника Советской Родины, — и что может быть почетнее этого?»

Подобному поведению советского командира Рокоссовский не находил оправдания и требовал вести с ним самую решительную борьбу: «Нет командиров в РККА, не умеющих владеть собой, в нужный момент взять себя в руки, ибо такие люди не могут быть командирами, они в боевой обстановке неспособны будут вести людей в бой и заставить себя выполнять самые опасные задачи».

В то же время Рокоссовский решительно выступал против каких-либо послаблений дисциплины: «Обращая внимание всего начсостава и младшего комсостава на решительное искоренение случаев грубости, нетактичности и оскорблений подчиненных, одновременно обращаю внимание и на недопустимость каких бы то ни было послаблений воинской требовательности к подчиненным. Командир должен быть командиром до конца, требовательным, настойчивым и решительно до конца проводящим свою волю, направленную на укрепление боеспособности армии. Предоставленное ему положением право вполне достаточно для того, чтобы справиться полностью с возложенными на него задачами...»

Не только боевая и строевая подготовка полков дивизии занимали время у ее командира. У начальника гар-

низона было большое и хлопотливое хозяйство. И за санитарно-эпидемическое состояние городка, и за пожарную охрану, и за самозаготовку дров на зиму, и за многие другие мелкие, но важные дела отвечал начальник гарнизона. Он активно участвует в работе общественных организаций района: именно по его предложению 86-й разъезд в память о событиях 1929 года был переименован в станцию Отпор (ныне станция Забайкальская). По инициативе Рокоссовского в городке, расположенном в степной местности, где нет деревьев, был разбит парк. К сожалению, впоследствии, уже в годы Великой Отечественной войны, большая часть деревьев была вырублена.

Во всех этих делах, больших и малых, находит применение кипучая энергия, жар души Рокоссовского, настоящего военачальника-коммуниста. И в годы мирной жизни, и в период Великой Отечественной войны, и после нее — везде и всегда он оставался настоящим членом партии большевиков, делавшим все от него зависящее для усиления мощи Советских Вооруженных Сил, для укрепления обороны нашей страны. На всех постах, будь то полк, бригада, дивизия, корпус, он активно участвует в партийной жизни. В качестве одного из делегатов от коммунистов Красной Армии в январе—феврале 1932 года Рокоссовский участвует в заседаниях XVII партийной конференции, принявшей важнейшие решения по составлению директив второго пятилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны.

Лишь в редкие часы отдыха командир 15-й дивизии мог побродить в забайкальских сопках с ружьем или посидеть с удочкой над быстрыми речками — страсть охотника не угасала в нем всю жизнь. Так пробежали четыре года. Впоследствии Константин Константинович говорил о них: «С самым большим удовольствием вспоминаю службу в полку и дивизии. И особенно... в Забайкалье... Хорошее было время».

Огромная работа командира дивизии вскоре стала давать знать о себе. Уже через год после сформирования дивизии командование Забайкальской группы ОКДВА отмечало хорошее состояние ее полков и отличное знание начальствующим составом, в первую очередь самим Рокоссовским, маньчжурского театра военных действий и вероятного противника. В результате поверки боевой подготовки частей дивизии в сентябре 1933 года дивизия

получила оценку «хорошо», а начальник штаба управления по боевой подготовке РККА в тот же период писал, что «полки вполне сколочены и боеспособны; тактическая подготовка... частей гарнизона выделяется на одно из первых мест в Забайкальской группе частей ОКДВА и части гарнизона могут выполнять сложные и ответственные задачи, налагаемые на современную конницу».

За успехи в подготовке частей дивизии Рокоссовский получает еще одну награду — орден Ленина, первый из семи таких орденов, заслуженных им в рядах Советской Армии. Когда в сентябре 1935 года в Красной Армии были введены персональные воинские звания для командного состава, Рокоссовский получил звание комдива. В начале 1936 года ему приходится распрощаться с Забайкальем — он становится командиром 5-го кавалерийского корпуса, входившего в состав Ленинградского военного округа.

После службы в безвестной станице Рокоссовский стал начальником гарнизона старинного русского города Пскова. Расположенный в непосредственной близости от тогдашней государственной границы с буржуазной Эстонией, 5-й кавалерийский корпус включил в себя три дивизии — 16, 25 и 30-ю. По служебным делам Рокоссовский теперь часто бывал в Ленинграде и Москве. Основное же время командира корпуса занимали поездки в дивизии, инспектирование частей, организация обучения войск.

Середина 30-х годов была временем реорганизации Советских Вооруженных Сил. В 1935—1938 годах стал возможным переход к кадровой системе комплектования дивизий, и уже к началу 1936 года территориальные дивизии не составляли и четверти всех дивизий Красной Армии. Одновременно происходило перевооружение советских войск. За годы двух предвоенных пятилеток огромные изменения произошли как в пехоте, так и в артиллерии Красной Армии, заново были созданы бронетанковые и военно-воздушные силы. Серьезные перемены претерпела и конница, все еще составлявшая существенную часть сухопутных войск Красной Армии. С 1934 по 1939 год в кавалерийских дивизиях более чем на 40 процентов возросло количество артиллерии, на 30 процентов — ручных пулеметов, на 21 процент — станковых. У кавалеристов появилась зенитная артиллерия, почти на треть увеличилось число танков в механизированных

полках дивизий, а сами эти полки стали теперь обязательной составной частью кавалерийских дивизий.

Освоение огромного количества самой разнообразной техники, обучение вновь прибывающих контингентов военнослужащих требовали всего времени командира корпуса. Поэтому жизнь Рокоссовского в эти годы проходила в постоянных разъездах. Вот только несколько недель из повседневных будней командира 5-го кавалерийского корпуса, проследить за которыми дают нам возможность архивные документы.

4 января 1937 года он провел в 16-м конно-артиллерийском полку и обнаружил ряд недостатков в боевой подготовке артиллеристов.

С 6 по 9 января Рокоссовский вместе со своим помощником по политчасти дивизионным комиссаром И. С. Балашовым и начальником 3-го отдела штаба корпуса майором Г. М. Брагиным находился у самой границы и инспектировал части 30-й кавдивизии.

12 января командир корпуса убыл в Москву. Там с 15 по 21 января состоялся XVII Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, рассматривавший проект новой Конституции РСФСР, и Рокоссовский в качестве одного из делегатов присутствовал на съезде, слушал речь Михаила Ивановича Калинина о проекте Конституции, закреплявшей достижения советского народа.

23 января Рокоссовский возвратился из Москвы и несколько дней потратил на инспектирование частей псковского гарнизона.

30 января вместе с начальником штаба корпуса Журавлевым он отправился в Ленинград, в штаб ЛВО, и возвратился оттуда только 10 февраля. Но уже через день, 12 февраля, Рокоссовский уехал для инспектирования частей 16-й кавдивизии.

15 февраля он возвратился в Псков и в тот же день отправился на границу. Вернувшись оттуда 17 февраля, Рокоссовский уже 23 февраля был вновь на границе.

24 февраля он опять в Пскове, а на следующий день уезжает на полевые учения по поверке штаба 25-й кавдивизии...

Всего 50 дней, но какое разнообразие являют собой эти мирные будни военного начальника! Сколько поездок! И в каждой из них встречи с сотнями людей, десятки часов напряженного труда! Так из месяца в месяц, без устали и перерыва... К сожалению, в августе 1937 года

плодотворная деятельность Рокоссовского была прервана: став жертвой клеветы, он был арестован. Решительно, с негодованием отверг Рокоссовский предъявленные ему нелепые обвинения в связях с польской и японской разведками. Это были очень трудные для него дни, недели, месяцы, годы. Однако справедливость была восстановлена, твердость возымела действие: в марте 1940 года «дело» Рокоссовского было прекращено, его полностью восстановили в правах.

Весной 1940 года семья Рокоссовских отдыхала на юге, а по возвращении с курорта Рокоссовский был принят народным комиссаром обороны маршалом С. К. Тимошенко, с которым они были знакомы еще с начала 30-х годов. Тогда Тимошенко командовал 3-м кавалерийским корпусом, в состав которого входила 7-я Самарская кавдивизия.

Нарком принял Рокоссовского тепло, по-товарищески и предложил ему вступить в командование тем же 5-м кавалерийским корпусом. Но так как корпус в тот момент находился в пути (его перебрасывали на Украину), Тимошенко направил генерал-майора Рокоссовского [1] в распоряжение командующего Киевским военным округом — генерала армии Жукова.

В Киеве Рокоссовский был включен командующим округом в группу командиров, инспектировавших войска округа перед освободительным походом в Бессарабию. Еще в 1918 году боярская Румыния, воспользовавшись слабостью Советской республики, захватила Бессарабию. Советское правительство никогда не признавало юрисдикции румынских властей над этой исконной территорией России. Летом 1940 года пришло время для окончательного решения этого вопроса. 26 июня 1940 года в адрес румынского правительства была направлена нота, в которой сообщалось, что «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу».

Так как не исключена была возможность сопротивления войск Румынии вступлению советских частей на территорию Бессарабии, в Киевском военном округе готовились соответствующие мероприятия. Однако до воен-

[1] Высшие командные звания были введены в Красной Армии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года.

ных действий дело не дошло: румынское правительство приняло советские предложения, и в 2 часа дня 28 июня 1940 года встречаемые цветами советские войска вступили на территорию Бессарабии. Освободительный поход Красной Армии превратился в большой праздник для народа Бессарабии. Вместе с тем во время похода обнаружились существенные недостатки в организации движения и управления войсками, и с этой точки зрения он был очень поучительным для Рокоссовского.

Вернувшись из Бессарабии, он вступает в командование 5-м кавалерийским корпусом. Приобретенный во время похода в Бессарабию опыт командир корпуса старался использовать немедленно при организации боевой подготовки войск. Но командовать кавалерийским корпусом ему долго не пришлось.

Значение конницы как рода войск на протяжении многих лет падало. Уже в первой мировой войне наличие сплошного фронта, массовых армий, насыщенных автоматическим оружием, скорострельной артиллерией, делало невозможным успешное применение кавалерии в конном строю. Поэтому во всех армиях число кавалерийских соединений на протяжении межвоенного периода неуклонно сокращалось и одновременно возрастало значение танков. Этот род войск в Красной Армии получил большое распространение еще с начала 30-х годов, и именно в Красной Армии в 1932—1933 годах впервые в военной истории были сформированы крупные бронетанковые соединения — механизированные корпуса. Начало второй мировой войны показало, что создание крупных танковых соединений — правильный путь. Сконцентрированные в мощные ударные кулаки бронетанковые силы фашистской Германии оказались способными в течение нескольких недель расправиться не только с войсками относительно слабой Польши, но и раздавить армию Франции, шансы которой до начала войны оценивались специалистами достаточно высоко. Командование Красной Армии, руководствуясь советской передовой военной теорией и опытом военных действий в Западной Европе, во второй половине 1940 года вновь приступило к организации механизированных корпусов. К этому времени имелись и материальные предпосылки для их создания. Советский народ не жалел для родной Красной Армии средств, только с января 1939 года по 22 июня 1941 года на ее вооружение поступило более 7 тысяч танков. Создава-

лись механизированные корпуса и в Киевском военном округе; одним из них — 9-м — и было предложено командовать Рокоссовскому.

Нельзя сказать, что решение о переходе из кавалерии Рокоссовский принял с легким сердцем. Ведь в ее рядах он провел более четверти века, здесь он со ступеньки на ступеньку поднимался по служебной лестнице, здесь он, по его собственным словам, «работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов». Как-то будет идти дело в механизированных войсках? Правда, кое-какой опыт руководства механизированными частями у Рокоссовского был, ведь в состав кавалерийских дивизий с начала 30-х годов в обязательном порядке входил механизированный полк. Кроме того, как опытный командир Рокоссовский понимал богатые перспективы, открывавшиеся перед бронетанковыми соединениями. «Все вместе взятое придало мне бодрости, — писал он позднее, — и, следуя пословице, что «не боги горшки лепят», я со всей энергией приступил к новому делу, понимая, что формировать корпус придется форсированными темпами».

Чтобы уяснить, какова была ответственность командира механизированного корпуса, надо знать, что представлял собой этот корпус. В 9-й механизированный корпус входили три дивизии: 131-я моторизованная стрелковая дивизия, которой командовал полковник Н. В. Калинин, 35-я танковая дивизия (командир — генерал-майор Н. А. Новиков) и 20-я танковая дивизия (командир — полковник М. Е. Катуков). Каждая танковая дивизия состояла из двух танковых, мотострелкового, артиллерийского полков и различных подразделений. Ей полагалось иметь 375 танков. Механизированная дивизия имела меньшее количество танков. Всего же корпусу по штатам военного времени необходимо было располагать 1031 танком; личный состав его превышал 35 тысяч человек.

Управление такой махиной в любой обстановке требует от командира и умения, и огромной воли. Задача командира 9-го механизированного корпуса осложнялась тем, что корпуса еще не было, его следовало создать. А время было очень тревожное. Фашистская Германия оккупировала почти всю Европу, и перед каждым человеком, будь то простой гражданин СССР или же военачальник ранга Рокоссовского, возникал вопрос: что же

делать? «Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор, — писал впоследствии Рокоссовский. — Было ясно, что она все равно нападет на нас».

А раз так, значит, и действовать нужно соответственно. Не теряя времени, уже в процессе формирования Рокоссовский начинает всестороннюю подготовку подразделений, частей и всего соединения в целом. Обучение большинства прибывающих людей приходилось начинать с азов. Немало следовало сделать и командному составу вновь формируемого корпуса. Командиры его практикуют командно-штабные выходы в поле, военные игры на картах и полевые поездки по местам возможных маршрутов движения корпуса. Не дожидаясь приказа, Рокоссовский обязал всех своих подчиненных командиров обеспечить боевую готовность подразделений и частей.

Понимая значение фактора внезапности в современной войне, командир 9-го механизированного корпуса с тревогой наблюдал за тем, что не все было сделано в Киевском округе, чтобы предупредить внезапное нападение врага. Сравнение со службой на Дальнем Востоке невольно приходило ему на ум: «При малейшей активности и передвижении частей по ту сторону границы наши войска всегда были готовы достойно встретить любые попытки «соседа». Все соединения и части, находившиеся в приграничной зоне, были в постоянной боевой готовности, определяемой часами. Имелся четко разработанный план прикрытия и развертывания главных сил, и он менялся в соответствии с переменами в общей обстановке на данном театре.

В Киевском военном округе этого, на мой взгляд, недоставало».

Своими опасениями Рокоссовский поделился во время окружной полевой поездки с другими командирами — генералами И. И. Федюнинским, С. М. Кондрусевым, Ф. В. Камковым, и мнения их сошлись: нужно быть наготове. Поэтому, когда перед самым началом военных действий из штаба округа внезапно поступил приказ выслать артиллерийские полки дивизий на полигоны, большинство которых находилось в приграничной зоне, Рокоссовский сумел доказать, что необходимую подготовку артиллеристов возможно обеспечить на месте. Артиллерийские полки остались в дивизиях, и это имело нема-

ловажное значение во время боев корпуса в первые дни войны.

Больше всего беспокоило командира корпуса то, что не прибывала давно обещанная новая материальная часть. Прошел уже и май 1941 года, и июнь перевалил за половину, а долгожданных новых танков — Т-34 и КВ — все еще не было. К роковому дню 22 июня корпус располагал почти полностью личным составом и для обучения людей уже немало было сделано, но танков имелось не более трети положенных по штату, и были эти танки устаревших типов: Т-26, БТ-5, БТ-7. К тому же моторы их были сильно изношены, и Рокоссовскому пришлось ограничить использование танков для учебных целей, так как дальнейшая работа моторов грозила в момент опасности оставить механизированный корпус вообще без танков. Подобное положение с техникой, впрочем, было и в других механизированных корпусах Красной Армии. Бронетанковые войска СССР к началу войны находились в стадии реорганизации и перевооружения.

Прошло три недели июня. В субботу 21 июня командир 9-го механизированного корпуса проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Рабочая неделя кончилась. В воскресенье, казалось, можно бы и отдохнуть. Рокоссовский предложил командирам дивизий с утра отправиться на рыбалку. С тем и разошлись, а поздно вечером в штабе корпуса были получены сведения о переходе через границу ефрейтора немецкой армии, поляка из Познани, сообщившего, что на следующее утро предстоит нападение немцев. Тогда Рокоссовский отменил поездку и дал указания командирам дивизий быть наготове. В штабе 9-го механизированного корпуса в Новоград-Волынском наступила ночь.

Шли последние часы мирной жизни Советской страны. В Бергхофе фюрер «третьего рейха» Адольф Гитлер заканчивал письмо главе королевского итальянского правительства дуче Бенито Муссолини. Поставив своего союзника в известность о принятии «самого трудного в моей жизни решения» — решения о нападении на СССР, — Гитлер продиктовал последние слова: «Я чувствую себя внутренне снова свободным после того, как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окон-

чательной разрядки часто сильно тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени...»

В Москве, в Народном комиссариате обороны нарком Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков заканчивали составление директивы, которую следовало немедленно передать в войска:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия...»

Передача директивы в округа была завершена лишь в 00.30 минут 22 июня 1941 года. К этому времени фашистский зверь уже полностью изготовился к прыжку. Советским же воинам оставалось слишком мало часов, даже минут для выполнения директивы, и многие, слишком многие из них никогда не узнали о ее существовании. Пройдет еще три часа, чудовищный удар обрушится на нашу страну, и потребуются все силы ее рабочих и крестьян, все мужество и стойкость ее солдат и все знания и опыт ее военачальников для того, чтобы отразить этот удар. И в этот страшный час генерал-майор Константин Константинович Рокоссовский окажется верным сыном своей Родины и военачальником, достойным ее славы.

«МЫ ДОЛГО МОЛЧА ОТСТУПАЛИ...»

В 4 часа утра командира 9-го механизированного корпуса разбудил дежурный из штаба.

— В чем дело? — спросил Рокоссовский, выходя в прихожую.

— Телефонограмма из штаба 5-й армии, товарищ генерал-майор.

Комкор пробежал глазами по строчкам телефонограммы, сон с него как рукой сняло. И было отчего: в ней содержался приказ немедленно вскрыть особый секретный оперативный пакет. После минутного размышления Рокоссовский приказал:

— Немедленно возвращайтесь в штаб и уточните достоверность депеши в армии, в округе, в наркомате, наконец. Да вызовите начальника штаба, замполита и начальника особого отдела. Я сейчас буду.

Когда через 10 минут комкор вошел в помещение штаба, его подчиненные находились уже там. С Луцком связаться все еще не удалось.

— Немедленно соединитесь с Киевом, с Москвой, — приказал Рокоссовский.

Он прошелся по комнате, посмотрел на собравшихся.

— Я получил приказание вскрыть особый секретный оперативный пакет. Но приказ подписан только заместителем начальника оперативного отдела штарма-5...

— А вскрыть его мы имеем право лишь по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров или же наркома обороны, — тихо добавил А. Г. Маслов. Этому 39-летнему генерал-майору, выпускнику академии имени Фрунзе, всегда была свойственна осмотрительность.

— Вот именно, — подтвердил комкор. — Ваше мнение, товарищи, как нам следует поступить в этом случае?

Рокоссовский остановился у окна, о чем-то размышляя. В дверях появился дежурный.

— Товарищ командир корпуса, ни Киев, ни Москва не отзываются, связь прервана. И Луцк молчит.

В комнате наступила тишина. Прервал ее комкорпуса:

— Вот что, товарищи. Я беру всю ответственность на себя. Вскрывайте пакет, — обратился он к Маслову.

Пакет вскрыли. Директива Генерального штаба предписывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. После этого для размышлений места не оставалось — нужно было действовать.

— Объявить боевую тревогу, командирам дивизий передайте приказание прибыть ко мне!

Штаб корпуса действовал слаженно и быстро, сказывалась упорная работа Рокоссовского в предшествующие месяцы. Полки дивизий занимали исходные положения, штаб готовил предварительные распоряжения о маршрутах движения и о времени выступления. Следовало спешить: в считанные часы нужно было позаботиться о горючем, боеприпасах. Комкор должен был не забыть об охране воинского имущества, которое войска не могут взять с собой, об обеспечении порядка в Новоград-Волынском, о семьях военнослужащих, посетить митинги личного состава.

Затруднения появлялись одно за другим и главным образом с материальным обеспечением. Дивизии корпуса имели очень мало автомашин, а приписанный по плану мобилизации автотранспорт предприятий и колхозов собрать и использовать не успели. Особенно тяжело было мотопехоте танковых дивизий: полагающихся по штату машин она еще не имела, но лошадьми и повозками тоже не была обеспечена. Для имевшихся в наличии машин к тому же не хватало горючего. Неполным был комплект боеприпасов.

Командир 9-го мехкорпуса действовал энергично: не дожидаясь, пока поступит распоряжение, где и что можно получить, он приказал вскрыть расположенные поблизости центральные склады. Это, разумеется, привело к столкновениям с интендантами, и впоследствии Рокоссовский с усмешкой вспоминал, что в день начала войны он написал больше расписок, чем за много предыдущих лет.

И что бы ни делал в эти часы комкорпуса, он думал об одном: как вступит в бой его корпус. Старый, опытный солдат, видевший войну во всех ее опасных, порой траги-

ческих неожиданностях, он беспокоился за своих необстрелянных бойцов и командиров. Ему, как никому другому в корпусе, было ясно, что и боевая подготовка и, главное, состояние танкового парка были недостаточными для того, чтобы спокойно идти навстречу опасности. Кроме того, в первые часы после объявления боевой тревоги его беспокоила мысль: а правильно ли он действует, не произошло ли ошибки?

Но события все более укрепляли в нем сознание того, что он поступает верно. Около десяти часов Маслов, с утра безуспешно пытавшийся соединиться с командованием, наконец доложил, что удалось соединиться с Луцком. Город вторично бомбят немцы. Из штаба армии успели только сказать, что положение на границе им неизвестно.

— Какие еще сведения?

— Немцы бомбили Киев.

— А округ, округ, когда же будет связь с ним?

— Не можем никак добиться.

Вскоре после этого над Новоград-Волынском пролетело около 20 немецких бомбардировщиков. Они были обстреляны зенитной артиллерией корпуса.

С Киевским военным округом, которому корпус был непосредственно подчинен и у которого следовало бы искать разъяснений всем недоразумениям, связаться так и не удалось.

Тем не менее в два часа дня по трем маршрутам корпус выступил в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. Справа по автостраде двигалась 131-я мотострелковая дивизия, командир которой сумел усадить пехоту на автомашины и танки. В центре следовала 35-я танковая дивизия, левее — 20-я танковая, которую вместо заболевшего М. Е. Катукова в бой вел его заместитель полковник В. М. Черняев.

Тревожило командира корпуса то, что в воздухе с самого утра не было видно нашей авиации. Немецкие же самолеты, в основном бомбардировщики, даже без сопровождения истребителей стали появляться все чаще.

Такая беззастенчивость врага стала понятна танкистам, когда и в этот, и в последующие дни на аэродромах, мимо которых лежал путь корпуса, они увидели остовы сожженных советских самолетов: еще до полудня 22 июня авиация Юго-Западного фронта потеряла

277 самолетов, а ведь день этот — самый длинный в году...

Однако «тогда нам было не до анализа и критики, — писал впоследствии Рокоссовский. — Их размагничивающему влиянию мы не поддавались, а стремились собрать в боевой кулак наши силы и получше их организовать, чтобы честно выполнить свой солдатский долг. Но теперь, вспоминая минувшее с поучительной целью, можно сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант, как действовать корпусу, если события войны застанут его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. А об этом не следовало забывать. Директива имела в виду полнокровное механизированное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи».

Корпус двигался навстречу врагу. Враг же этот находился не так уж далеко, гораздо ближе, чем представлялось Рокоссовскому и его командирам. Советским войскам противостоял опытный и сильный противник. Входившая в состав группы армий «Юг» 6-я армия, возглавляемая генерал-фельдмаршалом фон Рейхенау, считалась в вермахте одной из лучших, ее называли «победительницей столиц» — в мае 1940 года ее войска первыми вошли в Брюссель, а в июне того же года они маршировали уже в Париже. Ударную силу группы армий «Юг» составляла 1-я танковая группа генерал-полковника фон Клейста, насчитывавшая пять танковых и четыре моторизованных дивизии. В мае 1940 года именно танковые дивизии Клейста прорвали линию Мажино у Седана и вышли к побережью Ла-Манша, отрезав английский экспедиционный корпус. Стяжавшие в Западной Европе столь громкую славу, дивизии гитлеровцев мечтали добиться еще больших успехов на востоке. Но они не знали, что рвутся навстречу гибели и позору. Да, первые месяцы войны принесли немецко-фашистским войскам успех. Да, они далеко продвинулись в глубь нашей страны. Пройдет, однако, полтора года, и в заснеженных приволжских степях будут уничтожены и пленены все до единой дивизии 6-й армии. Но это будет через полтора года...

Теперь же, в первый день войны, гитлеровские войска, пользуясь внезапностью нападения, сумели к исходу дня продвинуться в направлении Владимир-Волынский, Луцк, Ровно на 25—30 километров. Однако и 22 июня, и

в последующие дни немецко-фашистские войска столкнулись с упорным сопротивлением войск 5-й армии, руководимой М. П. Потаповым. В бои начали вступать и механизированные корпуса, перед которыми командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, определив направление главного удара противника, поставил задачи ликвидировать прорыв врага. Для выполнения этого замысла наряду с другими механизированными корпусами привлекался и корпус Рокоссовского, быстро двигавшийся навстречу врагу.

Мотострелковая дивизия, располагавшая автомашинами, к вечеру 22 июня достигла Ровно, совершив 100-километровый переход. Тяжелее пришлось другим частям. День 22 июня выдался очень солнечный, жаркий, и основная масса войск корпуса, по сути дела, пехота, должна была, кроме личного снаряжения, нести на себе ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. Тем не менее в этот день пехотные полки танковых дивизий прошли 50 километров, но в конце этого марша солдаты валились с ног от усталости, и командир корпуса приказал в следующие дни ограничиться 30—35-километровыми переходами. Одновременно он решил изменить порядок передвижения. Первый эшелон составляли теперь танки с пехотным десантом на броне и частью артиллерии. Этот передовой отряд, перемещаясь от рубежа к рубежу, должен был поджидать следующую сзади основную массу войск и артиллерию.

В таком порядке корпус продолжал марш к границе 23 июня. Решив разместить командный пункт корпуса в расположении 35-й танковой дивизии, Рокоссовский со штабом двинулся вперед, обгоняя свои войска. Ехать по шоссе Луцк — Ровно штабным машинам пришлось медленно, так как навстречу им нескончаемым потоком тянулись беженцы. Горько было видеть наших людей, спасавшихся от гитлеровских захватчиков. С этого дня зрелище уходящих от врага на восток женщин, стариков, детей мучило Рокоссовского. Все чаще и чаще над дорогой стали появляться вражеские самолеты, бомбившие и обстреливавшие с бреющего полета как колонны войск, так и беженцев.

А вскоре командир 9-го мехкорпуса увидел, правда, с большого расстояния, фашистских солдат. В первую мировую войну он воевал против немцев, кайзеровских

солдат. Теперь перед Рокоссовским стояли другие немцы — фашисты.

Немного восточнее Здолбунова из рощи, расположенной километрах в трех от шоссе, по которому ехали автомашины штаба корпуса, внезапно появились пять танков с крестами на бортах и несколько автомашин с пехотой. Батарея 85-миллиметровых орудий, сопровождавшая штаб, немедленно развернулась и изготовилась к бою, но гитлеровцы его не приняли и скрылись в лесу.

Штаб корпуса расположился возле Клевани. Прежде чем начинать контрудар, о проведении которого Рокоссовский уже получил приказ, предстояло выяснить обстановку. Рокоссовскому было известно, что где-то правее его частей должны были находиться войска 22-го мехкорпуса генерала С. М. Кондрусева, а левее — 19-го мехкорпуса Н. В. Фекленко. Вместе с командирами штаба на мотоциклах искать соседей отправился и А. Г. Маслов. Вернувшись через несколько часов, он доложил командиру корпуса:

— Удалось связаться со штабом фронта. Генерал Пуркаев просил передать, что мы переходим в подчинение 5-й армии. Сосредоточиться следует в районе Клевань, Олыка.

— Что он сказал о положении на фронте?

— Ничего. Разговор сразу прервался — связь работает отвратительно!

Маслов сообщил также, что корпус Кондрусева уже ведет бой севернее Луцка, а дивизии Фекленко движутся на Дубно.

День 24 июня был для 9-го мехкорпуса днем боевого крещения. 131-я мотодивизия, атаковав переправившиеся через Стырь части противника, отбросила их и отражала попытки гитлеровцев вновь форсировать реку. 35-я танковая дивизия вела бой с танками 13-й немецкой дивизии юго-западнее Клевани, а 20-я танковая дивизия с рассветом 24 июня атаковала части той же 13-й дивизии на привале около Олыки, сумела нанести им урон, захватила трофеи и пленных. Достигнув определенного успеха, дивизии корпуса в этот и последующий дни вынуждены были отражать атаки подходивших танковых частей гитлеровцев. Следует сказать, что 24—25 июня бой вели передовые части дивизий, так как основные силы все еще были на подходе.

С рассветом 26 июня дивизии корпуса, только что

завершившие 200-километровый марш, по приказу командарма Потапова начали осуществление контрудара. Одновременно перешли в наступление 19-й и 22-й мехкорпуса. Никто не объединял действия этих корпусов, и спустя двадцать семь лет Рокоссовский писал о контрударе трех корпусов: «Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником». Рассматривая впоследствии решение командования фронта «нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группы противника, уничтожить его и восстановить положение», маршал Рокоссовский приходил к выводу, что это решение, принятое в исключительно сложное время, не согласовалось с обстановкой, сложившейся к тому моменту на этом участке фронта.

Но приказ надо выполнять, и командир 9-го мехкорпуса имевшимися в его распоряжении силами стремился исполнить его. К сожалению, сил этих было недостаточно, чтобы окончательно остановить немецко-фашистские войска, рвавшиеся к Киеву. На протяжении нескольких дней в районе Луцк — Ровно — Дубно— Броды бушевало одно из крупнейших в истории войн танковых сражений, в которое постепенно были втянуты с обеих сторон тысячи танков.

Это были тяжелые дни для корпуса Рокоссовского. Не располагая новейшими боевыми машинами, при слабой артиллерийской поддержке и почти без прикрытия с воздуха, наступали танкисты Рокоссовского и, несмотря ни на что, поначалу на отдельных участках достигли успеха. Особенно удачно сражались части 20-й танковой дивизии, глубоко врезавшиеся в боевые порядки врага.

Танковые корпуса, однако, не смогли нанести врагу сильного удара, который привел бы к срыву его наступление. Противник сначала сумел остановить наступательный порыв корпуса Рокоссовского и его соседей, а затем стал наносить ответные удары. Перед танкистами Рокоссовского одна за другой появлялись новые немецкие части, потери боевых машин быстро росли, так же как и потери в людях. С воздуха на боевые порядки обрушилась фашистская авиация, для отражения которой зенитной артиллерии корпуса было недостаточно. Несладко приходилось и соседям Рокоссовского: 22-й мехкорпус

был отброшен к северо-востоку от Луцка, 19-й мехкорпус оборонялся уже под Ровно.

К вечеру в штаб корпуса Рокоссовского прибыл командир танковой дивизии 22-го мехкорпуса. Пропыленный, с рукой на перевязи, стоял он перед Рокоссовским и голосом, в котором сказывались усталость и апатия, докладывал о положении дел в корпусе:

— Генерал Кондрусев убит. Корпуса нет уже... А немцы прут и прут, их не остановить...

Несколько минут слушал Рокоссовский доклад, он ясно видел, что танкист удручен потерями, гибелью людей и танков, неудачей сражения, но тон доклада вынудил командира 9-го мехкорпуса к резкому разговору:

— Прекратите немедленно разглагольствования о гибели корпуса! Да, я знаю, Кондрусев убит, но в командование корпусом вступил генерал Тамручи, я только что говорил с ним, и двадцать второй продолжает борьбу. Стыдно! Идите и немедленно разыщите своих бойцов, они нуждаются в руководстве и помощи. Помните, что вы солдат и обязаны свой долг исполнять до конца!

9-му механизированному корпусу тоже приходилось нелегко. Он с трудом выдерживал натиск немецких танковых и пехотных частей. Находясь в расположении 20-й танковой дивизии, Рокоссовский с горечью и гневом наблюдал за движением огромной колонны немецких танков, направлявшейся в сторону Ровно. Он видел эту колонну и почти ничем не мог воспрепятствовать ее движению: в дивизии оставалось слишком мало танков. Единственное, чем еще располагал комкор-9, — это артиллерией, и она использовалась им в боях активно и умело.

Удалось ему организовать достойную встречу врагу и на шоссе Луцк — Ровно. Орудия заранее подготовили для стрельбы прямой наводкой. Немцы, не ожидая засады, двигались большой компактной группой, впереди ехали мотоциклисты, за ними бронемашины и танки.

С наблюдательного пункта колонна врага выглядела очень грозно. Но оттуда так же хорошо было видно, что с ней стало. Артиллеристы открыли огонь с предельно близкой дистанции, и вскоре на шоссе осталась чудовищная груда обломков бронемашин, танков, мотоциклов, тел убитых. Инерция движения колонны предоставляла артиллеристам все новые и новые цели.

Слишком велико было преимущество врага в людях

и технике, и части корпуса несли тяжелые потери. Еще труднее приходилось войскам, действовавшим южнее, там, где противник наносил основной удар, и Рокоссовский сознавал это. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Главный удар противника пришелся южнее нас. Описывая военные события в районе Луцка и гордясь мужеством и умелыми действиями вверенных мне войск, я откровенно скажу: трудно представить, как бы мы выглядели, окажись под воздействием вражеских сил на направлении главного удара».

Танковое сражение продолжалось в районе Луцк — Ровно — Броды до 29 июня. Лишь 30 июня, когда гитлеровским войскам удалось достичь существенных успехов южнее, на Житомирско-Киевском направлении, 5-я армия, в том числе и подчиненный ей 9-й мехкорпус, начала отход на рубеж укрепленных районов на старой советско-польской границе. В итоге грандиозного танкового сражения 1-я танковая группа противника и 6-я армия были задержаны на восемь дней; они не только понесли крупные потери, но и не смогли, как это планировалось, окружить советские соединения в районе Львова. Это признают после войны и гитлеровские генералы. Один из них, Герман Гот, писал в книге «Танковые операции»: «Тяжелее всех пришлось группе армий «Юг». Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контратаки противника из района южнее Припятских болот по войскам, продвигавшимся вдоль шоссе Луцк — Ровно — Житомир. Эти контратаки заставили крупные силы 1-й танковой группы изменить направление своего наступления и вместо продвижения на Киев повернуть на север и ввязаться в бои местного значения».

Отход 9-го мехкорпуса был тяжелым. От рубежа к рубежу, отражая атаки наседавшего противника, отступали танкисты. Впрочем, танкистами называть их можно было с большой натяжкой: после форсированных маршей и 10-дневных боев в дивизиях корпуса танки насчитывались единицами. Сильно поредел и личный состав.

К горечи потерь боевых товарищей присоединялось и беспокойство за судьбу близких. Путь отступления корпуса лежал через Новоград-Волынский, но семей командного состава в городке уже не было, и никто не мог сказать командиру 9-го мехкорпуса, где его жена и дочь. Таких человеческих драм в первые месяцы войны было очень много... И долго еще, в июльских боях на Украине и во время сражения под Смоленском в августе и сентябре 1941 года, Рокоссовского неотступно мучила мысль: удалось ли спастись Юлии Петровне и Аде?

Несмотря на утрату почти всех танков и большую убыль в личном составе, корпус сохранял боеспособность. Совместными усилиями пехотинцев, оставшейся артиллерии и нескольких уцелевших танков командир корпуса умудрялся наносить врагу урон. Невероятно трудными были эти первые недели войны для бойцов и командиров корпуса Рокоссовского, для него самого. Но уже тогда, во время отступления по июльским дорогам 1941 года, ни превосходство противника в танках, ни почти беспрепятственное воздействие фашистской авиации не могли сломить воли солдат и командиров корпуса. За мужество и стойкость в эти первые недели войны многие из них получили боевые награды. Сам же командир корпуса 23 июля 1941 года был награжден еще одним орденом Красного Знамени — уже четвертым по счету.

В начале июля 1941 года положение войск Юго-Западного фронта было критическим. Вражеские войска рвались к Киеву. 10 июля им удалось захватить Житомир, а на следующий день передовые гитлеровские части вышли к рубежу реки Ирпени, в 25—30 километрах от столицы Украины. В это время ослабленные дивизии 9-го мехкорпуса вели упорные бои северо-восточнее Новоград-Волынского. Пытаясь остановить продвижение противника к Киеву, 10 июля войска 5-й армии силами 31-го стрелкового, 22-го и 9-го механизированных корпусов нанесли удар в направлении Новоград-Волынского. Как ни слабы были механизированные соединения, они сумели все же отбросить немецкие части, находившиеся севернее Житомирского шоссе, и на следующий день подойти вплотную к Новоград-Волынскому. Перерезав шоссе, идущее на Житомир — Киев, советские войска тем самым создали угрозу выхода в тыл гитлеровских войск, прорвавшихся к реке Ирпени. Особенно успешно действовали в этот день 131-я моторизованная и 35-я танковая

дивизии 9-го мехкорпуса. Сам командир корпуса лично руководил боевыми действиями, появляясь в боевых порядках своих частей.

Командование группы армий «Юг» постаралось ликвидировать угрозу и бросило в контрнаступление танковые части, поддержанные авиацией. Вновь бойцам Рокоссовского пришлось отбивать атаки более сильного врага. В разгар боев командир корпуса получил приказание передать командование Маслову и немедленно прибыть в Москву.

Вечером 14 июля Рокоссовский, распрощавшись с боевыми товарищами, с которыми за эти три с лишним недели было пережито так много тяжелых минут, на автомашине отправился в Киев. Поздно ночью он достиг города. Киев был погружен во тьму: затемнение соблюдалось очень строго. Крещатик, пустой и молчаливый, казалось, вымер. Но так только казалось. Машина Рокоссовского остановилась, и он вышел узнать, где расположен штаб фронта. Оказавшись на свежем летнем воздухе, он чиркнул спичкой, чтобы закурить, и сразу же из мрака раздались возмущенные и гневные голоса:

— Гаси огонь!

— Жизнь тебе надоела!

— Да что вы, товарищи! — пытался возражать Рокоссовский. — Разве ж с самолета видно?

Голоса бдительных стражей затемнения стали еще строже. И хотя фронтовому командиру подобная сверхосторожность казалась выходящей за пределы разумного, папиросу пришлось погасить.

Штаб Юго-Западного фронта помещался в Броварах, на восточном берегу Днепра. Здесь Рокоссовский и провел остаток ночи, с тем чтобы назавтра улететь в Москву. Утром же его пригласили в кабинет командующего фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса. Встреча эта произвела на бывшего командира 9-го мехкорпуса тяжелое впечатление. Предоставим слово ему самому: «Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно. Мне пришлось несколько раз прерывать доклад, когда генерал по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти ди-

визии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам».

Положение на Юго-Западном фронте действительно было очень серьезным, и командующему фронтом приходилось нелегко. Этому советскому военачальнику оставалось жить очень недолго: пройдет немногим более двух месяцев, и 20 сентября, во время попытки вырваться из окружения в урочище Шумейково, у хутора Дрюковщина, генерал-полковник М. П. Кирпонос будет убит осколком вражеского снаряда.

На Западном фронте, куда летел Рокоссовский, в середине июля 1941 года положение было также не менее, если не более сложным и опасным для нашей страны. Войска фашистской группы армий «Центр», возобновив 10 июля после перегруппировки наступление, к 15 июля сумели прорваться к Смоленску и захватили его южную часть. Северная часть города оставалась в руках 16-й армии — ею командовал генерал-лейтенант М. Ф. Лукин. Прочно укрепившись на берегу Днепра, она отбила все попытки врага форсировать реку. Однако войска 16-й армии, а также 20-й оказались окруженными в районе Смоленска.

Для ликвидации возникшего крайне опасного положения Ставка Верховного Главнокомандования решила создать несколько армейских групп, которые должны были нанести контрудары из района Белый — Ярцево — Рославль в общем направлении на Смоленск, чтобы уничтожить прорвавшиеся войска противника и соединиться с армиями, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска. Одной из таких групп и поручено было командовать Рокоссовскому.

В Москве он пробыл только несколько часов. В Ставке Верховного Главнокомандования генералу Рокоссовскому сообщили, что на Смоленском направлении «образовалась пустота», что под Ярцевом противником сброшен крупный воздушный десант и задача армейской группировки будет состоять в том, чтобы не допустить продвижения гитлеровцев в сторону Вязьмы. В распоряжение вновь созданной группировки предполагалось выделить несколько дивизий.

— Все, что встретите по дороге от Москвы до Ярцева, можете подчинить себе. Конкретные указания получите у командующего фронтом, — было сказано Рокоссовскому.

В Генеральном штабе новому командующему дали небольшую группу командиров и вооружили — он получил две автомашины со счетверенными пулеметами и расчетами при них.

Рокоссовского снабдили еще радиостанцией, и новое «соединение» отбыло на фронт. Так генерал Рокоссовский начинал свой боевой путь под Москвой.

На командный пункт Западного фронта, разместившийся в Касне, севернее Вязьмы, «соединение» Рокоссовского прибыло к вечеру того же дня. Маршал Тимошенко познакомил его с обстановкой. Войска Лукина все еще держали Смоленск и, по-видимому, не намеревались его оставлять, по крайней мере, мнение командующего фронтом было таково: «Лукин сидит в мешке и уходить не собирается». Сложным было положение в горловине этого «мешка», у Соловьевской и Ратчинской переправ через Днепр, по которым поддерживалось сообщение с окруженными войсками. Эти переправы защищал отряд полковника А. И. Лизюкова, опытного и надежного танкового командира. В заключение разговора Тимошенко сказал:

— Прибудут резервы — дадим тебе несколько дивизий, а пока подчиняй себе любые части и соединения.

В ночь на 18 июля Рокоссовский выехал в район Ярцева. На ходу был создан и штаб группы из 15—18 командиров. Десять из них только что окончили академию имени Фрунзе. Штаб группы возглавил подполковник С. П. Тарасов. Размещался штаб в автомобилях. Работники его постоянно находились в движении, так как устойчивой связи с частями и соединениями не было и часто приходилось обходиться живой связью. Впрочем, новый командующий группой был доволен своим импровизированным штабом. «К достоинствам офицеров управления, — писал он позднее, — отнесу глубокое сознание важности возложенной на них задачи, смелость, доходившую до самопожертвования, а также способность быстро разбираться в запутанной обстановке и проявлять инициативу. Не раз я в мыслях добром поминал академию имени Фрунзе, подготовившую этих товарищей».

С помощью импровизированного штаба Рокоссовский стал по пути собирать войска. Еще в дороге к Ярцеву он начал останавливать и подчинять себе всех, кто попадался ему навстречу. А в ближайшем тылу по дороге Смо-

ленск — Вязьма двигалось немало бойцов и командиров, потерявших свои части. Вот их-то и прибирал к рукам штаб, и в короткий срок набралось довольно большое число войск: пехотинцев, артиллеристов, саперов, связистов, пулеметчиков, минометчиков, медицинских работников. Вскоре появились также и свежие, прибывшие из тыла соединения.

Первым крупным соединением, которое вошло в состав группы Рокоссовского, была 38-я стрелковая дивизия полковника М. Г. Кириллова, ранее входившая в состав 19-й армии и потерявшая при отходе связь со штабом армии. Немедленно Рокоссовский использовал дивизию для отпора врагу у Ярцева. Следующей была 101-я танковая дивизия, которой командовал полковник Г. М. Михайлов. Правда, танков в ней было всего около 80, старых образцов, да 7 КВ, недоставало также и людей, но в тех условиях она была значительной силой, и такая поддержка обрадовала командующего группой. И ту и другую дивизию тут же пополнили людьми, собранными по дороге. А подобные пополнения все прибывали: узнав, что восточнее Ярцева стоят войска, оказывающие упорное сопротивление врагу, сюда направлялись различные подразделения, выходившие из вражеского тыла во главе со своими командирами. Советские люди, в силу различных причин вынужденные отступать, инстинктивно чувствовали, что в районе Ярцева противник встретит наконец должный отпор, и стремились принять участие в нем. Бойцы, командиры, ополченцы не желали отступать в глубь страны, они готовы были драться до конца, но в те летние месяцы сорок первого фронт, к сожалению, еще не стоял прочно. А люди стремились к этой прочности: остановиться! Остановить врага! Воля народа к сопротивлению не была сломлена. «Мне представляется важным засвидетельствовать это как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни, и все-таки, разогнанные танками и авиацией врага, они искали руководства. Они хотели воевать. На этой глубокой основе мы только и могли преуспеть в своих организаторских усилиях».

С этих тяжелых дней второй половины июля 1941 года и начинается популярность генерала Рокоссовского среди бойцов и командиров Красной Армии, среди советских людей. Отныне рассказы о генерале, который в лихое время стоял насмерть под Москвой, станут одними из

любимых рассказов бойцов. Одни из них будут рассказывать о собственных встречах с Рокоссовским, другие будут передавать о нем со слов очевидцев. Нельзя не признать, что солдатская молва избрала необычайно подходящий объект. Коммунист-полководец Рокоссовский был и останется в памяти нашего народа прямым продолжателем воинских традиций Суворова и Кутузова, Багратиона и Раевского, Нахимова и Макарова, Фрунзе и Тухачевского.

Но в те дни меньше всего думал о своей грядущей славе сам Рокоссовский. Положение под Ярцевом, что в 62 километрах от Вязьмы, было даже сложнее, чем предполагали в штабе Западного фронта. В первом же столкновении с врагом выяснилось, что в этом районе борьбу придется вести не с воздушным десантом врага, а с 7-й танковой дивизией немцев, которая обошла Смоленск с севера, захватила Ярцево, и теперь стремилась продвинуться в сторону Вязьмы. В то же время враг намеревался уничтожить переправы через Днепр южнее Ярцева, чтобы полностью окружить наши 16-ю и 20-ю армии. Имевшиеся в распоряжении Рокоссовского силы были явно недостаточны, а прибывшие к нему дивизии могли считаться таковыми только по номерам: одна из них, к примеру, насчитывала всего лишь 260 человек.

Как бы то ни было, но поставленную перед ним командованием Западного фронта задачу Рокоссовский должен был выполнить любыми средствами, независимо от сил противника и своих собственных. Огромным усилием командиров своего штаба, непрерывно ведя оборонительные бои, Рокоссовский сумел организовать в кратчайший срок устойчивую оборону. Более того, вскоре его войска начали даже переходить в контратаки и добиваться успеха на отдельных участках.

Доклад маршала Тимошенко в Ставку от 22 июля гласил: «В Смоленске седьмой день идет ожесточенный бой. Наши части наутро 21 июля занимают северную часть города, вокзал на северо-западе, сортировочную станцию и аэродром в северо-восточной части... Рокоссовский сегодня предпринял обход с флангов и тыла, но контратакой немцев вынужден отвести свой правый фланг на восточный берег реки Вопь, удерживая 38 сд тет-де-пон у Ярцево...» Доклад маршала от 24 июля: «В районе Ярцево в течение трех дней идут кровопролит-

ные бои с большими потерями для обеих сторон...» Доклад 27 июля: «Противник, встречая наше упорное сопротивление, в ярости бросается во все стороны, и последнее движение частей ярцевской группировки на юг преследует цель отрезать пути питания 16-й и 20-й армий. К 20.00 27.7 обнаружено его поспешное окапывание на западном берегу реки Вопь и реки Днепр на участке южнее Ярцево... Ярцево твердо удерживается Рокоссовским».

Успех, достигнутый группой Рокоссовского, носил тактический характер, но он способствовал укреплению боевого духа войск, ободрял их, поднимал дисциплину. Противник, несший чувствительные потери, не мог уже думать о продвижении вперед. К сожалению, потери советских войск были также значительны.

Сражение под Ярцевом и у переправ не прекращалось ни днем ни ночью, и, поскольку советские части несли в нем большие потери, текучесть личного состава была огромной, люди узнавали друг друга лишь в бою. В таких условиях роль командира возрастала. «Он должен был обладать большой силой воли и чувством ответственности. Уметь преодолеть боязнь смерти. Заставить себя находиться там, где его присутствие необходимо для дела, для поддержания духа войск, даже если по занимаемому положению там ему не следовало бы появляться.

На ярцевском рубеже ценными были именно такие офицеры».

Эти слова, сказанные Рокоссовским о своих подчиненных, в первую очередь должны быть отнесены к нему самому. У каждого, кто сталкивался с ним в дни боев под Ярцевом, сразу же складывалось твердое убеждение, что этот человек знает, чего он хочет, и знает, как добиться желаемого, что спокойствие и уверенность, чувствовавшиеся в каждом жесте, в каждом слове командира армейской группы, опирается на трезвый расчет и сознание своих сил. Подобное спокойное и уверенное поведение Рокоссовского перед лицом очевидной и несомненной опасности немедленно передавалось его подчиненным.

Вот только несколько примеров. Наблюдательный пункт Рокоссовского расположен в здании ярцевской фабрики-кухни, возвышающемся на холме. Опершись на колени руками, генерал рассматривает в стереотрубу передний край обороны противника. Шум боя доносится

издалека, вокруг сравнительно тихо. Внезапно эту тишину прерывает свист, а затем и разрыв снаряда, падающего метрах в двухстах. Одновременно другой снаряд раскалывает тротуар.

— Товарищ генерал, надо уходить, — наклоняясь к плечу Рокоссовского, встревоженно говорит адъютант, но генерал не отвечает. По-прежнему через окуляры стереотрубы он следит за чем-то, что привлекло его внимание ранее. В воздухе раздается свист еще одного снаряда, он перелетает через дом и разрывается сзади.

— Вилка, товарищи! Уходить! — произносит генерал и быстрой, но неторопливой походкой, расправляя на ходу затекшие от долгого сидения перед стереотрубой плечи, направляется к лестнице. Рокоссовский, а за ним и командиры штаба спускаются по лестнице, и в этот момент снаряд ударяет в угол комнаты, из которой только что ушел Рокоссовский и его товарищи.

— Я же говорил — вилка! — усмехается Рокоссовский и отряхивает кирпичную пыль с фуражки.

А вот другой подобный эпизод, случившийся несколько ранее. В первые дни сражений под Ярцевом наблюдательный пункт Рокоссовского находился очень близко от линии фронта, на опушке леса, не далее километра от расположения стрелковой части, занявшей оборону. По позициям части гитлеровцы вели редкий артиллерийский огонь. Желая проверить, как пехота окопалась, Рокоссовский вместе с генералом И. П. Камерой, своим старым товарищем по службе в Забайкалье, а ныне начальником артиллерии группы, отправились к расположению пехоты.

Они не успели отойти далеко, как из-за высоты, удаленной от позиции наших войск километра на два, появилась пехота противника, а за нею около десятка танков. Советские пехотинцы открыли огонь из пулеметов по врагу, потом начала стрелять гаубичная батарея. Генералы остановились и наблюдали за боем.

— Справа на опушке должна развернуться противотанковая 76-миллиметровая батарея. Прямой наводкой будет бить, — сказал генерал Камера.

— Ну что же, для начала неплохо, — отозвался Рокоссовский.

Действительно, пехотинцы врага залегли, танки приостановили движение. Бой складывался в нашу пользу, казалось, оснований для беспокойства не было. Но вот

над полем боя появились «юнкерсы». Построившись в круг, они стали пикировать на окопы наших солдат. В то же время усилился огонь вражеской артиллерии, двинулись вперед, стреляя с ходу, танки, поддерживая атакующих автоматчиков. И советские бойцы не выдержали; сначала к лесу из окопов побежали одиночки, затем группы... Тяжело смотреть на бегущих солдат, особенно если это твои солдаты!

Вдруг бойцы начали останавливаться, послышались голоса:

— Стой! Куда бежишь? Назад!..

— Не видишь — генералы стоят... Назад!..

Генералы, действительно, на виду у всех стояли во весь рост и спокойно смотрели на бегущих. Это произвело сильное впечатление. Паника прекратилась, пехотинцы вернулись в свои окопы и вновь открыли огонь, заставив пехоту врага залечь снова. К этому времени батарея противотанковых орудий уже начала стрелять прямой наводкой по танкам.

Атака гитлеровцев сорвалась.

Это только немногие случаи, когда в боях восточнее Ярцева уверенность и спокойствие генерала Рокоссовского передавались его подчиненным и оказывали в конечном счете решающее влияние на исход событий. Впоследствии Рокоссовский напишет: «Я не сторонник ненужной напускной бравады, как и бесцельной храбрости-рисовки. Это нехорошо. Это ниже правил поведения командира. Но порою нужно быть выше правил». В боях за Ярцево генерал Рокоссовский постоянно был «выше правил».

Масштаб боевых действий группы Рокоссовского быстро расширялся, в ее состав входили все новые и новые части и соединения. Управлять группой с помощью импровизированного штаба становилось все труднее. К тому же многие командиры штаба уже в первую неделю боев были убиты и ранены — держаться приходилось все время около передовой. Рокоссовский несколько раз просил командование прислать ему штаб. Просьба эта была выполнена. 21 июля штаб 7-го мехкорпуса, выведенный неделю назад на переформирование в район Вязьмы, получил приказание командующего фронтом поступить в распоряжение Рокоссовского. Глубокой ночью 22 июля командир корпуса В. И. Виноградов, начальник штаба М. С. Малинин и командующий артиллерией

В. И. Казаков добрались до окрестностей Ярцева и стали разыскивать Рокоссовского. Во время поисков они столкнулись с генерал-лейтенантом А. И. Еременко, заместителем командующего фронтом, которому также был нужен Рокоссовский.

Уже под утро они вместе разыскали командующего группой. Нельзя сказать, что Рокоссовский отдыхал с комфортом — он спал в своей легковой машине ЗИС-101. Еременко начал будить Рокоссовского, и когда тот спросонья не мог понять, почему его будят, почти ласково сказал:

— Вставай, вставай, Костя!

На глазах у вновь прибывших Еременко и Рокоссовский дружески обнялись: они были старыми знакомыми по службе в Забайкалье и Белоруссии. Последовали вопросы о положении дел в группе Рокоссовского. Еременко дал указание действовать активно в районах Соловьевской и Ратчинской переправ и вскоре уехал. Рокоссовский стал знакомиться со своими будущими подчиненными. Маршал артиллерии В. И. Казаков вспоминал впоследствии: «Константин Константинович был сдержан и уравновешен. Выводы о создавшейся обстановке он делал ясные, определенные и неопровержимые по своей логике. Высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью с чуть заметным польским акцентом».

С подполковником Г. Н. Орлом разговор был коротким и деловым:

— Вы танкист случайный или квалифицированный? — спросил его Рокоссовский.

— Я в 1937 году окончил бронетанковую академию.

— Хорошо, мне такой и нужен. Здесь у нас танки и артиллерия играют решающую роль. Немедленно приступайте к работе.

Рокоссовский мог быть доволен: в его распоряжении оказывался штаб в полном составе, со всеми отделами, радиостанцией, штабными машинами, оборудованием — одним словом, всем, что необходимо для руководства крупным соединением и чего ему так не хватало. Возглавил штаб полковник Малинин. И то, что штаб группы находится теперь в твердых руках, командующий почувствовал, даже в мелочах, уже на следующее утро. Предоставим ему слово:

«Подъезжает на мотоцикле девушка-красноармеец.

— В чем дело?
— Завтрак товарищу командующему.
— Откуда?
— Из штаба.

До этого командующий группой войск спал, как и все, под сосной или в машине, ел из солдатского котелка. Вилка и свежая салфетка показались вещами из другого мира».

Работать после прибытия штаба Рокоссовскому стало легче. К тому же в конце июля 1941 года положение его группы упрочилось, она получила возможность, собрав все имеющиеся силы, даже перейти в наступление. Удар был неожиданным для противника: еще накануне он пытался атаковать и был отбит. В результате наступления группа Рокоссовского овладела Ярцевом, сумела форсировать Вопь и закрепиться на западном ее берегу. Попытки немцев ликвидировать эти плацдармы не удались. Вскоре фашисты начали окапываться, что служило первым признаком отказа от наступления в восточном направлении.

Действуя активно на ярцевском участке, Рокоссовский ни на минуту не забывал и о переправах через Днепр, находившихся южнее. Гитлеровцы постоянно стремились прервать сообщение с 16-й и 20-й армиями. У переправ почти ежедневно кипели бои, в которых неизменно с самой лучшей стороны отличались бойцы Лизюкова. Ценой больших потерь немецко-фашистским войскам на некоторое время удалось захватить переправы, но вскоре войска Рокоссовского восстановили положение. В начале августа 16-я и 20-я армии получили приказание прекратить оборону Смоленска и через Соловьевскую и Ратчинскую переправы у Днепра отойти на его восточный берег. С утра 3 августа эта невероятно трудная переправа началась.

С высокого холма в нескольких километрах от Днепра наблюдал за ней Рокоссовский. На многие километры вокруг столбы черного дыма застилали небо: это горели подожженные врагом древние села Смоленщины. Противник держал переправы под непрерывным артиллерийским огнем. Снаряды ложились или прямо в воду, поблизости от понтонных мостов, или же на берегу. Фонтаны воды и земли обрушивались на понтоны. Но войска продолжали переправляться. К середине дня гитлеровцы разрушили мосты. С большим трудом восстановить пере-

праву удалось только к следующему утру. Так, под огнем немецкой артиллерии и постоянной бомбежкой вражеских самолетов в этот и в последующие дни героические защитники Смоленска, руководимые своими командирами — М. Ф. Лукиным и П. А. Курочкиным, организованно переправились на восточный берег Днепра.

Утром 7 августа маршал Тимошенко вызвал Рокоссовского к телефону:

— Поедем к героям Смоленска... примешь 16-ю армию.

Отправились, однако, в 20-ю армию. Здесь на командном пункте армии, в березняке у деревни Васильки, собралась большая группа командиров. Лукина из машины пришлось выносить, без посторонней помощи он не мог двигаться: во время переправы через Днепр возникла пробка, командарм наводил порядок, и один из грузовиков сильно повредил ему ногу.

Поздравив вырвавшихся из окружения командиров с правительственными наградами, маршал Тимошенко сообщил об изменениях в руководстве: П. А. Курочкина отзывали в Москву, командующим 20-й армией назначался М. Ф. Лукин, а командармом 16-й — Рокоссовский. По просьбе Рокоссовского начальником штаба 16-й армии был назначен М. С. Малинин, командующим артиллерией — В. И. Казаков, — за две недели совместных боев под Ярцевом командующий группой сумел уже узнать и оценить боевые и деловые качества этих командиров.

Командующий фронтом около полудня уехал. Член Военного совета 16-й армии А. А. Лобачев, собираясь покинуть КП 20-й армии, спросил нового командующего:

— Товарищ генерал, вы поедете сразу к нам или вернетесь еще к себе в группу войск?

— Поедем сейчас, — ответил командарм-16. — Кроме того, надо познакомиться... Меня зовут Константин Константинович. А вас?

— Алексей Андреевич.

— Давайте называть друг друга по имени-отчеству. Поедем в одной машине.

— Договорились, Константин Константинович, — ответил Лобачев, и через несколько минут они отправились к войскам 16-й армии, с которой Рокоссовского военная судьба связала надолго.

После объединения с группой войск Рокоссовского 16-я армия оказалась весьма внушительной силой: в нее входили шесть дивизий: 101-я танковая, 1-я Московская

мотострелковая, 38, 64, 108 и 152-я стрелковые дивизии, 27-я танковая бригада, 471-й тяжелый артиллерийский полк и другие части. Защищая основную магистраль Смоленск — Вязьма, армия держала оборону на 50-километровом фронте.

Желая, по-видимому, прощупать устойчивость обороны 16-й армии, немецко-фашистские войска вскоре возобновили наступление, но успеха не добились. Сильными контрударами 16-я армия не только сорвала наступательные действия врага, но и нанесла ему большие потери, отбросила от Ярцева и вышла на восточный берег притока Днепра — реки Вопи.

Вот один лишь эпизод великого сражения на фронте от моря до моря (ибо в масштабе всей войны бои у Ярцева были не более чем эпизодом) — и объективный анализ прошлого показывает нам, какое сопротивление встретил враг в самом начале своего нашествия. Такого отпора гитлеровцы не видели ни у бетонных валов линии Мажино, ни в горах Норвегии, ни на голландских равнинах. И дело не в масштабе операций. Главное это то, что враг не смог сломить дух нашего народа, дезорганизовать Советское государство, посеять рознь между нашими народами и сомнение в величии нашего социалистического строя. В этом итоге — суть первых месяцев войны.

В августе 1941 года не часто с успехом приходилось наступать советским войскам. Немалую долю в этом успехе следует отнести на счет артиллерии, умелое руководство которой осуществлял В. И. Казаков. 16-я армия постепенно оснащалась артиллерийскими средствами, и это позволяло противопоставить немецким танкам соответствующую силу — хорошо организованный огонь артиллерии. К августу 1941 года относится и первое применение в 16-й армии нового вида оружия — прославленной «катюши».

16-я батарея «катюш» (три установки) под командованием старшего лейтенанта И. Т. Денисенко прибыла в группу Рокоссовского еще в конце июля. Это было строго секретное оружие. Оно постоянно находилось под усиленной охраной специального подразделения, перевозилось лишь в чехлах. Использовать в бою ракетные установки разрешалось с чрезмерными предосторожностями. Только командующий армией и член Военного совета имели право видеть новое оружие, даже командующий ар-

тиллерией армии не допускался к нему. Произведя залп, «катюши» немедленно мчались в тыл.

Такие меры предосторожности мешали правильному использованию ракетных установок, и Рокоссовский, всегда отвергавший всякий формализм и решительно боровшийся с ним, под свою ответственность поручил Казакову организовать залп «катюш».

Тщательно выбрав позицию, точно рассчитав расстояние, артиллеристы нанесли первый удар по ярцевскому вокзалу. Оставляя после себя огненные хвосты, 48 ракет понеслись в расположение врага. Раздался грохот и скрежет, над участком обстрела в небо взлетели шапки разрывов. Наблюдавший за результатом командующий армией вылез из окопа и ясно видел, что гитлеровцы побежали не только с участка обстрела, но и с соседних. Да и на самих наблюдателей эффект действия нового оружия произвел сильное впечатление. В течение нескольких часов гитлеровцы не могли опомниться, и советские пехотинцы легко захватили вокзал и школу в Ярцеве.

Во второй половине августа по данным разведки стало известно, что немцы усиленно укрепляют западный берег реки Вопи. Все холмы на противоположном берегу этой реки противник изрыл окопами, траншеями, опутал колючей проволокой. Оборонительная полоса состояла из хорошо оборудованных опорных узлов сопротивления, насыщенных автоматическим оружием, пулеметами и минометами. Подступы к переднему краю были сильно заминированы.

Все это гитлеровское командование делало для того, чтобы сковать наши войска, освободить резервы для других участков фронта. Южнее, у Ельни, шли упорные бои, и перед 16-й армией Ставкой была поставлена задача — перейдя в наступление, не допустить переброски резервов противника в ельнинский выступ. Предусматривалось, что 16-я армия, продолжая наступление, обойдет с севера Смоленск и освободит его. Как показали последующие события, сделать это войскам 16-й армии было не под силу.

Наступать армии предстояло в сложных условиях. Река Вопь в этом месте течет в высоких берегах по долине шириной до двух километров, заросшей мелким кустарником. Ширина реки доходит здесь до тридцати метров, глубина — до трех метров. На всем протяжении реки берег, занимаемый неприятелем, господствовал над противопо-

ложным. Прежде чем атаковать противника, войскам необходимо было преодолеть почти три километра открытого пространства под сильным огнем всех родов оружия, форсировать Вопь, пройти через минные поля и проволоку и, наконец, штурмовать высоты, на которых немцы устроили узлы сопротивления.

Чтобы проломить такую линию обороны, необходима была тщательная подготовка. И Рокоссовский уже в этот период Великой Отечественной войны показал, что умеет не только обороняться, но и наступать. Уже под Ярцевом у него сложились взгляды на то, как нужно прорывать оборонительные укрепления врага, взгляды, с таким блеском претворенные в жизнь им позднее, во время наступательных операций 1943—1945 годов.

В течение нескольких дней, предшествовавших наступлению, была произведена перегруппировка сил. Сковывающая группа, которая должна была наступать на широком фронте, включала в себя незначительную часть войск, находившихся в распоряжении Рокоссовского. Все остальные силы под прикрытием темноты были сконцентрированы на узком участке, где должны были наступать четыре стрелковые, одна танковая дивизия и танковая бригада.

Тщательно маскируясь, командиры на местности отработали вопросы взаимодействия, установили сигналы, определили рубежи. На протяжении нескольких дней артиллеристы отдельными орудиями пристреляли цели. План операции заранее предусматривал, какие артиллерийские батареи сопровождают пехоту и танки огнем и колесами, а также порядок передвижения артиллерии.

Ударная группировка была построена в три эшелона, с расчетом последовательного наращивания сил в ходе наступления. Для развития успеха и парирования возможных контратак в резерве Рокоссовский оставил сильный отряд подвижных частей артиллерии...

Одновременно с боевой подготовкой в частях и соединениях 16-й армии перед наступлением была усилена и политическая работа. Рокоссовский требовал от политработников, чтобы бойцы и командиры армии, которым после долгих оборонительных боев предстояло перейти в наступление, ясно сознавали свои задачи, чтобы политработа велась конкретно и живое большевистское слово доходило бы до каждого рядового бойца. Надежной опо-

рой командарма в этом деле был А. А. Лобачев, с которым Рокоссовский быстро и крепко подружился.

Во время подготовки командарм лично проверил все участки предстоящих боев. Вечером 31 августа он в последний раз объехал войска и убедился, что все готово, что его первая армейская наступательная операция должна быть успешной. Поздно вечером командующий фронтом Тимошенко по телефону осведомился о готовности армии и пожелал успеха.

С наступлением ночи части форсировали Вопь и заняли исходные положения. Враг, еще не понимая, в чем дело, вел беспорядочный огонь из орудий и минометов по районам предполагаемого сосредоточения и переправ наших войск.

С волнением ждали командарм и штаб утра. Точно по плану, в 6.30, заговорила артиллерия всех видов и калибров. Сразу после начала артподготовки Рокоссовский с командирами штаба покинул армейский НП, находившийся в лесу, и, чтобы яснее видеть картину боя, направился к реке. Миновав овраг на опушке леса, командарм поднялся на береговую возвышенность, откуда была видна деревня Кровопусково — в ней, в этой деревне со столь выразительным названием, находился вражеский опорный пункт, которым в скором времени предстояло овладеть войскам Рокоссовского.

Отсюда отчетливо было видно, как артиллерия обрабатывала передний край обороны противника. На противоположном берегу над позициями врага дым разрывов застилал окопы. После получасовой артподготовки пехота, сопровождаемая огневым валом артиллерии и танками, двинулась вперед. Сломив сопротивление гитлеровцев на переднем крае, пехота стала продвигаться в глубь обороны врага, и бои уже шли за Кровопусково. Тогда командарм решил спуститься вниз.

Рокоссовский, а за ним и работники штаба переправились на противоположный берег Вопи. Командарм, как обычно, был в полной форме и при всех орденах. Такое демонстративное поведение было понятно поначалу далеко не всем. Член Военного совета 16-й армии Лобачев писал впоследствии об этой привычке Рокоссовского: «В начале совместной работы меня несколько обескуражила эта манера появляться в окопах, словно на параде. Я усмотрел чуть ли не рисовку, однако потом убедился, что все показное, напускное чуждо Константину Констан-

тиновичу. У него выработались твердые нормы, согласно которым командиру положено всем своим поведением, внешним видом, вплоть до мелочей, внушать войскам чувство спокойствия, ощущение хозяина положения».

К этому свидетельству очевидца и соратника Рокоссовского следует только добавить, что сам командарм-16 в эти мгновения, вне сомнения, чувствовал глубокий душевный подъем, он воистину находился на параде: ведь после долгих и мучительных недель отступления, после тяжелых и невозвратимых потерь июля и августа 1941 года войска, которыми командовал Рокоссовский, наступали, наступали удачно, и он, старый солдат, хорошо знавший, что значит идти на врага под пулеметным и артиллерийским огнем, своим парадным внешним видом как бы подчеркивал значимость и праздничность момента.

Артиллерийской подготовке не удалось полностью подавить огневые средства врага в глубине обороны, и пехота была встречена шквалом минометного и пулеметного огня. Но было уже поздно: ворвавшись в расположение противника, советские солдаты упорно продвигались вперед. Враг начал отходить на всем участке фронта. К 11 часам авиационная разведка донесла, что от Смоленска и Духовщины к фронту направляются большие колонны автомашин с пехотой. К концу дня эти резервы врага вступили в бой, сопротивление усилилось, и упорное сражение продолжалось до глубокой ночи.

Перед вечером командарм побывал в полевом госпитале. У врачей в этот день было много работы. В операционной лежала девочка лет двенадцати, раненная осколком авиационной бомбы. Ей делали переливание крови. Девочка, побледневшая от боли, со страхом смотрела на окружающих.

— Как тебя зовут? — спросил Рокоссовский, наклонившись над ней.

— Лена, — еле прошептала девочка.

— Ты не волнуйся, скоро поправишься, дочка.

Окружающие заметили, что командарму не по себе, у него навертывались слезы. Вид беспомощного раненого ребенка напомнил ему семью, о которой до сих пор он ничего не знал. «Живы ли они, сумели ли выбраться?»

В 23 часа Рокоссовского вызвал к телефону командующий фронтом.

— Доложите обстановку, — потребовал он.

— Артподготовка была успешной. Пехота на три-че-

тыре километра продвинулась. Сопротивление противника возрастает. — Тимошенко был доволен результатами первого дня боевых действий 16-й армии.

С рассвета 2 сентября бой возобновился, и начался он налетами нашей авиации на позиции противника. В те месяцы, что прошли с начала войны, бойцам и командирам Красной Армии не часто приходилось наблюдать за работой собственной авиации: уже в первые дни войны гитлеровцы достигли господства в воздухе, поэтому вид наших бомбардировщиков, обрабатывавших в течение получаса окопы врага, вызвал подъем боевого духа бойцов и командиров. Воспользовавшись тем, что бомбежка загнала врагов глубоко в землю, советские пехотинцы сумели сблизиться с противником на 150—200 метров и после короткой артиллерийской подготовки при поддержке танков вновь бросились в атаку. Неприятель опять оказал жестокое сопротивление, но не выдержал натиска советских воинов и начал отходить.

Напуганное явно обозначившейся возможностью прорыва фронта, немецкое командование стало перебрасывать резервы и к вечеру 3 сентября, подтянув танки, силой одного-двух полков с разных направлений предприняло контратаки. С каждым часом напор немецко-фашистских войск нарастал, в бой вступали все новые и новые части, переброшенные с других участков фронта, и незначительное преимущество в людях и технике, достигнутое в первые дни наступления советских войск, улетучивалось. 4 и 5 сентября бои продолжались с переменным успехом, а затем пришлось отступать.

16-я армия не смогла прорвать оборону врага и освободить Смоленск. Но она отвлекла на себя часть резервов противника, предназначавшихся для боев под Ельней. 6 сентября войска 24-й армии освободили этот город. Немалая доля этого успеха должна быть отнесена и на счет 16-й армии, сражавшейся севернее Ельни. Признанием заслуг ее явилось то, что две ее дивизии — 1-я Московская мотострелковая и 64-я стрелковая — вскоре стали именоваться гвардейскими. Сам же командующий 16-й армией 11 сентября 1941 года получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

О ярцевской группировке войск, о ведении ею «активной обороны» в августе и особенно в сентябре 1941 года немало писали в прессе — в «Правде», «Известиях», «Красной звезде». Рокоссовский и сам делился с чита-

телями опытом ведения активных действий. 30 августа появилась его статья «Удары, изнуряющие врага», а 17 сентября — «Сентябрьские бои под Ярцевом». В армию одна за другой стали приезжать делегации московских заводов, партийных и комсомольских организаций. На побывавших в армии журналистов и корреспондентов газет положение в войсках 16-й армии, ее командующий производили всегда самое выгодное впечатление. Рокоссовский использовал появление представителей прессы в войсках для того, чтобы высказать свои мысли о войне, о ее проблемах.

В дождливый сентябрьский день 1941 года группа корреспондентов московских газет добралась до штаба, расположенного в лесу. Беседа состоялась в палатке, где жил командарм-16. Усадив гостей за стол, Рокоссовский сам поместился на койке. Мелкий осенний дождичек все время барабанил по палатке. Над самым плечом Рокоссовского в ней была дырка, из которой на плечо ему падали капли, но командарм, казалось, не замечал их: он ни разу не пошевельнулся, не сдвинулся. Увлеченно и в то же время уверенно развивал он перед корреспондентами свои взгляды.

Во вторую половину сентября на участке 16-й армии крупных боевых действий не велось. Удерживая свой рубеж, она лишь время от времени переходила в наступление на отдельных небольших участках. Противник придерживался того же способа действий. У командарма было достаточно времени, чтобы заниматься вопросами боевой подготовки войск. И здесь, на войне, он был противником шаблона, не колеблясь, нарушал его, если убеждался, что это на пользу делу.

Командарма-16 давно беспокоило, что пехота стрелковых частей, находясь в обороне, почти не вела ружейного огня по наступавшим вражеским солдатам. Своими раздумьями командарм поделился с начальником штаба.

— Как ты думаешь, Михаил Сергеевич, отчего это происходит? Врага отбиваем, как правило, артиллерийским огнем.

—Надо бы проверить, правильно ли мы строим оборону, — ответил Малинин.

— Сдается мне, что все дело в этой ячеечной системе. Хоть и предусмотрена она уставом, но, на мой взгляд, что-то в ней не годится. Во всяком случае, в мировую войну мы копали траншеи, и это, я убежден, было правильно.

— Да, но устав утверждает, что при ячеечной системе пехота будет нести меньше потерь от авиации и артиллерии...

— Возможно, что по теории это так и есть. А главное, рубеж оборонительный очень красив... Просто восторг.

— Надо проверить, — повторил Малинин.

Решено было поручить группе командиров изучить обстоятельства дела и представить свои соображения. Но не таков был командарм-16, чтобы ограничиваться этим. На следующий же день он сам отправился на передний край обороны, выбрав наиболее опасный участок. В одной из ячеек командарм сменил находившегося там солдата и остался один. О своих впечатлениях он писал впоследствии:

«Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не чувствовал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности, ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках».

Собственный опыт и соображения командиров, которым было поручено изучить этот вопрос, убедили командарма-16, что система ячеечной обороны для условий Великой Отечественной войны непригодна. В 16-й армии она была тогда же ликвидирована. Доклад на эту тему командование 16-й армией представило маршалу Тимошенко, и он решительно одобрил действия Рокоссовского. В частях 16-й армии было немало старых солдат, участников первой мировой войны, и они помогли освоить

несложную науку рытья траншей своим более молодым товарищам.

Готовый всегда изменить существующие правила, если это в интересах дела, Рокоссовский, как уже говорилось, прислушивался к мнению своих командиров и бойцов, поддерживал их инициативу. Знать настроение бойцов, их мнение — это одна из главных задач настоящего командира, без этого не может быть успеха.

Вместе с Лобачевым Рокоссовский идет по переднему краю вдоль реки Вопи. По дороге немолодой боец Удалов, вызвавшийся проводить командарма к командиру роты, очень дельно рассказывает о настроении бойцов. Многие уже побывали в окружении, испытали, что такое бой, как нелегко бороться с вражескими танками.

— Не все знают, как бросать во вражеский танк бутылку с горючим, — жаловался боец. А затем предложил: — Почему бы не собрать всех, кто имеет опыт? Молодых бы бойцов подучили.

— Пожалуй, вы правы, — поддержал Удалова внимательно слушавший Рокоссовский. — Вы сами встречались с танками?

— Один раз довелось. Он прямо на мой окоп двигался. Над головой прополз, землей засыпал. А я ему вслед сначала связку гранат кинул. Потом у соседа бутылку с бензином схватил — и на мотор...

Командарм на ходу тихо заметил Лобачеву:

— Этот Удалов чем не командир взвода?

— Вы давно в армии, товарищ? — обратился комиссар к бойцу.

— Всего недели четыре. По партийной мобилизации. Я учитель, литературу в старших классах преподавал. Но я воевал еще в гражданскую...

Вечером, по возвращении на КП армии, Рокоссовский вновь завел с комиссаром речь об Удалове.

— Не выходит он у меня из головы. Младших командиров у нас не хватает. Что, если собрать таких, организовать курсы или школу младших лейтенантов? Долго обучать не придется, может, месяц, полтора? У них есть образование, войны они уже отведали...

Маршал Тимошенко, к которому командование 16-й армии обратилось за советом, одобрил начинание, и скоро в армии открылись месячные курсы младших лейтенантов, на них были отобраны отличившиеся бойцы со средним и высшим образованием.

Получив передышку, армия пополнялась, приводила в порядок свои части. Пополнение производилось в значительной степени за счет людей, вышедших из окружения. Даже сейчас, в августе — сентябре 1941 года, через фронт пробивались группы, иногда довольно значительные, бойцов и командиров, оставшихся в первые недели войны в тылу врага и упорно, на протяжении месяцев, двигавшихся к своим, к Красной Армии. Идти приходилось нередко от самой границы. И все же советские бойцы и командиры шли на восток. Некоторые группы выходили из окружения как организованные военные подразделения — во главе с командирами и с оружием в руках. Но было немало и таких, кто переходил линию фронта безоружным, без обмундирования. Таких необходимо было вооружить, а оружия и боеприпасов в те месяцы у Красной Армии не хватало. Из положения выходили всякими путями, вплоть до того, что в тыл врага посылались группы бойцов, собиравших на полях сражений оставленные там оружие и боеприпасы. Таким образом 16-я армия приобретала винтовки, пулеметы, минометы, боеприпасы к ним. Иногда удавалось вывезти даже 45-миллиметровые орудия.

Командарм целыми днями находился в частях. Чаще всего для наблюдения за противником Рокоссовский использовал пункты, оборудованные в дивизиях. Особенно нравился ему НП, устроенный артиллеристами на верхнем этаже и на трубе ярцевской фабрики, откуда открывался прекрасный обзор неприятельских позиций. Но добираться к этому НП было сложно и опасно: приходилось свыше километра ехать низиной, по которой немецкие артиллеристы хорошо пристрелялись. Одиночная машина с командующим армией и начальником артиллерии, мчавшаяся со всей возможной скоростью, была достаточно заманчивой целью для немецких артиллеристов, и каждый раз на глазах немецких и советских солдат разыгрывался поединок, не совсем обычный для командиров ранга Рокоссовского. К счастью, все обходилось благополучно.

Бывая в частях, командарм обязательно добирался до переднего края. Здесь он обходил окопы, беседовал с бойцами, расспрашивал их, как они питаются, есть ли письма из дому, давно ли мылись в бане. Очень внимательно беседовал Рокоссовский и с командирами. Его интересовало все: как устроен быт на передовой, чувствуют

ли себя командиры уверенно в бою, не обидел ли кто его подчиненных, не нужно ли чем помочь. Всегда чуткий к человеческому несчастью, командарм очень остро реагировал в тех случаях, когда встречал клевету и несправедливость.

Однажды прокурор армии во время доклада попросил санкции командарма на предание суду военного трибунала старшины, обвиняемого в мародерстве. Разговор происходил в присутствии члена Военного совета Лобачева.

— Мародерство? — переспросил командарм, откладывая в сторону оперативную сводку. — Странно... Доложите подробнее.

— Старшина роты похитил в колхозе Ярцевского района две швейные машины.

— И что сделал с ними? Отправил домой?

— Нет, насколько можно судить по материалам, оставил при себе.

— Оставил при себе, в роте? Швейные машины?

— Да.

— Тут что-то не так... Как считаешь, комиссар?

Лобачев уже был знаком с этой манерой командарма: когда Рокоссовский встречался со случаем, задевавшим его, он начинал величать Лобачева «комиссаром».

— Может быть, послушаем старшину, Константин Константинович? В нашей 16-й армии еще до войны стало правилом: не отдавать военнослужащего под суд, пока командир или комиссар не поговорят с ним.

— Правильно. Доставьте старшину к нам, — приказал Рокоссовский.

Спустя некоторое время в штаб привели старшину.

— Расскажите, как было дело, — сказал Рокоссовский.

— Товарищ генерал, полк на Ярцевской мануфактуре бязи получил. Для всех бойцов по лишней паре нательного белья сшить можно, да не на чем. Я и отправился в колхоз, к председателю обратился: выдели, мол, для нужд Красной Армии пару швейных машин. Он со мной по избам пошел. Одна колхозница согласилась: «Бери, сынок, у меня на войне и муж и сыновья». Только я погрузил машинку на подводу, а тут другая несет тоже. Я взял и у нее. Отвез к себе, рубашки уже шить начали. А тут: мародерство...

Рокоссовский повернулся к прокурору.

— Так что же? Это мародерство? Старшину надо благодарить, поощрить надо. За инициативу. А вы, товарищ прокурор, простите меня, в деле не разобрались и сразу — под суд! — И он повторил, стуча ребром ладони по столу: — Не ра-зо-бра-лись! Приказываю немедленно старшину освободить. — И, обращаясь к Лобачеву, добавил: — Алексей Андреевич, укажите, пожалуйста, комиссару дивизии, чтобы не допускал произвола! Вы только подумайте! Народ заботится об армии, а тут...

Затишье на Западном фронте и на том его участке, который занимала 16-я армия, продолжалось до конца сентября. Но оно, это затишье, не убаюкивало внимание командарма-16, он сознавал, что враг еще намного сильнее, что инициатива все еще находится в его руках и что, располагая значительными средствами, имея возможность маневрировать ими, немецко-фашистские войска могут нанести сильные удары. Исходя из этих предположений, штаб 16-й армии разработал план обороны, обеспечивающий решительный отпор противнику в случае, если он начнет наступление на ее участке. Имелся в плане и раздел, предусматривавший и отход армии в том случае, если противнику все же удастся прорвать оборону. Командование Западного фронта, которое к этому времени возглавил генерал-полковник И. С. Конев, утвердив первую половину плана, отклонило вторую его часть, в которой речь шла о возможном отступлении.

Уходил сентябрь. Подмосковные леса покрывались позолотой. Но «пышное природы увяданье» на этот раз не могло нести радость в души бойцов. Враг рвался к Москве.

Приближался октябрь 1941 года.

Приближалась великая битва за столицу.

Еще в начале 20-х чисел сентября 1941 года разведка армии стала приносить сведения о том, что в глубине расположения противника происходит перегруппировка сил: колонны автомашин, орудий, танков передвигались из Смоленска в район Духовщины, северо-западнее Ярцева. В то же время разведка показывала, что против 16-й армии попрежнему находятся только пехотные части противника. Тем не менее затишье на фронте настораживало, следовало быть начеку. И недаром.

Замкнув в начале сентября в кольцо блокады Ленинград и добившись крупных успехов в середине сентября на Юго-Западном фронте, восточнее Киева, командование немецко-фашистской армии решило в первых числах октября начать осуществление операции, которая должна была завершить кампанию на Восточном фронте. Германский генеральный штаб разработал еще один план, получивший соответствующее его целям, с точки зрения гитлеровских генералов, название: план «Тайфун».

Слово «тайфун», как растолковывает его «Словарь современного русского литературного языка», означает «ураган огромной разрушительной силы, бывающий в Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана». Возникающие во время тайфунов чудовищный ветер и волны, достигая побережья, сметают по временам целые города и уносят тысячи человеческих жизней. Авторам плана «Тайфун» завершающая операция 1941 года представлялась, очевидно, именно таким ураганом, уничтожающим всякое сопротивление на пути вермахта. По их мнению, сделать это было давно пора, ибо шел уже четвертый месяц войны, а расправу с Красной Армией план «Барбаросса» предусматривал за 6—8 недель. Давая новой операции столь претенциозное название, германские генералы, конечно, не смотрели в энциклопедии, утверждающие, что «попадая на сушу, тайфуны быстро затухают...».

Для того чтобы фашистский «тайфун» имел силу, со-

ответствующую его целям и названию, гитлеровское командование не поскупилось на людей и технику. 77 дивизий, в их числе 14 танковых и 8 моторизованных, более 1 миллиона солдат и офицеров, 1700 танков и штурмовых орудий, почти 20 тысяч артиллерийских орудий и минометов, 950 боевых самолетов — все это должно было смести с лица земли дивизии Красной Армии, оборонявшие Москву. Мощными ударами крупных танковых группировок противник намеревался прорвать оборону наших войск и во взаимодействии с пехотными дивизиями окружить и уничтожить в районах Вязьмы и Брянска основные силы советских войск, защищавших столицу. После этого пехотным дивизиям предстояло начать фронтальное наступление на Москву, а танковым и моторизованным соединениям обойти ее с севера и юга.

Подготовка, как и всегда, была тщательной и всесторонней. Все обещало успех. После перегруппировки сил на Московском направлении противник превосходил войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по пехоте в 1,25 раза, по танкам — 2,2 раза, по орудиям и минометам — в 2,1 раза и по самолетам — в 1,7 раза. Еще более внушительным было преимущество гитлеровцев на тех участках, где они намеревались нанести основные удары.

В ночь на 2 октября во всех ротах на Восточном фронте солдатам прочитали приказ Гитлера: «За несколько недель три самых основных промышленных района (Северо-Западный, Центральный и Донбасс. — *В. К.*) будут полностью в наших руках... Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года». Руководитель нацистского государства был прав, как никогда: действительно, под Москвой начиналась решающая битва 1941 года, но итог ее был совсем не таким, каким он грезился Гитлеру и его генералам.

Гитлеровские войска изготовились к бою. Над фронтом светлело небо. Пройдет еще несколько часов, и историограф ставки вермахта Грейнер запишет в дневник: «Группа армий «Центр» на рассвете в чудесную осеннюю погоду перешла в наступление всеми армиями». Особо подчеркнем это место: «Погода была чудесной». Спустя всего лишь несколько недель, когда срыв немецко-фа-

шистского плана наступления на Москву станет очевидным, немецкие генералы начнут жаловаться на русскую грязь и русский мороз, лишившие их возможности овладеть столицей СССР, и будут продолжать эти жалобы вплоть до сегодняшнего дня, спустя четыре десятилетия. Но жалобы эти призваны скрыть лишь одно: истинные причины того, почему немецко-фашистский «Тайфун» бесславно «затих» на полях Подмосковья.

О том, что противник готовит наступление на центральном участке советско-германского фронта, командование Красной Армии предупредило командующих Западным, Резервным и Брянским фронтами директивой от 27 сентября. Войскам этих фронтов предписывалось мобилизовать все силы на укрепление оборонительных рубежей, накапливать фронтовые и армейские резервы, усилить бдительность и боеготовность войск.

Командующий 16-й армией, уже давно настороженно следивший за притихшим врагом, приказал осуществить разведку боем. Удалось захватить пленных, которые сообщили, что в тылу появились танковые части. Это еще более встревожило Рокоссовского, он приказал принять меры к усилению дивизий, защищавших магистраль Вязьма — Смоленск. В ночь на 2 октября с переднего края стали поступать сообщения о том, что со стороны противника слышен шум моторов.

С рассветом 2 октября немецко-фашистская артиллерия открыла огонь по позициям Западного фронта, и вскоре гитлеровцы перешли в наступление. На участке 16-й армии их ждал неприятный сюрприз: командование армии спланировало заранее и осуществило артиллерийскую контрподготовку. В распоряжении начальника артиллерии армии Казакова было не так уж много орудий и минометов, но он умело распределил их на главных участках, и, когда немецкая пехота и танки двинулись в атаку, мощный, хорошо организованный огонь всей артиллерии армии, в том числе и полка «катюш», обрушился на них. Пехота же встретила врага ружейным и пулеметным огнем. Кое-где бой дошел до рукопашных схваток.

На участке 16-й армии противнику продвинуться не удалось. Нужно отметить, однако, что на этом участке наступала не главная группировка врага. Для немецко-фашистских соединений, действовавших на внутренних флангах 4-й и 9-й армий, в районе между городами Ду-

ховщиной и Рославлем, план «Тайфун» предписывал создать «видимость наступления и путем отдельных сосредоточенных ударов с ограниченными целями максимально сковывать противника». Основные удары гитлеровцы наносили из района севернее Духовщины и восточнее Рославля.

3 октября противник вел сильный артиллерийский огонь по позициям 16-й армии, однако наступление не возобновлял. Тревожное положение сложилось у соседа справа — в 19-й армии. К вечеру в штаб Рокоссовского позвонил ее командующий Лукин:

— Немцы навалились на мой правый фланг. С 30-й армией связь прервана...

— Чем я могу помочь? — спросил Рокоссовский.

— Дайте одну-две дивизии, очень прошу!

— Подожди, сейчас посоветуемся. — И через несколько минут Рокоссовский вернулся к телефону. — Дадим тебе две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артполк. Больше нет ничего.

— Спасибо, спасибо. — Голос Лукина повеселел.

Положение его армии действительно было очень тяжелым. На две малочисленные правофланговые дивизии 19-й армии и две дивизии соседней 30-й армии на 45-километровом участке обрушился удар двенадцати полнокровных дивизий гитлеровцев. Здесь им удалось достичь колоссального превосходства: по людям в 5—6 раз, по танкам — почти в 10 раз, по артиллерии и авиации — также в 9—10 раз. Немудрено, что, располагая таким перевесом в силах, немецко-фашистские войска в стыке 30-й и 19-й армий сумели пробить брешь в 30—40 километров, в которую, обходя советские войска с северо-востока, их подвижные соединения устремились к Вязьме. Грозным выглядело положение и южнее, на Рославль-Юхновском направлении, где 43-я армия Резервного фронта не смогла сдержать натиска 4-й полевой армии и 4-й танковой группы гитлеровских войск, располагавших столь же чудовищным превосходством в силах. Над несколькими советскими армиями нависла угроза окружения.

Все это, однако, не было известно Рокоссовскому. На фронте 16-й армии, как и у соседа ее слева — 20-й армии, 3 и 4 октября было сравнительно спокойно. Штаб Западного фронта никаких тревожных сигналов не пода-

вал. Поэтому, когда во второй половине дня 5 октября Рокоссовский получил телеграмму, в которой ему приказывалось передать свои войска командующему 20-й армией и со штабом немедленно прибыть в район Вязьмы для организации контрудара по врагу, этот приказ не мог не вызвать сомнения у Рокоссовского.

— Михаил Сергеевич, — обратился он к начальнику штаба, — немедленно затребуйте повторение приказа документом. И непременно за личной подписью командующего фронтом! — добавил он несколько секунд спустя.

Тревога овладела Рокоссовским и его соратниками. Связь со штабом фронта прервалась, у Лукина, с которым соединиться до конца 5 октября уже не удавалось, очевидно, дела шли плохо. Что происходит южнее, неясно, почему нужно организовывать контрудар в южном направлении? — все эти и многие другие вопросы мучили командарма-16. Вечером 5 октября он с членами штаба обсуждал обстановку в штабном блиндаже. Внезапно дежурный доложил о прибытии летчика с письменным приказом командования фронта. Рокоссовский поспешно вскрыл пакет. Приказ гласил:

«Командарму-16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16-й армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 112, 38, 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк аргк. Задача армии задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменск, и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов. Получение донести.

Конев — Булганин — Соколовский. 5.10.41».

Когда с приказом ознакомились все присутствовавшие, командарм как бы в раздумье заметил:

— Ну что ж, сомнений больше нет.

— Но и ясности тоже нет, — горячо вступил в разговор Лобачев. — У нас полностью организованные соеди-

нения, управление налажено. И теперь это все разрушается.

— Тем не менее приказ надо исполнять!

Глубокой ночью принимать войска прибыли командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ершаков и корпусной комиссар Семеновский с группой штабных работников. Только под утро все необходимые документы были готовы, и штаб 16-й армии мог двинуться в путь, к новому месту назначения. Рокоссовский попрощался с Ершаковым, и тот уехал. Это была последняя встреча. Через некоторое время генерал-лейтенант Ершаков погиб.

Рокоссовский и Малинин должны были еще решить, куда передвигать тыловые учреждения, склады и госпитали армии.

Телефонный звонок прервал разговор. Генерал Лукин требовал командарма-16.

— Выручай, положение исключительно тяжелое. Ты можешь помочь? Дайте одну-две дивизии...

Рокоссовский в нескольких словах объяснил, что уже не распоряжается дивизиями 16-й армии и Лукин должен обращаться к Ершакову. Это был их последний во время войны разговор. Через несколько дней тяжело раненный генерал-лейтенант М. Ф. Лукин в бессознательном состоянии попадет в плен к врагу и очнется только на койке немецкого госпиталя после ампутации ноги...

С рассветом штаб Рокоссовского двинулся в путь. Попытки связаться со штабом фронта по радио ни к чему не привели, и командарм терялся в догадках. Опытный военный, он догадывался, что произошло нечто тревожное, страшное, но что именно, не мог определить точно. Неизвестность не давала покоя Рокоссовскому и его товарищам.

Если бы они знали, что произошло, их тревога возросла бы многократно. Немецко-фашистским войскам удалось осуществить первую часть плана «Тайфун»: в лесах западнее и юго-западнее Вязьмы они окружили войска 16, 19, 20, 24 и 32-й армий, армейской группы генерала Болдина, и в то самое время, когда штаб Рокоссовского двинулся на новое место, немецкие танки с севера и юга спешили к Вязьме, чтобы замкнуть внутреннее кольцо окружения. Положение советских войск ухудшалось и тем, что южнее, к западу от Брянска, гитлеровцы окружили еще две наши армии — 3-ю и 13-ю.

Успех казался главарям «третьего рейха» решающим.

Гитлер, с 22 июня 1941 года ни разу не выступавший публично, счел момент подходящим и уже 3 октября поднялся на трибуну берлинского Спортпаласа для того, чтобы объявить о своем триумфе.

«В эти часы на нашем Восточном фронте, — говорил он торжественно и значительно, — вновь происходят громадные события. Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов! Она поможет уничтожить врага на востоке».

Буря восторженных воплей была ответом на это, и фюрер продолжил:

«Я говорю об этом только сегодня, потому что сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется».

Восхищению почитателей фюрера не было предела, сбывалась вековая мечта немецкого бюргера: завтра на востоке возникнет колониальная империя, в которой десятки миллионов рабов-славян станут беспрекословно трудиться на благо немца господина. Чтобы обывателям нацистского государства было легче ориентироваться в «беспредельном восточном пространстве» (кто ее разберет, эту Россию, где их Москва-то находится?), «Фёлькишер беобахтер» публикует огромные карты Московской области, и каждый верноподданный «третьего рейха» может теперь собственноручно по утрам отмечать карандашом, сколько километров осталось до Москвы. Газетные заголовки захлебываются от восхищения: «Исход похода на восток решен», «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву!», «Военный конец большевизма!»

Всего этого не знают Рокоссовский и его товарищи, как не знают сотни тысяч других бойцов и командиров Красной Армии. В отличие от гитлеровских генералов они не считают сопротивление бессмысленным. Рокоссовский и его товарищи не знают, что Гитлер уже объявил Красную Армию окончательно уничтоженной, они не ведают, как гитлеровские чиновники готовятся к дележу огромной добычи. Они встревожены положением, но одновременно они полны желания защитить свою землю, свое Отечество, свое государство, свой передовой социалистический строй. Воля их вовсе не сломлена, и скоро фашистским генералам предстоит в этом убедиться.

Пока же штаб 16-й армии, двигавшийся по минской магистрали к Вязьме, стал встречать машины тыловых частей. В один голос красноармейцы заявляли, что их

подразделения подверглись нападению вражеских парашютистов и были разбиты, спастись удалось немногим и теперь они ищут своих. Все чаще и чаще на пути стали попадаться беженцы. Из опросов красноармейцев и беженцев становилось ясно, что противник прорвался севернее магистрали Ярцево — Вязьма и там движутся большие колонны танков и мотопехоты врага. Можно было ожидать, что скоро танки повернут к югу и перережут магистраль.

Связи со штабом фронта по-прежнему не было. Никаких частей навстречу тоже не попадалось. Состояние оторванности все более овладевало командирами штаба. Надо было постараться выяснить обстановку. С этой целью Рокоссовский разослал группы разведчиков, а сам с Малининым устроился вздремнуть в сарае на сене. Оба очень устали предыдущей ночью и мгновенно уснули.

Здесь, в сене, их и нашел спустя час-полтора Лобачев, также с группой разведчиков уезжавший вперед.

— Что нового? — расправляя плечи, хмуро спросил командарм.

Короткий сон не освежил его. Лобачев был явно взволнован.

— Не доезжая Вязьмы, я встретил на перекрестке Василия Даниловича Соколовского. Он из Касны ехал на новый КП фронта.

— Что приказал делать нам?

— Наша задача — прежняя. В Вязьме должен находиться Лестев. Там же стрелковая бригада Никитина. Приказано подчинить ее нам.

— А что начштаба фронта сказал о положении дел?

— Сказал только, что исключительно неблагоприятно складывается все, особенно на севере.

— Ну что ж, и на том спасибо. Поехали, товарищи, скорей на командный пункт.

Через час Рокоссовский со штабом был на КП армии, размещенном километрах в десяти к востоку от Вязьмы, в лесу, неподалеку от магистрали. КП был уже готов. Начали работу радисты. Но облегчения это не приносило. Штаб фронта не отзывался, установить связь с частями и соединениями, перечисленными в приказе, не удавалось ни по радио, ни разведчикам. Все имевшиеся ранее части уже были переподчинены генералу Болдину и направлялись на север.

После непродолжительного размышления командарм решил:

— Вы, Михаил Сергеевич, останетесь здесь и добивайтесь связи со штабом фронта, а мы с Лобачевым поедем в Вязьму.

День 6 октября выдался сухим и холодным. Когда ЗИС-101 Рокоссовского с юга въехал в Вязьму, узкие и запутанные улицы города были забиты машинами и подводами с имуществом и людьми. Начальник гарнизона Вязьмы генерал И. С. Никитин ничего утешительного сообщить не мог.

— В моем распоряжении в Вязьме войск нет, — докладывал он, — располагаю только милицией. В городе очень тревожно, по слухам, от Юхнова с юга приближаются немецкие танки.

— А где же советские и партийные власти города?

— В соборе, в его подвале. Там и товарищи из области.

Собор в Вязьме найти легко. Подобно крепости, возвышается он над городом на высоком холме уже четвертый век. В подвале собора Рокоссовский действительно нашел секретаря Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попова с группой партийных работников Смоленска и Вязьмы. Вместе с ними был и начальник политуправления Западного фронта Д. А. Лестев. Увидев Рокоссовского, Лестев обрадовался: «Наконец, товарищи, приехал командующий...»

Но радоваться было преждевременно. По приказанию Рокоссовского Никитин доложил Лестеву все имевшиеся у него сведения о положении Вязьмы, услышанное поразило Лестева:

— Меня уверяли, что тут у вас пять дивизий...

— Скажите, — обратился Рокоссовский к Никитину, — как у вас налажено дело с разведкой, наблюдаете ли вы за подступами к городу?

Но Никитин не успел ответить. В подвал быстро спустился председатель Смоленского горсовета А. П. Вахтеров и крикнул, обращаясь к Попову:

— Дмитрий Михайлович, фашистские танки на подходе к городу!

— Что ты панику разводишь? — возмутился Попов.

— Да я их с колокольни в бинокль видел!

Рокоссовский, Лестев, Попов, Лобачев быстро поднялись на колокольню. С ее верхней площадки на много

километров великолепно просматривалась автострада Минск — Москва, проходящая к северу от Вязьмы. На восток от города, километрах в трех по направлению к Гжатску, вся дорога была забита машинами. В бинокль отчетливо было видно, как в километрах полутора от хвоста колонны двигались немецкие танки, обстреливавшие ее из пушек и пулеметов. Танки же направлялись и к повороту на Вязьму. Густой столб дыма поднимался на окраине города — горела вяземская нефтебаза.

— Отсюда нужно немедленно выбираться! — без колебаний произнес Рокоссовский. — Вязьму защищать некому. Пошли.

В ЗИС-101 и «газики» Лобачева и Попова набилось полно людей. Из города на Старо-Московское шоссе удалось выскочить благополучно.

На КП 16-й армии Малинин встретил командарма ошарашивающей новостью: «Противник выбросил десант за 15 километров на восток от Сафонова и Дорогобужа, тыловые учреждения армии за линией фронта».

Командарм-16 задумался. Что делать? Вернуться к дивизиям прежней 16-й армии? Немцы, захватив Вязьму, лишили его этой возможности. Кроме того, штаб 16-й армии предназначался для выполнения другой задачи... Но с новыми дивизиями никак не связаться! Рокоссовский собирает ближайших помощников и объявляет свое решение:

— В дивизии послать командиров штаба. Передать приказ выходить в северо-восточном направлении. Штаб армии переводим восточнее, в Туманово, там будем ждать войска.

Вечером 6 октября штаб армии двинулся в Туманово, расположенное в 8—10 километрах от автострады между Вязьмой и Гжатском. На лесной дороге командиры штаба вскоре столкнулись с картиной, которая не могла оставить равнодушным ни одного человека, военного и не военного. Мощные 203-миллиметровые гаубицы 544-го артиллерийского полка застряли здесь из-за отсутствия горючего для тракторов. Около гаубиц находились и расчеты, на что-то еще надеявшиеся и ожидавшие подвоза горючего. Узнав, что Казаков — начальник артиллерии армии, со слезами на глазах трактористы начали упрашивать его помочь достать горючее. Его было в обрез и для машин штаба, и поэтому Казаков не мог ничего

сделать, но Рокоссовский, к которому бросились артиллеристы, не колебался ни мгновения:

— Отдайте им все, что можете собрать. Пусть лучше наши машины станут. Эти гаубицы нельзя, преступно оставлять.

Когда в декабре 1941 года 16-я армия начала контрнаступление, 544-й артполк входил в ее состав и среди его орудий были и 203-миллиметровые гаубицы, спасенные в горькие дни отступления в октябре 1941 года.

Туманово еще не было занято немцами, здесь находился эскадрон войск НКВД, командир которого страшно обрадовался, когда Рокоссовский приказал ему присоединиться к штабной колонне. Оставаться в Туманове не было возможности, вскоре пришлось перебраться в лес, в брошенные землянки какого-то фронтового учреждения.

Ночью и с утра 7 октября непрерывно работали несколько групп разведчиков. К середине дня стало окончательно ясно, что внутреннее кольцо окружения сомкнулось под Вязьмой. На автостраде хозяйничали гитлеровцы. Более того, разведчики принесли сведения, что немецко-фашистские танки продвинулись далеко по направлению к Гжатску и, очевидно, заняли его. Положение становилось все более сложным.

Вечером 7 октября в полуразрушенном лесном блиндаже Рокоссовский собрал расширенный Военный совет армии. На дворе шел мелкий холодный дождь, сквозь потолок блиндажа по временам пробивались струйки воды.

— Нужно решать, товарищи, что будем делать. Ясно, что мы зажаты внутренним и внешним кольцом окружения. Связи ни с дивизиями, которые нам обещали, ни со штабом фронта установить не удается. Так что же будем делать?

Первым высказался Лобачев:

— Следует организовать сильный отряд из личного состава штаба и полка связи, из тех подразделений, что присоединились к нам сегодня, и с боем прорваться по автостраде на Гжатск. Там, по-видимому, штаб фронта.

Малинин придерживался другого мнения:

— Думаю, что прорыв на Гжатск не принесет успеха. По-моему, необходимо оставаться на месте и ждать подхода наших дивизий из-под Вязьмы. Они должны подойти, и тогда мы начнем активные действия.

Мнения командиров штаба разделились. Рокоссовский

внимательно слушал всех. Трудно было определить, какую точку зрения он разделяет. Наконец высказались все, решающее слово оставалось за командармом. Голос его был спокоен, уверенность чувствовалась в каждом слове:

— Ждать больше нельзя. Рассчитывать на то, что подойдут силы с востока, — не приходится, а значит, нам нечем помочь окруженным. Нет никакой уверенности, что они смогут сами вырваться — немцы оседлали магистраль прочно. — Командарм чуть помолчал. — Значит, единственный выход — уходить. Но идти на Гжатск нельзя, это ничего не сулит, кроме жертв и разгрома. И на автостраде и в Гжатске полно немецких войск. — Голос Рокоссовского стал немного громче. — Я принял решение — прорываться на северо-восток. Там у немцев скорее всего недостаточная плотность, и там больше возможностей встретить наши части, ведь мы не одни выходим из окружения. — Он заговорил чуть быстрее. — Весь имеющийся личный состав разбить на три колонны. Правую поведет Казаков, центральную — я, левую — командир полка связи. Во втором эшелоне пойдут все автомашины, его поведет Орел. Броневики и танки идут вместе с центральной колонной. Эскадрону НКВД организовать разведку. Все, кроме водителей автомашин, идут пешком. Выступаем сегодня вечером. У меня все, товарищи.

Несколько недель назад на Ярцевском рубеже, когда Рокоссовский собирал вышедших из окружения бойцов и командиров и вливал их в свои дивизии, он всегда повторял, что там, где командир действует так, как ему положено, не может быть паники, не может быть растерянности, не будет лишних жертв. Теперь ему предстояло на деле доказать это своим подчиненным.

Лобачев собрал командиров, бойцов, шоферов, связистов. Лица собравшихся из-за наступившей темноты трудно было различить. Командарм вкратце объяснил, что предстоит совершить..

— Мы должны двигаться перекатами, за нами последуют автомашины. Главное — не расходиться на мелкие группы, мы воинская часть, мы идем и сражаемся вместе, блюдя старое воинское правило: один за всех, все за одного. Раненых обязательно уносить с собой, убитых, если нет возможности вынести тела, хоронить на месте. — И командарм еще раз повторил: — Главное, чтобы не было отстающих...

Около восьми вечера, когда колонны тронулись в путь, посыпал крупный дождь, дороги раскисли. Машин набралось много — около сотни, и вскоре из-за них начались остановки, так как приходилось то и дело вытаскивать их из грязи проселочных дорог при помощи танков.

Изредка то слева, то справа по ходу движения колонн вспыхивала перестрелка. Это разъезды сталкивались с немцами. Более или менее крупная стычка произошла лишь однажды, когда колонны сделали уже километров пятнадцать и приближались к деревушке, намеченной для привала. Головная застава наткнулась на группу мотоциклистов противника и пехоту на двух автомашинах. В завязавшейся схватке враг был рассеян.

Полное спокойствие и возможный в подобных условиях порядок все время сохранялись в колоннах. Слово «окружение», столь известное всем в 1941 году и столь часто вызывавшее панику и неразбериху в частях и подразделениях, не имевших твердой командирской руки, не могло оказать своего губительного влияния там, где руководил Рокоссовский.

Вместе со всеми шагал он по грязной лесной дороге. Присутствие духа, несмотря на сложную и чрезвычайно опасную ситуацию, ни на мгновение не покидало его. И в эту ночь, и в последующую окружающие с изумлением и восторгом отмечали, что командарм неизменно остается невозмутимым и хладнокровным. От него исходило ощущение полной уверенности, спокойствия, и оно, это ощущение, незримыми путями передавалось бойцам и командирам. В присутствии такого человека невозможно было впасть в растерянность или панику.

Около полуночи в лесной деревушке устроили привал, чтобы чуть отдохнуть и поесть. Рокоссовский, Малинин, Лобачев и еще несколько командиров зашли в одну избу. Несмотря на позднее время, никто из ее обитателей не спал. Гостей встретили приветливо.

— Что нового, юный разведчик? — спросил Лобачев мальчика-подростка, застенчиво прислонившегося к печке. Он явно стеснялся, и в разговор вступила хозяйка:

— Да какие могут быть новости, товарищ командир! Немцы вот были днем...

— На трех танках, — внезапно осмелел паренек. — И машин пять с солдатами.

— В Ново-Дугине и Тесове их много....

— А где это? — заинтересовался Малинин. — Сейчас посмотрим на карте. Ага, километрах в пятнадцати к северу, — добавил он, обращаясь к Рокоссовскому.

В этот момент из угла избы послышался хриплый мужской голос:

— Что же вы делаете, товарищ командир!

На голос все обернулись. В углу, на кровати лежал седобородый старик.

— Это отец мой. Болен он, — извиняющимся голосом промолвила хозяйка, сделав движение к кровати, как бы пытаясь остановить старика. Он, не обращая внимания на дочь, пристально вглядываясь в Рокоссовского и, очевидно, определив в нем главного, голосом, в котором смешались боль и горечь, продолжал:

— Товарищ командир... сами уходите, а нас бросаете?

Молчание на несколько минут воцарилось в избе. Первым его прервал Лобачев:

— Наши неудачи временные, мы обязательно разобьем немецко-фашистские войска...

Старик, казалось, не слышал его слов. По-прежнему обращаясь только к Рокоссовскому, он говорил:

— Нас выдаете врагу, а ведь мы для Красной Армии ничего не жалели... если надо — и последнюю рубашку отдали бы.

Голос его стал еще более хриплым, он волновался, и горло его перехватывали судороги.

— Я старый солдат, в империалистическую войну два раза ранен был. Если бы не эта треклятая болезнь, и сейчас бы пошел защищать Россию. Я знаю немцев. Я воевал с ними. Мы тогда врага на русскую землю не пустили. Что же вы делаете?

Спутники Рокоссовского вновь пытались объяснить старому солдату, что враг очень силен, что отступление временное, но уверенности в том, что они смогут убедить старика, в голосах их не чувствовалось. Один Рокоссовский не сказал ни слова. Молча, упершись взглядом в выщербленный пол избы, выслушивал он все. Наконец командарм поднялся:

— Нам пора идти. — И, сделав несколько шагов к двери, круто повернулся. — Верь моему слову, солдат: мы вернемся!

Через несколько минут он уже вновь шагал по дороге и по-прежнему казался невозмутимым и хладнокров-

ным. Лишь через полчаса он на секунду задержался, наклонился к месившему рядом грязь Лобачеву и тихо сказал, почти прошептал:

— Как он говорил: «Что же вы делаете...» Лучше бы мне дали пощечину!

Генерал Рокоссовский сдержал слово, данное старому русскому солдату, а встречу в лесной деревушке помнил до конца своих дней.

В эту ночь шагать пришлось почти без перерыва. Вскоре после привала произошло радостное событие: разведчики обнаружили колонну советских войск, двигавшихся в том же направлении. Это были части 18-й стрелковой дивизии, состоявшей из ополченцев города Москвы. Короткий разговор, приказ — и ополченцы движутся вместе со штабом 16-й армии. Теперь Рокоссовский располагал достаточно серьезной силой, для того чтобы прорваться в любом направлении.

Уставшие, промокшие, голодные люди прошли за ночь по бездорожью не менее 30 километров. 8 октября, едва посветлело небо, как над лесом начал кружить самолет У-2. Через несколько минут он приземлился. Рокоссовскому донесли, что, по сведениям летчика, в Гжатске наши войска и вчера там были Ворошилов и Молотов.

До Гжатска оставалось не более 10 километров, радостная весть мгновенно распространилась в колоннах. К этому времени совсем рассвело, открылся обзор на большое расстояние. Так как после ночного перехода люди устали, Рокоссовский решил дальнейший путь проделать на машинах. Из предосторожности в передовой отряд командарм направил два танка и броневик, а кавалеристам эскадрона НКВД приказал провести разведку переправ через реку Гжать севернее города. Во втором эшелоне двигались ополченцы 18-й дивизии.

Дивизионному комиссару Лобачеву очень хотелось побыстрее попасть в Гжатск.

— Может быть, еще застану Ворошилова!

— Отправляйтесь с передовым отрядом, — разрешил командарм, — но только в бронемашине. И ни в коем случае не лезьте вперед.

Колонна, растянувшаяся в огромный хвост, тронулась по направлению к Гжатску. Все испытывали понятное в тех условиях желание побыстрее соединиться со своими и торопили водителей. Поэтому основная колонна почти настигла передовой отряд, порядочно растянувшийся.

Уже неподалеку от моста через Гжать следовавший первым танк БТ-7 взорвался на мине, и вслед за тем передовое охранение подверглось обстрелу из пушек и крупнокалиберных пулеметов. В броневик Лобачева, когда он стал разворачиваться, сзади угодил снаряд-болванка, не причинивший, к счастью, серьезного вреда.

С автоматами в руках Рокоссовский, Малинин и другие командиры штаба, выскочив из машин, организовали цепь. Стало ясно, что сведения летчика были ложными — Гжатск уже находился в руках противника, мост оказался взорванным, и прорываться в этом направлении было бы бессмысленно: в дневное время немцы имели возможность быстро сконцентрировать свои силы и легко расправиться с группой Рокоссовского. Поэтому командарм принимает единственно правильное решение: подкрепив частью сил 18-й дивизии передовой отряд, ведший огневой бой с противником на западном берегу Гжати, он с остальными частями и колонной автомашин начинает движение к северу, куда предусмотрительно были посланы кавалеристы-разведчики.

Пока временные заслоны вели бой, основная масса группы, двигаясь перекатами, сумела оторваться от врага. Вновь последовал марш по лесной дороге. Здесь то и дело стали попадаться отдельные отряды советских бойцов и командиров, большие и маленькие. Рокоссовский немедленно присоединял их к своим войскам. Все выходящие из окружения утверждали, что внутреннее его кольцо можно прорвать, лишь минуя основные магистрали, которые противник оседлал прочно. Следовало предполагать, что внешнее кольцо окружения тоже удастся преодолеть, оно не могло еще стать прочным.

Так и случилось. Группа Рокоссовского, опрокидывая на пути мелкие вражеские отряды, в течение 8 октября обошла Гжатск с севера и в ночь на 9 октября, найдя подходящее место, с боем форсировала Гжать и благополучно переправилась на ее восточный берег. После этого штаб 16-й армии и присоединившиеся к нему части и подразделения стали двигаться в восточном направлении. Только в сорока километрах от Можайска, в лесах севернее Уваровки, штабу 16-й армии удалось добиться связи по радио со штабом фронта. В тот же день последовало распоряжение двигаться в район Можайска, а за Рокоссовским и Лобачевым прибыл самолет.

Перед отлетом Рокоссовский отдал последние указа-

ния Малинину о переходе на новое место. Попрощались. Внезапно Малинин сказал:

— Я думаю, вам надо взять с собой приказ о передаче участка и войск 16-й армии Ершакову.

— Это зачем же? — удивился командарм.

— Может пригодиться, мало ли что бывает...

С тем и отбыли.

К этому времени положение на центральном участке советско-германского фронта было грозным. Как уже упоминалось, к исходу 6 октября значительная часть войск Западного и Резервного фронтов была окружена западнее Вязьмы. 7 октября в Москву по вызову Ставки Верховного Главнокомандования прилетел генерал армии Жуков, до этого командовавший Ленинградским фронтом. Председатель Совета Народных Комиссаров и Верховный Главнокомандующий Сталин болел гриппом и поэтому принял генерала Жукова у себя на квартире. Кивком головы приветствовав генерала, Сталин сразу же повел его к карте. Как вспоминает Жуков, он сказал:

«— Вот, смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять решений, не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать».

8 и 9 октября Жуков потратил на ознакомление с положением дел. Оно было неутешительным. Окруженные войска продолжали сражаться в районе Вязьмы. Попытки их вырваться из окружения оказались неудачными, но, как писал впоследствии Жуков, «благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания».

10 октября Ставка приняла решение назначить Жукова командующим Западным фронтом. Бремя ответственности, которое он принял на себя, было огромным: ему предстояло защитить столицу, ему надлежало воплотить

в реальное дело дух армии и страны, выраженный в крылатой и горькой фразе тех дней: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва».

Предстояло создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга, и оборона эта должна была быть глубокой. В кратчайший срок следовало создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы иметь возможность маневрировать ими для укрепления слабых участков фронта. Организовав твердое управление войсками, необходимо было наладить наземную и воздушную разведку, материально-техническое снабжение войск. Чтобы сделать все это, у нового командующего было очень мало времени, а главное, сил. Ведь к тому моменту, когда он начал руководить фронтом, в его распоряжении не было достаточно войск даже для того, чтобы просто задержать наступление противника.

Рокоссовский и Лобачев прибыли в штаб Западного фронта как раз в момент смены командования. В небольшом одноэтажном домике, куда явились представители 16-й армии, кроме Конева и Булганина, находились члены ГКО Ворошилов и Молотов. Первый же вопрос, который задал прибывшим маршал Ворошилов, был:

«— Как это вы со штабом, но без войск 16-й армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...»

Предусмотрительный начальник штаба армии был прав, и Рокоссовскому ничего не оставалось, как предъявить приказ от 5 октября. В разгар беседы появился и новый командующий фронтом. Коротко поздоровавшись с Рокоссовским и Лобачевым, Жуков ознакомил их с обстановкой и предложил отправиться в Можайск для организации обороны Можайского укрепленного района. 11 октября командованием Западного фронта было сделано и соответствующее распоряжение. Приказ этот, знаменовавший начало совместной работы Рокоссовского и Жукова в годы Отечественной войны, гласил:

«Генералу Рокоссовскому. 11.10.41.

Противник, сосредоточив значительные подвижные силы в районе Сычевка, стремится развивать свои действия на Ржев и Клин. Разведчасти противника вышли 11.10. в район Треселы.

Приказываю:

1. Наступление на Гжатск приостановить и перейти к обороне на занимаемом войсками исходном рубеже, имея 18 тбр во втором эшелоне в районе ст. Батюшково.

Задача обороняющихся частей не допустить прорыва противника в Можайском направлении.

2. Вести усиленную разведку противника в юго-зап. направлении до рокады Юхнов — Гжатск.

3. КП 16-й армии иметь — Уварово.

4. План обороны довести 12.10.

Получение подтвердить.

Жуков — Булганин — Соколовский».

Рокоссовский и его штаб не успели выполнить это распоряжение. 12 октября 1941 года командование фронта приказало штабу 16-й армии «выйти с 18-й ополченческой стрелковой дивизией в район Волоколамска, подчинить себе все части, там находящиеся, подходящие туда или выходящие из окружения, и организовать оборону в полосе от Московского моря (Волжское водохранилище) на севере до Рузы на юге, не допуская ее прорыва противником».

Вечером 13 октября штаб армии двинулся из Можайска в Шаликово, а оттуда через Рузу — к Волоколамску.

К 14 октября общая обстановка на Западном фронте стала еще более напряженной. Гитлеровские войска продолжали продвижение к Москве. Казалось, тайфун, вызванный германским генеральным штабом, только набирает силу, чтобы смести все стоявшее на пути. Но это было не так. Нацистскому натиску было предначертано разбиться о стены Москвы. И остановить его должен был советский народ.

В этот исключительно опасный для судеб нашего государства час наш народ, руководимый Коммунистической партией и Советским правительством, нашел в себе достаточно сил и воли, чтобы усмирить ураганный ветер вторжения. Вся страна следила за колоссальным сражением, призванным на многие десятилетия определить судьбу нашей Родины, да и не только ее судьбу! Страна от мала до велика вкладывала всю свою волю, всю энергию в достижение победы. Дни и ночи рабочие нашей страны ковали оружие для защитников Москвы. Дни и ночи колхозники не покладая рук завершали уборку

урожая. Дни и ночи со всех концов страны спешили к Москве составы с соединениями и частями, перебрасываемыми отовсюду, даже с Дальнего Востока, для отражения гитлеровского натиска.

И сама Москва приняла вид фронтового города. Грозным предупреждением о нависшей опасности, о предстоящих суровых и кровопролитных боях звучали слова Постановления Государственного Комитета Обороны, прочитанного по радио, опубликованного в газетах и расклеенного на улицах Москвы 20 октября:

«Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову...

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 года в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение...

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

Страна напрягала все силы, чтобы отбросить врага. В еще большей степени это требовалось от защитников Москвы.

Волоколамск, оказавшийся почти на передовой линии, готовился к сражению. Секретарь районного комитета партии В. П. Мыларщиков, к которому по прибытии в Волоколамск зашли Рокоссовский и Лобачев, заверил их, что население района и города сделает все, чтобы помочь войскам Красной Армии остановить врага.

— Окопы и противотанковые рвы население роет днем и ночью. Но кто будет оборонять город? Войск что-то в укрепленном районе не видно...

— Вы правы, — согласился командарм. — Ваш город — ворота к Москве, а сил у нас маловато.

Тревога командарма-16 была обоснованной. 16-й армии досталась для обороны полоса протяженностью более 100 километров северо-восточнее Можайска, от совхоза «Болычево» до Московского моря. Сил же и средств в распоряжении Рокоссовского было очень мало. Обста-

новка складывалась такая же, как и под Ярцевом в июле 1941 года, когда Рокоссовскому приходилось собирать отступающие части и соединения и с ними организовывать оборону. Но было отличие, и существенное. Бои под Ярцевом Рокоссовский начинал, располагая лишь группой командиров, которых он почти не знал и которые не имели еще фронтового опыта. Под Волоколамском организацию обороны можно было возложить на хорошо сколоченный штаб, в его распоряжении находились все необходимые средства. Кроме того, командиры этого штаба уже имели суровую фронтовую школу. Работники политического отдела, которым руководил Д. Ф. Романов, также были надежной опорой командарма. Он мог целые дни проводить в войсках, так как был уверен, что соратники не станут терять даром и минуты. В том, что на Волоколамском рубеже противник встретил организованное и упорное сопротивление, немалая заслуга Малинина и его подчиненных.

Немедленно развернув командный пункт в Волоколамске, командарм разослал группы командиров, чтобы разыскивать соединения и части, выходившие из окружения и подходившие к Волоколамскому укрепленному району с тыла.

Первым соединением, с которым удалось познакомиться командарму, соединением, навечно вошедшим в историю обороны Москвы, была 316-я стрелковая дивизия. Сформированная в Средней Азии в начале войны, эта дивизия еще 12 октября прибыла под Волоколамск и заняла оборону на 40-километровом участке левого фланга вновь организованной 16-й армии.

Днем 14 октября, прибыв в Волоколамск, Рокоссовский сразу же отправился на командный пункт генерала Ивана Васильевича Панфилова, чтобы обсудить с ним вопросы, касавшиеся действий дивизии. Дивизия была хороша, давно уже не видел Рокоссовский такого полнокровного — и по численности, и по обеспечению — соединения. Понравился командарму и ее командир — Панфилов. В том, как он говорил об обстановке и своих решениях, чувствовался военачальник, обладавший серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Одновременно было видно, что командиру 316-й дивизии не занимать энергии и железной воли — качеств, столь необходимых в ту пору.

Линия обороны, где предстояло драться полкам диви-

зии, была оборудована далеко не повсюду. Наиболее уязвимым, по мнению командарма, к которому присоединились комдив и комиссар дивизии С. А. Егоров, был участок в 20 километров на левом фланге дивизии.

— Оборонительной полосы нет еще, только колышки торчат: разметка сделана. Говоря по чести, мы только начали копать, — докладывал Панфилов.

— Чем же занимались эти дни? — спросил Рокоссовский.

— Знакомились с местностью, обследовали весь район обороны.

— Плохо, что у дивизии нет опыта боевых действий.

— Да, воевать не пришлось, — подтвердил Панфилов. — Но необходимые навыки, я считаю, бойцы приобрели за время обучения. Мы провели полковые и дивизионные учения, отработали и встречный бой, и оборону стрелковой дивизии, и ее наступление.

— А каково настроение в частях?

Ответ Панфилова был краток:

— Люди хотят драться!

— Ну что ж, товарищи, надо готовить встречу врагу, — заключил разговор командарм-16. — Думаю, что дня через два-три немцы будут здесь. Ваша дивизия — основная, враг, по-видимому, будет наносить главный удар здесь. Держитесь.

Следующей частью, на которую вполне мог положиться командарм, был сводный курсантский полк, созданный на основе военного училища имени Верховного Совета РСФСР. По тревоге был поднят этот полк и под командованием полковника С. И. Младенцева, еще в 1939 году получившего Золотую Звезду Героя Советского Союза, прибыл в Волоколамск. Курсанты немедленно приступили к организации обороны по восточному берегу реки Ламы, в центре оборонительной полосы 16-й армии.

Вскоре у Рокоссовского появилось и соединение, которому можно было поручить прикрытие правого фланга: севернее Волоколамска из вражеского тыла после окружения в полном составе вышел 3-й кавалерийский корпус генерала Л. М. Доватора, состоявший из 50-й кавдивизии генерала И. А. Плиева и 53-й комбрига К. С. Мельника. Обстрелянные бойцы и командиры этого корпуса, руководимые талантливым и мужественным генералом Доватором, составили прочный заслон врагам на северном фланге армии.

Одновременно в распоряжение Рокоссовского поступил 690-й стрелковый полк 126-й стрелковой дивизии, организованно вышедший из окружения. Его командарм оставил в резерве, рассчитывая сформировать на базе этого полка новое соединение, вливая в него выходящие из окружения мелкие подразделения и группы. В тылу армии на пополнении находилась и 18-я ополченская стрелковая дивизия. Другими резервами командарм не располагал.

Днем 15 октября Рокоссовский получил было серьезное подкрепление — танковые части. Но вслед за тем пришло распоряжение командования фронта о передаче этих танков соседу слева — 5-й армии Д. Д. Лелюшенко. Там сегодня очень тяжело...

— Там сегодня тяжело?.. — задумчиво переспросил Рокоссовский. — Не знаю, будет ли здесь легче завтра...

Всего перед началом боев за Волоколамск в распоряжении Рокоссовского имелся 21 пехотный батальон, 6 кавалерийских полков, 73 противотанковых орудия и 125 орудий полевой артиллерии. Этого было очень мало для обороны более чем стокилометровой полосы, отведенной для 16-й армии. В среднем на каждый стрелковый батальон и кавалерийский полк приходилось 5—6 километров оборонительной полосы. Вдобавок и артиллерии было мало: два орудия на 1 километр фронта.

Рокоссовский хорошо понимал, что основную ударную силу предстоящего гитлеровского наступления составят танки и подобная плотность артиллерийских орудий будет совершенно недостаточной. Поэтому заранее был разработан широкий маневр артиллерии как траекториями, так и колесами. Вместе с Казаковым командарм спланировал перегруппировку артиллерии на угрожающие участки, определил и изучил маршруты движения. В результате на наиболее угрожаемом направлении, в полосе шириной около 4 километров, плотность артиллерии повысилась до 14 орудий на 1 километр фронта. И все-таки сил, имевшихся у Рокоссовского, было совершенно недостаточно для организации отпора врагу. Но подобное же положение создалось и на многих других участках обороны Западного фронта, в распоряжении командования резервов почти не было, и приходилось довольствоваться имевшимися ресурсами.

Противник не заставил себя ждать. 14 октября Рокоссовский принял Волоколамский участок обороны, а с

утра 16 октября четыре гитлеровские дивизии (две пехотные, моторизованная и танковая), располагавшие более чем 200 танками, начали наступление на Волоколамском направлении.

Удар, как и предполагал Рокоссовский, пришелся по левому флангу армии, по позициям 316-й стрелковой дивизии. С этого памятного дня началась вошедшая в историю нашей страны героическая борьба защитников Волоколамска — панфиловцев.

Передний край обороны дивизии проходил в 12 — 15 километрах от Волоколамского шоссе. На пространстве, ограниченном с севера рекой Рузой, в этот день начались упорные бои, продолжавшиеся более 10 дней.

Отражение одного из главных ударов гитлеровцев выпало на долю 5-й роты 1075-го полка 316-й дивизии, оборонявшей западную и южную оконечность территории совхоза «Большево». Роте были приданы пять противотанковых пушек. Горсточка советских солдат противостояла нескольким десяткам танков и мотопехоте противника.

Танкисты врага начали атаку лихо, будучи уверены, видимо, в превосходстве сил и легкой победе. Однако советские воины быстро сбили с них спесь. Артиллеристы встретили танки организованным огнем. В короткий срок шесть вражеских машин были подбиты, две подорвались на минах, а одна свалилась с моста при переправе через реку Колоповку. Подобная встреча отрезвила гитлеровцев, остальные танки и мотопехота сочли за благо повременить с продолжением атаки.

Около пяти часов вечера они вновь начали наступление, окружили стрелковую роту и артилеристов. Но советские солдаты не дрогнули, они заняли круговую оборону и до наступления ранней осенней темноты сумели вывести из строя еще несколько вражеских танков. После этого немцы вторично отошли.

Подобным же образом развивались события и на других участках обороны. Группы немецких танков по 30—50 машин в каждой, поддержанные мощным артиллерийским огнем и авиацией, пытались прорвать оборону 316-й дивизии. Встречая хорошо организованное сопротивление, вынужденные отступать, они вновь и вновь атаковали, но успеха в первый день боев так и не достигли.

17 октября гитлеровцы атаковали корпус Доватора севернее Волоколамска и одновременно в районе Болычева, на стыке с 5-й армией, сосредоточили против одного полка 316-й дивизии до 100 танков. Здесь им удалось несколько потеснить панфиловцев, но их попытка развить успех в глубину была отражена подтянутыми артиллерийскими резервами. 18 и 19 октября в этом районе пехотные подразделения и артиллеристы армии Рокоссовского продолжали неравный поединок с танками и мотопехотой противника. Немецко-фашистские войска сумели потеснить части 316-й дивизии, сами же понесли настолько большие потери, что вынуждены были прекратить атаки. Не добились успеха гитлеровцы и на северном фланге против спешенных кавалеристов Доватора. Стойко оборонял свои позиции и курсантский полк Младенцева.

В советских войсках убыль в людях и технике была очень велика. Пехотинцы, артиллеристы, саперы, связисты стояли под Волоколамском насмерть. С гранатами и бутылками с горючей смесью бросались навстречу вражеским танкам пехотинцы. Прикрывая артиллеристов, они гибли вместе с ними, но не оставляли товарищей. До последнего снаряда, до последнего человека в расчете вели огонь артиллеристы, часто из подбитых орудий. В октябрьские дни 1941 года здесь, под Волоколамском, как и у десятков и сотен других городов и сел, солдаты России грудью защищали Родину.

Командарм в эти дни не покидал частей. В его распоряжении не было танков, и по одному этому можно представить, как тяжело приходилось бойцам. Единственным средством, которое могло воспрепятствовать продвижению танков врага, была артиллерия, и Рокоссовский умело использовал ее.

Больше всего он бывал в полках дивизии Панфилова, которая и отражала главный натиск врага. Всего несколько дней сражались панфиловцы, но уже полностью оправдали высокое мнение командарма. Как на бойцов и командиров, так и на самого Панфилова командарм мог рассчитывать в трудные минуты. Лишь однажды Рокоссовский был недоволен им.

Это было в один из тяжелых дней. Из окна помещения штаба армии в Волоколамске командарм увидел автомашины и повозки, двигавшиеся по улицам города.

— Что это за часть? — спросил он у Малинина.

— Кажется, штаб 316-й дивизии, — ответил тот.

— Постойте, разве отход штабу дивизии разрешен?

Получив отрицательный ответ, командарм сразу же вышел на улицу и приказал штабу дивизии немедленно возвратиться назад, в Спас-Рюховское. Тут же он узнал, что штаб переместился по собственной инициативе, без приказания комдива, который, однако, мер к возвращению штаба не принял. Рокоссовский немедленно поехал к Панфилову.

Встретив командарма на НП, расположенном, как всегда, вблизи передовой, Панфилов начал было рапорт. Однако Рокоссовский сразу же прервал его.

— Генерал, надеюсь вы понимаете, что произошло?

— Это моя ошибка, — не стал отпираться Панфилов.

— Ваш штаб отошел без приказания. Это плохой пример для частей. От вас я этого не ожидал. — Командарм особенно подчеркнул слова «от вас».

Несколько дней прошли более или менее спокойно, но, подтянув силы, гитлеровцы вновь перешли в решительное наступление. Действуя активно на всем фронте армии, немецко-фашистское командование вводило все новые и новые части именно на Волоколамском оборонительном участке. Используя мощный танковый кулак, гитлеровцы рвались к Волоколамскому шоссе. Силы частей армии Рокоссовского иссякали, шаг за шагом, километр за километром вынуждены были они отступать. К 25 октября враг сумел овладеть Болычевом, Осташевом, форсировал реку Рузу. Сосредоточив большое количество танков, 25 октября немецко-фашистские войска захватили железнодорожную станцию Волоколамск.

Невероятно тяжелые бои шли и на других участках фронта под Москвой. Южнее 16-й армии за старинный русский город Можайск дрались с фашистами солдаты 5-й армии, которую возглавлял сначала Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения — Л. А. Говоров. На Малоярославецком направлении сражались войска 43-й армии К. Д. Голубева, натиску врага с юго-запада, на Калужском направлении, противостояли солдаты 49-й армии И. Г. Захаркина. И всем им было очень тяжело в эти октябрьские дни, всем...

За десять дней боев 16-я армия понесла чувствительные потери как в людях, так и в артиллерии. Представление о напряженности и кровопролитности боев дают

цифры о потерях лишь в трех истребительно-противотанковых полках 16-й армии. По сведениям начальника артиллерии армии Казакова, 296-й истребительно-противотанковый полк потерял убитыми и ранеными 108 человек, 12 орудий и 4 трактора, в 289-м полку также было разбито 12 орудий и взорвано 13 тракторов, так как их невозможно было вывести, в 525-м полку по той же причине погибло 7 пушек.

Противотанковая артиллерия армии была истощена, а разведка доносила о появлении у врага новых танковых частей. Это грозило прорывом линии обороны, и Рокоссовский был вынужден обратиться с просьбой о присылке противотанковой артиллерии к командующему фронтом. На счету у Жукова в то время было каждое орудие, все же к утру 26 октября два полка 37-миллиметровой зенитной артиллерии прибыли в расположение дивизии Панфилова.

С утра 26 октября бой возобновился. Нажим врага на Волоколамск усиливался. Теперь против 316-й дивизии действовали, помимо пехотных, не менее двух танковых дивизий. На помощь панфиловцам Рокоссовский перебросил кавалерийский корпус Доватора, подтянул 18-ю стрелковую дивизию. Тем не менее 27 октября, используя крупные силы танков и пехоты, противник начал штурм Волоколамска. Фашистская авиация весь день висела над боевыми порядками частей и соединений Рокоссовского. Прорвав оборону 690-го полка, в 16 часов противник овладел Волоколамском. Он пытался перехватить и шоссе восточнее города, идущее на Истру, но попытка сорвалась; кавалеристы вовремя подоспевшей 50-й дивизии генерала Плиева совместно с артиллерией остановили врага.

28 и 29 октября бои продолжались, в частности, в районе, занимаемом курсантским полком Младенцева, и все же наступательный порыв гитлеровцев иссяк. «Тайфун» должен был перевести дух! А это плохой признак для тех, кто хотел быть непобедимым и всемогущим!

Однако Волоколамск был сдан, и это обстоятельство стало предметом расследования специальной комиссии штаба Западного фронта, действовавшей по заданию Ставки. Расследование доставило Рокоссовскому немало тяжелых минут. Комиссии были предъявлены приказы Военного совета армии, планы, оперативные документы, карты.

— Приказа о сдаче Волоколамска не было и не могло быть, — доказывал Рокоссовский, рассматривавший появление комиссии как проявление недоверия к подчиненным и возмущенный до глубины души.

— Однако вы не выделили для его защиты резервов ни в армии, ни в дивизиях, — возражал председатель комиссии.

— Мне неоткуда их взять, — возмущался командарм.

— За счет кавалерийской группы.

— Это исключено! В группе Доватора — две дивизии, по пятьсот сабель, не более, а участок, который ей был отведен, — тридцать шесть километров. Не мог же я оголить фланг армии!

Комиссия вызвала для объяснений Панфилова. Рокоссовский тут же заявил, что гордится соединением Панфилова и больше того, что сделала дивизия, она совершить была не в силах.

— И тем не менее, — настаивал председатель комиссии, — Военный совет армии дал вам категорическое приказание удержать Волоколамск, но Волоколамск сдан!

Разговор был невероятно тяжелым для обеих сторон, все понимали, что Ставка Верховного Главнокомандования не может безучастно смотреть, как войска сдают противнику города, расположенные столь близко от столицы. Ставка требовала стойкости и от солдат и от генералов. Но панфиловцев нельзя было упрекнуть в отсутствии стойкости.

Поэтому, когда председатель комиссии стал утверждать, что Панфилов совершил ошибку, направив на основной участок 690-й полк, недавно вышедший из окружения и потому малоустойчивый, Рокоссовский и здесь защитил своего комдива:

— Решительно не согласен с вами. Я, да и не только я, видел этот полк в бою. Его командир — Семиглазов — энергичный, боевой командир, и полк дрался неплохо. Бойцы имеют опыт, а выход из окружения с боями — это закалка личного состава.

Комиссия вполне объективно разобралась в обстановке, сложившейся под Волоколамском, и лишь отметила в качестве недостатка отсутствие резервов у командарма. Рокоссовский не пожелал согласиться и с этим выводом и в тот же вечер отправил объяснительную записку в Военный совет фронта.

И тогда и позднее он считал, что солдат, сражавшихся под Волоколамском, нельзя упрекнуть в отсутствии стойкости. Вот что писал маршал Рокоссовский спустя четверть века: «Считаю необходимым подчеркнуть, что именно в этих боях за город и восточнее его навеки покрыла себя славой 316-я стрелковая дивизия и действовавшие с ней артиллерийские части, так же как и курсантский полк. Именно эти войска, невзирая на многократное превосходство врага, не позволили ему продвинуться дальше... Вспоминая события тех дней, с гордостью за вверенные мне войска могу сказать: в боях с 16 по 27 октября все они вместе и каждый воин в отдельности сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва фронта обороны армии. Они справились с этой задачей, и Родина достойно чтит их бессмертный подвиг».

К сказанному Рокоссовским о подвиге бойцов следует только добавить, что командарм был достоин их.

К началу ноября 1941 года героическими усилиями Красной Армии наступление гитлеровских войск было задержано как на центральном участке, так и на всем советско-германском фронте. Операция «Тайфун» оставалась незавершенной, однако это не значило, что гитлеровское командование отказалось от ее осуществления. Будучи невероятно самоуверенными, а потому и слепыми, гитлеровские генералы все еще не могли отделаться от ощущения, что осталось сделать всего лишь одно усилие — и Москва окажется у их ног. Успех пьянил их, кружил головы и лишал рассудка.

Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Вермахт неумолимо шел навстречу первому своему поражению во второй мировой войне.

То, что перерыв в сражении будет кратковременным, сознавало и Верховное Главнокомандование, и командующие армиями, сознавал и Рокоссовский. В статье, опубликованной центральными газетами накануне XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, командующий 16-й армией писал, «что враг еще силен, что впереди жестокие и решающие схватки», и в то же время подчеркивал: «Хотя бои за Москву продолжаются и опасность, нависшая над столицей, не ослабла, уже

сейчас можно констатировать провал плана фашистского командования... За каждый шаг на восток он расплачивается огромными потерями в живой силе и технике».

В этой же статье Рокоссовский писал о том, что в одной из последних листовок немцы хвастались, будто 7 ноября проведут на Красной площади парад войск. Но, как и всегда, в этот день на Красной площади состоялся парад войск Красной Армии.

С утра 7 ноября густые хлопья снега затянули белесой полосой улицы Москвы, снег шел на протяжении всего парада, он покрывал танки, орудия и машины, облепил плечи и спины застывших в торжественном молчании бойцов и командиров. Затаив дыхание слушали они вместе со всей страной знакомый, слегка глуховатый голос, голос человека, говорившего с трибуны Мавзолея Ленина:

— Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей.

Чувствовалось, что Сталин взволнован, что он до глубины души осознает торжественность и неповторимость этого парада в преддверии смертельной схватки. Обращаясь к людям, которым прямо с площади предстояло отправиться в бой, он продолжал:

— Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

На мгновение Сталин остановился, глубоко вздохнул, голос его стал еще глуше и еще тверже:

— Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Неизбежные суровые испытания и схватки с врагом, о которых говорил Верховный Главнокомандующий, были не за горами. Командование вермахта еще раз в 1941 году готовилось к наступлению на Москву, пополняло и перегруппировывало свои войска. Пока же на фронте шли бои местного значения.

Такие бои вела и 16-я армия. В конце октября — начале ноября немцы захватили на ее левом фланге несколько населенных пунктов, в том числе и Скирманово. Расположенное на высотах, всего в восьми километрах от Волоколамского шоссе, Скирманово господствовало над окружающей местностью, и неприятельская артиллерия оттуда простреливала шоссе. В любое время можно было ожидать, что враг со скирмановского выступа захочет перерезать эту магистраль и выйти в тыл основным частям 16-й армии. 4—7 ноября войска Рокоссовского пытались выбить врага из Скирманова, но не достигли цели.

Возможность ликвидации угрозы обсуждал с Рокоссовским в Звенигороде командующий Западным фронтом. Начав разговор о Скирмановской операции, Жуков неожиданно для Рокоссовского переменил тему:

— Мы намереваемся создать конную армию. Задача — преодолеть фронт южнее Волжского водохранилища, выйти в тыл вражеской группировке, сосредоточенной у Волоколамска, и нанести ей удар во фланг и тыл. Думаю, что кавалеристам такая задача по плечу. Предлагаю вам формирование армии и осуществление операции. Уверен, что в душе вы кавалерист и старые кавалерийские навыки сохранили. — И улыбка осветила суровое лицо комфронта.

Мало того, что предложение было неожиданным для Рокоссовского, сама идея организации конной армии его не вдохновляла. Поначалу он воздержался от возражений, а лишь осведомился:

— Из каких соединений будет состоять армия?

— В самое ближайшее время из Средней Азии прибудут 17, 20, 24 и 44-я кавалерийские дивизии. Корпус Доватора можно использовать. Он хорошо дрался, и опыт таких действий у него есть. Армию усилим артиллерией. Как ваше мнение?

Не в правилах Рокоссовского было уклоняться от прямого ответа в таких вопросах.

— Я считаю такую идею ошибочной. Операция не принесет успеха. Единственное, что она может дать, так это бесполезную гибель крупной конной массы. Как только она соберется вместе, авиация и танки противника ее уничтожат. Время конных армий прошло. Все, что я видел за четыре с половиной месяца войны, подтверждает это мое убеждение. Именно потому, что я бывший

кавалерист, я не хотел бы соглашаться на это предложение.

— Вы думаете? — Лицо комфронта помрачнело. — Ну что ж, посмотрим. — Жуков переменил разговор, вернувшись к обсуждению операции под Скирмановом. — Перегруппировке войск противника так или иначе надо помешать, сбить его с выгодных позиций, нанести частные контрудары. Думаю, что Скирманово — подходящий пункт для контрудара.

К участию в операции командарм-16 не мог привлечь много сил. Взять Скирманово предстояло 18-й стрелковой ополченской дивизии, 50-й кавдивизии и 4-й танковой бригаде М. Е. Катукова, недавно прибывшей в 16-ю армию. Эта танковая бригада во время октябрьского наступления гитлеровцев прославилась умелыми и успешными действиями под Орлом и Мценском, за что приказом Верховного Главнокомандующего от 11 ноября 1941 года была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду. В составе 16-й армии бригаде Катукова предстояло совершить немало славных дел.

Первым из них было взятие Скирманова. Бои за овладение этим пунктом продолжалось с 11 по 14 ноября. Гитлеровцы упорно оборонялись, и то, что войска Рокоссовского, весьма ограниченные в силах и средствах, да еще в преддверии нового гитлеровского наступления сумели отбить столь важный пункт у противника и нанести ему существенные потери, говорит о многом. Освобожденные от захватчиков Скирманово и Козлово представляли кладбище немецкой техники, только сожженных и разбитых танков корреспонденты центральных газет насчитали тридцать шесть. Среди трофеев, захваченных в Скирманове, были 150-миллиметровые пушки, много минометов, десятки автомашин. Улицы поселков были устланы трупами фашистских солдат. Но велики были и потери войск Рокоссовского — 200 убитых и 908 раненых.

Успех, достигнутый под Скирмановом, не мог быть развит, на большее у 16-й армии не хватало сил, и ее командующий в предвидении скорого наступления гитлеровцев упорно трудился над укреплением обороны.

Полоса, которую предстояло оборонять 16-й армии, достигала 70 километров. Готовясь к отражению натиска врага, Рокоссовский решил глубоко эшелонировать боевые порядки частей и соединений и оборудовать три оборонительные полосы. В первом эшелоне встретить против-

ника должны были отдельный курсантский полк, 316-я стрелковая, 50-я кавалерийская, части 18-й и 78-й стрелковых дивизий.

Особое внимание командарм уделял противотанковой обороне. Изучение опыта операций, которые ему пришлось проводить, позволило Рокоссовскому создать более стройную и глубокую систему противотанковой обороны. Противотанковые средства Рокоссовский распределил эшелонированно, начиная от линии боевого охранения до армейского рубежа обороны, проходившего по реке Истре. С танками противника должны были бороться и орудия крупных калибров, и танки, размещенные в засадах. Противотанковая артиллерия располагала свои позиции по обе стороны шоссейных дорог. Огневые позиции артиллерии прикрывались инженерными сооружениями и, кроме того, пулеметным и минометным огнем. Дивизионную артиллерию командарм разместил на тех же танкоопасных направлениях, предполагая, что и она будет вести огонь по вражеским танкам.

Благодаря тому, что командование 16-й армии использовало противотанковые средства массированно, привлекало к борьбе с танками фашистов всю имевшуюся артиллерию, в том числе и зенитную, ему удалось создать более высокие артиллерийские плотности на танкоопасных направлениях. При средней плотности 5 орудий на 1 километр фронта Рокоссовский сумел сконцентрировать на Волоколамско-Клинском направлении 8—9 орудий на километр, а на Волоколамско-Истринском — 10—12 орудий.

Тем не менее этого было недостаточно как потому, что плотности эти могли быть созданы лишь на узких участках, так и потому, что гитлеровцы имели огромное превосходство в танках. Для борьбы с ними приходилось организовывать группы истребителей танков, вооруженных противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. С бойцами-истребителями проводились занятия, где изучались приемы борьбы с танками.

С конца октября в 16-й армии имелись танковые части, и к их использованию при организации обороны командарм подходил особенно тщательно. Он поместил их в засадах на наиболее важном Волоколамско-Истринском направлении: уже упоминавшаяся 1-я гвардейская танковая бригада готовилась к боям в Чисмене, 28-я — в Ново-Петровском и 27-я — в Румянцеве. Танкисты, находясь в засадах, должны были не только усиливать про-

тивотанковую оборону войск армии, но и готовиться к проведению контратак. К сожалению, в 1-й гвардейской танковой бригаде на 14 ноября было 15 танков (2 тяжелых, 7 средних и 6 легких). 27-я танковая бригада имела также лишь 17 танков (6 Т-34 и 11 легких), в то время как по штату бригаде полагалось иметь 61 танк.

К середине ноября 16-я армия получила некоторые свежие пополнения. Упоминавшиеся Жуковым четыре кавалерийские дивизии к этому времени были включены в состав армии и образовали ее второй эшелон. В каждой из них насчитывалось лишь по 3 тысячи человек. Бойцы и командиры дивизий, только что прибывшие из Средней Азии, еще не приобрели навыков ведения боевых действий в пересеченной и лесисто-болотистой местности. К тому же лошади не были перекованы к зиме, а в Подмосковье уже начинались морозы, на дорогах и полях появился лед, и это затрудняло действия кавалеристов.

Зато от души радовался командарм включению в состав армии 78-й стрелковой дивизии. Ее командир, Афанасий Павлантьевич Белобородов, прибыл на КП Рокоссовского в Ново-Петровском 3 ноября. Первая встреча и беседа Рокоссовского с командиром только что поступившего в его распоряжение соединения очень характерна для его методов работы с подчиненными. Сохранившаяся от тех дней у Белобородова запись беседы с командармом позволяет нам подробно познакомиться с этими методами.

В беседе с командиром дивизии Рокоссовский интересовался всеми деталями, характеризовавшими подготовленность дивизии к предстоящим боям. Командарм мог быть доволен: 78-я дивизия была полнокровным соединением. В ней имелось более 14 тысяч бойцов и командиров, 23 легких танка, 66 орудий, 59 минометов, 441 автомашина и 3400 лошадей. Состоящая из сибиряков (а сибиряки всегда давали превосходных солдат нашей армии), дивизия была хорошо обучена и вооружена. В ее боеспособности Рокоссовский не только не сомневался, но даже выразил уверенность, что в самое короткое время о делах дивизии будет знать вся страна.

Правда, бойцы и командиры дивизии еще не имели боевого опыта, и Рокоссовский считал своим долгом хотя бы вкратце проинструктировать командира вновь прибывшего соединения, рассказать ему о своей практике борьбы с немцами. Познакомив Белобородова с обстановкой на участке армии, тактикой и методами действий про-

тивника, командарм сообщил о том, что в боях против 16-й армии гитлеровцы применяли различные тактические приемы, все время пытались обойти ее с флангов и перерезать коммуникации, стремились просачиваться в стыках между частями и соединениями, засылали в тыл группы автоматчиков с танками.

— С такой тактикой врага можно успешно бороться, — говорил Рокоссовский. — Весь опыт наших боев с немцами под Смоленском, на реке Рузе, под Волоколамском подтверждает это мнение. Необходимо только для каждого боя самым тщательным образом готовить взаимодействие пехоты с танками, артиллерией и авиацией. Следите за работой разведки, за прикрытием стыков с соседними дивизиями, а также стыков между полками и батальонами.

Командир дивизии и ее комиссар М. В. Бронников записывали каждое слово Рокоссовского, а он продолжал:

— Если вы сумеете организовать тщательную разведку, за каждым стыком будете держать обеспечивающие их силы и средства, то эта тактика врага будет бита, я в этом уверен. Так как у немцев большое преимущество в танках, то находящиеся в вашем распоряжении легкие танки целесообразнее в обороне располагать в глубине, за пехотой, чтобы использовать их в засадах для уничтожения противника с места.

Командарм говорил неторопливо и четко, давая возможность слушателям глубже осмыслить сказанное. Даже из краткого изложения беседы видно, что он мыслил глубоко и конкретно, в указаниях его сочетались боевой опыт армии, которого еще не было у его слушателей, со всесторонним анализом тактики врага, учетом сил и средств 78-й дивизии. На Белобородова и Бронникова командарм произвел неизгладимое впечатление. В короткой беседе он сумел ввести их в курс событий, укрепил в них веру в силу войск, находившихся под их командованием. Сибирякам 78-й дивизии в ноябрьские дни предстояло совершить немало.

Зима в 1941 году пришла в Подмосковье рано. Целыми днями над лесами и полями ползли низкие серые облака, колючая поземка крутилась на дорогах. Со дня на день можно было ожидать, что зима, суровая русская зима полностью вступит в свои права. И ожидание ее прихода еще больше подстегивало гитлеровцев, готовивших новый натиск на Москву. Зимы с ужасом ожидали

и солдаты и генералы вермахта, так бездумно бросившиеся в кровавую авантюру на востоке. Зима давала и некоторые преимущества гитлеровцам: мороз уже успел сковать землю, грязь исчезла, и теперь многочисленные фашистские танки могли двигаться не только по дорогам, но и минуя их, что еще более усложняло положение обороняющихся советских войск.

Начиная ноябрьское наступление, гитлеровское командование по-прежнему преследовало далеко идущие цели. Созданные им в группе армий «Центр» две мощные подвижные группировки должны были нанести по флангам Западного фронта на стыках с соседними фронтами одновременные удары, разгромить наши войска и, обойдя Москву с севера и юга, замкнуть кольцо окружения к востоку от столицы СССР. Северный фланг Западного фронта составляли 30-я армия (она была передана Западному фронту с 23.00 17 ноября) и 16-я армия Рокоссовского. По ним-то и нанесли основной удар войска 3-й и 4-й танковых групп противника.

Против 16-й армии и на этот раз немецко-фашистское командование сконцентрировало мощный кулак. Только на участке Волоколамск и южнее исходное положение заняли 2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии и моторизованная дивизия СС «Рейх», имевшие своей задачей наступление на Солнечногорск и Истру. В полосе обороны 16-й армии вновь соотношение сил и средств было в пользу противника: по людям 1,7 : 1, по орудиям и минометам 1,6 : 1 и по танкам 2,5 : 1. На главном направлении удара гитлеровцы достигли тройного превосходства в танках. Такое количественное превосходство противника требовало от войск 16-й армии и ее командования упорства и маневренности в обороне, хорошей системы организации огня и твердого управления во всех звеньях.

В середине ноября наступления гитлеровцев следовало ждать со дня на день. Позиции армии Рокоссовского подверглись атаке днем 16 ноября. Сражение велось сначала в центре и на левом фланге армии, в районе Волоколамска, и первым пришлось встретить врага солдатам 316-й дивизии.

С наблюдательного пункта Панфилова следили командарм и Лобачев за тем, как после сильной артиллерийской и авиационной бомбардировки рванулись к позициям панфиловцев десятки вражеских танков, а вслед за ними — немецкие автоматчики. Противотанковая артиллерия

316-й дивизии открыла огонь, немецкие танки стали вспыхивать один за другим, останавливаться с разбитыми гусеницами. По мере того как сражение нарастало, командарм убеждался, что здесь оборона находится в надежных руках. Панфилов руководил боем уверенно, твердо. Поэтому Рокоссовский решил возвратиться на свой КП в Устинове. Следовало быть в курсе всех событий, происходивших на фронте армии. В дороге он говорил Лобачеву:

— Нам пока здесь делать нечего. Панфилов сам справится. Если уж будет очень трудно, то надо давать ему подкрепления. Как их использовать, он знает, в подсказках, думаю, не нуждается.

Командарм был прав. На участке 316-й дивизии ни в этот, ни в последующие дни враг не прорвался. И если Рокоссовский мог положиться на Панфилова, на его умение и решительность, то Панфилов, в свою очередь, безраздельно мог рассчитывать на своих солдат, на их стойкость и мужество. Именно в этот день, 16 ноября, на высоте 251-й у железнодорожного разъезда Дубосеково 28 солдат — истребителей танков 4-й роты 2-го батальона 1075-го полка во главе с политруком В. Г. Клочковым вели неравный бой с несколькими десятками немецких танков.

Подвиг 28 героев-панфиловцев хорошо известен. Но так сражались под Волоколамском сотни и тысячи советских людей. Уже двадцать пять веков мир чтит память спартанских гоплитов, погибших в бою с захватчиками у Фермопил. Пройдут тысячелетия, и с таким же благоговением благодарное человечество будет вспоминать как 28 солдат-панфиловцев, так и других героев, спасших мир от коричневой чумы, этих солдат, бросавшихся навстречу бронированным чудовищам с гранатами и бутылками в руках и оставшихся нам неизвестными. Часто о бое Клочкова и его солдат у Дубосекова говорят лишь как о подвиге мужества. Бой имел и серьезное тактическое значение, так как герои на несколько часов задержали продвижение противника и дали возможность другим частям 16-й армии занять оборонительные позиции и не допустить врага к Волоколамскому шоссе. В итоге боя 16 ноября врагу удалось потеснить части 316-й стрелковой дивизии, но фронт нигде не был прорван.

С утра 17 ноября гитлеровцы возобновили наступление, и в течение всего дня, сосредоточивая танки и пехоту

на узких участках, при сильной поддержке артиллерии и пикирующих бомбардировщиков настойчиво атаковали боевые порядки 16-й армии, стремясь прорвать оборону и развить наступление на Волоколамско-Истринском направлении. Бойцы проявили беспримерную стойкость и мужество. По-прежнему героически сражались бойцы и командиры 316-й дивизии. 17 ноября Президиум Верховного Совета СССР наградил ее орденом Красного Знамени, а на следующий день, 18 ноября, дивизия получила наименование 8-й гвардейской. Однако ее командиру не пришлось водить в бой гвардейцев. В бою у населенного пункта Гусенево 18 ноября Панфилов был убит осколком мины.

Этот день оказался чрезвычайно тяжелым для 16-й армии и ее командующего. Как он и предполагал, гитлеровцы, воспользовавшись тем, что земля замерзла, маневрировали танками вне дорог. Они стремились обойти населенные пункты, двигались перелесками и мелколесьем. Тогда Рокоссовский противопоставил врагу маневр кочующими батареями и отдельными орудиями и танками, которые перекрывали дорогу танкам противника и в упор расстреливали их. Встречать врага приходилось теперь на самых различных направлениях. У командарма-16 не хватало сил и средств.

Его войска оборонялись все так же стойко, и глубокий оперативный прорыв гитлеровцам не удавался. Решительные контратаки частей и соединений, героические действия саперов, минировавших под огнем танкоопасные направления, меткий огонь противотанковой артиллерии — все это задерживало и изматывало противника. Неся большие потери в людях и технике, гитлеровцы продвигались в день по 3—5 километров. Немецко-фашистские танковые клинья вместо предполагаемых быстрых оперативных прорывов и стремительного продвижения оказались втянутыми в затяжные кровопролитные бои за отдельные, хорошо укрепленные пункты обороны 16-й армии.

В эти дни Рокоссовский сутками находился либо в частях, либо на командном пункте, и вздремнуть удавалось лишь в машине при переездах с одного участка обороны на другой. Эти поездки были небезопасны: гитлеровские летчики патрулировали над дорогами, охотились за отдельными автомашинами, и ЗИС-101 командарма-16 многократно служил объектом такой погони.

Бои не только не ослабевали, они разгорались с еще большей ожесточенностью. 19—20 ноября 3-я и 4-я танковые группы гитлеровцев продолжали настойчиво наступать против 16-й армии и ее соседа справа — 30-й армии. С утра 19 ноября противник ослабил нажим в центре армии Рокоссовского, но продолжал наращивать удары на обоих ее флангах.

Удерживая рвущегося к Москве врага, истребляя его танки и солдат, 16-я армия и сама теряла очень много людей. К исходу 20 ноября по приказу командования фронта (подчеркиваем — по приказу командования фронта) она организованно и в полном порядке отошла на новый оборонительный рубеж: Павельцово, Морозово, Аксеново, Ново-Петровское, Румянцево. Отход носил характер заранее подготовленного маневра, имевшего целью не допустить прорыва фронта противником и заставить его остановиться для подготовки наступления на новом рубеже обороны. Четкое осуществление такого маневра в невероятно сложной обстановке доказывало большое искусство как командарма и его штаба, так и войск 16-й армии.

Убедившись, что на Волоколамском направлении прорвать оборону советских войск очень трудно, гитлеровское командование перенесло свои усилия на правый, северный фланг 16-й армии, намереваясь осуществить прорыв на Клинском направлении, в стыке 16-й и 30-й армий. Благодаря превосходству в силах фашистским танковым дивизиям удалось продвинуться к Клину.

Тяжело было и на юго-западных подступах к столице: гитлеровцы рвались здесь уже к Туле. Поэтому обстановка на подступах к Москве стала чрезвычайно грозной. В своих воспоминаниях бывший командующий Западным фронтом Жуков пишет, что в это время ему позвонил Сталин и спросил:

«— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал И. В. Сталин. — Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября, но танков пока мы дать не сможем».

Две резервные армии! В умелых руках — огромная сила! Только их пока еще нет в распоряжении командующего Западным фронтом, и он приказывает своим командармам стоять насмерть на тех рубежах, до которых натиск гитлеровцев заставил отступить войска. Поэтому, когда Рокоссовский, обеспокоенный положением на своем северном фланге, потерями и усталостью войск, попросил разрешения отвести войска 16-й армии на рубеж реки Истры и Истринского водохранилища, не ожидая, покуда противник отбросит туда его дивизии, комфронта выслушал его и ответил:

— Приказываю стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

Убежденный в своей правоте и чрезвычайной важности своевременного отхода на рубеж Истры, Рокоссовский обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Через несколько часов пришел ответ, санкционировавший отход на Истринский рубеж. Предполагая, что это решение, безусловно, согласовано с Верховным Главнокомандующим, командарм-16 дал распоряжение начать ночью отвод основных сил. Но распоряжение это не успело дойти до частей, как в штаб 16-й армии поступила грозная телеграмма Жукова:

«Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии *Жуков*».

Приказ вышестоящего начальника есть приказ, и командарм Рокоссовский выполнил его. Между тем немецко-фашистские войска продолжали наступление. 21 ноября Рокоссовского вызвали на узел связи. «У аппарата Жуков, — отстукивал телеграфный аппарат. — Коротко доложите обстановку».

Рокоссовский стал отвечать: «Противник пытается прорваться от Теряевой слободы к Клину и от Ново-Петровского к Истре». Мгновение аппарат молчал, затем из него вновь потекла белая лента: «Это понятно. Противник подходит к Клину и с севера. Как обеспечена оборона?» Командарм перечислил все немногие части, которые он мог привлечь для защиты этих городов. В ответ на ленте: «Клин и Солнечногорск — главное. Рокоссовскому лично выехать в Солнечногорск, Лобачеву — в Клин. Обеспечьте оборону этих городов».

Спустя час машина командующего 16-й армией с

охраной в сумерках медленно ползла по дороге в Солнечногорск. После морозов пришла оттепель. Дорога вновь раскисла. В небе по направлению к Москве летели фашистские самолеты, чтобы сбросить там смертельный груз. На горизонте — и на севере, и на юге — зловеще полыхало зарево пожарищ, рокотал гром артиллерии: это горели русские села, это солдаты Рокоссовского из последних сил пытались сдержать врага.

Можно было бы попытаться вздремнуть, но сон не шел к Рокоссовскому. Привалившись к борту ЗИС-101, он следил за тем, как быстро сгущаются сумерки, и напряженно думал. Командарму-16 было трудно. Тяжело, невыносимо тяжело было оставлять во власти врага города, деревни, поселки, расположенные на подступах к Москве, самые названия которых — Волоколамск, Клин, Истра — так много говорят всякому, кто знает русскую историю. Тяжело было смотреть на горящие дома русских сел и деревень, больно было видеть бредущих неизвестно куда по зимней дороге женщин и стариков, несущих испуганных детей. Не менее тяжко было видеть гибель солдат, составлявших надежду и цвет нашей страны. Тяжело...

И при всем том командующий 16-й армией в эти решающие недели сражения под Москвой испытывал непередаваемый душевный подъем, позволявший ему не спать по нескольку суток кряду, позволявший без устали носиться по всему участку обороны армии, позволявший показывать чудеса человеческой выносливости. Очевидно, в жизни каждого истинного патриота — а Константин Константинович Рокоссовский, без сомнения, был таковым — наступает момент, когда он должен совершить главное дело своей жизни. Такой момент наступил для Рокоссовского, и он был к нему готов. Вся его предыдущая военная жизнь приуготовляла его к этим ноябрьским дням 1941 года. И когда он в августе 1917 года вместе с товарищами-драгунами прикрывал отступление пехотных частей 12-й армии, отходившей от Риги, и когда он зимой 1918/19 года во главе кавалерийского эскадрона отбивался от яростных атак колчаковских лыжников, и когда в июне 1941 года он с танкистами 9-го мехкорпуса пытался остановить броневой кулак Клейста — все это было прелюдией к подвигу генерала Рокоссовского, совершенному им в ноябрьские дни 1941 года во главе своих солдат.

В эту ночь в Солнечногорск попасть ему не удалось. Город был еще в руках советских войск, но дороги к нему немцы уже перерезали, и на окраинах города шли ожесточенные схватки с гитлеровскими частями. Приняв необходимые меры, чтобы замедлить продвижение врага к югу и востоку от Солнечногорска, Рокоссовский поспешил на северный фланг своей растянувшейся в нитку армии, к Клину.

Здесь положение было не менее опасным. Четыре танковые и две пехотные дивизии врага окружали город, оставался открытым путь только на восток. Изучив обстановку, Рокоссовский пришел к неутешительному выводу: оборонять Клин некому, следует думать лишь о том, чтобы задержать натиск противника на восток, к Яхроме и Дмитрову. Эта задача была возложена Рокоссовским на своего заместителя, генерал-майора Ф. Д. Захарова. Предоставив ему полную самостоятельность в руководстве войсками, имевшимися в Клину и восточнее его, командарм подчеркнул, что основная задача группы Захарова будет заключаться в упорном сопротивлении продвижению противника на восток. После этого Рокоссовский вместе с Лобачевым попытался соединиться со штабом фронта, чтобы немедленно доложить о сложившейся обстановке. К этому времени немецкие танки уже ворвались в Клин с севера, и на улицах города шел бой.

С невероятным трудом испуганной и бледной женщине-телеграфистке удалось соединить командарма по Бодо с начальником штаба фронта Соколовским. Рокоссовский доложил, что части дерутся геройски, но несут большие потери, а потому нужны подкрепления. На это Соколовский ответил, что рассчитывать на помощь в настоящий момент не приходится. Командарм продиктовал: «Бои идут непосредственно в Клину, на его окраинах. Остался выход только на восток, к Рогачеву, а на юг, к Солнечногорску, дорога перерезана».

Разговор был прерван близким разрывом снаряда, здание телеграфа заходило ходуном, вылетели стекла, посыпалась штукатурка, а угол дома обвалился: снаряд срезал его. Но телеграф все еще работал, и женщина-бодистка, пытавшаяся скрыть свой испуг, протянула Рокоссовскому ленту с ответом: «Организуйте защиту города до конца, сосредоточьте все внимание на организации отпора врагу на флангах. И только в крайнем случае отойдите».

На это Рокоссовский продиктовал: «По зданию, откуда говорим, ударил снаряд, идем принимать меры. До свидания» — и направился к выходу. У дверей он приостановился, чуть заметно улыбнулся и сказал, обращаясь к телеграфистке:

— Спасибо!

Путь к вспомогательному пункту управления, разместившемуся в здании клинской хлебопекарни, пришлось делать перебежками. На улицах города рвались снаряды и мины, пулеметные очереди раздавались совсем рядом. Еще раз проинструктировав Захарова и велев ему оборонять город до последней возможности, а затем отступать на Дмитров, Рокоссовский с Лобачевым около 12 часов дня выехали из горящего города.

Свободным оставался только путь на восток. Но и здесь машины командарма и сопровождавших несколько раз были обстреляны немецкими танками. Реку Сестру переехали по слабому еще льду и на противоположном берегу подверглись обстрелу одиночного немецкого танка. Прямым попаданием снаряда штабная машина со счетверенной пулеметной установкой была разбита, остальных выручила только скорость.

Сразу же за Сестрой натолкнулись на батальон танков 25-й танковой бригады, следовавшей к Клину.

— Приказываю уничтожить фашистский танк, который нас только что обстрелял, — велел командиру батальона Рокоссовский.

После этого поездка прошла без происшествий. Поскольку в Солнечногорске были уже немцы, пришлось совершать объезд через Рогачев. В городе никаких воинских частей не имелось, и оборонять его было явно некому. Дальнейший путь к югу, к Москве, командарм и сопровождавшие его лица проделали поздним вечером в двух легковых автомашинах. На случай встречи с врагом все вооружились. Рокоссовский, кроме пистолета, имел две гранаты и автомат, подаренный ему тульскими рабочими. К счастью, применять оружие командарму не пришлось.

Глубокой ночью с 23 на 24 ноября Рокоссовский наконец добрался до штаба армии. Малинин, Казаков и другие работники штаба бросились с расспросами к командарму, от которого так долго не было вестей и судьба которого их волновала. Рокоссовский сразу же перешел к делу:

— Товарищи, сейчас не до сантиментов. Михаил Сергеевич, доложите обстановку на фронте.

Командарм по-прежнему был полон энергии и решительности, как будто и не было двух бессонных суток, проведенных в непрерывном, нечеловеческом напряжении.

Ситуация оставалась тяжелой и осложнялась с каждым часом. На крайнем, северном, фланге армии противник, захватив Клин, стремился к Рогачеву и Дмитрову. Однако группа войск Захарова сопротивлялась натиску врага упорно. Располагая крайне малочисленными силами, генерал Захаров вынудил гитлеровцев вести тяжелые бои на промежуточных рубежах.

Солнечногорск также был занят противником. Обойдя Истринское водохранилище, гитлеровцы стали продвигаться на юг, в сторону Москвы, по Ленинградскому шоссе. Для того чтобы прикрыть Солнечногорское направление, командарму пришлось направить туда с другого участка кавалеристов Доватора, усилив их двумя танковыми батальонами и двумя батальонами пехоты из дивизии Панфилова. Других резервов в его распоряжении не было.

Так как Солнечногорское направление было кратчайшим на пути к Москве, Рокоссовский решил перенести временный КП армии поближе к этому городу, в деревню Пешки, а основной КП расположить в Льялове.

Ехать пришлось кружными путями, чтобы не напороться на немецкие танки. В Пешки добрались лишь к вечеру 24 ноября. В каменном доме, около которого стоял танк Т-34, Рокоссовский нашел группу командиров во главе с генералами А. В. Куркиным и И. П. Камерой, посланными сюда командованием фронта для выяснения обстановки. Некоторое время Рокоссовский прислушивался к спорам, бушевавшим в комнате, а затем обратился к генералу Куркину:

— Товарищ генерал, я направлен сюда по распоряжению командующего фронтом. Генерал Жуков поручил мне организовать взаимодействие армейских и фронтовых частей. В такой обстановке это сделать невозможно. Прошу вас оставить нас, предварительно сообщив, что происходит на фронте и какими силами мы располагаем.

Предложение Рокоссовского возражений не вызвало. Генералы вскоре уехали, а И. П. Камера на прощание сказал:

— Довольно рассуждений! Здесь тот, кто отвечает за оборону на этом участке, не будем ему мешать.

После отъезда представителей штаба фронта выяснилось, что севернее деревни Пешки имеются лишь незначительные группы красноармейцев да танки, прибывшие по распоряжению командования фронта для прикрытия дороги на Москву. Командир-танкист находился здесь же, в штабе. Соединения и части 16-й армии еще не успели выйти в назначенные им районы.

Внезапно Пешки подверглись артиллерийскому обстрелу. Снаряды рвались поблизости.

— Вы знаете, где ваши танки и что они делают? — обратился Рокоссовский к командиру танкистов.

— Я оставил на позициях севернее деревни два танка, товарищ генерал. Остальные отправил заправляться в Дурыкино. — Ответ удивил и рассердил командарма.

— Есть у вас уверенность, что и эти два танка не отправились туда же, на заправку? — Танкист молчал. — Вы должны знать, что на войне, да еще в такое время, горючее подвозят к танкам из тыла, а не наоборот. Приказываю немедленно возвратить все танки в Пешки!

Танкист откозырял и вышел исполнять приказание. В дверях он столкнулся с командиром-связистом.

— Товарищ генерал, немецкие танки в сопровождении автоматчиков в деревне!

— Час от часу не легче! — вырвалось у Лобачева.

В довершение командарма потребовали к телефону. Говорил командующий Западным фронтом. Выслушав сообщение Рокоссовского, Жуков потребовал от командарма немедленного перехода в наступление на Солнечногорск. В ответ на возражения Рокоссовского, считавшего, что в сложившейся обстановке и с теми ограниченными силами, которые находились в его распоряжении, наступление обречено на неудачу, а потому лучше бы придерживаться обороны, командующий фронтом повысил тон, и на Рокоссовского посыпались упреки. Присутствовавшие при разговоре видели, как побледнел Рокоссовский.

Подобные инциденты не были редкостью в те дни. Впоследствии Рокоссовский напишет по этому поводу:

«Все мы, от солдата до командарма, чувствовали, что наступили те решающие дни, когда во что бы то ни стало нужно устоять. Все горели этим единственным желанием, и каждый старался сделать все от него зависящее и как можно лучше. Этих людей не нужно было понукать. Армия, прошедшая горнило таких боев, сознавала всю меру своей ответственности.

Не только мы, но и весь Западный фронт переживал крайне трудные дни. И мне была понятна некоторая нервозность и горячность наших непосредственных руководителей. Но необходимым достоинством всякого начальника является его выдержка, спокойствие и уважение к подчиненным. На войне же в особенности. Поверьте старому солдату: человеку в бою нет ничего дороже сознания, что ему доверяют, в его силы верят, на него надеются...

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу».

Под впечатлением разговора с командующим фронтом Рокоссовский с командирами штаба вышел из дому. Наступила темнота. Бой с северной окраины села переместился к центру, автоматные пули уже цокали по кирпичам здания, за стеной которого укрылись Рокоссовский и группа командиров. Внезапно танковая болванка (бронебойный снаряд) с грохотом вырвала кусок каменной стены дома. Мимо командного пункта отходили группы бойцов, отстреливавшихся от наседавшего противника. Увидев их, Рокоссовский быстро вышел на середину улицы и стал останавливать отступающих. Нити трассирующих пуль потянулись немедленно справа и слева над его головой.

— Что вы делаете, товарищ генерал! — бросился к Рокоссовскому кто-то из командиров. — Уходите немедленно, вас же убьют!

Уговорить Рокоссовского уйти в укрытие удалось с трудом. Т-34 все еще стоял у дома, и командир его предложил:

— Садитесь в танк, товарищ генерал!

Но командарм решил по-иному:

— Немедленно отправляйтесь и разыщите свою часть. Передайте ее командиру приказание прикрыть шоссе к югу от Пешек и не дать противнику продви-

нуться вдоль него. Мы же, товарищи, вернемся к машинам. Пошли!

Огородами, разомкнувшись настолько, чтобы видеть друг друга, вышли из деревни, спустились в неглубокую лощину. Ночь озарялась разрывами мин и разноцветными огнями трассирующих пуль. Зрелище было таким, что командарм не удержался:

— Какая эффектная картина! — Он, как и всегда, был спокоен, в голосе не было и тени тревоги, как будто прогулки под минометным огнем были его любимейшим занятием. Быстро шагая впереди, он лишь иногда осведомлялся:

— Алексей Андреевич, ты жив? — и, получив успокаивающий ответ Лобачева, приговаривал громко: — Не отставать, держаться вместе... Если кого ранят, выносить на себе...

Добравшись до автомашин, оставленных на южной окраине села, Рокоссовский благополучно возвратился в Льялово, чтобы оттуда управлять войсками, которым предстояло наступать на Солнечногорск. Времени на организацию наступления не было, и началось оно поспешно. Тем не менее первоначально соединения имели успех: 50-я кавдивизия Плиева в Сверчкове разгромила 240-й пехотный полк гитлеровцев. В спешенных порядках, при поддержке небольших численно танковых частей и противотанковой артиллерии атаковали кавалеристы корпуса Доватора противника. Населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки.

Выбить из Солнечногорска врага кавалеристы не смогли, но и гитлеровцы оказались не в силах развить свой успех в сторону Москвы. К утру 25 ноября кавалеристы перешли к обороне, на следующий день их ожидало радостное известие: кавалерийская группа Доватора была переименована во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

В этот же день звание 9-й гвардейской получила и дивизия Белобородова, упорно оборонявшаяся на западном берегу реки Истры. 25—26 ноября на рубеже этой реки шли исключительно напряженные бои. В отдельных местах противнику к вечеру 26 ноября удалось переправиться на ее восточный берег, однако попытки гитлеровцев расширить плацдарм в этот день были отбиты.

Геройски обороняясь, непрерывно контратакуя, бойцы и командиры армии все же были вынуждены медленно отходить. Причиняя противнику огромный урон, они и сами несли потери. В личном составе 9-й гвардейской стрелковой дивизии потери к этому времени достигли 60 процентов. В полках кавалерийского корпуса Доватора в среднем насчитывалось по 60—100 бойцов. 1-я гвардейская, 23, 27 и 28-я танковые бригады, вместе взятые, имели лишь 15 исправных танков. Линия обороны 16-й армии вытянулась в нитку, и командарму приходилось изощряться, чтобы она где-нибудь не лопнула. На счету у него был каждый боец.

Катуков после отхода 1-й гвардейской танковой бригады в ночь на 26 ноября на восточный берег Истры обратился в Военный совет армии с просьбой предоставить бригаде два-три дня на приведение материальной части в порядок. Через несколько часов он получил ответ командарма:

«Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т. п.

Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен.

Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого требует обстановка.

Налаживайте все в процессе боя и походов.

26.XI.41 г. *Рокоссовский*».

Ответ командующего армией диктовался напряжением, с которым шли бои на участке 16-й армии и в первую очередь на Солнечногорском направлении. Здесь гитлеровцы ближе всего подошли к Москве. Вдоль Волоколамского и Ленинградского шоссе, так же как и в промежутках между этими магистралями, развернулась решающая схватка.

В Льялове штаб 16-й армии как следует обосноваться не успел. На северо-восточную окраину села ворвались немецкие танки. В отражении их атаки приняли участие даже командиры штаба армии. Благодаря присутствию дивизиона 85-миллиметровых противотанковых пушек с этой опасностью удалось справиться. Артиллеристы подбили несколько танков, гитлеровцы откатились, но штаб

армии из Льялова пришлось перенести еще ближе к Москве.

Тот, кто проезжал по железной дороге Москва — Ленинград, возможно, помнит станцию Крюково, что в 40 километрах от Ленинградского вокзала столицы. До нее докатился вал гитлеровских танков в 1941 году, докатился, чтобы разбиться о стойкость советских солдат и застыть грудами железного лома. В Крюкове и возле него на протяжении двух недель кипели яростные бои. Сюда и перенес свой КП Рокоссовский.

Дальше отступать было некуда. Это понимали солдаты 16-й армии, это понимал Рокоссовский, этого требовал Военный совет фронта. Вот что писалось в особом приказе Военного совета фронта в это время: «Крюково — последний пункт отхода, и дальше отступать нельзя. Отступать больше некуда. Любыми, самыми крайними мерами немедленно добиться перелома, прекратить отход. Каждый дальнейший ваш шаг назад — это срыв обороны Москвы. Всему командному составу снизу доверху быть в подразделениях, на поле боя...» Жестокие, суровые, но справедливые слова!

Рокоссовский и без приказа не сидел в штабе, а целыми днями находился в частях и соединениях, добирался до передовой и предпочитал, чтобы командиры полков и дивизий не сопровождали его.

По-прежнему он оставался спокоен и ровен в любых обстоятельствах, и люди, встречавшиеся с ним в этот период, как и позже, с трудом могли вспомнить случай, когда Рокоссовский выходил бы из себя, гневался. Как правило, это происходило только тогда, когда он обнаруживал вопиющие нарушения служебных обязанностей своими подчиненными.

Вот Рокоссовский с передовой пришел в штаб полка. Командир полка, отрапортовав, как полагается, начал докладывать обстановку. Рокоссовский слушал молча, но лицо его стало суровым.

— Где тут у вас окопы? — вдруг перебил он доклад.

Комполка показал на карте. Внезапно, не сдержавшись, командарм вспылил:

— Неправда! Командующий армией был на месте, а вы, командир полка, не удосужились побывать! А если завтра бой? Стыдно!

И, не продолжая разговора, вышел.

После выхода немецких войск непосредственно к предместьям Москвы командование Западного фронта стало присылать в таявшую с каждым днем 16-ю армию пополнения, но много сделать не могло. Штаб фронта буквально «наскребал» резервы для 16-й армии. К примеру, для пополнения 8-й, 9-й гвардейских и 18-й стрелковой дивизии 16-й армии от каждой стрелковой дивизии других армий фронта в это время было выделено по одному полностью укомплектованному стрелковому взводу (одному стрелковому взводу!), которые срочно на автотранспорте были отправлены в распоряжение Рокоссовского. Из состава 43-й армии в район Крюкова срочно перебросили на автомашинах один стрелковый батальон. В 16-ю армию штаб фронта в первую очередь направлял и поступавшие далеко не в достаточном количестве боеприпасы и вооружение. Особенно остро не хватало автоматов, винтовок, мин.

Командование фронта делало все, чтобы хоть немного подкрепить ослабевшие войска. От командармов Жуков требовал устойчивой обороны имевшимися в их распоряжении силами.

Однажды, когда Рокоссовский возвратился на свой КП с истринской позиции, дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Рокоссовский приготовился к худшему: его войска вновь были вынуждены отступить, незначительно, но все же отступили...

— Генерал-лейтенант Рокоссовский слушает, — начал он разговор.

В ответ послышался спокойный, ровный голос Сталина:

— Доложите, пожалуйста, какова обстановка на Истринском рубеже.

Командарм, стараясь одновременно быть и кратким и исчерпывающим, стал докладывать, что хотя войска и отступили, но он намерен предпринять контратаки.

Сталин прервал его:

— О ваших мероприятиях говорить не надо. — И в тоне его голоса Рокоссовский почувствовал, что Сталин хочет подчеркнуть свое доверие, что он звонит не для того, чтобы сделать выговор. — Вам тяжело?

— Да, товарищ Сталин, очень тяжело. Очень...

Сталин немного помолчал:

— Я понимаю. Прошу вас продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

На этом разговор закончился. В ту пору внимание Генерального секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета Народных Комиссаров, Председателя Государственного Комитета Обороны и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина означало многое. К тому же на следующее утро в 16-ю армию поступила и обещанная помощь: полк «катюш», два полка противотанковой артиллерии, четыре роты солдат с ПТР, три батальона танков и 2 тысячи москвичей для пополнения измотанных частей 16-й армии.

Помощь пришла своевременно. Немецко-фашистские войска уже выдыхались, но были еще способны прорываться то в одном, то в другом месте. Бои на северо-западе от Москвы бушевали с прежней ожесточенностью.

Спустя несколько дней около 3-х часов ночи Верховный Главнокомандующий вновь вызвал по ВЧ командующего 16-й армией. Выслушав доклад Рокоссовского, Сталин спросил:

— Известно ли вам, что в районе Красной Поляны появились немецкие части? Что вы предпринимаете, чтобы их отбросить? Учтите, есть сведения, что из района Красной Поляны они намерены обстреливать Москву крупнокалиберной артиллерией.

— Товарищ Сталин, мне известно о выдвижении передовых немецких частей севернее Красной Поляны, — отвечал Рокоссовский, — и я уже подтягиваю туда силы с других участков. Только сил этих очень уж мало...

— Очистите район Красной Поляны от противника, а мы сейчас же отдадим распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны.

Спустя час начальник штаба фронта Соколовский сообщил командующему 16-й армией, что из фронтового резерва для атаки Красной Поляны посланы танковая бригада, артполк и четыре дивизиона «катюш». К этому времени Рокоссовский уже отправил туда все, что смог собрать, — два батальона пехоты и два пушечных полка.

С рассветом артиллерия 16-й армии открыла огонь по обороне врага в Красной Поляне. Бой продолжался весь день, и лишь с наступлением темноты наши танкисты

при поддержке артиллерии ворвались в Красную Поляну, захватили пленных, машины, артиллерийские орудия. Угроза обстрела советской столицы была ликвидирована.

К концу ноября оборонительное сражение на правом крыле Западного фронта достигло наивысшего накала. После ожесточенных боев на Солнечногорском и Истринском направлениях противник вновь потеснил войска 16-й армии и вышел в районы, удаленные от черты города всего на 25—35 километров. Сильно поредевшие во время кровопролитных боев 7-я, 8-я, 9-я гвардейские и 18-я стрелковая дивизии были оттеснены до рубежа Клушино, Матушкино, Крюково, Баранцево, где вели отчаянную борьбу с главными силами 4-й танковой группы противника.

Из Крюкова КП армии пришлось перевести, бой шел уже в самом поселке. Последнее продвижение вперед к Москве противник сделал 30 ноября между Красной Поляной и Лобней. На левом фланге противнику удалось оттеснить части 16-й армии до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. Но это был предел наступления немецко-фашистских войск на северных подступах к Москве. «Тайфун» выдохся.

Под Москвой еще шли бои за отдельные города и поселки, а начальник германского генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер, убедившись в невозможности захватить Москву, уже заносил в дневник: «Нам нечего больше выжидать, и мы можем отдать приказы на переход к зиме». Самоуверенность все еще не покидала гитлеровских военачальников. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок считал, что оборона советских войск под Москвой находится «на грани своего кризиса», и в этом его полностью поддерживала фашистская разведка, еще 1 декабря сообщавшая: боевая сила большинства советских соединений мала, прибытия каких-либо новых дивизий из глубокого тыла ожидать не следует. Но гитлеровцам еще раз суждено было ошибиться самым постыдным образом.

В глубоком секрете Советское Верховное Главнокомандование подготовило и сумело сконцентрировать под Москвой три новые резервные армии: 1-ю ударную, 20-ю и 10-ю. Двум из них предстояло вступить в бой на северном фланге 16-й армии, заменив ее измотанные и истощенные соединения и части. Одновременно советское

командование наносило мощные удары и на других участках советско-германского фронта, под Волховом и Ростовом-на-Дону.

Героические защитники Москвы, а с ними и войска Рокоссовского сделали свое дело. Подвижные танковые группировки противника на флангах Западного фронта были истощены, обескровлены и оказались вынужденными остановиться в двух выступах, глубоко вдавшихся в расположение советских войск. Сумев продвинуться за 15—20 дней ноябрьского наступления лишь на 80—100 километров, они сильно растянулись, к началу декабря исчерпали всю свою ударную силу, вынуждены были перейти к обороне в неблагоприятных условиях и оказались под непосредственной угрозой ударов Красной Армии. Еще раз подтверждался один из военных принципов: «Всякий обходящий противника может сам оказаться им обойденным».

После войны битые стратеги гитлеровского вермахта в поисках причин поражения под Москвой, причин провала операции «Тайфун», не стыдятся валить вину на мороз, будто бы помешавший им ворваться в Москву. Однако это утверждение не выдерживает никакой критики. Гитлеровцы были остановлены под Москвой в начале декабря, а за весь ноябрь 1941 года абсолютный минимум температуры воздуха не превышал 18 градусов, средняя же месячная температура была меньше 6 градусов мороза. По нашим понятиям, это еще не зима, и никто, кроме самих гитлеровских генералов, не виноват в том, что их войска оказались неподготовленными даже к таким слабым морозцам. Гитлеровский генералитет собирался расправиться с Красной Армией за шесть-восемь недель и теперь пожинал плоды своего авантюризма. Настоящая зима пришла в декабре, когда абсолютный минимум температуры воздуха снижался в Подмосковье до 31 градуса мороза, а средняя месячная температура составила почти 15 градусов ниже нуля. Но в декабре наступали и достигли крупных успехов войска Красной Армии, командование которой знало, что валенки, телогрейки, теплое белье — тоже оружие, и заранее готовилось к зиме.

Начиная контрнаступление, Советское Верховное Главнокомандование предполагало в первую очередь разгромить ударные танковые группировки противника севернее и южнее Москвы. Войскам правого фланга За-

падного фронта предстояло разгромить клинско-солнечногорскую группировку противника, то есть его 3-ю и 4-ю танковые группы. 16-я армия должна была начать наступление на день позже других армий, 7 декабря, и, освободив во взаимодействии с 20-й армией районы Льялово — Крюково, наступать основными силами на Истру.

От обороны к контрнаступлению 16-й армии пришлось переходить без всякой паузы, бои продолжались все время. 2 декабря противнику удалось захватить Крюково, этот важный узел дорог в непосредственной близости от Москвы. Уже в ночь на 3 декабря Рокоссовский приказал командиру 8-й гвардейской дивизии вернуть поселок, и такая попытка была предпринята, но отбить удалось лишь восточную часть Крюкова. С 3 по 6 декабря дивизия девять раз атаковала крюковский узел сопротивления. Поселок переходил из рук в руки. Окончательно его удалось освободить лишь в ходе общего контрнаступления.

Одной из основных причин, по которой 8-й гвардейской дивизии не удавалось возвратить Крюково, была недостаточная организованность боевой операции. В частности, разведка обороны противника была организована слабо, поэтому во время атаки вражеские огневые средства оказались неподавленными.

Наступал момент, которого Рокоссовский ждал так долго в октябрьские и ноябрьские дни 1941 года. Теперь солдаты, оттесненные врагом до самого порога Москвы, но неразбитые, несломленные, должны были отбросить захватчиков. Для этого требовались новые силы, и 16-я армия их получила.

Перед началом наступления в составе 16-й армии имелось значительное количество соединений: пять стрелковых и четыре кавалерийские дивизии, четыре танковые и четыре стрелковые бригады. Особенно радовался Рокоссовский прибытию 354-й стрелковой дивизии и стрелковых бригад, укомплектованных отборными кадрами. Личный состав их уже владел новыми системами боевого оружия, успешно усваивал и новые методы ведения войны. Много было у 16-й армии и артиллерии, больше, чем в других армиях, сражавшихся в те дни под Москвой: 7 артиллерийских полков стрелковых дивизий и 15 полков резерва Верховного Главнокомандования, всего более 900 орудий и минометов, около 70 установок

«катюш». Поскольку полоса, в которой предстояло наступать 16-й армии, сузилась до 20 километров, командующий армией имел возможность концентрировать значительные артиллерийские группировки в наиболее важных местах.

Но в то же время следует учитывать, что все части и соединения армии Рокоссовского, ведшие бои на уничтожение на протяжении долгого времени, имели большой некомплект как в технике, так и в людях. Кроме того, против 16-й армии находилась наиболее сильная группировка противника, и армия по живой силе, артиллерии и минометам превосходила его лишь двукратно. По танкам силы сторон были равны.

Исходя из обстановки, Рокоссовский предполагал начать наступление 7 декабря ударом по Крюковскому узлу сопротивления немецко-фашистских войск, а на следующий день перейти в наступление и остальными силами армии в Истринском направлении.

В 10 часов утра 7 декабря после 13-минутной артиллерийской подготовки, во время которой на одном километре фронта удалось сосредоточить до 40 орудий и минометов, части 16-й армии начали атаку Крюковского укрепленного узла противника. Немецко-фашистские войска цеплялись за Крюково как только могли, желая сохранить столь важный пункт, расположенный вблизи от Москвы.

Бой шел весь день 7 декабря, противник, подтянув резервы, много раз контратаковал. Сражение продолжалось ночью, и лишь во второй половине дня 8 декабря Крюково и прилегающие к нему населенные пункты были освобождены. На поле боя гитлеровцы оставили 54 танка, около 120 автомобилей, много оружия, боеприпасов, военного имущества. В Каменке они бросили два 300-миллиметровых орудия — из них гитлеровцы предполагали обстреливать Москву. На улицах Крюкова, несмотря на жестокий мороз, стояли жители — женщины, дети, старики, и солдаты-освободители кормили голодных детей хлебом и сахаром своего немудреного солдатского пайка.

Так 16-я армия начала свое наступление под Москвой. Повсюду, куда бы ни приезжал в те декабрьские дни командарм, он видел радостные лица. Радостно было и у него на душе. Давно ли гитлеровцы бахвалились на

весь мир, что Москва — вот она, уже в их руках, давно ли с болью в сердце приходилось оставлять подмосковные города и села, а теперь наши войска шли вперед и гитлеровские захватчики отступали, бросая трупы убитых и технику.

После освобождения Крюкова войска 16-й армии перешли в наступление по всему фронту в общем направлении на Истру. 9-я гвардейская стрелковая дивизия Белобородова на Волоколамском шоссе трижды в течение дня атаковала противника и трижды была вынуждена отходить на исходные позиции. Лишь к концу дня после четвертой атаки гвардейцы выбили врага с позиций. В результате боев 7—10 декабря части армии Рокоссовского лишили противника всех основных узлов сопротивления. Гитлеровцы поспешно начали отходить на заранее подготовленный рубеж — Истринское водохранилище, река Истра.

Перед командармом теперь стояла новая задача: не дать противнику закрепиться на этом естественном рубеже. Сделать это нужно было в условиях суровой зимы. С 7 декабря, как раз с того дня, когда армия Рокоссовского перешла в наступление, ударили крепкие морозы, доходившие до 25—30 градусов. Низкая температура и глубокий снежный покров затрудняли применение обходных маневров с целью перехвата путей отхода противника. Впоследствии Рокоссовский вспоминал: «Немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, которая способствовала их отходу от Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения».

На дорогах в те дни далеко не всегда удавалось достичь необходимого порядка. Расчистка их была организована плохо, даже на Волоколамском шоссе, основной магистрали, ведшей на запад, была проложена только одна снежная колея. Часто возникали пробки. При отступлении противник взрывал мосты, обильно минировал дороги, а у 16-й армии не хватало средств для обезвреживания мин.

Штаб Рокоссовского, как и всегда, стремился быть поближе к передовым частям, и поэтому нередко приходилось на дорогах обгонять колонны войск, обходя их по обочинам дороги, и как раз там, где саперы еще не обезвредили вражеские мины. «Ощущение, скажу, не из приятных, — писал Рокоссовский, — идешь пешком по глу-

бокому снегу и ожидаешь, что вот еще шаг — и останешься без ног...»

Выполняя указание гитлеровского верховного командования о создании «зоны пустыни» в оставляемых районах, захватчики безжалостно сжигали и разрушали города, деревни и села. Этот приказ осуществлялся с немецкой исполнительностью и педантичностью, и если в селениях оставались неповрежденные дома, то они, как правило, были заминированы, и саперам приходилось потрудиться, чтобы избавить их от мин. С минами связан следующий случай, одновременно и любопытный и смешной, характеризующий и обстановку, в которой работал тогда Рокоссовский, и его отношение к окружающим.

Штаб 16-й армии разместился в небольшом домике. Предстояла срочная и требующая внимания работа: принять и подготовить распоряжение войскам на следующий день. Рокоссовский, Малинин и другие работники штаба уже принялись за дело, как в домик, один из немногих уцелевших в деревне, вошла большая группа военных корреспондентов и кинооператоров. Приезд подобных гостей был обычным для штаба 16-й армии, и они всегда находили здесь и внимание и гостеприимство, но в настоящий момент гости мешали. Помещение битком набилось людьми, шли шумные разговоры, и работать было невозможно. Не желая обидеть представителей прессы, Рокоссовский быстро нашел выход, который ему подсказывали обыкновенные часы-ходики, тикавшие на стене и имевшие вместо гирь какие-то грузила, завернутые в материю. Заговорщически подмигнув Малинину и Лобачеву, командарм обратился к присутствующим:

— Товарищи, будьте осторожны и не дотрагивайтесь до этих часов. Они заминированы.

Поскольку сказано это было самым серьезным тоном, а командарм пользовался славой человека, способного пренебрегать смертельной опасностью, ни у кого из гостей не возникло сомнений в серьезности его предупреждения. Вскоре в избе стало просторно, так как никто из гостей не пожелал оставаться не только рядом с «заминированными» ходиками, но и вообще в избе. Рокоссовскому опять можно было работать спокойно...

Советские войска шли вперед, и с каждым километром неизмеримое чувство ярости овладевало и бойцами

и командирами. Теперь они воочию видели то, что принесли захватчики на нашу землю, какой «новый порядок» ожидал советских людей. Сожженные дотла города и села, трупы патриотов на виселицах городских площадей, расстрелянные во время карательных операций против партизан дети, женщины и старики, замученные в лагерях тысячи военнопленных — все это и многое другое взывало к мести, к расплате с врагом. Подобного не происходило на нашей земле давно, очевидно со времени татарского нашествия XIII века. Увиденное жгло душу и бойцам и командарму.

Вот он приехал в деревню, дотла спаленную гитлеровцами. Дым пожарищ еще не растаял в морозном воздухе. Из-под остатков домов жители выкапывали пожитки. Внимание Рокоссовского и корреспондентов газет, прибывших в 16-ю армию, привлек колодец во дворе сожженного дома. Он доверху был набит трупами немцев: спеша похоронить убитых и не желая долбить мерзлую землю, гитлеровцы сложили их в колодец, но не успели засыпать землей. Рокоссовский подошел к колодцу, несколько мгновений смотрел на убитых врагов, а затем повернулся и сказал, обратившись к корреспондентам:

— Вы чувствуете, пахнет гарью? Когда я вижу все это, мне вспоминаются исторические книги. Татарское нашествие, запорожцы. Помните Тараса Бульбу? — Он немного помолчал, а затем кивнул головой в сторону колодца. — А им... так им и надо! — И быстро зашагал к машине.

Отныне и на многие месяцы сознание того, что миллионы людей ждут освобождения, ждут освободительницу Красную Армию, подстегивало как рядовых бойцов, как командиров 16-й армии, так и ее командующего. «Вперед! Не дать врагу закрепиться!» Этой мыслью жил командарм.

Наибольшее беспокойство у Рокоссовского вызывала близость сильного рубежа — реки Истры. Можно было твердо рассчитывать, что гитлеровские войска будут пытаться закрепиться на этом естественном рубеже и остановить наступление 16-й армии. Рокоссовский чувствовал, что сопротивление противника усиливается и преодолеть Истру с ходу его соединениям вряд ли удастся. Тогда командарм принимает решение, блестяще характеризующее его незаурядные качества полководца,

проявлявшиеся до тех пор лишь в обороне. Он создает две подвижные группы, имевшие своей целью обход Истринского водохранилища. Группа генерал-майора танковых войск Ф. Т. Ремизова должна была обойти водохранилище с севера, в то время как группе Катукова предстояло совершить это к югу от Истры.

Своевременность и оригинальность замысла Рокоссовского оправдались в ходе боев за Истринский рубеж. Преследуя противника, войска 16-й армии за 11—12 декабря прошли от 10 до 16 километров и на многих участках вышли на рубеж реки Истры. Во второй половине дня 11 декабря войска группы генерала Белобородова ворвались в город Истру и к вечеру освободили его, а также соседние населенные пункты. Это был большой успех.

Утром 13 декабря во всех центральных газетах на первых страницах были напечатаны портреты командующего Западным фронтом Жукова и командующих армиями, которыми он руководил, в том числе и Рокоссовского. Над портретами крупным шрифтом было набрано сообщение Советского Верховного Главнокомандования о первых итогах грандиозного контрнаступления Красной Армии под Москвой. Были там следующие строки: «Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10 и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли г. Истра». Теперь «генерал Р.» в числе других советских командармов уже возвращал захваченные противником города нашей страны. Полоса отступления кончилась.

13 декабря прошло в тяжелых боях. Отступая, враг уничтожил все переправы на реке Истре и взорвал дамбу водохранилища. Гигантский поток воды, разлившийся на расстояние в 50 километров, отрезал западный берег, на котором гитлеровцы думали отсидеться.

Переправа с ходу не удалась ни 12, ни 13 декабря. Отдельные подразделения 18-й и 354-й стрелковых дивизий, переправившись на противоположный берег, контратаками либо были уничтожены, либо возвратились на восточный берег. В этот момент и вступили в действие подвижные группы. Войска генерала Ремизова и генерала Катукова, обойдя Истринский рубеж, к 15 декабря создали угрозу окружения гитлеровцев, оборонявшихся у Истринского водохранилища. Стрелковые же части 16-й армии не прекращали попыток форсировать

бурный поток, в который превратилась скромная речка Истра.

Рокоссовский прибыл в дивизию Белобородова как раз в тот момент, когда сибиряки 9-й гвардейской дивизии в свирепый мороз, под огнем вражеской артиллерии форсировали бушующий ледяной поток. Противоположный, правый берег Истры возвышался над восточным берегом, был покрыт лесом и как бы самой природой предназначен для упорной обороны. Оттуда все время, днем и ночью, летели снаряды и мины. Но сибиряки не остановились. Используя резиновые лодки, а также «подручные средства» — плоты, ворота, заборы, просто бревна, коряги, преодолевали они грозное препятствие и в конце концов обратили врага в бегство.

Столь же страшной и трудной была переправа и 18-й стрелковой дивизии, за которой наблюдал несколько часов спустя командарм. Здесь, на его глазах, оборвался трос у парома с 36 бойцами. Словно щепку закрутило паром в водовороте, но с берега в воду, не раздумывая, бросился боец. Командарм не успел его разглядеть, видел только, что у солдата светлые волосы.

— Кто этот храбрец? — повернулся он к командиру батальона.

— Тимофей Лаврищев, товарищ генерал. Он уже награды имеет... Смелый красноармеец.

Тем временем Лаврищеву удалось поймать трос и он поплыл к берегу. Навстречу ему, связанные веревкой, двигались саперы. Вот Лаврищев рванулся, успел передать трос саперу Власову, и в тот же момент льдина накрыла его... Больше на поверхности он не появился.

Молча следил командарм за паромом, возобновившим движение через Истру, а перед глазами у него стояла Бзура и он, 18-летний драгун, переправляющийся через такой же бешеный поток 27 лет назад, в феврале 1915 года. Только он уже не тот, он отвечает за жизнь десятков тысяч людей и не может, не имеет права бросить все и вместе с ними, этими дорогими его сердцу солдатами, переправляться через реку и идти навстречу вражеским пулеметам...

Рубеж реки Истры врагу удержать не удалось. Охваченный с флангов подвижными группами, атакуемый с фронта бесстрашными пехотинцами, противник побежал. оставляя все, что мешало бегству. Дороги, по которым

вслед за гитлеровцами двигались войска Рокоссовского, были завалены оставленной немцами техникой. Гитлеровцы пытались задерживать продвижение частей и соединений 16-й армии, но это им плохо удавалось. В жестокие морозы и метели, по глубокому снегу 16-я армия преследовала врага. Общий темп наступления с 7 по 20 декабря составил 8,5 километра в сутки. Такую же картину можно было наблюдать и на других участках Западного фронта.

Для того чтобы иметь возможность непрерывно преследовать врага, Рокоссовский создал специальные отряды, численностью до батальона, которые в ночное время сменяли основные силы. В то время как сражавшиеся днем люди отдыхали, специальные отряды продолжали схватку, не давая врагу передышки, и среди гитлеровцев скоро стали распространяться легенды о неутомимых и исключительно сильных «сибирских частях» Рокоссовского.

Командарм в дни наступления, как и во время обороны, большую часть времени находился поблизости от фронта. Рокоссовский мог проводить целые дни в частях и соединениях, потому что знал: хорошо налаженный штаб армии, руководимый властным и умным генералом Малининым, и в его отсутствие сделает все необходимое для руководства войсками, а он, командующий, может в этом полностью положиться на своих подчиненных. Сам Рокоссовский писал о принципах, которыми он руководствовался в организации работы штаба: «У каждого руководителя своя манера, свой стиль работы с ближайшими сотрудниками. Стандарт в этом тонком деле не изобретешь. Мы старались создать благоприятную рабочую атмосферу, исключающую отношения, построенные по правилу «как прикажете», исключающую ощущение скованности, когда люди опасаются высказать суждение, отличное от суждения старшего. В этом духе мое поколение красных офицеров воспитывала партия...»

Центральным рабочим местом Рокоссовского и в месяцы сражения под Москвой, и позднее была так называемая штаб-квартира. Здесь он выслушивал доклады руководителей родов войск, здесь же начальники разведки, оперативного отдела, связи докладывали Малинину. Чаще всего на подобных докладах присутствовал и член Военного совета. Такая постановка работы позволяла командарму быть в курсе всех событий в армии

и в то же время облегчала принятие решений, он всегда мог посоветоваться с окружающими его соратниками.

Участники и очевидцы работы в штабе единогласны в признании того, что там господствовала подлинно творческая и в то же время строго деловая атмосфера. Вот описание одного вечера в штабе Рокоссовского, составленное очевидцем, пристально и достаточно долго наблюдавшим за Рокоссовским и его штабом уже в ходе контрнаступления под Москвой.

Штаб только что разместился в небольшом селении, в промерзшей до изморози на стенах школе. На сдвинутые парты положена классная доска (достаточно большого стола нет). На доске расстелена карта, где уже отмечено расположение 16-й армии и ее противника. Штабу предстоит выработать план новой операции. Работа началась немедленно по приходе Рокоссовского.

Постояв над картой, немного пошутили по адресу соседа, часть участка которого передана Рокоссовскому.

«— Лишили их возможности отличиться, взять этот городишко, — сказал Рокоссовский. — А они обрадовались. Пусть все шишки на другого валятся.

— Да, тут у нас очень все разбросано, — произнес Малинин, — противник может уйти, если нажмет.

— Конечно, надо собрать силенки и разделываться по частям с этой группировкой.

— Я думаю, сначала надо ликвидировать этот узел, — предложил Малинин.

— Добро, — согласился Рокоссовский.

После этого «заработал» штабной механизм. Им управлял Малинин. Ему докладывали о наличной численности и вооружении каждой части, он записывал, подсчитывал, выяснял подробности, вызывал нужных людей, расспрашивал или давал поручения, уточнял сведения о силах и намерениях противника, затем вместе с начальником артиллерии приступил к разработке оперативного плана: ставил задачу каждому соединению, указывал маршрут движения, место сосредоточения, время выхода на исходный рубеж, направление удара.

Все это делалось основательно, без суеты, без спешки. Истек час, другой, третий — Малинин с работниками штаба все еще готовил боевой приказ.

А Рокоссовский — высокий, легкий, не наживший, несмотря на свои 45 лет, ни брюшка, ни сутуловато-

сти, — ходил и ходил по комнате, иногда присаживаясь на крышку парты.

Он слушал и молчал. И лишь изредка короткой фразой чуть-чуть подправлял ход работающего механизма.

— Задачу разведки поточнее. Чтобы никто не сунулся напропалую.

Или:

— Продвигаться и дороги за собой тянуть.

И опять замолкал.

В комнате стало темнеть; появились электрики с походной электроустановкой; Малинин, взяв карту, передвинулся к окну.

Рокоссовский прилег на освободившуюся классную доску. Он лежал на спине, глядя в потолок и заложив руки за голову. Ноги его свешивались, не доставая до полу, и слегка покачивались.

И опять — его вольная, удобная поза, его спокойствие как бы свидетельствовали: тут все идет так, как этому следует идти, Малинин отлично ведет дело и ни во что не надо вмешиваться».

Располагая хорошо организованной штабной машиной, командарм действительно мог позволить себе непосредственно в передовых частях знакомиться с обстановкой. Проведение наступательной операции такого масштаба, да еще в зимних условиях, требовало применения всего опыта, всего умения Рокоссовского.

Быстрые темпы наступления, происходившего в чрезвычайно суровых метеорологических условиях, к концу второй недели стали сказываться на состоянии войск 16-й армии. Вторые эшелоны, тыловые части не поспевали за фронтом, ухудшилось и без того не слишком-то обильное снабжение войск боеприпасами и горючим. Саперы, располагавшие примитивными средствами, далеко не всегда справлялись с расчисткой готовых дорог, не говоря уже о прокладке новых.

Чем дальше от Москвы, тем упорнее становилось сопротивление противника, тем больших усилий и жертв стоило продвижение. К 20 декабря войска правого крыла Западного фронта, продолжая наступление, вышли на рубеж рек Ламы и Рузы. Утром 20 декабря подвижные группы генералов Ремизова и Катукова освободили Волоколамск. Однако попытки 16-й армии, так же как и

ее соседей, с ходу преодолеть оборонительный рубеж на реках Ламе и Рузе не удались.

С каждым днем оборона противника делалась все прочнее и организованней. Дивизии 16-й армии уже не имели сил продолжать наступление: в них насчитывалось по 1200—1500 человек, включая и артиллеристов, минометчиков, саперов, связистов. Попытки советских войск в 20-х числах декабря продолжить наступление особого успеха также не дали. В первых числах января 1942 года контрнаступление наших войск под Москвой закончилось.

Значение его как для всего хода второй мировой войны, так и истории нашей страны огромно. Впервые гитлеровский вермахт потерпел сокрушительное поражение, впервые его соединения вынуждены были отступать на значительные расстояния. Враг был отброшен от нашей столицы на 100—300 километров, и непосредственная угроза, нависшая над ней в ноябре, была ликвидирована.

Москву защищала вся страна, весь народ, вставший на борьбу по зову партии. У стен Москвы сражались сыны всех советских республик. Коммунисты и комсомольцы дрались в первых рядах ее защитников.

Победа под Москвой еще больше укрепила боевой дух нашего народа и Красной Армии, она наглядно показала, что, несмотря на неудачи первых месяцев войны, врага можно бить, и он будет бит.

Контрнаступление под Москвой имело и серьезные международные последствия для нашей страны. Союзники СССР в войне — правительства США и Великобритании — убедились в могуществе Красной Армии во время визита министра иностранных дел Антони Идена в СССР в конце декабря 1941 года.

Советское правительство предоставило возможность Идену совершить поездку по Ленинградскому шоссе. Правительство его величества короля Великобритании, волею судеб оказавшееся в союзе с большевистской Россией, никогда дотоле не питало доверия к мощи вооруженных сил своего союзника, и военные эксперты его, так же как и премьер-министр сэр Уинстон Черчилль, всю осень 1941 года со дня на день ожидали крушения фронта на востоке. Теперь высокому гостю с берегов Альбиона представилась возможность увидеть уникаль-

ное зрелище, какого не удостоился ни один европейский политический деятель на протяжении двух с половиной лет войны: дорога, по которой следовал кортеж Идена, была забита, завалена, запружена немецкими танками всех типов, артиллерийскими орудиями и минометами всех калибров, автомашинами всех марок, всех стран Европы. Но главное, главное было в том, что на дорогах и улицах русских деревень и городов валялись сотни, тысячи застывших в неестественных и страшных позах трупов завоевателей, топтавших землю Нордкапа и Крита, Варшавы и Дюнкерка, Парижа и Салоник, возомнивших себя властелинами мира и нашедших бесславную смерть от руки советских солдат в снегу полей и лесов Подмосковья. Да, зрелище было достаточно внушительным, чтобы заставить правительство Великобритании поверить в мощь оружия Красной Армии!

Верховное Главнокомандование Красной Армии, желая развить достигнутые в декабре 1941 года успехи в Подмосковье, предприняло в середине января 1942 года новое наступление. 16 января в него включились и войска 16-й армии. В первый же день сражения они выбили противника из 14 населенных пунктов, превращенных гитлеровцами в узлы сопротивления, и продолжали продвижение вперед.

Но дальнейшим наступлением Рокоссовский уже не руководил.

Вечером 21 января его вызвали по ВЧ. Разговор был краткий. Окончив его, Рокоссовский несколько секунд помолчал, затем сказал своим соратникам:

— Приказано передать все соединения соседям, в основном 5-й армии. После этого немедленно выехать в штаб фронта. Всему управлению армии.

— С какой целью? — спросил Малинин.

— Для получения новой задачи. Какой — не сказано. Собирайтесь, товарищи.

Вскоре командарм и Лобачев отправились на командный пункт фронта. Здесь их принял начальник штаба фронта Соколовский и объяснил, какую задачу командование ставит перед Рокоссовским и управлением 16-й армии.

Наступавшая на крайнем левом фланге Западного фронта 10-я армия генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова в середине января 1942 года подверглась контрудару не-

мецко-фашистских войск, которым удалось вновь овладеть крупным железнодорожным узлом — Сухиничами и его окрестностями. Рокоссовскому со штабом предстояло в кратчайшие сроки отправиться в район Сухиничей, принять в подчинение действовавшие там соединения и восстановить положение.

В разгар беседы вошел командующий фронтом.

— Пора, пора браться вам за новое дело. Придется тебе, Константин Константинович, Сухиничи вернуть. Надо вернуть!

— Было бы чем! — произнес Рокоссовский, из разговора с Соколовским уже успевший понять, что сражаться придется в тяжелых условиях и с ограниченными силами.

— Нехитра задача, если сил много, а вот с малыми силами... Мы рассчитываем на твое умение, да и противник там слабый. Дивизии из Франции переброшены. Они там от безделья разложились...

— Не очень я верю в это, Георгий Константинович. Дерутся они до сих пор зло. Из каждой деревни выбивать с боем приходится. Какими же соединениями я буду располагать?

Соколовский начал перечислять:

— Голиков передаст вам 322, 323, 324 и 328-ю стрелковые дивизии, 12-ю гвардейскую стрелковую, 146-ю танковую бригаду, два лыжных батальона.

— Не густо!

— Рассчитывать на дополнительные силы не придется, — добавил Жуков. — Надеюсь, что и имеющимися там дивизиями сумеете разделаться с противником.

Рокоссовский был краток:

— Постараюсь!

— Желаю успеха!

Тут же по прямому проводу Рокоссовский дал указания Малинину со штабом немедленно отправляться на новое место.

— Встретимся в Калуге.

Этот вечер Рокоссовский и Лобачев провели в Москве. Город, за который они сражались, впервые предстал перед ними затемненным, строгим. Таким, каким и должен быть город, только что отбросивший врага от своих стен.

Заночевали командарм-16 и его спутник в квартире бывшего сослуживца Рокоссовского по Забайкалью В. Н. Романченко, руководившего тогда московской городской милицией. После фронтовой жизни благоустроенная квартира, газовая плита, у которой хлопотал радушный хозяин, горячая ванна, постель с чистым бельем показались роскошью. Но главное было в том, что не раздавалось ни выстрелов, ни разрывов снарядов и бомб.

С рассветом двинулись в путь. Варшавское шоссе не пострадало так от военных действий, как Волоколамское и Ленинградское, по которым много пришлось поездить Рокоссовскому. По шоссе непрерывным потоком двигались тракторы, тягачи, грузовые автомашины — все в сторону фронта. Обилие машин и было причиной следующего инцидента. У Подольска, обгоняя трактор, «эмка» Лобачева угодила в кювет. Пока трактор вытаскивал ее, Рокоссовский уехал вперед. Но часа через два член Военного совета догнал командарма: машина Рокоссовского стояла без горючего, и как раз в этот момент он самолично тащил канистру бензина, позаимствованную у работников армейского политотдела.

— Что же вы не помогли? — стал укорять своих товарищей Лобачев при виде командарма с канистрой в руках.

— Вы же знаете его характер, не позволяет!

Вскоре прибыли в Калугу.

В третий раз за полгода Рокоссовский принимал управление новыми соединениями, и опять делать это приходилось в кратчайшие сроки. Пока командарм знакомился с частями, штаб четко и спокойно, без спешки, налаживал связь, организовывал разведку противника и местности, готовясь к овладению Сухиничами. С 24 часов 27 января в районе Сухиничей стала действовать новая, 16-я армия.

Как и предполагал командарм, принимаемые соединения были усталыми. Ведя непрерывно около полутора месяцев бои, они продвинулись почти на 300 километров. Им требовался отдых и пополнение. Локтевой связи друг с другом соединения не имели, действуя в основном вдоль дорог, на интервалах 20—30 километров и более. Еще до передачи дивизий 10-й армии Рокоссовскому было предпринято наступление, в результате которого частям 324-й дивизии удалось блокировать группировку генерала

фон Гильза в Сухиничах. Когда же Рокоссовский спросил командира этой дивизии генерала Н. И. Кирюхина, какой характер носит эта блокировка, тот ответил не без юмора:

— Окружить-то их мы окружили, но, знаете ли, как волков на охоте — флажками. Боюсь, как бы самим в окружение не угодить...

Обсудив с командирами штаба сложившуюся ситуацию, Рокоссовский принял решение собрать под Сухиничами все, что возможно, в кулак и нанести мощный удар. Поступая так, командующий 16-й армией шел на риск, так как опасно было собирать воедино войска, растянутые в тонкую линию, оголяя тем самым другие участки. Это решение вызвало критику генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, заместителя командующего фронтом, прибывшего в штаб 16-й армии. Кузнецов забраковал план, представленный штабом 16-й армии. Но Рокоссовский не согласился с этим и обратился с протестом к Жукову. Через несколько часов пришел ответ, санкционирующий решение Рокоссовского.

Атака города была намечена на 29 января. Под утро артиллерия начала обстрел вражеских укреплений, затем двинулась пехота. Противник серьезного сопротивления не оказал. Как выяснилось впоследствии, гитлеровцам стало известно, что на этот участок фронта прибыла 16-я армия. Репутация Рокоссовского к тому времени была высокой и у врага. Предполагая, что удар будет нанесен новыми соединениями 16-й армии и опасаясь уничтожения в городе, фон Гильз счел за благо поскорее оставить его.

Когда вечером Рокоссовский доложил в штаб фронта: «Сухиничи взят. Город очищается от автоматчиков», там, очевидно, не поверили в это, потому что сразу же последовал запрос: «Рокоссовскому и Лобачеву. Взят ли Сухиничи? Что значит «очищается от автоматчиков»? Отвечайте, есть ли в городе немцы?» На что Рокоссовский ответил, что штаб его уже разместился в Сухиничах.

Вечером в штабе 16-й армии царило приподнятое настроение. Еще бы: новый участок фронта, новые соединения — и такая удача! За ужином Рокоссовский и товарищи его, а также приехавшие в армию корреспонденты стали вспоминать октябрь и ноябрь 1941 года, бои за освобождение Крюкова. Заспорили о деталях этого сражения.

— Я говорю, это было так! — с азартом воскликнул начальник политотдела армии и с силой вогнал в крышку деревянного стола нож, которым открывал консервы.

Со смехом Рокоссовский мгновенно раскрыл свой нож и вонзил его рядом:

— А я говорю: не так! — И добавил, глянув на соседа: — «Мы индейцы племени Сиук-Су...» Помнишь Майн Рида?

В этот вечер командарм много шутил и смеялся, вместе со всеми пел песни. Один из корреспондентов впоследствии вспомнил, что, когда в песне о Стеньке Разине добрались до строфы:

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми... —

командарм вдруг сказал:

«— Святые слова!

— Почему святые? — спросил корреспондент.

— Потому что на войне все совершает коллектив.

— А командующий?

— Командующий всегда должен это помнить. И подбирать коллектив, подбирать людей. И давать им развернуться.

— А сам?

— Сам может оставаться незаметным. Но видеть все. И быть большим психологом».

Конечно, Рокоссовский из скромности преуменьшал свою роль, как и роль вообще полководца в современной войне. Сам он только что продемонстрировал одно из важнейших качеств полководца — способность к разумному риску. Ведь в концентрации войск у Сухиничей за счет других участков был немалый риск. Но не бояться риска, а уверенно идти на него — одно из проявлений таланта военачальника. Риск в этом случае основывался на военной эрудиции Рокоссовского-полководца, на умении предвидеть ход событий. И до этого и впоследствии Рокоссовский с успехом выходил из многих положений, которые для человека менее одаренного оказались бы роковыми.

В том, что Рокоссовский перенес свой штаб в освобожденные Сухиничи, тоже был риск, правда, другого рода: гитлеровцы остановились на рубеже, расположен-

ном всего в 6 километрах, выбить их оттуда не удалось; они видели город как на ладони и вели артиллерийский обстрел. Тем не менее штаб остался в Сухиничах.

Обстановка требовала продолжения наступательных действий. Этого же требовало от Рокоссовского и командование фронта, а сил у него было до обидного мало. Дивизии насчитывали 3,5, редко — 4 тысячи бойцов, а то и 2 тысячи. Противник же не только не уступал в численности, но, по данным разведки, превосходил войска Рокоссовского. Учитывая характер местности и зимние условия, немцы превратили все деревни и хутора в опорные пункты, обнесенные колючей проволокой с минными полями. В каменных домах устраивались блиндажи с бойницами для кругового обстрела. Танки использовались в качестве бронированных артиллерийско-пулеметных точек.

Все, что мог сделать командарм в этой ситуации, — попытаться наносить удары последовательно то по одному, то по другому вражескому укрепленному пункту, концентрируя для этого скудные силы и средства. Так, постепенно расшатывая оборону гитлеровцев, отодвигая к югу, прижимая немцев к реке Жиздре, вела бои 16-я армия в феврале 1942 года.

Гитлеровцы обстреливали Сухиничи круглосуточно, по нескольку раз в день, и нельзя было предугадать, когда это произойдет. Однажды обстрел застал командарма и Лобачева в бане в тот момент, когда оба вошли в азарт и поддали пару такой крепости, что дух захватывало. От близких разрывов банька вздрагивала и в оконце звенели стекла. Старик, хозяин бани, протиснулся из предбанника:

— Ух ты! Жарко у вас! Только, может, кончать? Видишь, герман рядом кладет, долго ли...

— Ничего, отец, — посмеивался командарм, — смерть будет легкая...

Батареи немцев в основном были расположены в Попкове, в нескольких километрах от Сухиничей. Селение это было одним из ключевых укрепленных пунктов гитлеровцев, и взятие его взломало бы оборону врага. Поэтому после тщательной подготовки в начале марта войска Рокоссовского начали бои за овладение Попковом. Сопротивление врага было сломлено только к вечеру. На улицах селения валялось до 700 трупов захватчиков.

Теперь на очереди были Маклаки — расположенное в километрах в пятнадцати к юго-западу селение. 8 марта Рокоссовский побывал в частях, которые готовились к атаке на Маклаки, и на аэросанях возвратился на КП. Следовало поработать над приказом о действиях войск после того, как Маклаки будут взяты. Вечером же намечалось собрание по случаю Международного женского дня.

Очередной обстрел начался сразу же по приходе командарма в штаб-квартиру. В доме, где она расположилась, Рокоссовский не пробыл и трех минут. У стола, на котором лежали штабные документы, кроме Рокоссовского, повернувшегося спиной к окну, находились Малинин, Казаков, еще несколько командиров штаба. Малинин протянул командарму приказ на подпись, и в этот момент рядом с домом разорвался снаряд. Сильный удар в спину... У Рокоссовского перехватило дыхание:

— Ну, кажется, попало... — И он опустился на пол.

К нему бросились, подняли, положили на диван, сняли окровавленный китель. Стали вызывать врача. Главный хирург армии Воронцов был в отъезде, и первую помощь Рокоссовскому оказал местный врач Петров. Вскоре возвратился и Воронцов. Врачи вместе осмотрели Рокоссовского и вышли к ожидавшим их решения штабным командирам.

— Что с Константином Константиновичем? — кинулись к ним со всех сторон.

— Генерал ранен очень тяжело, — ответил Воронцов, — осколок ударил по позвоночнику, прошел между ребрами, пробил легкое. Его необходимо немедленно оперировать. Сердце хорошее, не подведет. Надо везти в Козельск, здесь невозможно...

В пять утра Рокоссовского вынесли к машине. Он был в полном сознании, и мучили его вовсе не мысли о ранении и собственной судьбе. Хотя дышать было трудно, он попытался на прощание дать необходимые указания. Малинин, Лобачев и Казаков склонились к нему:

— Немедленно отправляйтесь в войска. Надо обеспечить... — тут дыхание у него перехватило, голос ослаб. Отдохнув, он продолжал: — Обеспечить взятие Маклаков. Потом последовательно... методически выбивайте их... выбивайте из населенных пунктов... Не давайте закрепляться, гоните...

Силы оставляли командарма, но сознание того, что спустя несколько часов его войска должны идти в бой, а он ничем, совсем ничем уже не может им помочь, было для него тяжелее ранения.

Из Козельска после сложной операции Рокоссовский по указанию командования фронта на самолете был отправлен в Москву.

В то время как самолет с раненым командармом взял курс на Москву, солдаты его армии по пояс в снегу шли на штурм калужского села Маклаки.

ГОД СТАЛИНГРАДА

год столь же памятен нашему народу, как и год 1941-й. Вновь Красной Армии пришлось познать горечь поражений и отступления, вновь вражеские войска двигались по нашей земле на восток. Но 1942 год был и годом Сталинграда. В сражении под этим волжским городом Красная Армия разгромила и уничтожила крупнейшую стратегическую группировку немецко-фашистских войск, и 1942 год стал рубежом, изменившим весь ход второй мировой войны.

После успешного зимнего наступления весну 1942 года Красная Армия встретила в обороне. Войска рыли окопы, строили блиндажи, минировали подступы к переднему краю, ставили проволочные заграждения. В это время в Ставке, в Генеральном штабе Красной Армии шла напряженная работа, подводились итоги зимней кампании и разрабатывались планы дальнейшего ведения войны.

Благодаря героическим усилиям тружеников советского тыла Красная Армия с каждым месяцем стала получать все больше видов современного оружия и во все возрастающем количестве. К маю 1942 года в действующей Красной Армии насчитывалось 5,5 миллиона человек, свыше 43 тысяч орудий и минометов, 4065 танков (из них 1995 легких) и 3164 боевых самолета.

Располагая такими силами и рассчитывая на твердо обещанное союзниками открытие второго фронта, Советское Верховное Главнокомандование намеревалось, ограничиваясь активной стратегической обороной, провести в то же время частные наступательные операции по всему фронту: под Ленинградом и Демянском, на Смоленском и Льговско-Курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму. Оценивая намерения противника, Ставка считала наиболее вероятным с его стороны удар на Москву, с обходом столицы с юго-запада. Как пока-

зали дальнейшие события, в этом Ставкой был допущен просчет.

К весне готовилось и немецко-фашистское командование. Проблемы, возникшие теперь перед ним, требовали пересмотра всей нацистской военной доктрины. Уже не могла идти речь о «блицкриге» — молниеносной войне, приходилось думать о тяжелой, изнурительной войне на истощение. Противник, которого много раз объявляли уничтоженным, нанес гитлеровскому государству такой удар, что потребовалось напрячь все силы при подготовке летней кампании 1942 года. Все же гитлеровскому военному руководству удалось к маю этого года сконцентрировать на Восточном фронте 6 с лишним миллионов солдат. В их распоряжении имелось 3230 танков, почти 3400 самолетов и около 43 тысяч орудий и минометов.

Гитлер и его окружение продолжали смотреть в будущее оптимистически. В директиве № 41 от 5 апреля 1942 года Гитлер ставил перед своими войсками задачу «снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику». Главный удар предусматривалось нанести «на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет».

В то время как обе воюющие стороны готовились к схватке, командующий 16-й армией был прикован к койке госпиталя, находившегося в здании Тимирязевской академии в Москве.

Ранение было очень тяжелым. Своевременная операция, тщательный уход и, главное, богатырская натура Рокоссовского делали свое дело — медленно, но неуклонно здоровье его улучшалось, рана зарубцовывалась.

В долгие недели пребывания в госпитале Рокоссовский о многом передумал. Ему, никогда не прятавшемуся и не уходившему от опасности, ранение в Сухиничах казалось каким-то странным, случайным, незакономерным. Еще бы: в 1919-м и 1921 годах он был ранен врагом в открытой схватке, лицом к лицу. Здесь же — комнатная обстановка, вместо шашки — в руках перо, а вот, поди же, на сколько месяцев вырван из строя! Постепенно командарм стал чувствовать себя лучше, и у него появилась уверенность, что вынужденный перерыв скоро кончится.

Улучшению самочувствия Рокоссовского способствовало и то, что он за время лечения наконец смог разыскать

свою семью. Юлия Петровна и Ада сначала были эвакуированы в Казахстан, а затем переехали в Новосибирск, к родным. Секретарь Московского комитета партии Г. М. Попов, навестивший Рокоссовского в госпитале, помог его семье перебраться в Москву.

Если тревога за судьбу близких и забота о собственном здоровье теперь уже волновали Рокоссовского меньше, то дела и жизнь 16-й армии не давали покоя командарму. Он оставил армию в момент жестоких боев на рубеже Жиздры. Вот уже и март и апрель прошли, а он все еще в постели, все еще не может ничем помочь товарищам, с которыми его связала настоящая боевая дружба.

Товарищи его не забывали. Одно за другим в Тимирязевский госпиталь приходили письма с фронта. Рокоссовский был в курсе всех событий, происходивших в войсках, и также регулярно писал товарищам. Он пишет Лобачеву: «Дорогой Алексей Андреевич! Во-первых, поздравляю Вас всех с победами и горжусь тем, что 16-я держит первенство продвижения вперед, увлекая за собой и соседнюю армию. Я внимательно слежу по карте за общим продвижением. Держите высоко марку 16-й армии и впредь! Прилагаю все усилия к тому, чтобы скорее вернуться в строй. Надеюсь, что к Первому мая буду с Вами. Скучать здесь не дают, все время посещают меня. Силы прибывают, а это основное. А пока до свидания. Желаю успехов. Крепко жму руку. *К. Рокоссовский*».

Первого мая, однако, Рокоссовскому на фронт вернуться не удалось, врачи ему этого не позволили, и в следующем письме к Лобачеву он писал: «Дорогой Алексей Андреевич! Сердечно благодарю за память обо мне. Это меня подбадривает. Скучаю по 16-й армии, спешу скорее выздороветь и вернуться к нашим славным соратникам. Думаю, через 10—12 дней мне разрешат. Семья моя пока еще в Новосибирске, скоро она переберется в Москву. Поздравляю Вас всех с праздником 1 Мая! Сердечный привет Малинину, Кирюхину, Казакову, всем, всем, всем! Крепко жму твою руку. Уважающий тебя *К. Рокоссовский*».

В госпитале Рокоссовский еще раз имел возможность убедиться, с каким вниманием и любовью относится советский народ к раненым воинам Красной Армии. Не было дня, чтобы не появилась здесь делегация. Это были рабочие и колхозники, комсомольцы и пионеры, артисты и художники, писатели и корреспонденты газет. И если

вниманием и уходом пользовались все раненые, то генерал-лейтенант Рокоссовский, герой обороны Москвы, имя которого было у всех на устах, даже, пожалуй, страдал от обилия посетителей. Их наплыв был так велик, что администрации госпиталя приходилось ограничивать число делегаций.

Вырваться из госпиталя Рокоссовскому удалось лишь в конце мая. Хотя лечение далеко еще не было завершено, командующий 16-й армией решил, что в кругу боевых товарищей он поправится быстрее. К тому же обстановка на советско-германском фронте ухудшилась, и Рокоссовский не желал быть в стороне в такое время.

В начале мая непродолжительное затишье сменилось ожесточенными боями, исход которых был не в пользу Красной Армии. В середине мая серьезные неудачи потерпели войска Крымского фронта, вынужденные оставить Керчь. После месячного штурма пал Севастополь. В конце мая под Харьковом гитлеровцам удалось окружить часть войск Юго-Западного фронта. Одновременно фашистское командование готовило войска к главной летней операции — удару в сторону Сталинграда и Северного Кавказа.

В такой обстановке в конце мая 1942 года радостно встреченный товарищами Рокоссовский вновь принимает командование 16-й армией, принимает как раз в момент подготовки частной наступательной операции. 16-й армии и соседней — 61-й армии М. М. Попова предстояло отвлечь внимание противника от подготовки наступления на правом участке Западного фронта.

И 16-я и 61-я армии нуждались в людях, они не могли создать достаточно сильный кулак для прорыва фронта. Поэтому первоначальный успех советских войск не был развит. К тому же в ходе боя обнаружилось, что танковый корпус, имевшийся в составе армии, расположен слишком далеко и запаздывает со вступлением в бой. На пути танков попалась речушка с заболоченными берегами, и переправа через нее на несколько часов задержала танкистов. Приблизившиеся к месту боя танковые бригады подверглись атакам немецких пикирующих бомбардировщиков. Тем временем гитлеровцы успели подбросить подкрепления, и продвижение советских войск было остановлено. Несколько дней они были вынуждены вести оборонительные бои. Задача, поставленная командованием, выполнена не была.

Не принесла успеха 16-й армии и наступательная операция, проведенная ею в июне 1942 года. Хотя для действий армии на Брянском направлении привлекалось больше сил, чем в предшествующий раз, сражение все же носило местный характер.

Для наблюдения за ходом боев в армию прибыл Жуков, проверивший подготовку войск и одобривший план наступления. Вместе с Рокоссовским командующий фронтом отправился на НП, устроенный на высоте, откуда прекрасно было видно поле боя.

Наблюдая за тем, как советская пехота ворвалась в траншеи неприятеля, генералы вылезли из окопа и стояли открыто, увлеченные происходящим. Внезапно Рокоссовский скорее почувствовал, чем увидел, что с тыла к высоте устремилась девятка штурмовиков. «Накроют!» — мелькнула мысль, и в то же мгновение самым категорическим тоном он скомандовал:

— Немедленно в укрытие!

Едва спрыгнули в окоп, как вокруг раздались оглушительные взрывы, со стенок окопов посыпалась земля, засвистели осколки... Досаднее всего, что это были советские самолеты: штурмовая авиация применяла реактивные снаряды, и воздействие этого эффективного средства по ошибке пришлось испытать Жукову и Рокоссовскому.

К полудню противник сумел остановить войска 16-й армии, и по приказу командования фронта она перешла к обороне. На этом ее наступательные действия закончились. Вскоре после этого Рокоссовский распрощался с 16-й армией, во главе которой он находился почти год.

В начале июля Жуков вызвал его по ВЧ:

— Как считаешь, Малинин справится с должностью командарма?

— Да, конечно, — ответил Рокоссовский, немало удивленный таким вопросом.

— Ставка предполагает назначить тебя командующим Брянским фронтом. Есть возражения?

Предложение было совершенно неожиданным и немного озадачило Рокоссовского. Мелькнула мысль: «Справлюсь ли?» Он спросил:

— Может, не стоит уходить мне из армии?

Но Жуков был категоричен:

— Это решено. Предупреди Малинина и немедленно выезжай в Москву.

В тот же вечер распоряжение Ставки было получено, и Рокоссовский отправился в Москву. Предоставим слово ему:

«В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на Воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавались новому, Воронежскому, фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М. С. Малинина, В. И. Казакова, Г. Н. Орла и П. Я. Максименко.

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе, а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная».

Так Константин Константинович Рокоссовский стал командовать фронтом. Это была большая честь, и в то же время новая должность налагала на него огромную ответственность.

В Москве новый командующий фронтом долго не задержался. Из беседы со Сталиным и информации, полученной в Генеральном штабе, ему стало известно, что положение войск фронта, которым ему предстояло командовать, очень тяжелое.

Сражение на этом участке фронта началось еще 28 июня, когда немецко-фашистские войска нанесли удар по стыку 13-й и 40-й армий Брянского фронта в 100—120 километрах восточнее Курска. Советские войска, действовавшие на этом участке, не смогли организовать стойкой обороны, так же как и нанести контрудар противнику, хотя возможности для этого имелись. Спустя 23 года маршал Василевский сурово и самокритично оценил то, что произошло западнее Воронежа:

«К началу наступления противника на этом направлении, то есть к концу июня, командование Брянского фронта имело в своем резерве четыре танковых и два кавалерийских корпуса, четыре стрелковые дивизии, четыре отдельные танковые бригады; кроме того, в полосе фронта располагалась находившаяся в резерве Ставки, полно-

стью укомплектованная и предназначавшаяся для нанесения контрударов 5-я танковая армия. Всего в полосе Брянского фронта к началу наступления противника имелось около тысячи танков, из них более восьмисот таких мощных танков, как КВ и Т-34.

Я полагаю, что тех сил и средств, которыми располагал Брянский фронт, было вполне достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление противника на Курско-Воронежском направлении, но и разбить действовавшие здесь войска армейской группы «Вейхс». Но, к сожалению, этого не произошло, потому что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки врага, а Ставка и Генеральный штаб, очевидно, плохо помогали ему в этом».

Прорвав оборону Брянского и Юго-Западного фронтов в полосе шириной около 300 километров, противник продвинулся в глубину на 150—170 километров, форсировал Дон и ворвался в Воронеж. В окрестностях и на улицах этого города завязались ожесточенные бои, продолжавшиеся многие недели. 7 июля Брянский фронт был разделен на два. Часть его войск принял Воронежский фронт, а остальными и должен был руководить Рокоссовский.

В командование фронтом он вступил в середине июля. В штабе фронта, размещенном в деревне Нижний Ольшанец, в нескольких километрах к востоку от Ельца, начальник штаба М. И. Казаков ознакомил нового командующего с объединениями, входившими в состав фронта, и их положением.

Брянский фронт включал в себя 3-ю армию П. П. Корзуна, 48-ю Г. А. Халюзина, 13-ю Н. П. Пухова, 38-ю Н. Е. Чибисова (эта армия еще только формировалась), 5-ю танковую армию А. И. Лизюкова (она вскоре была расформирована), 1-й и 16-й танковые корпуса и 8-й кавалерийский корпус.

Первой задачей нового командующего была организация устойчивой обороны на левом фланге фронта, противодействие попыткам гитлеровских войск продвигаться к северу вдоль западного берега Дона. Это ему удалось. Отразив все попытки противника продвинуться на этом направлении, войска фронта перешли к обороне. В районе Воронежа, часть которого захватили гитлеровцы, постепенно боевые действия также затихали. Главные события

грозного 1942 года происходили южнее, в донских и приволжских степях, и Рокоссовскому вскоре предстояло принять в них участие.

Пока же он начал знакомство с войсками фронта. Правофланговые 3-я и 48-я армии крупных боев не вели уже с июня, и здесь положение было спокойным. Левофланговые 13-я и 38-я армии спешно создавали укрепленную полосу, и тут работы еще хватало.

То, что фронтом командует опытный организатор, сразу же почувствовали и солдаты и генералы. На окружающих Рокоссовский, так же как и во время командования 16-й армией, производил неизгладимое впечатление. Вот свидетельство П. И. Батова, в тот период заместителя командующего фронтом по формированиям, впервые встретившего Рокоссовского на Брянском фронте: «К. К. Рокоссовский не любил одиночества, стремился постоянно быть ближе к своему штабу. На Брянском фронте чаще всего мы видели его у операторов или в рабочей комнате начальника штаба М. С. Малинина[1]. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие трудности в работе испытывают, поможет своим опытом и советом, предложит продумать то или другое соображение в перспективе действий войск фронта. В его советах чувствовалось огромное знание военного дела, организаторские способности и большое предвидение. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он умело и творчески распределял работу между своими заместителями, начальниками родов войск, штабом, Военным советом и Политуправлением фронта. Все это создавало удивительно приятную атмосферу, каждому хотелось смелее думать, смелее действовать.

К этому следует добавить личное обаяние Рокоссовского. Вместе с тем это был сильный, волевой человек, требовательный и суровый в сложной обстановке, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполнения приказа. Строгая благородная внешность, подтянутость, выражение лица — задумчивое, серьезное. Немногословен, движения сдержанные, но решительные. Преждевременные морщины говорили о том, что командующему немало пришлось перенести в жизни». Своеобразно контролировал Рокоссовский и исполнение своих указаний работни-

[1] М. С. Малинин стал начальником штаба Брянского фронта 20 июля 1942 года.

ками штаба. «Обычно к исходу суток, — пишет П. И. Батов, — начальники управлений, командующие родами войск, офицеры-операторы возвращались в штаб по окончании работы в войсках. Существовало правило: все собираются вместе, и командующий в широком кругу генералов и офицеров проводит беседы по итогам дня. Здесь творчески осмысливалось сделанное, анализировалась обстановка на фронте, выслушивались предложения, и наконец, сам командующий формулировал свои указания на ближайшие двое-трое суток».

По-прежнему большую часть времени Рокоссовский проводил в частях и вскоре мог дать аттестацию каждому командиру полка, не заглядывая в документы. Он неизменно добирался до окопов. Комфронта присаживался к бойцам, и начинались разговоры о солдатской жизни, о письмах, о том, каково там, в тылу.

— Надо уметь слушать солдата, — говорил Рокоссовский своим подчиненным, — и в этом случае вы почерпнете новые силы, новые мысли для руководства войсками.

В одну из поездок Рокоссовского по фронту произошла встреча, которая долго ему помнилась.

В окопы стрелкового полка он пришел с его командиром. В одном из узких мест траншеи комфронта лицом к лицу столкнулся с пожилым красноармейцем, посторонившимся, чтобы пропустить генерала. Рокоссовский уже миновал его, но что-то во взгляде бойца заставило остановиться комфронта. Он обернулся, вгляделся, и сердце его дрогнуло: он знал этого солдата, знал очень давно. Видимо, и красноармеец узнал его. Легкая улыбка появилась на его губах... Первым заговорил генерал:

— Иван Хопров, это ты?

Улыбка солдата стала шире.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

Рокоссовский шагнул к бойцу, крепко обхватил за плечи, расцеловал.

— Но подожди, ты же тогда пропал без вести, мы считали, что убили тебя? Во время поиска, за Двиной, не так ли?

— Так точно! Но жив я остался, в плен попал, товарищ генерал!

События двадцатипятилетней давности стремительно возвращались к Рокоссовскому, захватили его целиком. Ведь с этим бывшим каргопольским драгуном они вместе

переплывали Двину, тогда, очень давно, в 1916 году! Как это было давно! Сколько событий, трагедий, жертв! Сколько людей, промелькнувших в жизни и безвозвратно исчезнувших! И вдруг эта встреча... Мысли и чувства юности завладели Рокоссовским, и он не захотел сейчас же расстаться с ним. Повернувшись к командиру полка, он сказал:

— Свяжитесь с командиром дивизии, пусть он передаст в штаб фронта, что я задержусь у вас.

В этот вечер Рокоссовский в штаб фронта не возвратился. Всю ночь в солдатской землянке он вместе с бывшим драгуном вспоминал о прошлом...

По долгу службы Рокоссовский часто бывал теперь в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандования у Сталина.

В связи с подготовкой операции по освобождению Воронежа, в которой надлежало участвовать и левофланговой 38-й армии Брянского фронта, Рокоссовский делал доклад в Ставке Верховному Главнокомандующему. По окончании доклада командующий Брянским фронтом уже хотел уходить, но Сталин остановил его:

— Погодите. — И позвонил своему секретарю А. Н. Поскребышеву, попросив пригласить в кабинет генерала, недавно отстраненного от командования фронтом. В присутствии Рокоссовского произошел следующий разговор:

«— Вы жалуетесь, что мы несправедливо вас наказали?

— Да. Дело в том, что мне мешал командовать представитель центра.

— Чем же он вам мешал?

— Он вмешивался в мои распоряжения, устраивая совещания, когда нужно было действовать, а не совещаться, давал противоречивые указания... Вообще подменял командующего.

— Так. Значит, он вам мешал. Но командовали фронтом вы?

— Да, я...

— Это вам партия и правительство доверили фронт... ВЧ у вас было?

— Было.

— Почему же не доложили хотя бы раз, что вам мешают командовать?

— Не осмеливался жаловаться на вашего представителя.

— Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы вас и наказали...»

Подобный предметный урок запомнился Рокоссовскому на всю жизнь.

Воронежская операция, сроки проведения которой многократно откладывались, не принесла успеха. Войска Воронежского и Брянского фронтов вновь перешли к обороне.

К июлю 1942 года в результате потери Крыма, поражения советских войск под Харьковом, в Донбассе и под Воронежем стратегическая инициатива вновь была в руках противника. В 20-х числах июля гитлеровские войска на широком фронте вышли к Дону и 25 июля захватили Ростов. Подтянув свежие силы, немецко-фашистские войска начали стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. Перед фашистскими танковыми дивизиями расстилались пылающие зноем степи Ставрополья, а за ними гитлеровские генералы видели уже заманчивую цель — нефтяные вышки Грозного и Баку, покрытые вечным снегом вершины Кавказа, экзотическое побережье Черного моря и где-то там, дальше, горные перевалы, ведущие на Иран.

Опять, как и год назад, они решили, что Красная Армия потерпела полное поражение, что военная мощь Советского Союза окончательно подорвана и о ее восстановлении и речи быть не может. Ныне, спустя десятилетия, когда в распоряжении историков имеются директивы, разработанные в германском генеральном штабе в июле и августе 1942 года, приходится только удивляться самоуверенности и близорукости стратегов вермахта, мнивших себя гениальными и всемогущими.

Положение Советской страны было действительно тяжелым, и об этом со всей прямотой говорилось в приказе № 227 Народного Комиссара Обороны от 28 июля 1942 года, прочитанном во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах: «Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети... После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики,

Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год.

У нас нет уже теперь преобладания ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...»

Приказ № 227 требовал от всех бойцов и командиров Красной Армии стойкости, отказа от мысли, что наша страна велика и потому можно отступать. «Пора окончить отступление, — говорилось в приказе.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу».

Да, положение было тяжелым. 6-я армия вермахта, поддерживаемая мощными силами авиации, быстро продвигалась к Сталинграду. В середине июля ударная группировка противника вышла в большую излучину Дона. Это было начало великой Сталинградской битвы. Оно не было отмечено ни приказами, ни крупными сражениями. Просто с утра 17 июля 1942 года передовые отряды 62-й армии вновь созданного Сталинградского фронта в спаленной июльским солнцем степи у реки Чира выстрелами полковых пушек и пулеметными очередями встретили авангард армии генерал-полковника Фридриха Паулюса. С этого дня в донских и волжских степях развернулось сражение, невиданное как по размаху, так и по ожесточенности. В сражении, продолжавшемся шесть с половиной месяцев и превзошедшем все известные в истории человечества битвы, по временам с обеих сторон участвовало свыше 2 миллионов человек, 26 тысяч орудий и минометов, более 2 тысяч танков и около 2 тысяч самолетов.

Поначалу сражение складывалось не в пользу советских войск. В течение всей первой половины августа на дальних и ближних подступах к Сталинграду продолжались бои, в которых советские войска, опираясь на заранее подготовленные укрепленные рубежи, героически отстаивали каждую пядь земли, наносили контрудары врагу, изматывали и истребляли вражеские войска, рвавшиеся к Сталинграду. В ходе этих боев немецкое командование все более убеждалось в возрастающем сопротивлении защитников волжской твердыни. Тем не менее оно не сомневалось в успешном достижении своих целей.

19 августа ударные группировки 6-й и 4-й танковой армий гитлеровцев начали одновременное наступление на Сталинград. Форсировав после трехдневных боев Дон в районе хутора Вертячего, немецко-фашистские войска к вечеру 23 августа вышли к Волге северо-западнее Сталинграда, в районе поселков Латошанка и Акатовка.

В этот же день, стремясь усилить удар и вызвать панику среди жителей города, гитлеровская авиация обрушилась на Сталинград. Начав бомбардировку в 16 часов 18 минут по московскому времени, сотни бомбардировщиков эшелон за эшелоном сбрасывали тысячи фугасных и зажигательных бомб. Август 1942 года был сухим, дождя не было несколько недель. Почти полумиллионный город, застроенный густо, имевший много деревянных зданий, сразу же потонул в огне. Уже первые бомбы разрушили водопровод, воды из колодцев не хватало, и тушить пожары было нечем.

Когда во второй половине войны тысячные армады союзных бомбардировщиков станут появляться над Германией, когда взрывы и пожары охватят Берлин и Гамбург, Лейпциг и Дрезден, гитлеровские заправилы станут истошно вопить о варварстве и нарушении законов ведения войны. Но это произойдет позднее, а в августе 1942 года геббельсовские газеты с ликованием печатали снимки горящего Сталинграда.

Отныне и на много месяцев характерной чертой сталинградского пейзажа будет огромный столб дыма и зарево пожарищ над Волгой. В этом пылающем городе, сначала на его окраинах, а затем на улицах и площадях, в зданиях заводов и фабрик с конца августа кипели ожесточенные бои. Вплотную подойдя к городу, немецко-фашистские войска 13 сентября начали его штурм. 13, 14 и 15 сентября были для защитников Сталинграда неве-

роятно трудными днями. Не считаясь ни с чем, шаг за шагом рвался противник через развалины города к Волге. День за днем без перерыва следовали атаки и контратаки, не раз многие участки переходили из рук в руки. К 26 сентября, после 13 дней яростных схваток, гитлеровцы захватили центр города, но им не удалось выполнить основной задачи — овладеть всем берегом Волги в районе Сталинграда. Изолированная противником от остальных войск фронта, окруженная им с трех сторон, прижатая к Волге, подвергавшаяся беспрерывной артиллерийской и авиационной бомбардировке, истекающая кровью 62-я армия В. И. Чуйкова стойко и мужественно отбивала все новые и новые попытки врага рассечь ее на части и уничтожить.

О том, что происходит под Сталинградом, командующий Брянским фронтом в деталях не знал. Было известно, что немецкие войска прорвались к Сталинграду, что в городе идут бои, но планы дальнейших боевых операций под Сталинградом, разрабатываемые советским командованием, Рокоссовскому были неизвестны. На Брянском фронте обстановка продолжала оставаться спокойной, противник активности не проявлял.

Во второй половине августа командующего фронтом вызвал по ВЧ Сталин. Выслушав доклад Рокоссовского, он сказал:

— Под Сталинградом очень тяжело. Подумайте, что бы вы могли сделать для усиления этого направления.

Рокоссовский раздумывал только одно мгновение:

— Товарищ Сталин, наиболее существенная помощь — отправить туда танковые корпуса. Думаю, что можно выделить корпус Катукова.

Верховный Главнокомандующий охотно согласился:

— Хорошо, отправляйте. И подумайте, что еще вы могли бы сделать для Сталинграда.

Спустя неделю разговор повторился. На этот раз Рокоссовский расстался с танковым корпусом П. А. Ротмистрова.

Сентябрь 1942 года шел к концу.

Поздним вечером в рабочей комнате начальника штаба командующий, как всегда, подводил итоги дня. Зазвонил телефон. К аппарату ВЧ вызывали Рокоссовского. Предполагая, что речь опять пойдет о помощи для Сталинграда, Рокоссовский уже приготовился сообщить, что может отослать единственный оставшийся в составе фрон-

та 16-й танковый корпус. Однако Сталин сначала поинтересовался:

— Как дела на вашем фронте?

— Без особых изменений, товарищ Сталин. Противник активности не проявляет. Переброссок войск разведкой не отмечено.

Верховный Главнокомандующий чуть помолчал. Потом последовал несколько необычный вопрос:

— А вам не скучно на Брянском фронте?

— Пожалуй, да, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский, немало удивленный таким оборотом дела.

— Собирайтесь и приезжайте в Москву.

На этом разговор закончилсн. Утром, в совершенном неведении о причинах вызова, Рокоссовский выехал в Москву. По совету предусмотрительного Малинина он захватил с собой материал о состоянии войск фронта.

Но материалы эти ему не пригодились. В Ставке Верховного Главнокомандования речь пошла совсем о другом.

Уже несколько недель там в строжайшей тайне работали над планом контрнаступления под Сталинградом. К этому времени советское командование не сомневалось, что стратегический план врага на лето 1942 года в значительной мере сорван, наступательная сила фашистской армии резко сократилась и не приходилось ожидать, что противник сможет возобновить наступление в ближайшее время. Руководителям Красной Армии было хорошо известно, что основные силы врага на южном крыле фронта втянуты в затяжные и, как правило, безрезультатные бои. Фланги же немецкой группировки прикрывали румынские и итальянские дивизии, не отличавшиеся боевыми качествами. В то же время в советском тылу завершалась подготовка стратегических резервов, в основном танковых и механизированных соединений, вооруженных новейшей техникой.

Когда в конце сентября из поездки на южный участок фронта возвратились Жуков и Василевский, изучавшие условия для организации предстоящего контрнаступления, в Ставке состоялось обсуждение плана этого наступления, были определены основные направления ударов, потребные для них силы и средства, районы и примерные сроки сосредоточения. Во время обсуждения было решено создать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта. Когда же речь зашла о командующем новым,

Донским фронтом, решено было остановиться на кандидатуре Рокоссовского.

В истории нашей страны есть несколько дат, отметивших на столетия этапы многовековой борьбы народа с захватчиками. Хорошо известны и Ледовое побоище 1242 года, и Куликовская битва 1380 года. Военная судьба сделала Константина Константиновича Рокоссовского одним из главных действующих лиц в событиях конца 1942— начала 1943 года, когда захватчики снова, на этот раз под Сталинградом, получили достойный урок, который, надо надеяться, надолго сохранится в памяти тех, кто захотел бы вновь прийти к нам с мечом.

В Ставке Рокоссовский был сперва принят Жуковым, а затем его вызвали к Сталину. Верховный Главнокомандующий казался очень озабоченным.

— Под Сталинградом тяжело, очень тяжело. Немцы местами прорвались к Волге. Режут 62-ю армию на части. Все имеющиеся войска отправляются под Сталинград. Вам следует немедленно вылететь туда и принять командование фронтом.

Сталин прошелся по кабинету, остановился у карты.

— Остальное узнаете на месте от моего заместителя Жукова. Он тоже летит под Сталинград. Счастливого пути!

Из кабинета Рокоссовский уходил со сложным чувством: его посылали на важный и опасный участок, где предстояло принимать сложные и ответственные решения. Но это вдохновляло, а не беспокоило его.

Самолет ЛИ-2, на котором Рокоссовский и Жуков отправились к Сталинграду, все время прижимался к земле. Так было безопаснее: гитлеровские истребители гонялись за отдельными самолетами, а у земли легче избежать этой опасной встречи.

Под крылом самолета мимо Рокоссовского проплывал однообразный пейзаж осенних приволжских степей. Казалось, что внизу, на темно-бурой поверхности не было ни бугорка, ни светлого пятнышка. Но вот самолет лег на левое крыло, внизу заблестела Волга, вдали угадывались контуры Сталинграда. Висевший над ним дым смешивался с утренним туманом, исходившим от реки. Нелегко было примириться с мыслью, что враг сумел прорваться так далеко, к Волге.

На аэродроме прилетевших генералов ждали, и они немедленно отправились на наблюдательный пункт фронта,

находившийся на левом фланге, возле Ерзовки. День был солнечным и ветреным. Машины неслись по укатанной дороге, оставляя за собой огромные шлейфы пыли — дождя давно не было.

По мере приближения к фронту все отчетливее и виднее становилось зарево пожарищ над Сталинградом. Весь берег Волги был в огне. По-прежнему обуреваемое желанием сбросить защитников Сталинграда в Волгу, немецкое командование посылало свои дивизии в атаку. Бойцам армии Чуйкова приходилось очень тяжело, и войска Сталинградского (теперь уже Донского) фронта должны были им помочь.

От дивизий Чуйкова, оборонявшихся в Сталинграде, их отделял коридор шириною около десяти километров, упиравшийся вершиной в Волгу, к северу от города. Вот этот коридор, захваченный гитлеровцами еще в августе, и пытались ликвидировать войска 66-й, 24-й и 1-й гвардейской армий.

По прибытии на НП фронта и Рокоссовскому и Жукову сразу стало ясно, что задача эта вряд ли разрешима с теми силами и средствами, которые имелись в наличии. Генерал Гордов[1], которого они застали на НП, нервничал, ругал по телефону командармов, не стесняясь в выражениях. Рокоссовский, никогда не унижавшийся до ругани, вспомнил, что подобный метод командования солдаты достаточно метко окрестили «матерным управлением». Жуков тоже не одобрил Гордова.

— Бранью ничего не добьешься, — сказал он Гордову, — надо как следует организовать бой.

Однако и вновь прибывшие понимали, что в распоряжении Гордова слишком мало средств, силы противника даже превосходили советские войска.

Вскоре Рокоссовский и Жуков отправились на КП фронта, находившийся на левом фланге, недалеко от берега Волги. К ночи сюда возвратился и Гордов.

— Я приказал войскам перейти к обороне, — начал он докладывать Жукову. — Они понесли потери, но нигде прорвать оборону противника не смогли.

— Чем вы объясняете это? — Голос представителя Ставки был суров.

— У меня недостаточно артиллерии и минометов. Пло-

[1] Генерал-лейтенант В. Н. Гордов был заместителем командующего Сталинградским фронтом.

хо с боеприпасами. Но главное — спешка! Не было возможности организовать взаимодействие, войска вступали в бой без подготовки, по частям.

— Кто же в этом виноват? — настаивал Жуков.

Гордов ответил:

— Я докладывал в Ставку, что времени на подготовку операции дали мало, но мне было приказано наступать немедленно.

В разговор вступил Рокоссовский, дотоле молчавший:

— Я считаю, Георгий Константинович, что наскоками нельзя действовать. Они не дадут результата. До тех пор пока операция не будет тщательно подготовлена и обеспечена всем необходимым, ничего серьезного мы здесь не добьемся.

Это Жуков понимал и сам.

— Пожалуй, вы правы. Но мы не можем оставить без активной помощи Сталинград. Город невозможно будет удержать. Приказываю вам принять командование фронтом. Активных действий не прекращать, иначе противник перебросит силы отсюда на штурм Сталинграда.

— Георгий Константинович, — продолжал Рокоссовский, — выводы генерала Гордова обоснованны, я их поддерживаю. Прошу предоставить мне возможность самому командовать войсками фронта. Ставка дала мне задачу, и я буду выполнять ее, сообразуясь с обстановкой.

— Иначе говоря, — засмеялся Жуков, — вы считаете, что мне здесь незачем оставаться? Я сегодня же улетаю.

В тот же день представитель Ставки отбыл в Москву. Так 1 октября 1942 года генерал-лейтенант Рокоссовский приступил к командованию Донским фронтом. О настроениях и чувствах, с которыми он начинал свою работу под Сталинградом, можно судить по письму, отправленному им вскоре после прибытия на Донской фронт жене и дочери:

«Дорогие мои!

Перелет к новому месту совершил благополучно. Уподобился перелетной птице и потянул на юг.

К работе приступил с первого же дня и со всем остервенением и накопившейся злобою направил усилия на истребление фрицев — этой проказы. Прежняя вера в то, что недалеко то время, когда эта проказа будет уничтожена, не покидает меня, а с каждым днем все усиливается. Наступит время, и фрицы будут биты так же, как

били их при Александре Невском («Ледовое побоище»), под Грюнвальдом и еще много кое-где.

Теперь немного о себе. Здоров и бодр. Несколько дней жил в балке, в землянке, чаще бывал в разъездах. Теперь живу временно в деревянном домике. Вот это подлинная избушка на курьих ножках. Возможно, в недалеком будущем условия улучшатся, но некоторое время еще придется возвращаться в землянку.

Здешняя местность — это копия Даурии. И, когда я вылез из самолета, невольно стал искать глазами даурский городок. Растительности никакой. Голые сопки и степи. Уже несколько дней дует сильный ветер и поднимает столбы пыли. Придется заводить себе очки, а то начали болеть глаза. Зато зубы чистить не надо — прочищаются песочком, который постоянно трещит на зубах.

По вас скучаю очень сильно. Эта тоска еще усиливается сознанием большой удаленности... Душою же чувствую вас рядом с собой. Как живете вы? Пишите обо всем. Буду рад получить от вас весточку. Сознание того, что там, вдали, живут дорогие мне два существа, думающие обо мне, вливает тепло в мою душу, придает мне бодрости и сил.

Ваш *К. Рокоссовский*».

Разумеется, в письме Рокоссовский не мог сообщить, где он находится и что же он, собственно, делает. Свою работу на Донском фронте он начал с объезда армий. Фронт растянулся на 400 с лишним километров, и командующий отправился на правый фланг, в 63-ю армию, занимавшую участок по левому, северному берегу Дона. Эта армия, а также соседняя с ней 21-я, удерживавшая плацдармы на южном берегу Дона, в районе Еланской, Усть-Хоперской, Серафимовича, вскоре были переданы в состав нового Юго-Западного фронта, которым командовал Н. Ф. Ватутин.

После этого правый фланг фронта замыкала 4-я танковая армия, имевшая в своем составе девять стрелковых дивизий и всего четыре танка. Эта армия, которую кто-то с горькой иронией назвал «четырехтанковой», занимала участок на северном берегу Дона и междуречье Дона и Волги протяженностью в 30 километров. Удерживаемый армией плацдарм на западном берегу Дона давал возможность атаковать противника каждый раз, как только он начинал штурм Сталинграда. Вскоре эта армия была пре-

образована в 65-ю общевойсковую, и в командование ею вступил П. И. Батов.

24-я армия генерала И. В. Галанина оборонялась в междуречье на участке в 50 километров, упираясь своим правым флангом в Дон. Так же как и 65-я армия, она постоянно вела наступательные действия. Знакомясь с войсками армии, Рокоссовский имел возможность убедиться, что они устали, понесли весьма серьезные потери и трудно было рассчитывать на успех в наступлении, хотя и бойцы и командиры армии сознавали, что их атаки прямо помогают героическим защитникам Сталинграда.

Последней армией, с которой познакомился комфронта, была левофланговая 66-я армия Р. Я. Малиновского. Упираясь своим левым флангом в Волгу, эта армия нависала над Сталинградом и потому была обязана стремиться ликвидировать вышеупомянутый коридор. Однако противник у нее был очень сильный, подвижный, да и позиции занимал он выгодные — это были укрепления сталинградского обвода, в свое время построенные нашими войсками.

В штабе армии Рокоссовский командарма не застал. Начальник штаба — генерал Ф. К. Корженевич доложил:

— Родион Яковлевич убыл в войска.

— Странно, — удивился Рокоссовский, — он знал, что я выехал в армию, и не дождался...

— Сейчас мы его вызовем на КП, — предложил Корженевич.

Рокоссовский возразил:

— Не надо, я сам его найду. Заодно и с частями познакомлюсь.

Ни на дивизионных, ни на полковых командных пунктах командарма Малиновского не было. Найти его удалось лишь в одной из рот, на самой передовой. Идти туда комфронта пришлось долго, под артиллерийским огнем, пробираясь, согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам. В пути Рокоссовского мучило беспокойство: чем же занимается на передовой командарм? Объяснение этому поведению Малиновского комфронта получил от него самого. Познакомившись с командующим 66-й армией, Рокоссовский спросил:

— Вы не находите, что руководить войсками в такое время удобнее с КП? Ротная позиция не совсем для этого подходит.

Сумрачное лицо Малиновского просветлело:

— Я это понимаю, товарищ командующий фронтом. Только... уж очень трудно приходится, начальство донимает. Вот я и пытался спрятаться от начальства.

— Спрятаться, как видите, не удалось, — засмеялся Рокоссовский. В последующей беседе он заверил командарма, что полностью сознает тяжелое положение армии и непосильность задачи, а Малиновский обещал сделать все, чтобы усилить удары по врагу.

К середине октября вместе с Рокоссовским на Донском фронте работали его старые соратники — Малинин, Казаков, Орел, Максименко. Без всякой паузы они включились в работу. Войска фронта тем временем вели активную оборону. Прочно закрепившись, они все время держали противника в напряжении, атакуя его то в одном, то в другом месте и не давая ему возможности перегруппировывать силы.

В самом Сталинграде между тем бои шли не прекращаясь ни днем, ни ночью, на улицах, в домах, на заводах, на берегу Волги. К середине октября противник после нескольких дней передышки вновь начал решительный штурм, надеясь на этот раз обязательно покончить со Сталинградом. То, что творилось в Сталинграде, превосходило все представления о человеческих возможностях. Гитлер поставил очередной срок взятия Сталинграда — 20 октября, и снова, в который уже раз, этот приказ не был выполнен.

Донской фронт перешел в наступление 19 октября. Задача была все та же: разгромить вражеские войска севернее Сталинграда и соединиться с дивизиями Чуйкова в городе. И в этот раз прорвать оборону противника не удалось, но активные действия войск Рокоссовского вынудили немецко-фашистское командование сохранить свою группировку в междуречье Дона и Волги. Войска гитлеровской 6-й армии были измотаны до предела. С июля по ноябрь в сражениях в районе Дона, Волги и в самом Сталинграде вермахт потерял до 700 тысяч солдат, более тысячи танков, свыше двух тысяч орудий и минометов, около 1400 самолетов. Но худшее ждало врага впереди.

Весь октябрь 1942 года подготовка контрнаступления шла полным ходом. В начале этого месяца в Ставке еще раз был обсужден в общих чертах план контрнаступления. Представленная в Ставку карта-план контрнаступления была подписана Жуковым и Василевским. На углу

ее, наискось, Верховный Главнокомандующий надписал: «Утверждаю».

После этого, обращаясь к Василевскому, Сталин сказал:

— Не раскрывая смысла нашего плана, надо спросить мнение командующих фронтами.

Спустя несколько дней Жуков проинформировал о предстоящем наступлении и командующего Донским фронтом. Жуков не сообщил ни срока начала операции, ни других деталей плана, но с этого момента на Донском фронте началась интенсивная подготовка.

Во второй половине октября работа по составлению плана операции, в которой теперь принимали участие военные советы и штабы соответствующих фронтов, была в основном закончена. 4 ноября Жуков провел в 21-й армии Юго-Западного фронта с участием командующего Донским фронтом совещание, на котором обсуждались вопросы взаимодействия на стыках фронтов.

План Ставки был грандиозным. Предполагалось, нанеся два мощных удара по растянувшимся флангам сталинградской группировки врага, окружить и уничтожить ее. Это должны были сделать войска трех фронтов. Сталинградский фронт (им командовал А. И. Еременко) атаковал противника своим левым флангом из района южнее Сталинграда в направлении на северо-запад. Главную роль на первом этапе контрнаступления играл сосед Рокоссовского справа — Юго-Западный фронт Ватутина. Действуя с плацдармов на южном берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской, его войска должны были соединиться с войсками Сталинградского фронта.

На долю войск Рокоссовского выпадало нанесение двух вспомогательных ударов. 65-я армия генерала Батова, совместно с соседней 21-й армией, наносила удар из района восточнее Клетской на юго-восток, с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. В это же время 24-я армия должна была наступать вдоль левого берега Дона на юг, с целью отсечь войска противника, находившиеся в малой излучине Дона.

Нелегкая задача выпадала 66-й армии: сковывать противостоящие вражеские части, ведя активные действия. Средств усиления этой армии не выделялось.

Разработанный Ставкой план отличался целеустремленностью и смелостью замысла. Масштабы операции были огромны, она должна была развернуться на фронте

протяженностью в 400 километров. Войскам, совершавшим маневр на окружение врага, предстояло пройти с боями расстояние в 120—140 километров.

Первоначально контрнаступление предполагалось начать 9—10 ноября, но срок пришлось перенести на 19—20 ноября, хотя обстановка и заставляла спешить с нанесением удара. Изменение срока было вызвано главным образом трудностями подвоза в районы сосредоточения войск боеприпасов и горючего.

Советский народ прилагал невероятные усилия, чтобы обеспечить в решающие дни свои Вооруженные Силы всем, что было им необходимо. По бесконечным дорогам тянулись в войска трех фронтов колонны танков, артиллерии, машины с боеприпасами, горючим. А дороги были плохие. Наступала осень, шли дожди, тракторы и автомашины двигались по грязи медленно, часто выходили из строя. К примеру, переброска артиллерийского полка резерва Верховного Главнокомандования всего лишь на 150 километров заняла шесть суток.

Многие артиллерийские полки в Красной Армии тогда еще были на конной тяге. Лошади в связи с серьезными трудностями, которые переживало наше сельское хозяйство, иногда по целым неделям не получали овса. С тяжелым сердцем подчас наблюдал Рокоссовский, как на дорогах к фронту по непролазной осенней грязи, выбиваясь из сил, тащили пушки и гаубицы некогда могучие артиллерийские кони, а рядом с ними, впрягшись в лямки по-бурлацки, метр за метром тянули вперед свои орудия русские солдаты-артиллеристы.

И все же к началу наступления фронт имел и вооружение и боеприпасы. Для того чтобы представить, какое количество боеприпасов следовало подвезти в войска, достаточно сказать, что одних снарядов Донской фронт перед началом контрнаступления имел 3 миллиона штук. Всего на трех фронтах было сосредоточено не менее 8 миллионов снарядов и мин. Поучительно вспомнить, что перед началом первой мировой войны вся русская армия располагала немногим более 7 миллионов снарядов всех калибров. А войскам, переходившим в наступление, были нужны не только боеприпасы, не менее необходимо им было продовольствие, горючее!

Но, конечно, основное внимание перед наступлением командующий обращал на подготовку людей. Ведь именно им предстояло, пользуясь мощной техникой, разгромить

прорвавшегося так глубоко в пределы нашей страны врага. Одну за другой объехал Рокоссовский все три армии фронта, повсюду проверял готовность войск.

Разумеется, что правофланговая 65-я армия, которой предстояло наступать с Клетского плацдарма, инспектировалась им особенно тщательно. Прибыв на КП Батова, комфронта сказал ему:

— Я хочу посмотреть состояние ваших войск на плацдарме. Это важнейший участок.

Переправу через Дон пришлось совершить в сумерках, днем немецкая артиллерия не давала возможности сделать это. Плацдарм простреливался ею весь насквозь. С положением дел Рокоссовский ознакомился детально. Два часа он провел на переднем крае, в полку подполковника К. П. Чеботаева. Вместе с командармом он прошел по окопам. Заметив, как светлеют лица солдат при виде их полкового командира, Рокоссовский, наклонившись к Батову, тихо сказал:

— Командира здесь любят!

— Да, ветераны зовут себя чеботаевцами, — ответил Батов.

— Не может быть большей награды командиру, — как бы в раздумье сказал Рокоссовский и обратился к бойцам, находившимся в траншее: — Надоела, товарищи, окопная жизнь?

Отозвались сразу несколько красноармейцев:

— Надоела!

Началась беседа. Бойцов интересовало происходящее в Сталинграде. Рокоссовский отвечал, что солдаты Чуйкова сражаются как герои, но положение их тяжелое. Пожилой старший сержант, до этого молчавший, вступил в разговор:

— Разрешите спросить, товарищ командующий?

— Разрешаю!

— А что, если фрицев там прихлопнуть?

— То есть как?

— Ударить им наперерез с тыла. А чуйковцы навстречу... Как мышь в мышеловке...

Рокоссовский рассмеялся:

— Быть вам, старший сержант, маршалом! — Визг приближавшейся мины прервал разговор. Все смолкли, но на слух тут же определили, что она даст перелет, и Рокоссовский спокойно продолжал беседу: — Нам, товарищи, надо готовиться...

Вторая мина летела прямо на них.

— Ложись! — скомандовал Рокоссовский и присел на дно траншеи. Вслед за этим мина разорвалась неподалеку, комья земли полетели сверху. Отряхиваясь, Рокоссовский ухмыльнулся: — Видите, фрицы тоже так считают.

Большие бои, о которых Рокоссовский говорил бойцам, были не за горами. К началу наступления советскому командованию удалось скрытно от противника сконцентрировать под Сталинградом значительные силы. Не следует, однако, считать, что превосходство советских войск в силах и средствах было подавляющим, как утверждают многие западноевропейские историки войны. В 1965 году, спустя 23 года после описываемых событий, в Москве под редакцией Рокоссовского вышла книга «Великая победа на Волге», в которой помещена следующая таблица:

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ НА СТАЛИНГРАДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ К 19 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Силы и средства	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Люди	1 000 500	1 011 500	1 : 1
Орудия и минометы (без зенитных орудий и 50-миллиметровых минометов)	13 541	10 290	1,3 : 1
Танки	894	675	1,3 : 1
Боевые самолеты	1115	1216	1 : 1,1

Как видно из таблицы, советские войска переходили в наступление, по сути дела, при равенстве сил. Но советское командование искусно сосредоточило основные средства и силы на направлениях главных ударов и достигло большого превосходства в пользу своих войск, что и стало причиной конечного успеха.

К началу операции получил пополнение и Донской фронт. К 19 ноября в его составе имелось 24 стрелковые дивизии, 1 танковый корпус и 6 танковых бригад, 52 артиллерийских и минометных полка. Средняя оперативная плотность на фронте составляла 5,8 километра на дивизию, 28 орудий и минометов и 1 танк на километр фронта. Войска Рокоссовского также далеко не во всем превосходили противника. (См. таблицу на след. стр.)

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ В ПОЛОСЕ ДОНСКОГО ФРОНТА К 19 НОЯБРЯ (ФРОНТ — 150 км)

Силы и средства	Советские войска	Войска противника	Соотношение
Люди	310 617	200 000	1,6 : 1
Орудия и минометы (без зенитных орудий и 50-миллиметровых минометов)	4177	1980	2,1 : 1
Танки	161	280	1 : 1,7
Самолеты	202	350	1 : 1,7

Долгожданный день, к которому готовились советские воины, приближался. Всех волновал вопрос: знают ли гитлеровцы о готовящемся наступлении, не собираются ли они встретить его контрударом? В послевоенное время западные историки, и особенно гитлеровские генералы, потратили немало чернил, бумаги и времени на то, чтобы разобраться, насколько полно были информированы Гитлер и его окружение о готовящемся ударе Красной Армии, и если они знали о нем, то почему не приняли соответствующих мер. Нельзя сказать, что командование противника под Сталинградом не замечало признаков готовящегося наступления. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что оно не имело ясного представления ни о масштабах его, ни о сроках. И с еще большей уверенностью можно считать, что главное командование немецко-фашистских войск оказалось совершенно неспособным оценить истинные размеры грозящей опасности. Оно не могло определить ни времени перехода наших войск в наступление, ни состав ударных группировок, ни направление их ударов.

Объяснение подобной слепоты гитлеровских генералов следует искать в их самоуверенности. Находясь под гипнозом собственных успехов, стратеги ставки вермахта не могли взглянуть на окружающую обстановку глазами непредубежденного человека. Вот верховный главнокомандующий вооруженных сил Германии, то есть Адольф Гитлер, отдает еще 14 октября приказ о переходе к стратегической обороне и подготовке к зиме: «Летняя и осенняя кампания этого года, за исключением отдельных еще продолжающихся операций и намечаемых наступатель-

ных действий местного характера, завершены. Достигнуты крупные результаты... Успехи командования и войск... вселяют уверенность, что и в последующий период настоящей войны немецкий народ может в любых обстоятельствах положиться на свою армию... Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму. В отличие от минувшей, эта зима не может быть суровой и тяжелой...»

В этом приказе Гитлер действительно обнаружил выдающиеся качества метеоролога: зима 1942/43 года была мягче предыдущей. Но вот его стратегическое «предвидение» подвело и вермахт, и его самого — всю зиму фашистским войскам предстояло отступать, оставляя огромные, захваченные ранее территории, и усеивать поля сражений убитыми солдатами и разрушенной техникой.

День 19 ноября в гитлеровском рейхе прошел спокойно. «Фёлькишер беобахтер» в этот день напечатала речь Геббельса, произнесенную накануне в Дуйсбурге: «Цель на востоке ясна и непоколебима: советская военная мощь... должна быть полностью уничтожена». А. Розенберг делился с читателями успехами «продолжающегося строительства на востоке», то есть организацией грабежа на захваченных территориях и уничтожения советских людей. Только короткое сообщение напоминало о «слабых советских ударах под Сталинградом».

Для командующего Донским фронтом день 19 ноября начался рано: в половине шестого утра следовало выехать на вспомогательный пункт управления в 65-й армии, чтобы оттуда наблюдать за действиями войск. Трудно сказать, спал ли в эту ночь Рокоссовский, да и все работники штаба. Каждый из них, и в первую очередь командующий, сознавал важность, историческую значимость того, что должно было произойти. Наступал праздник и на нашей улице, праздник, которого так долго ждали и к которому так тщательно готовились.

Штабные машины отправились в точно намеченный срок. Ехали быстро: Рокоссовский любил скорость. Но не сделали и трети пути, как повалил густой крупный снег и возглавлявший колонну проводник-полковник сбился с дороги: ориентироваться на ровной, заснеженной степной местности, да еще в снегопад, было сложно. На ВПУ добрались лишь минут за 20 до начала артподготовки. Выходя из машины, Рокоссовский усмехнулся и кивнул го-

ловой в сторону подскочившего с докладом о прибытии на место полковника:

— Поплутал наш проводник! Ну ничего, с кем не бывает.

К этому времени снег валил не переставая. Он смешивался с туманом, видимость не превышала 250 метров. В таких условиях действия артиллерии очень затруднены. Предстояло решить, что делать.

— Опять синоптики нас подвели. А ведь обещали хорошую погоду! — сказал Рокоссовский. — Что будем делать? В такую погоду действия авиации, по-видимому, исключены, — добавил он, обращаясь к командующему 16-й воздушной армией С. И. Руденко.

— Я только что по радио говорил со своим штабом, — ответил тот. — Метеорологическая обстановка плохая. В ближайшие часы авиацию использовать не удастся. — Было видно, что Руденко говорит это скрепя сердце.

— Ну что ж, теперь все зависит от артиллерии, как она подготовилась. Начнем точно в срок.

Последние минуты тянулись невероятно долго, казалось, что время остановилось. Но вот ровно в 7.30 туманное утро огласилось громом канонады. Тотчас же загудела земля и справа: соседняя 21-я армия Юго-Западного фронта также начала артподготовку.

Все присутствовавшие на ВПУ были опытными и видавшими виды военными людьми, они знали, что такое артиллерийский огонь и какое воздействие он производит на противника. Но то, что происходило сейчас перед ними, даже они видели впервые. Воздух был переполнен грохотом: во время огневого налета каждую минуту артиллерия производила 5—6 тысяч выстрелов. На слух можно было различить резкие выстрелы пушек, глуховатое уханье гаубиц и частое покрякивание минометов. Бог войны проламывал оборону противника.

80 минут продолжалась артиллерийская подготовка. В 8 часов 50 минут до слуха Рокоссовского и его товарищей долетели раскаты «ура» и лязг гусениц — в атаку пошли пехота и танки. Досада охватила Рокоссовского: туман все еще полностью скрывал поле сражения, и многочисленные оптические приборы на наблюдательном пункте ничем не могли помочь.

Будет ли атака успешной? Удастся ли прорвать оборону? Мало-помалу огонь противника слабеет, шум боя отдаляется в глубину. К этому времени наконец появляет-

ся ветерок, туман рассеивается. Рокоссовский приникает к стереотрубе, и перед ним возникает одновременно и радостная, и тревожащая душу сцена.

В районе Клетской извилистые глубокие овраги упираются в крутой меловой обрыв, стены которого возвышаются метров на 20—25. Вот этот обрыв и штурмовали солдаты полка Чеботаева. В стереотрубу Рокоссовский отчетливо видел, как бегут к обрыву солдаты, как они начинают карабкаться вверх. Не за что уцепиться руками, ноги обрываются, скользят по размокшему мелу. Но уже вся стена обрыва пестрит людьми, они срываются, падают, помогают друг другу карабкаться по круче и упорно, настойчиво лезут вверх. И гитлеровцы не выдерживают, их главная полоса обороны начинает трещать.

Рокоссовский покидает войска 65-й армии. Он должен ехать в 24-ю, ей тоже предстоит наступление, а там и вражеская группировка мощнее, и укрепились немцы солидно. Перед отъездом он говорит Батову:

— Сопротивление немцев сильнее, чем я ожидал. Ударная группировка продвигается медленно. Помните, левый фланг 21-й армии на вашей ответственности!

Хотя наступление войск 65-й армии развивалось не так быстро, как того хотелось бы, все же к исходу дня первая линия обороны противника была прорвана и армия продолжала наступать.

Основные события происходили и в этот, и в последующие дни западнее, у соседних 21-й и 5-й танковых армий Юго-Западного фронта. Все попытки врага остановить мощную группировку советских войск запоздали. Его резервы, немногочисленные, впрочем, разбивались поодиночке наступавшими советскими танками. В гитлеровском тылу вспыхнула паника. Авторитетный очевидец — первый адъютант штаба 6-й армии В. Адам — свидетельствует: «От отдела снабжения армии до моста через Дон у Нижне-Чирской было уже недалеко. Но то, что мы теперь пережили, превзошло все, что было раньше. Страшная картина! Подхлестываемые страхом перед советскими танками, мчались на запад грузовики, легковые и штабные машины, мотоциклы, всадники и гужевой транспорт, они наезжали друг на друга, застревали, опрокидывались, загромождали дорогу. Между ними пробирались, топтались, протискивались, карабкались пешеходы. Тот, кто спотыкался и падал наземь, уже не мог встать на ноги. Его затаптывали, переезжали, давили.

В лихорадочном стремлении спасти собственную жизнь люди оставляли все, что мешало поспешному бегству. Бросали оружие и снаряжение, неподвижно стояли на дороге машины, полностью загруженные боеприпасами, полевые кухни и повозки из обоза... Дикий хаос царил в Верхнечирской...»

Увиденное было в новинку гитлеровскому офицеру, но к этому следовало привыкать. Впредь на дорогах Украины и Белоруссии, Прибалтики и Польши, а затем и на автострадах «третьего рейха» подобные сцены будут происходить повсеместно. 6-ю же армию Паулюса ждал еще более страшный конец.

23 ноября в 16 часов части 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора А. Г. Кравченко и 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта под командованием генерал-майора В. Т. Вольского соединились в районе степного хутора Советского. В пока еще неплотном кольце оказалась крупная группировка врага — 6-я и часть сил 4-й танковой немецких армий, в составе 22 дивизий, общей численностью свыше 300 тысяч солдат и офицеров.

Военная история считала всегда классическим разгром карфагенским полководцем Ганнибалом в 216 году до нашей эры римских легионов у небольшого городка Канны в юго-восточной Италии. Стратеги нацистского вермахта мнили себя и знатоками военной истории, и умелыми исполнителями операций типа каннской. Но теперь им предстояло на своем собственном опыте узнать тяжесть окружения и разгрома. Спустя 2158 лет после Канн слово «Сталинград» станет синонимом искусной операции на окружение и уничтожение противника.

Надо сказать, однако, что наступление войск Донского фронта шло не так успешно, как того хотелось командующему и Ставке Верховного Главнокомандования. Этим и была вызвана следующая телеграмма Сталина:

«Товарищу Рокоссовскому.

Копия: товарищу Василевскому.

По докладу Василевского 3-я мотодивизия и 16-я танковая дивизия немцев целиком или частично сняты с вашего фронта, и теперь они дерутся против фронта 21-й армии. Это обстоятельство создает благоприятную обстановку для того, чтобы все армии вашего фронта перешли к активным действиям. Галанин действует вяло, дайте ему указание, чтобы не позже 24 ноября Вертячий был взят.

Дайте также указание Жадову, чтобы он перешел к активным действиям и приковал к себе силы противника.

Подтолкните как следует Батова, который при нынешней обстановке мог бы действовать более напористо.

Сталин

23.11.42 г.
19 часов 40 минут».

Рокоссовский и сам уже принял необходимые меры. Командарм-65 к этому времени создал танко-механизированную группу. Положение в 65-й армии выправилось, и она начала энергичное продвижение вперед. Объяснение причин задержки войск Рокоссовского мы найдем в уже упомянутой книге под его редакцией «Великая победа на Волге». Со свойственной ему прямотой и самокритичностью здесь сказано: «Отсутствие во втором эшелоне армии подвижного соединения сказывалось на темпах ее наступления. Так, темпы наступления ударной группировки 65-й армии с самого начала оказались низкими. Это обстоятельство, в совокупности с неудачным наступлением 24-й армии на Вертячий, дало противнику время для организации достаточно сильного сопротивления арьергардами и отвода главных сил соединений из малой излучины Дона на восточный берег реки».

То, что противнику удалось организовать сильное сопротивление, Рокоссовский понял тотчас же, как только наши войска без всякой паузы приступили к ликвидации окруженной группировки. Кольцо вокруг армии Паулюса сжимали 66-я, 24-я, 65-я и возвращенная снова в состав Донского фронта 21-я армии. С востока и юга на врага наступали соединения 62, 64 и 57-й армий Сталинградского фронта. Ставка требовала как можно скорее разделаться с окруженной группировкой, желая освободить силы для дальнейших операций. Однако одного желания здесь было мало. Уничтожение войск Паулюса заняло гораздо больше времени, чем это предполагалось при планировании операции.

Около полуночи 22 ноября Гитлер направил Паулюсу радиотелеграмму: «6-я армия временно окружена. Я знаю 6-ю армию и ее командующего и знаю, что в создавшемся положении они будут стойко держаться. 6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы ей помочь и выручить ее. Я своевременно отдам ей свои приказы».

Выполняя приказ фюрера и надеясь на скорую по-

мощь, войска армии Паулюса отчаянно оборонялись. К концу ноября на многих участках гитлеровцы были оттеснены, территория, занимаемая ими, уменьшилась почти вдвое, до полутора тысяч квадратных километров.

Но ни в конце ноября, ни в начале декабря разгромить окруженную группировку противника не удалось. Не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что численность солдат и офицеров врага, находившихся в Сталинградском котле, была неправильно определена советским командованием. Первоначально предполагалось, что в группировке Паулюса не более 85—90 тысяч солдат и офицеров. На самом же деле их было свыше 300 тысяч. Разумеется, что такой крупный просчет не мог не сказаться на ходе боевых действий. Было ясно, что для уничтожения врага потребуется тщательная подготовка новой операции с детальной отработкой всех вопросов.

Много раз Рокоссовский обращался в Ставку, аргументируя необходимость приостановки боевых действий для перегруппировки и усиления войск фронта перед ликвидацией армии Паулюса. 4 декабря Верховный Главнокомандующий обязал командование Донского и Сталинградского фронтов не позднее 18 декабря завершить подготовку новой наступательной операции против окруженного врага. Для усиления войск Донского фронта Ставка выделяла только что укомплектованную и полностью готовую к боям 2-ю гвардейскую армию под командованием Малиновского.

Уже 9 декабря план разгрома группировки Паулюса, выработанный командованием Донского и Сталинградского фронтов при непосредственном участии Василевского, был представлен в Москву.

План предусматривал следующее решение задачи: ударами по центру сталинградской группировки врага расчленить ее, а затем ликвидировать по частям. Войска Рокоссовского должны были наступать с запада на восток, навстречу им с юго-востока на запад движутся войска Сталинградского фронта. 11 декабря этот план был утвержден Ставкой. Прибывший в штаб Донского фронта Малиновский уже начал знакомиться с задачей, которая возлагалась на его армию, но события на фронте резко изменили планы.

К 12 декабря 1942 года гитлеровскому командованию наконец удалось создать ударную группировку для деблокады 6-й армии. Рано утром из района Котельникова в об-

щем направлении на северо-восток начали наступление танковые дивизии фельдмаршала фон Манштейна, и сразу же возникла реальная опасность того, что им удастся прорвать внешний фронт окружения.

Вечером в штабе Донского фронта Василевский, встревоженный ходом событий в районе Котельникова, проинформировал Рокоссовского и находившегося тут же Малиновского о создавшемся положении.

— Как только дадут связь, я намерен просить Верховного Главнокомандующего, — говорил он, — по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии направлять их к югу от Сталинграда. Манштейна надо встретить как следует. Вам, товарищ Малиновский, я предлагаю немедленно начать переброску частей и соединений армии форсированным маршем на реку Мышкову. Противника надо упредить, дать ему решительный отпор.

Это распоряжение вызывало возражение командующего Донским фронтом.

— Я не согласен с таким использованием армии Малиновского, — говорил он, — и буду отстаивать свое мнение перед Верховным.

— Это ваше право!

Разговор со Ставкой состоялся через несколько часов. Василевский доложил Сталину о начавшемся наступлении врага и необходимости срочных мер для ликвидации опасности прорыва внешнего кольца.

— Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску прибывающих частей 2-й гвардейской армии, с тем чтобы, развернув ее на реке Мышкове, остановить Манштейна. Когда же мы его разгромим, можно подумать и о Паулюсе. Он от нас не уйдет. Операцию по разгрому его группировки считаю необходимым отложить.

Предложение Василевского поначалу вызвало возражение Верховного Главнокомандующего.

— Вы и так уж слишком долго возитесь с Паулюсом. Пора с ним кончать. И вообще, вы постоянно просите резервы у Ставки, причем для тех направлений, за которые отвечаете. — Сталин явно сердился. — Рокоссовский рядом с вами? Передайте ему трубку.

Рокоссовский взял трубку.

— Как вы относитесь к предложению Василевского? — услышал он характерный голос Верховного Главнокомандующего.

— Отрицательно, товарищ Сталин.

— Что же вы предлагаете?

— Я думаю, следует сначала разделаться с окруженной группировкой и использовать для этого армию Малиновского.

— А если немцы прорвутся?

— В этом случае можно будет повернуть против них 21-ю армию.

Сталин немного помолчал.

— Да, ваш вариант смел... — возобновил он разговор, — но он рискован. Передайте трубку Василевскому.

Несколько минут Василевский слушал то, что ему говорил Сталин, а затем вновь стал доказывать необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту.

— Еременко сомневается в возможности отразить наступление врага теми силами, котрые есть у него. — Мгновение Василевский молчал, затем промолвил: — Да, товарищ Сталин. — И вновь протянул трубку Рокоссовскому.

— Товарищ Рокоссовский, — услышал он, — ваше предложение действительно очень смело. Но риск чересчур велик. Мы здесь, в Государственном Комитете Обороны, сейчас все рассмотрим, все «за» и «против». Но, видимо, с армией Малиновского вам придется расстаться.

— В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут уничтожить Паулюса. Я прошу вас тогда отложить операцию.

Сталин чуть помолчал.

— Хорошо, — решительно произнес он наконец. — Временно приостановите операцию. Мы вас подкрепим людьми и техникой. Я думаю, надо прислать вам Воронова, он поможет усилить вашу артиллерию.

Вновь несколько часов ожидали генералы звонка из Ставки. Он раздался только в 5 утра 13 декабря. Решение ГКО было следующим: с 15 декабря 2-я гвардейская армия передается в Сталинградский фронт. Официальная директива о временной приостановке осуществления операции «Кольцо» (разгрома окруженной группировки) последовала 14 декабря. Относительно задач войск, действовавших на внутреннем кольце окружения, в ней говорилось:

«Приказать Донцову (псевдоним К. К. Рокоссовского) и Иванову (то есть А. И. Еременко) продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными войсками, не давать противнику пе-

редышки ни днем ни ночью, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из кольца».

Бушевавшая уже пять месяцев Сталинградская битва вступала в свою завершающую фазу. Окруженная группировка врага, не имевшая больше шансов на спасение, с тех пор как контрудар Манштейна провалился, все же не прекращала сопротивления. Исполняя приказ Гитлера о продолжении борьбы любой ценой, Паулюс обрекал тем самым на смерть сотни тысяч своих солдат.

К операции по уничтожению группировки врага штаб Рокоссовского продолжал готовиться и после того, как армия Малиновского была передана в состав Сталинградского фронта. 19 декабря на Донской фронт прибыл генерал-полковник Н. Н. Воронов, которому Ставка дала задание координировать действия двух фронтов. Не откладывая дела, представитель Ставки, Рокоссовский и Малинин приступили к составлению плана. Сразу же стало очевидным, что интересы дела требуют сосредоточения командования в одних руках. Того же мнения придерживалось, как оказалось, и Верховное Главнокомандование. При обсуждении этого вопроса в Государственном Комитете Обороны, как свидетельствует в своих мемуарах Жуков, Сталин предложил:

«— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие члены ГКО поддержали это мнение.

— Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне: — Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Обороны».

30 декабря была дана соответствующая директива: «С 1 января 1943 года 57, 64 и 62-ю армии передать в состав Донского фронта. Сталинградский фронт с 1 января ликвидировать. Средства, отпущенные Сталинградско-

му фронту для проведения операции «Кольцо», 57, 64 и 62-й армиям передать Донскому фронту».

Получив под свое командование целых три новых армии, Рокоссовский, конечно, немедленно отправился знакомиться с ними. 57-я армия Ф. И. Толбухина занимала юго-западный фас кольца окружения. Так же как в 64-й армии М. С. Шумилова, блокировавшей противника с юга, состояние войск здесь было хорошим, боевой дух солдат и командиров — высоким, они верили в скорый и неизбежный конец вражеской группировки. Однако после длительных боев во всех соединениях армий имелся большой некомплект в людях и технике.

Особое впечатление на Рокоссовского произвело посещение 62-й армии, героически сражавшейся за Сталинград. Для того чтобы попасть в штаб этой армии, дважды пришлось переправляться через Волгу: сначала выше города, у Дубовки, на восточный берег, а затем вновь на западный.

С восточного берега через серую пелену дыма, изморози и тумана, поднимавшегося из многочисленных пробоин во льду, открылся Рокоссовскому вид разрушенного Сталинграда. От зрелища большого, красивого в недавнем прошлом города, лежащего теперь в развалинах, больно защемило сердце. За полтора года войны Рокоссовский насмотрелся всяких картин. Сталинград был лишь началом в длинном ряду разрушенных гитлеровцами городов, которые ему предстояло увидеть. Впереди его ждала еще встреча с Варшавой.

Долго бы стояли на берегу Рокоссовский и его спутники, пораженные трагедией города, но комендант переправы торопил прибывших. Запасшись досками и веревками для переправы через разрушенные участки льда, командующий фронтом и командиры его штаба вступили на дорогу жизни 62-й армии — слабый еще лед, устланный соломой и фашинами. Группа командиров была достаточно велика, чтобы обратить на себя внимание немцев, и весь путь через реку сопровождался артиллерийским и минометным огнем. К счастью, все обошлось благополучно.

Необычайность обстановки на правом берегу Волги была еще более поразительна, чем это казалось из-за реки. Высокие прибрежные откосы защищали людей от прямых попаданий вражеских снарядов. В откосах, как гнезда стрижей, располагались блиндажи, землянки и укрытия для людей, боевой техники. От пикирующих бомбар-

дировщиков берег защищали искусно замаскированные зенитные батареи. Но ничто не могло защитить от навесного огня гаубиц и минометов противника. Весь берег, песчаные отмели и прибрежный лед был испещрены воронками, кучами выброшенной земли и льда. Не нужно было обладать опытом Рокоссовского, чтобы понять: люди, способные здесь, на самом берегу Волги, удержать врага — это люди особого склада.

Командарм Чуйков встретил Рокоссовского на берегу, провел его на командный пункт. КП Чуйкова был также устроен в прибрежном откосе. Хотя потолок и стены блиндажа были обиты фанерой, песок, всепроникающий песок, при каждом близком разрыве сыпался сквозь щели, попадал за ворот.

Пока Чуйков, как полагается, делал доклад вышестоящему начальнику о силах армии, о позициях, занимаемых ею в развалинах на волжском берегу, Рокоссовский все время думал, что он не может найти слов, которые в достаточной степени точно соответствовали бы тому, что сделали сталинградцы, что к Чуйкову и его солдатам неприменимы обыкновенные шаблоны, по которым мы привыкли соизмерять стойкость и мужество людей. Здесь требуются другие критерии и другие оценки. И в то же время разве только солдаты Сталинграда заслуживают этого? Разве погибающие от голода, но не сдающиеся врагу ленинградцы, разве они не кровные братья солдатам Чуйкова? Разве матросы Севастополя, сражавшиеся до последнего патрона у черноморских прибрежных камней, а потом шедшие в штыковую атаку на врага в призрачной надежде прорваться в горы Крыма, к партизанам, и там продолжать борьбу, — разве они не сделаны из того же теста? И наконец, разве его солдаты, умиравшие с криком «За Родину!» под Луцком и Ярцевом, под Волоколамском и Крюковом, разве они меньше других достойны почитания потомков? Нет, думал Рокоссовский, народ, способный на проявление такого воистину массового героизма, завоевал право на свой, особый счет в истории.

Сейчас, по прошествии четырех десятилетий с того времени, как отгремели последние выстрелы под Сталинградом, когда, казалось бы, есть возможность достаточно точно оценить то, что свершил наш народ в 1941—1945 годах, приходится удивляться тому, как мало сделано нами, чтобы увековечить в памяти человечества его подвиг.

Да, книг и кинофильмов на военную тему выходит немало, и они пользуются большим вниманием читателей и зрителей. Но как мало можно насчитать книг, достойных героев войны, как мало поставлено кинофильмов, где с экрана смотрел бы на вас настоящий солдат, а не лубочная его карикатура или же слепок с рефлексирующего и запивающего горе кальвадосом солдата Ремарка и Хемингуэя! Где музыка, созвучная подвигу солдат, где легенды, которые передавались бы нашим потомкам, ведь о бойцах Родимцева и Людникова, Горишного и Батюка нет необходимости что-нибудь придумывать, все свершенное ими под Сталинградом — эпос! И наконец, почему так скучны и казенно сухи книги наших историков, чаще всего ограничивающихся сбором и воспроизведением цифр и фактов? Неужели прав был великий поэт, и мы «ленивы и нелюбопытны» по-прежнему?

Рокоссовский пробыл у Чуйкова весь день. Он убедился, что Чуйков и его бойцы превратили развалины Сталинграда в неприступную крепость и думают уходить из них только в западном направлении, громя и преследуя врага.

Во время обсуждения предстоящей операции «Кольцо» и участия в ней войск 62-й армии кто-то из командиров штаба Рокоссовского спросил Чуйкова:

— Удержит ли 62-я армия противника, если он под ударами наступающих армий с запада всеми силами бросится на восток?

Вопрос вызвал смех у командарма.

— Если они не прошли здесь в сентябре и октябре, то сейчас не пройдут и десяти шагов. Армия Паулюса уже не армия, это лагерь вооруженных пленных.

Ко времени посещения Рокоссовским армии Чуйкова план операции был уже отработан. 27 декабря его отправили в Ставку, однако изложенные в плане соображения полностью не были утверждены Ставкой. На следующий день (Ставка не только торопила командующего фронтом с проведением операции, но и сама не мешкала) в адрес Воронова и Рокоссовского поступила директива:

«Главный недостаток представленного Вами плана по «Кольцу» заключается в том, что главный и вспомогательные удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, главной Вашей задачей на первом этапе операции должно

быть отсечение и уничтожение западной группировки окруженных войск противника...

Ставка приказывает на основе изложенного переделать план. Предложенный Вами срок начала операции по первому плану Ставка утверждает...»

В окончательном варианте плана операции «Кольцо» предусматривалось рассечение вражеской группировки ударом с запада на восток и в качестве первого этапа уничтожение ее войск в юго-западном выступе котла. В дальнейшем войска Донского фронта должны были последовательно расчленить окруженную группировку и уничтожить ее по частям. Теперь предстояло осуществить этот план.

Задача была не из легких. Для того чтобы представить наглядно, какого характера трудности возникали перед войсками Рокоссовского, надо знать, каковы были условия, в которых им пришлось завершать Сталинградскую битву, и какими силами располагал противник.

Местность, где развернулось сражение, — это всхолмленная степь с небольшими высотами, имеющими пологие скаты. По степи во всех направлениях идут балки с крутыми, отвесными берегами. В юго-восточной части большой низины, по которой протекает река Россошка, немало ровных площадок, удобных для строительства аэродромов. Наличие густо расположенных населенных пунктов позволило противнику наладить водоснабжение своих войск, что в степной местности имеет немаловажное значение и чего на многих участках были лишены войска Рокоссовского.

В опорные пункты и узлы сопротивления гитлеровцы превратили почти все населенные пункты. Наличие высот, балок и населенных пунктов давало врагу возможность укрыто располагать своих солдат и устраивать различного рода склады. В склонах балок оборудовались землянки для штабов и тактических резервов.

Погода в январе также не благоприятствовала наступавшим. Зима 1942/43 года была мягче, чем предыдущая, но все же среднесуточная температура держалась на уровне —18 градусов, а в отдельные дни во второй половине января понижалась и до —22 и даже —32 градусов. В степи бушевали сильные ветры, сопровождавшиеся метелями. Обильный снег хорошо замаскировал все оборонительные сооружения врага.

Гитлеровцы имели время для организации прочной обороны. Вот что писал об этом сам Рокоссовский: «Резервы располагались так, что образовывали внутри окружения как бы второе кольцо, что способствовало увеличению глубины обороны и создавало возможность маневра для контратак в любом направлении. В декабре немецко-фашистские войска провели большую работу по укреплению своих позиций. В главной полосе обороны и на промежуточных рубежах они создали сеть опорных пунктов и узлов сопротивления. В западной части района противник воспользовался сооружениями бывшего нашего среднего оборонительного обвода, проходившего по левому берегу Россошки и далее на юго-восток по правому берегу Червленой. На этом рубеже противник имел возможность усовершенствовать оборону, создав сплошную линию укреплений.

В восточной части кольца, где также проходил бывший наш внутренний оборонительный обвод, противник тоже оборудовал опорные пункты и узлы сопротивления, причем сеть их распространялась в глубину до десяти километров, вплоть до самого Сталинграда».

Ко всему сказанному следует добавить, что войска Рокоссовского не имели «огромного превосходства» над противником в силах и средствах, как это любят изображать западные историки, пишущие о Сталинградской битве. В трудах советских историков уже давно имеются данные, которые позволяют судить об истинном соотношении сил. Донской фронт на 10 января 1943 года имел: людей — 212 тысяч, противник — 250 тысяч, орудий и минометов соответственно 6860 и 4130, танков — 257 и 300, боевых самолетов — 300 и 100. Располагая превосходством в орудиях (более чем в полтора раза) и самолетах (в три раза), войска Рокоссовского численно уступали врагу в людях (1 : 1,2) и танках (1 : 1,2). Разумеется, боеспособность наших солдат была значительно выше боеспособности фашистских солдат блокированной уже полтора месяца армии Паулюса.

Наступал 1943 год. Что-то он принесет нашей стране? Об этом и шла речь в штабе Рокоссовского в ночь под Новый год. Встреча его произошла экспромтом. По просьбе представителя Ставки от ВВС А. А. Новикова летчики захватили из Москвы елку, ее украсили наскоро, и встреча Нового года состоялась.

Все присутствующие были едины в том, что оконча-

тельная победа неизбежна, но только когда? Удастся ли в 1943 году разбить врага?

Стали обсуждать положение окруженной группировки Паулюса. Общее мнение было таково: враг обречен и сам сознает это, положение его безнадежно. Кто-то заметил:

— Им теперь самое время предъявить ультиматум о сдаче!

Все согласились, что у Паулюса положение тяжелое, и разговор перешел на другую тему. Но мысль об ультиматуме запала в голову Рокоссовского. «Немцы ведут войну варварски, не соблюдая никаких правил, — думал он. — Но мы другое дело... Что, если вспомнить старый рыцарский обычай, ведь во время осад городов и крепостей сплошь и рядом врагу предлагали капитулировать, иногда на очень почетных условиях?»

На следующий день Рокоссовский переговорил об этом с заместителем начальника Генерального штаба А. И. Антоновым, который обещал подумать и сообщить о решении. Одновременно командующий фронтом поделился идеей с Вороновым. Представителя Ставки очень заинтересовала мысль об ультиматуме, и 2 января в Ставку был отправлен специальный документ, в котором испрашивалось разрешение 4 или 5 января вручить командованию окруженных войск ультиматум. После этого стали ждать решения Ставки.

Подготовка операции «Кольцо» тем временем продолжалась. Но с приближением 6 января — срок начала операции — делалось все более очевидным, что к этому времени фронт не будет готов к наступлению. Многие эшелоны с войсками и транспорты с вооружением и боеприпасами запаздывали. В таких условиях начинать операцию было рискованно.

Утром 3 января Рокоссовский, Воронов и Малинин собрались, чтобы определить реальную готовность к наступлению. Стали подсчитывать, проверять цифры. Опоздания эшелонов увеличились, а не уменьшились.

— Что же выходит? — раздумывал Воронов.

— Как ни крути, мы не будем готовы в назначенный срок, — настаивал Рокоссовский.

— Нам нужно еще шесть-семь суток. Придется просить Ставку об отсрочке.

— Нет, это невозможно. Верховный этого не разрешит.

— Ну хотя бы на трое-четверо суток!

— Попробуем, — согласился Воронов и тут же стал звонить в Москву. Разговор, однако, ничего не прояснил. Сталин молча выслушал Воронова, ничего не ответил, сказал «до свидания» и положил трубку.

Воронов и Рокоссовский составили донесение, тотчас же переданное в Москву:

«Приступить к выполнению «Кольца» в утвержденный Вами срок не представляется возможным из-за опоздания с прибытием к местам выгрузки на 4—5 суток частей усиления, эшелонов с пополнением и транспортов с боеприпасами...

Наш правильно рассчитанный план был нарушен также внеочередным пропуском эшелонов и транспортов для левого крыла тов. Ватутина. Тов. Рокоссовский просит срок изменить на плюс четыре. Все расчеты проверены мной лично.

Все это заставляет просить Вас утвердить начало «Кольца» плюс 4.

Прошу Ваших указаний. *Воронов*».

Реакция на это донесение последовала немедленно. Воронова вызвали к телефону. Сталин был сильно раздражен, и Воронову пришлось услышать немало неприятных слов. Больше всего поразила его одна фраза:

«Вы там досидитесь, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут. Вы не соображаете, что можно, а что нельзя! Нам нужно скорее кончать, а вы умышленно затягиваете!

Он потребовал доложить ему, что значит в моем донесении фраза «плюс четыре». Я пояснил:

— Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим разрешения начать операцию «Кольцо» не 6-го, а 10 января.

Последовал ответ:

— Утверждается!

Тут телефонистка спросила меня: «Хорошо ли было слышно?» Поблагодарив ее за хорошую связь, я вместе с тем подумал: «Как было бы хорошо не слышать девять десятых этого разговора...»

Отсрочка с началом наступления радовала Рокоссовского, хотя и до 10 января времени было очень мало, с трудом можно было бы уложиться. Но неумолимость Ставки была понятна командующему Донским фронтом. На левом фланге советско-германского фронта положение

складывалось исключительно благоприятно. На Северном Кавказе немцы отступали, Юго-Западный фронт начал наступление в восточной части Донбасса. Если бы в этот момент войска семи армий Рокоссовского освободились, советское командование могло рассчитывать, бросив их на фронт, не только отрезать кавказскую группировку, но и очистить всю левобережную Украину. Рокоссовский понимал это, как и его генералы и солдаты, и делал все, чтобы убыстрить начало операции.

Тем временем в Ставке мысль о предложении ультиматума поддержали. Она понравилась Сталину, и командованию Донского фронта было предложено составить текст столь необычного для Великой Отечественной войны документа. Под руками не было необходимых материалов, и пришлось вспоминать события далеких времен. Подготовленный проект был направлен в Ставку, та утвердила его с небольшими изменениями. Вот этот суровый документ.

«Командующему
окруженной под Сталинградом 6-й германской армией
генерал-полковнику Паулюсу
или его заместителю

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 года.

Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение Ваших войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов...

Положение Ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а Ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как командующий, и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной об-

становки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

1. Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление...

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки
Верховного Главнокомандования Красной Армии
генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант Рокоссовский».

Ставка предложила за день-два до начала наступления вручить ультиматум командованию 6-й армии. Стали искать парламентеров. Добровольцев оказалось очень много. Решено было послать к врагу работника разведотдела штаба Донского фронта майора А. М. Смыслова и работника политуправления капитана Н. Д. Дятленко.

Ранним утром 8 января парламентеры в сопровождении трубача вышли из окопов с высоко поднятым белым флагом, прошли метров сто... Но вот раздались отдельные винтовочные выстрелы, затем короткие очереди из автоматов. Парламентеры залегли, пытались размахивать флагом, огонь не прекращался. Пришлось вернуться. Все это без промедления доложили в Ставку, которая также с нетерпением ждала результатов. Последовало распоряжение: «Все прекратить», и Рокоссовский немедленно отправился в 65-ю армию, чтобы на месте уточнить детали подготовки к наступлению. 65-й армии предстояло наносить главный удар.

Из армии Батова командующий фронтом отправился в соседнюю 21-ю армию И. М. Чистякова для проверки того, как будет организовано взаимодействие этих армий. Во время беседы в блиндаже зазвонил телефон.

— Вас спрашивает генерал Малинин, — сказал Чистяков, обращаясь к Рокоссовскому.

Тот взял трубку.

— Константин Константинович, — услышал он голос начальника штаба. — Воронов только что говорил со Ставкой. Нам советуют подумать, не следует ли послать

парламентеров на другом участке, на южном фасе окружения.

— Раз Ставка считает это полезным — пожалуйста, но только это все ни к чему, немцы не примут ультиматума.

— Я тоже так думаю, но раз Ставка...

— Поручаю вам все делать.

Попытка 9 января была более успешной. Смыслова и Дятленко встретили на нейтральной полосе немецкие офицеры и предложили отдать пакет. Смыслов категорически отказался, заявив, что у него есть приказ передать пакет только Паулюсу. Тогда немецкие офицеры, завязав глаза парламентерам, отвезли их на командный пункт и по телефону доложили своему начальству о парламентерах и их желании видеть Паулюса. Через некоторое время парламентерам было сообщено, что немецкое командование уже знакомо с содержанием ультиматума (его передавали многократно по радио) и отказывается принять его. После этого парламентеры благополучно вернулись к своим. Командование 6-й армии не пожелало сложить оружие.

Об официальном отклонении ультиматума командование Донского фронта сообщило в Ставку.

Работа командующего фронтом на следующий день началась очень рано. Собственно, она и не прекращалась. Лишь ненемного прилег он вздремнуть, а в четыре часа утра уже был в штабе у Малинина. Здесь собрались его помощники, Воронов. Рокоссовский смотрел на их сосредоточенные, серьезные лица. У них те же заботы, что и у него. Все по нескольку раз проверено, все как будто идет по плану. И однако не покидает мысль: все ли учтено, что, если где-то что-то заест, задержит продвижение? Ну что ж, в этом случае он готов к тому, что следует изменить направления и силы ударов, он готов пересмотреть свои замыслы. На то он и полководец, чтобы не только замыслить операцию, но и уметь довести ее до конца уже на поле боя.

В четыре часа утра Рокоссовский, Воронов и работники штаба отправились на НП Батова. Затемно были на месте. На позициях советских войск — тишина, все в ожидании сигнала. В расположении же противника рвутся бомбы — это авиация дальнего действия бомбит аэродромы, штабы, узлы связи. В окопах — ликование,

за всю войну ветераны не наблюдали еще такой мощной авиационной бомбардировки.

8 часов 05 минут. От рева тысяч орудий задрожала земля, волны воздуха, взметая снег, понеслись над окопами, вспышки орудийных выстрелов превратились в сплошное зарево. Так продолжалось 55 минут. На наблюдательном пункте было видно, как артиллеристы сбрасывают мешавшие им полушубки и шинели — орудийные расчеты работают с крайним напряжением.

Начался последний огневой налет, он кажется еще более мощным. Море разрывов заливает расположение противника, в воздух летят фонтаны земли, бревна от разбитых блиндажей и землянок. Слышен уже лязг гусениц и рокот моторов — это выдвигаются в исходные положения танки.

В небо взлетают сигнальные ракеты, стена разрывов переместилась в глубь обороны противника, из траншей выскакивают пехотинцы... Атака началась. Казалось, ничто живое не могло остаться в окопах противника, но уцелевшие вражеские солдаты упорно сопротивлялись. Пехота 65-й армии преодолевала оборону врага с трудом.

На востоке горизонт из светло-розового становился серо-бурым. С наблюдательного пункта уже хорошо видны перепаханные, искореженные снарядами траншеи противника, к которым приближаются темные точки — советские пехотинцы. Чтобы видеть лучше, Рокоссовский и члены штаба поднялись на земляную ступень траншеи.

Настроение у всех приподнятое, высунувшись по пояс из траншеи, генералы наблюдали за боем, оживленно обмениваясь мнениями. Группа генералов была настолько живописна, что фотокорреспондент, выбравшись из траншеи, лежа, стал ее фотографировать. Внезапно несколько пулеметных очередей обдали кусками мерзлой земли генералов и фотокорреспондентов. Схватив его за полы полушубка, Рокоссовский и член Военного совета фронта К. Ф. Телегин втащили незадачливого корреспондента в траншею. Оказалось, что один из дзотов врага уцелел и начал вести огонь, когда наши солдаты его уже миновали. По команде Казакова 122-миллиметровые гаубицы прямой наводкой тремя выстрелами покончили с дзотом.

Напряженный бой шел весь день. К концу его войска 65-й армии вклинились в оборону противника на глубину 1,5—4,5 километра. Чем дальше вгрызались совет-

ские войска в оборону противника, тем жестче и упорнее было его сопротивление. Только через трое суток кровопролитных боев удалось ликвидировать западный выступ вражеской обороны. В конце дня 12 января войска 65-й и 21-й армий вышли на западный берег Россошки и продолжали наступление.

15 января солдаты Рокоссовского преодолели средний оборонительный обвод. Теперь направление главного удара было перенесено в полосу наступления 21-й армии. Несмотря на безвыходность своего положения, солдаты армии Паулюса упорно цеплялись за каждый дзот, каждую траншею, каждый населенный пункт. Борьба шла в труднейших условиях. На степных просторах гуляла метель. Мороз достигал 22 градусов. Упорно, шаг за шагом, шли вперед советские воины.

После нескольких дней перегруппировки 22 января войска Донского фронта возобновили наступление по всему фронту. Чем ближе к Сталинграду, тем ужаснее становились картины разгрома немецкой армии.

Наконец 26 января 1943 года наступил момент, которого с таким нетерпением ждали защитники Сталинграда: у Мамаева кургана, где столько недель бушевали бои, встретились войска 21-й армии и защитники города — чуйковцы. 6-я армия немецкого вермахта агонизировала.

Еще 24 января Паулюс сообщал в гитлеровскую ставку: «Катастрофа неизбежна. Для спасения еще оставшихся в живых людей прошу немедленно дать разрешение на капитуляцию». На следующий день последовал ответ. «Запрещаю капитуляцию! — радировал Гитлер. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и последнего патрона».

Но исполнить этот приказ у противника уже не было сил. С утра 27 января войска Рокоссовского приступили к уничтожению расчлененных вражеских группировок. Теперь немецкие солдаты начали группами сдаваться в плен. Эту же судьбу избрал и их командующий. Перед рассветом 31 января Паулюсу, находившемуся в подвале здания сталинградского универмага, еще с вечера блокированного советскими солдатами, принесли последнюю телеграмму от Гитлера: «Поздравляю Вас с производством в фельдмаршалы».

— Это, вероятно, должно означать приказ о самоубийстве, — хладнокровно сказал Паулюс, прочитав те-

леграмму. — Однако такого удовольствия я ему не доставлю.

В это же утро генерал-фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс вместе со штабом сдался в плен солдатам генерал-полковника Константина Рокоссовского (звание генерал-полковника было присвоено командующему Донским фронтом 15 января 1943 года).

Вечером 31 января в штабе фронта в Заварыкине у домика, который занимал представитель Ставки маршал артиллерии Воронов[1], было очень оживленно. Все уже знали, что Паулюс сдался в плен. Люди самых различных званий и рангов обнимались и целовались, поздравляя друг друга. Ждали прибытия военнопленных.

Рокоссовского и Воронова осадили журналисты, писатели, операторы кинохроники, фотокорреспонденты — каждому хотелось присутствовать при историческом допросе. Но решено было посторонних не допускать, и исключение сделали только для кинооператора Р. Кармена, с которым Воронов был знаком еще по Испании в 1936—1937 годах.

Глубокой ночью привезли Паулюса. В прихожей Паулюс спросил переводчика, как можно узнать, кто маршал Воронов и кто генерал Рокоссовский, и получил ответ. Дверь отворилась, Паулюс вошел в комнату, ярко освещенную электричеством. Воронов и Рокоссовский сидели за небольшим столиком.

Остановившись на пороге, Паулюс поднятием правой руки приветствовал советских военачальников. Воронов, сидя, жестом показал на стул, поставленный с другой стороны стола:

— Подойдите к столу и сядьте.

Переводчик — Н. Д. Дятленко — перевел. Крупными шагами Паулюс подошел и сел.

Перед Рокоссовским и Вороновым находился опасный и сильный враг, с войсками которого их солдаты многие месяцы вели смертельный бой. Теперь он сидел здесь, в полной их власти. Видно было, что Паулюс нервничает. Он выглядел усталым и больным.

Воронов подвинул к нему лежащую на столе коробку папирос:

— Курите!

Паулюс кивнул головой:

---

[1] Это звание было присвоено ему 18 января 1943 года.

— Данке! — Но курить не стал.

— Мы к вам имеем всего два вопроса, генерал-полковник, — начал Воронов, и переводчик стал переводить.

— Простите, — прервал его Паулюс, — я генерал-фельдмаршал. Радиограмма о производстве в этот чин пришла только что, и я не смог переменить форму... Кроме того, я надеюсь, что вы не будете заставлять меня отвечать на вопросы, которые вели бы к нарушению мною присяги.

— Таких вопросов мы касаться не станем, господин генерал-фельдмаршал, — пообещал Воронов. — Мы предлагаем вам немедленно отдать приказ прекратить сопротивление группе ваших войск, продолжающих драться в северо-западной части Сталинграда. Это дает возможность избежать лишних жертв.

Пока переводчик переводил эти слова, Рокоссовский закурил и еще раз предложил сделать это Паулюсу. Паулюс закурил и, дымя папиросой, стал медленно отвечать.

— Я не могу принять вашего предложения. В данное время я являюсь военнопленным, и мои приказы недействительны, тем более что северная группа имеет своего командующего и продолжает выполнять приказ верховного главнокомандования германской армии.

— В таком случае вы будете нести ответственность перед историей за напрасную гибель своих подчиненных. Войска генерала Рокоссовского располагают силами и средствами, достаточными для их полного уничтожения. Если вы откажетесь отдать приказ, завтра с утра мы начнем штурм и уничтожим их. Взвесьте все!

Но Паулюс вновь отказался, приведя те же мотивы.

— Хорошо, — продолжил Воронов, — перейдем ко второму вопросу. Какой режим питания вам необходимо установить, чтобы не повредить вашему здоровью? То, что вы больны, мы знаем от генерал-лейтенанта Ренольди, вашего армейского врача.

Паулюс явно удивился. Медленно, подбирая слова, он ответил:

— Мне ничего особенного не нужно. Я прошу лишь, чтобы хорошо отнеслись к раненым и больным моей армии, оказывали им медицинскую помощь и кормили. Это единственная моя просьба.

— По мере возможности эта просьба будет выполнена. В Красной Армии в отличие от немецкой к пленным,

особенно к раненым и больным, относятся гуманно. Но я должен сказать фельдмаршалу, что наши врачи уже сейчас столкнулись с большими трудностями. Ваш медицинский персонал бросил на произвол судьбы госпитали, переполненные ранеными и больными! — Голос Воронова стал громче. — Думаю, вы понимаете, как трудно нам в такой обстановке быстро наладить нормальное лечение десятков тысяч ваших солдат и офицеров.

Воронов встал, давая понять, что разговор окончен. Паулюс поднялся вслед за советскими генералами.

— Пусть фельдмаршал знает, что завтра по его вине будет уничтожено много офицеров и солдат — его бывших подчиненных, о которых он так заботится. — В голосе Воронова слышалась насмешка.

Паулюс молча вытянулся, высоко поднял правую руку, круто повернулся и твердым шагом вышел в переднюю.

— Ну что ж, — повернулся Воронов к молчавшему в течение всего допроса Рокоссовскому, — что ты скажешь?

— Нам остается одно, — ответил тот и позвал громче: — Михаил Сергеевич! — Малинин быстро вошел. — Немедленно передай командармам, что поставленные перед ними задачи остаются в силе. Завтра с утра их следует выполнить. Впрочем, — он посмотрел на часы, — это уже будет сегодня.

Утро он встретил на наблюдательном пункте, устроенном в насыпи железнодорожной линии. Отсюда открывался вид на разрушенный, превращенный в руины город. А к западу от полотна все плато, куда ни глянь, было покрыто орудиями, изготовившимися к стрельбе. В наступающем рассветном полумраке особенно своеобразно выглядели шеренги гвардейских минометов. Глядя на них, Рокоссовский сказал Батову:

— Не напоминают ли они вам кавалерийские эскадроны, построенные для атаки развернутым фронтом?

— Да, похоже, — согласился Батов, — как их много!

Впоследствии было подсчитано, что плотность артиллерийско-минометных стволов во время огневого налета в этот последний день Сталинградского сражения доходила до 338 на километр фронта. Реактивных установок насчитывалось 1656. Глядя на силу, которая теперь имелась в его руках, Рокоссовский вспоминал, как в июне 1941 года до последнего орудия сражались с танками этой же

6-й армии его артиллеристы, как под Волоколамском и Крюковом на счету у него было каждое орудие и каждый снаряд. Он всегда был убежден, что придет время — и все станет иначе. И это время пришло! Он только что допрашивал командующего 6-й армией гитлеровского вермахта, армией, побывавшей в Брюсселе и Париже, прорвавшейся сюда, в степи над Волгой, и разгромленной здесь советскими солдатами. Через несколько минут он отдаст приказ — и на остатки некогда мощной вражеской армии обрушится последний и окончательный удар. Рокоссовский, как и все окружающие, понимал, что им суждено сказать последнее слово в одной из величайших сцен мировой истории.

Ровно в 8.30 содрогнулась земля, и смерч невиданной силы обрушился на упорствующего врага. Земля дрожала у Рокоссовского под ногами так, что он перестал наблюдать за огнем артиллерии в бинокль — все плясало перед объективом. Море огня охватило позиции гитлеровцев. Демонстрация мощи советского оружия была потрясающей. Наклонившись к стоявшему рядом Телегину, сквозь грохот разрывов Рокоссовский прокричал:

— Вот это музыка! Вот это симфония! — Его лицо горело нескрываемой радостью.

Огневой налет 15-минутной продолжительности доконал врага. Сразу после его окончания потянулись в тыл вереницы вражеских солдат, сдавшихся в плен. С врагом под Сталинградом было покончено.

На следующий день в донесении Верховному Главнокомандующему представитель Ставки маршал артиллерии Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-полковник Рокоссовский сообщали: «Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. закончили разгром и уничтожение сталинградской группировки врага.

...В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника, боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились».

Заботы совсем другого рода одолевали теперь Рокоссовского: следовало точно подсчитать пленных и трофеи. И тех и других было огромное количество. 91 тысяча вражеских солдат и офицеров брели, построенные в колонны, в советский тыл. На поле боя похоронные команды советских частей выбивались из сил — им пришлось

подобрать и похоронить 147 тысяч убитых. 6-я армия больше не существовала. Битва на Волге закончилась.

Вечером 2 февраля было получено приказание Ставки: Воронову и Рокоссовскому немедленно прибыть в Москву. Воронов просил разрешения остаться до 5 февраля, чтобы присутствовать на митинге победителей в Сталинграде, но Сталин велел срочно вылетать.

Успели лишь съездить в Сталинград, осмотреть место, где разыгралась одна из величайших трагедий мировой истории.

С трудом Рокоссовский пробирался среди развалин. Впервые за полгода непривычная тишина царила над полем боя. Спустились в подвал универмага, где когда-то был штаб Паулюса. Там было пусто. Вышли на площадь. В соседнем здании, в его подвалах, находился немецкий госпиталь. Рокоссовский решил спуститься туда.

Советских командиров встретил майор — главный врач госпиталя. Давно небритый, испуганный визитом победителей, с трясущимися губами, немец робким голосом начал доклад о состоянии и нуждах госпиталя. Видно было, что он мало надеялся на помощь. Положение раненых было плачевным, для этого не требовалось подробного доклада — достаточно было беглого взгляда.

Осмотрев несколько подвальных помещений, битком набитых ранеными, умирающими и умершими, Рокоссовский обратился к сопровождавшему его начальнику медицинской службы армии:

— Переведите их отсюда в более подходящее помещение. Дайте медикаменты и питание...

Когда слова переводчика дошли до сознания немца-врача, губы у него затряслись еще больше, на глазах выступили слезы. Он пытался выразить благодарность «господину генералу».

— Переведите ему, — приказал Рокоссовский, — мы — не вы, с ранеными не воюем! — И, наклоняясь, чтобы не удариться о притолоку, вышел из подвала на свежий воздух.

Пора было ехать на аэродром. Выбравшись из лабиринта развалин, машина Рокоссовского направилась к северу. Вскоре она догнала огромную колонну пленных немцев, около которой не было видно ни одного конвоира. Их не было и во главе колонны. Возглавлял ее унтер-офицер с белым флагом в руках. На груди у него

был приколот лист бумаги, на котором крупными русскими буквами было выведено: «В Сибир».

Рокоссовский велел остановиться.

— Кто вас сюда направил и что значит эта надпись?

— Господин генерал, — ответствовал унтер, — советский офицер собрал нас в колонну и приказал мне вести ее на станцию. Там нас погрузят в вагоны.

— Но почему такая надпись?

— Господин генерал, наши офицеры всегда говорили, что всех пленных вы отправляете в Сибирь, поэтому я и написал, чтобы было ясно, куда нас отправлять.

— У нас и без Сибири земли достаточно, — засмеялся Рокоссовский, — вам пора бы это знать. А листок — снять! — И, обращаясь к сопровождающим его командирам, приказал: — Выделите командира для сопровождения колонны.

Через два часа самолет с Рокоссовским и Вороновым на борту уже был в воздухе. Хотя летели днем, прижиматься к земле, как четыре месяца назад, не требовалось. Фронт отодвинулся далеко, и у немецкой авиации хватало других забот. Чувство полного удовлетворения и спокойствия, чувство, которого он не знал уже много месяцев, овладело Рокоссовским. Полет в Москву сулил что-то неизвестное, новое, но пока об этом можно было и не думать. Под рокот моторов Рокоссовский уснул.

Он проснулся, когда самолет шел на посадку. Приземлились на Центральном аэродроме. Воронов, поднявшись во весь свой богатырский рост, направился к выходу. Уже стоя на ступеньках трапа, он обернулся к Рокоссовскому:

— Смотрите! Туда ли мы попали?!

— А что такое? — Рокоссовский выглянул из самолета.

Вид встречавших был необычным для того, кто прослужил более четверти века в Красной Армии, — на плечах у командиров блестели золотые погоны! И Воронов и Рокоссовский знали, что уже несколько месяцев советское командование рассматривает вопрос об изменении формы и введении погон в войсках Красной Армии. Они читали в газетах от 17 января приказ об этом[1], но одно

[1] Погоны служат для определения воинского звания и принадлежности военнослужащих к тому или иному роду войск и виду вооруженных сил. Они наиболее четко показывают служебное подчинение младших старшим. В русской армии погоны появились в 1732 году. После Октябрьской революции Советское правительство, желая подчеркнуть совершенно новую сущность Красной Армии, отказалось как от военной формы старой русской армии, так и от существовавших в ней званий и знаков различия. На протяжении 1919—1942 годов введенные в Красной Армии знаки различия неоднократно изменялись. В 1940 году для генералов были установлены новые знаки различия. На кителях и шинелях генералы носили ромбовидные петлицы, на которых крепились металлические звездочки: у генерал-майора — две, у генерал-лейтенанта — три, у генерал-полковника — четыре и у генерала армии — пять. В конце 1942 года Советское правительство приняло ряд мер по укреплению авторитета начальствующего состава. 9 октября 1942 года был издан Указ об отмене института военных комиссаров и введении единоначалия в Вооруженных Силах СССР. Верховный Главнокомандующий неоднократно советовался с командующими фронтами и другими военачальниками Красной Армии по вопросу о введении погон. Мнение подавляющего большинства военачальников было в пользу введения новых знаков различия, которые сразу же выделяли командиров, делали их заметными в общей массе.

дело читать и совсем другое — увидеть воочию. Рокоссовский носил уже погоны четверть века назад. Теперь предстояло надеть их снова. Внешний вид погон остался во многом таким же, как и двадцать пять лет назад; то же золотое шитье, просветы, звездочки... Боевые традиции надо сохранять, видимо, даже во внешних проявлениях. Погоны были похожи, но армия стала другой! Навсегда исчезла пропасть, отделявшая «нижнего чина» от «его благородия». Исчезла, ибо в Советской стране народ уже не делился на сословия и на враждебные классы. И Красная Армия, надевшая традиционные русские погоны, осталась армией победившей революции, армией, защищающей трудящихся всего мира.

Встречавшие окружили Воронова и Рокоссовского плотным кольцом. Радостные и возбужденные, они приветствовали победителей, и кто-то даже спросил:

— Паулюс прибыл с вами или в другом самолете?

Пришлось разочаровать жаждавших увидеть пленного фельдмаршала. В тот же день Рокоссовский и Воронов были приняты Сталиным в его рабочем кабинете.

Когда Рокоссовский и Воронов вошли, Сталин против обыкновения не остался за письменным столом, а, не ожидая, пока генералы по-уставному доложат о прибытии, пошел к ним навстречу, протягивая руку:

— Поздравляю вас, поздравляю с успехом! — Видно было, что он очень доволен. Разговор, в котором Верховный Главнокомандующий делился своими соображениями о будущем ходе событий, продолжался долго. Как и почти всегда во время бесед, Сталин ходил по комнате, время от времени останавливался, приближался к собеседникам и смотрел им прямо, очень пристально в глаза. В завершение беседы Сталин сказал Рокоссовскому: — Мы дадим вам новую задачу, многое зависит от того, насколько успешно вы ее решите. В Генеральном штабе вам все объяснят подробно. Желаю успеха!

В этот же день Михаил Иванович Калинин вручил Воронову и Рокоссовскому ордена Суворова I степени[1].

[1] Военные ордена, названные именами великих русских полководцев — Суворова, Кутузова и Александра Невского, — были учреждены Президиумом Верховного Совета СССР 29 июля 1942 года для награждения командного состава Красной Армии за выдающиеся успехи в управлении войсками. Они наглядно демонстрировали взаимосвязь и преемственность лучших традиций русской армии и Советских Вооруженных Сил. Орден Суворова имеет три степени.

Посещение Верховного Главнокомандующего и беседа с ним и в этот раз оставили по себе долгую память. «Не могу умолчать о том, — писал Рокоссовский позднее, — что Сталин в нужные моменты умел обворожить собеседника теплотой и вниманием и заставить надолго запомнить каждую встречу с ним».

Калинин принял Воронова и Рокоссовского тепло и сердечно. Вручив ордена и сфотографировавшись с награжденными, он также долго беседовал с ними о событиях битвы на Волге.

Задача, которую поставили перед Рокоссовским в Генеральном штабе, была действительно очень важной. Штаб и управление Донского фронта переименовывались в Центральный фронт и срочно перебрасывались в район Ельца. Новый фронт, развернувшись между Брянским и Воронежским фронтами, должен был нанести удар во фланг и тыл орловской группировки противника. В состав нового фронта должны были войти 21, 65 и 70-я общевойсковые, 2-я танковая и 16-я воздушная армии.

Для организации удара, однако, у Рокоссовского было слишком мало времени. Согласно директиве Ставки Центральный фронт должен был начать действия 15 февраля, и к этому времени предполагалось перебросить войска, все еще находившиеся под Сталинградом. Заранее можно было ожидать, что эта переброска будет невероятно сложной и потребует от командующего фронтом немалых усилий.

В Москве он пробыл очень недолго. К этому времени семья его уже находилась в столице. Юлия Петровна активно участвовала в деятельности Антифашистского комитета советских женщин, а Ада готовилась стать разведчиком-связистом.

Свидание с близкими было коротким. Рокоссовский вылетает под Сталинград, чтобы убедиться на месте, как идет погрузка войск, техники и тылов, а затем возвращается в Елец, где и должны были сосредоточиться войска фронта.

С самого начала выяснилось, что перевозка войск будет представлять исключительные трудности. Графики движения не выдерживались: «Наш доклад обо всех этих ненормальностях, — писал Рокоссовский, — только ухудшил положение. Принять меры для ускорения переброски войск было поручено НКВД. Сотрудники этого наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестара-

лись и произвели на местах такой нажим на железнодорожную администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать перемешанные соединения. Материальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались еще на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска — на другой. Эшелоны по нескольку дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной подачи вагонов 169 тыловых учреждений и частей так и оставались под Сталинградом. Снова пришлось обратиться в Ставку. Попросил предоставить железнодорожной администрации возможность самостоятельно руководить работой транспорта. Наша просьба была удовлетворена, последовало соответствующее указание. Но нам еще долго вместе с железнодорожниками пришлось разбираться, где и какие части выгружены».

Единственная железная дорога Касторное — Курск, с короткой рокадой Ливны — Мармыжи, работала лишь до станции Щигры и не справлялась с перевозкой большого количества войск, техники, военного имущества. Район сосредоточения оказался неподготовленным для приема такого большого количества войск. Кроме того, в спешке дорожные части и дорожная техника были оставлены на Волге, и это еще более затрудняло продвижение войск к фронту.

Части, выгруженные из вагонов в Ельце и Ливнах, должны были сделать пеший переход в 150—200 километров по единственной автогужевой дороге Елец — Ливны — Золотухино. Весь февраль бушевали метели. Заносы были настолько велики, что на некоторых участках приходилось вместо грунтового пути использовать железнодорожную насыпь. Утопая в огромных сугробах, пехотинцы и артиллеристы упорно шли вперед, солдаты несли на себе станковые пулеметы, противотанковые ружья, иногда и минометы. После таких маршей солдаты нечеловечески уставали, на остановках же в пути они не имели возможности отдохнуть как следует. В районах, только что освобожденных от гитлеровских оккупантов, очень трудно было и с жилищем и с питанием, а службы тыла фронта не успевали снабжать войска своевременно всем необходимым.

Советские граждане — жители курской земли — де-

лали все, что могли, для солдат-освободителей. Они делили с ними и немногие уцелевшие жилища, они снабжали их последними запасами хлеба. С их же помощью в значительной мере была решена и транспортная проблема — тысячи подвод и саней, запряженных крестьянскими лошаденками, от села к селу перевозили военные грузы.

И все-таки войска Центрального фронта не успевали развернуться к сроку. После обстоятельного доклада Рокоссовского Ставка сочла возможным перенести начало наступления на 25 февраля. Это несколько облегчало задачи фронта, но не более. И к 25 февраля Рокоссовский не располагал всеми войсками, входившими в состав фронта: к этому сроку начать наступление могли лишь 2-я танковая армия А. Г. Родина, растерявшая в снегу по пути к фронту большинство танков, часть войск 65-й армии Батова, 2-й кавкорпус В. В. Крюкова и две лыжно-стрелковые бригады.

Тем не менее наступать войска Рокоссовского начали. Обстановка на южном крыле советско-германского фронта к этому моменту была сложной. Продолжая успешно начатое в январе наступление, войска южного соседа Рокоссовского — Воронежского фронта 8 февраля освободили Курск, 9 февраля — Белгород, а 16 февраля после нескольких дней ожесточенных боев — Харьков. В то же время гитлеровское командование готовило контрудары. 19 февраля оно начало встречное наступление против войск Юго-Западного фронта. В такой обстановке появление на сцене новых соединений Центрального фронта и их успешное наступление на Брянск могло иметь важные последствия.

65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, начала наступление на Михайловку, Литиж, левее наступала на Севск 2-я танковая армия, и на крайнем левом фланге в направлении на хутор Михайловский, Новгород-Северский двигались кавалеристы Крюкова.

Начало было успешным. Войска 65-й и 2-й танковой армий сломили сопротивление 2-й танковой армии гитлеровцев и к 6 марта продвинулись на 30—60 километров. Кавалеристы корпуса Крюкова, не встретившие особого сопротивления, вырвались еще дальше, приближаясь к Десне у Новгород-Северского.

Угроза глубокого охвата орловской группировки испугала противника. Вскоре перед войсками Рокоссовского

стали появляться пехотные и танковые дивизии, подошедшие из-под Ржева и Вязьмы. Сопротивление врага все время усиливалось. Положение конно-механизированной группы Крюкова сделалось угрожающим. Рокоссовский еще до этого требовал от Крюкова: приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже реки Сев и держаться до подхода частей 65-й армии. Но было уже поздно. 12 марта немцы нанесли удар по флангам войск Крюкова и Родина, они оказались в мешке и были вынуждены с боями отходить к Севску.

Рокоссовский вызвал Батова и, объяснив обстановку, отдал ему приказ:

— Закрепить захваченную кавалерий и танкистами территорию не удается. Резервы отсутствуют. Войска отступают. Я решил: левое крыло фронта должно закрепиться по реке Сев. Вам предстоит немедленно занять этот рубеж. Войска кавкорпуса и 115-й бригады после выхода передам в ваше подчинение. Приказываю действовать быстро, в противном случае противник форсирует реку.

Благодаря развернутым по реке Сев дивизиям 65-й армии продвижение противника удалось остановить. Для оценки действий корпуса Крюкова и бригады И. И. Санковского Военным советом фронта была создана авторитетная комиссия, пришедшая к выводу, что отход войск был неизбежен, так как они, не имея резервов, занимали оборону на широком фронте при очень низкой плотности боевых порядков. Рассмотрев результаты расследования, Рокоссовский вынес резолюцию: «С выводами согласен. Предавать суду нет оснований».

После доклада Рокоссовского о невозможности продолжать наступление на Брянск — Смоленск Ставка 7 марта изменила задачу Центрального фронта. Теперь войскам 65, 70 и 21-й армий следовало наступать в северном и северо-восточном направлениях, помогая Брянскому фронту в разгроме орловской группировки врага. Рокоссовский предполагал, что и эта операция не сулит успеха. Так и вышло. Вступавшие в бой с ходу, неорганизованно, по частям, соединения 70-й армии не могли продвинуться вперед. Это было тем более обидно, что 70-я армия была сформирована из великолепных солдат-пограничников, хорошо подготовленных для ведения боя в любых условиях.

Желая разобраться в причинах неудач, Рокоссовский отправился в армию. Добраться в штаб армии Рокоссовскому и члену Военного совета фронта Телегину стоило большого труда: сначала они ехали по дороге на машине, затем по просеке на санях, а последние 15 километров шли по снежным сугробам на лыжах. Можно представить, каково было воевать здесь, если такую прогулку пришлось совершить командующему фронтом!

Знакомство с 70-й армией показало Рокоссовскому, что многие ее неудачи объясняются неопытностью старших командиров, впервые руководивших войсками в столь сложной обстановке. Штаб армии требовалось укрепить и в первую очередь заменить командарма. В таком духе Рокоссовский и составил доклад в Ставку. Но что очень показательно для него, так это то, что он не снимал вины в неудачах 70-й армии и с себя. Не слишком часто в мемуарах военачальников мы встречаем фразы, подобные следующей: «Возлагая ответственность за неудачные действия армии на ее командование и штаб, не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив подготовку войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее».

Как говорится, век живи — век учись! Кто бы ни был виновен в неудаче, приказа об отмене наступления Рокоссовский не получал, и оставалось надеяться, что положение изменится со вступлением в бой 21-й армии, соединения которой наконец стали прибывать на Центральный фронт из-под Сталинграда. Но и здесь Рокоссовского ждала неприятность: он только начал размышлять, как лучше употребить войска 21-й армии, чтобы потеснить противника, и в этот момент последовало приказание Ставки немедленно направить в сторону Курска 21-ю армию, чтобы «не позднее 13 марта армия выдвинулась южнее Курска, перехватила магистральное шоссе и начала ускоренное движение в сторону Обояни».

Это приказание объяснялось просто. 4 марта 1943 года ударная группировка гитлеровских войск перешла в контрнаступление против левого крыла Воронежского фронта, и вскоре положение стало там угрожающим. 15 марта наши войска оставили Харьков, а 18 марта — Белгород. Советское командование вынуждено было бро-

сить на это направление все имевшиеся резервы, и 21-я армия предназначалась для этого. С ее уходом попытки Центрального фронта продолжать наступление были бесперспективны. Рокоссовский ясно видел это и постарался доказать во время очередного доклада Сталину.

— Наше положение не улучшается, — говорил он. — Выделенные фронту войска и их тылы все еще прибывают, многие в пути. В связи с тяжелым транспортным положением нам никак не удается наладить снабжение войск материальными средствами. В то же время враг существенно усилил свою группировку против войск фронта, а после того как ушла 21-я армия, соотношение сил и вовсе не в нашу пользу.

Доклад Рокоссовского возымел действие. Ставка приняла решение прекратить наступление на Орел, и с 21 марта войска Центрального фронта перешли к обороне на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Литиж, Коренево, образовав вместе с войсками Брянского фронта северный фас Курского выступа. В конце марта стабилизировалось положение и на Воронежском фронте, и в районе Курска образовалось своеобразное начертание линии фронта в форме огромной дуги, обращенной в сторону противника. Эта знаменитая Курская дуга стала летом 1943 года ареной грандиозного сражения. Пока же на советско-германском фронте наступило затишье, которому суждено было длиться три месяца.

Пауза была использована обеими воюющими державами для выработки новых стратегических решений и подготовки к летней кампании 1943 года. Перспективы, открывавшиеся перед гитлеровским командованием, были весьма мрачными. Все более становилось очевидным даже гитлеровским генералам, что война будет проиграна, если... если каким-то чудом не удастся вдруг переломить ее ход! Не понимая того, что война уже давно проиграна, Гитлер и его генералы решили еще раз испытать судьбу и постараться вырвать стратегическую инициативу у советских войск.

После длительного обсуждения и колебаний 15 апреля 1943 года Гитлер отдал оперативную директиву № 6: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года...

Я приказываю:

1. Целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их...»

Таким образом, войскам Центрального фронта предстояло вместе со своим южным соседом — Воронежским фронтом — отразить главные удары гитлеровцев в 1943 году.

Перед советским командованием также встала необходимость определения места, на котором противник соберется нанести удар, и не менее сложная задача — выбор способа борьбы на лето 1943 года. Нужно сказать, что уже в начале апреля, задолго до того, как гитлеровцы изготовились к переходу в наступление, советские военачальники правильно определили место, на котором предстояло развернуться решающим схваткам 1943 года. 8 апреля Жуков направил Верховному Главнокомандующему доклад, в котором имелась и следующая фраза: «...Исходя из наличия в данный момент группировок против нашего Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению». Далее в докладе Жукова подробно рассматривались мероприятия, необходимые для того, чтобы предотвратить нежелательные для нас последствия ударов гитлеровских войск.

Ознакомившись с докладом, Сталин дал распоряжение запросить мнение фронтов, тут же позвонил Рокоссовскому и Ватутину и попросил их к 12 апреля представить свои соображения о действии фронтов. Уже на следующий день в Генеральный штаб поступил ответ из штаба Центрального фронта. Позволим себе процитировать этот документ, показывающий, насколько конкретно и правильно командование Центрального фронта оценивало сложившуюся обстановку.

«Из Центрального фронта 10.4.43.
Начальнику оперативного управления ГШ КА
Генерал-полковнику тов. Антонову

...4. Цель и наиболее вероятные направления для наступления противника в весенне-летний период 1943 г.:

а) Учитывая наличие сил и средств, а главное, результаты наступательных операций 1941—1942 гг., в весенне-летний период 1943 г. следует ожидать наступления противника лишь на курско-воронежском операционном направлении.

На других направлениях наступление врага вряд ли возможно.

При создавшейся общей стратегической обстановке на этом этапе войны для немцев было бы выгодно прочно обеспечить за собой Крым, Донбасс и Украину, а для этого необходимо выдвинуть линию фронта на рубеж: Штеровка, Старобельск, Ровеньки, Лиски, Воронеж, Ливны, Новосиль. Для решения этой задачи противнику потребуется не менее 60 пехотных дивизий с соответствующим авиационным, танковым и артиллерийским усилением.

Такое количество сил и средств на данном направлении враг сосредоточить может.

Отсюда курско-воронежское операционное направление приобретает первостепенное значение.

б) Исходя из этих оперативных предположений, следует ожидать направления главных усилий противника одновременно по внешним и внутренним радиусам действий:

1) По внутреннему радиусу из района Орел через Ливны на Касторное и из района Белгород через Обоянь на Курск.

2) По внешнему радиусу — из района Орел через Кромы на Курск, из района Белгород через Старый Оскол на Касторное.

в) При отсутствии противодействующих мероприятий с нашей стороны этому намерению противника успешные его действия по этим направлениям могли бы привести к разгрому войск Центрального и Воронежского фронтов, к захвату противником важнейшей железнодорожной магистрали Орел — Курск — Харьков и выводило бы его войска на выгодный для него рубеж, обеспечивающий прочное удержание Крыма, Донбасса и Украины.

г) К перегруппировке и сосредоточению войск на вероятных для наступления направлениях, а также и к созданию необходимых запасов противник может приступить после окончания весенней распутицы и весеннего половодья.

Следовательно, перехода противника в решительное наступление можно ожидать ориентировочно во второй половине мая 1943 г.

5. В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие мероприятия:

а) Объединенными усилиями войск Западного, Брянского, Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орел через Ливны на Касторное...

б) для срыва наступательных действий противника необходимо усилить войска Центрального и Воронежского фронтов авиацией, главным образом истребительной, и противотанковой артиллерией не менее 10 полков на фронт;

в) с этой же целью желательно наличие сильных резервов Ставки в районах: Ливны, Касторное, Лиски, Воронеж, Елец.

Нач. штаба Центрф.
Генерал-лейтенант *Малинин*».

Как видно из этого обстоятельного документа, командование Центрального фронта еще до появления директивы Гитлера от 15 апреля оказалось в состоянии предугадать замысел противника, его группировки и направление главных ударов, а также и то, что перейти в наступление враг не сможет ранее конца мая. 12 апреля в Ставку поступил аналогичный доклад командования Воронежского фронта.

Вечером 12 апреля на заседании в Ставке Верховного Главнокомандования после тщательного анализа обстановки было принято предварительное решение вести преднамеренную оборону. В связи с этим командующим фронтами было дано указание строить прочную, глубоко эшелонированную оборону на всех важнейших направлениях, и в первую очередь на Курской дуге. Советское командование намеревалось, встретив врага мощной обороной, обескровить его войска, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно

с планом преднамеренной обороны командующим фронтами было приказано разработать и план наступательных действий.

Рокоссовский и его штаб приступили к работе. К апрелю в состав фронта входили следующие армии: 48-я армия генерал-лейтенанта П. Л. Романенко, 13-я генерал-лейтенанта Н. П. Пухова, 70-я генерал-лейтенанта И. В. Галанина, 65-я генерал-лейтенанта П. И. Батова и 60-я генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского. В резерве у Рокоссовского находилась 2-я танковая армия генерал-лейтенанта А. Г. Родина, один стрелковый и два танковых корпуса. С воздуха войска фронта прикрывала авиация 16-й воздушной армии генерал-лейтенанта С. И. Руденко.

Со второй половины апреля на фронте развернулась огромная работа по созданию глубокоэшелонированной, непреодолимой противотанковой и противопехотной обороны. Войска Рокоссовского построили шесть основных оборонительных полос, большое количество промежуточных рубежей и отсечных позиций. На направлениях вероятного наступления противника на 1 километр фронта главной полосы обороны было подготовлено до 10 километров траншей и ходов сообщения. Всего за апрель — июнь 1943 года солдаты Рокоссовского при помощи местного населения отрыли около 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения.

Советскому командованию было известно, что фашистские войска намерены атаковать с применением массы танков, основную ударную силу которых должны были составить новые тяжелые танки — «тигры», средние — «пантеры» и самоходные орудия «фердинанд». Учитывая это, командующий Центральным фронтом особое внимание обращал на подготовку противотанковых рубежей, создание всевозможных противотанковых заграждений. Когда в июле немецкие войска перешли в наступление, они встретили на своем пути противотанковую оборону глубиной в 30—35 километров и не смогли преодолеть ее.

Наиболее вероятным участком предстоящего наступления Рокоссовский считал основание Орловского выступа, нависавшее над правым крылом фронта. Здесь он и решил создать плотную группировку своих сил, сюда же предусматривалось разместить и основные фронтовые резервы.

Сознательно идя на определенный риск, Рокоссовский концентрировал на угрожаемом направлении высокие плотности сил и средств. На правом фланге своего фронта, в полосе протяжением 95 километров, он сосредоточил 58 процентов всех стрелковых дивизий фронта, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. Здесь же Рокоссовский держал войска второго эшелона и фронтового резерва. Поступая так, командующий фронтом был уверен, что враг и на этот раз начнет наступление излюбленным способом — ударом главными силами под основание выступа.

Главное беспокойство Рокоссовского вызывала 13-я армия, прикрывавшая наиболее угрожаемое направление вдоль железной дороги Орел — Курск. Для усиления этой армии был выделен артиллерийский корпус прорыва, насчитывавший 700 орудий и минометов. В результате в армии была создана невиданная дотоле ни в одной оборонительной операции плотность артиллерии — около 92 орудий и минометов калибром от 76 миллиметров и выше на 1 километр фронта. Это было в полтора раза больше, чем смог создать для своего наступления противник.

К лету 1943 года дивизии Рокоссовского получили значительное пополнение людьми. На 1 июля средняя численность стрелковой дивизии фронта составляла 7400 человек.

В напряженной подготовке проходили неделя за неделей. В начале мая Ставка Верховного Главнокомандования предупредила командующих фронтами о возможности начала наступления гитлеровцев и потребовала принять ряд новых мер по усилению обороны. Но в начале мая на Курской дуге по-прежнему было тихо.

Миновала середина мая, приближался уже конец весны. Давно прошли распутица и половодье, а немецко-фашистские войска все еще не начинали наступления. Неясность положения беспокоила советское Верховное Главнокомандование, и представители Ставки — Жуков и Василевский, — работавшие почти постоянно на этом участке фронта, старались по возможности точнее определить время перехода врага в наступление.

В середине мая Жуков прибыл на Центральный фронт.

Командующий фронтом и представитель Ставки от-

правились в войска. Вот что доносил в Ставку 22 мая Жуков:

«Я лично был на переднем крае 13-й армии, просматривал с разных точек оборону противника, наблюдал за его действиями, разговаривал с командирами дивизий 70-й армии и 13-й армии, с командующими Галаниным, Пуховым и Романенко и пришел к выводу, что непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет.

Может быть, я ошибаюсь; может быть, противник очень искусно маскирует свои приготовления к наступлению, но, анализируя расположение его танковых частей, недостаточную плотность пехотных соединений, отсутствие группировок тяжелой артиллерии, а также разбросанность резервов, считаю, что противник до конца мая перейти в наступление не может».

Используя предоставленную противником возможность, Рокоссовский продолжал работать над укреплением обороны своих войск и подготовкой их к переходу в наступление.

Возникали перед ним и проблемы другого порядка. Поскольку на Курском выступе со дня на день могло разгореться ожесточенное сражение, советские и партийные организации Курской области, руководствуясь самыми гуманными побуждениями — уберечь от опасности и лишений жителей области, — склонны были организовать массовую эвакуацию населения. Но Рокоссовский решительно возражал против этого. Во-первых, он был убежден, что противнику не удастся осуществить план окружения и разгрома войск фронта, а во-вторых, эвакуация населения существенным образом могла отразиться на боевом духе войск. Ведь вся политическая работа на фронте строилась на том, чтобы и мысли не допустить об отступлении и оставлении врагу только что освобожденной земли. И вдруг эвакуация! Нет, с этим Рокоссовский не мог согласиться!

Он и свой командный пункт расположил в центре Курской дуги. Здесь же находились управление, штаб, тылы фронта. Заместитель командующего фронтом по тылу генерал Антипенко по приказанию Рокоссовского продолжал размещать по возможности ближе к войскам, главным образом в Курске, полевые подвижные госпитали, склады боеприпасов, горючего, продовольствия. Рокоссовский не собирался уступать врагу Курский вы-

ступ, если бы его войска оказались окруженными, они все равно продолжали бы его удерживать. Впрочем, в июне 1943 года, когда командующий возвращался из поездок на передовые позиции и знакомился со штабными сводками, свидетельствовавшими о росте сил и средств, имевшихся в его распоряжении, у него не оставалось ни тени сомнения: врагу не удастся окружить его войска, и сам он будет жестоко бит!

Огромную роль в создании на Центральном фронте непреодолимой для врага обороны сыграла деятельность политических органов фронта. Работники руководимого С. Ф. Галаджевым политуправления фронта в апреле—июне 1943 года неустанно трудились, стремясь развивать у бойцов и командиров стойкость и мужество, укрепить их морально-боевой дух.

Ко второй половине июня признаки приближающегося наступления врага становились все нагляднее. Вражеская авиация стала настойчиво проводить разведывательные полеты. Для участия в операции «Цитадель» гитлеровское командование привлекло до 70 процентов всей своей авиации на Восточном фронте, и во второй половине июня над полями Курской области почти ежедневно разыгрывались воздушные сражения, в которых иногда одновременно участвовали с обеих сторон десятки самолетов.

Немецкие бомбардировщики усилили налеты на железнодорожные узлы в полосе Центрального фронта, в особенности на линии Касторное — Курск.

Только счастливая случайность спасла от смерти и командующего фронтом: немецкие самолеты-разведчики стали появляться над селом, где помещался КП Рокоссовского, довольно регулярно. По всей вероятности, противнику стало известно, что тут размещается какой-то штаб. Дом, в котором жил Рокоссовский, находился у ворот в старинный монастырский парк, около дома росли два больших тополя, что делало его очень приметным. Для укрытия от осколков и пуль около домов были отрыты щели.

В этот вечер Рокоссовский, как и всегда, ждал дежурного, чтобы просмотреть поступившие документы. Обыкновенно после этого он шел в соседний дом, где помещалась столовая Военного совета, и ужинал. На этот раз командующий фронтом велел принести депеши в столовую и отправился туда сам. В 23 часа дежурный принес депеши, Рокоссовский стал их просматривать,

обмениваясь репликами с Казаковым, Малининым, Телегиным и другими работниками штаба. Внезапно послышался рокот мотора, немецкий самолет сбросил осветительные бомбы, а затем раздался свист летящих бомб. Рокоссовский едва успел дать команду «ложись!», все бросились на пол, и тут же последовал близкий разрыв бомбы, за ним другой, третий... В столовой никто не пострадал, все лишь оказались осыпанными осколками стекол и штукатуркой.

Но дом, в котором жил Рокоссовский, был уничтожен прямым попаданием бомбы. Сам Рокоссовский склонен был считать, что его спасла интуиция, заставившая его уйти в этот вечер из дому. В его богатой событиями жизни это был не первый случай. Разумеется, рисковать больше не следовало, и в монастырском парке срочно были оборудованы надежные блиндажи.

К концу июня напряжение, казалось, достигло предела. Когда же немцы начнут? И будут ли они вообще наступать? А что, если они решат выжидать? Поступавшие разведывательные данные говорили о крупных передвижениях танковых, артиллерийских и пехотных соединений в направлении к переднему краю. Со дня на день следовало ожидать начала сражения. И Рокоссовский спешит к войскам, чтобы еще раз убедиться, все ли готово к встрече врага.

Естественно, что больше всего его интересовало положение в 13-й армии, по которой, как предполагал он не без основания, и будет нанесен основной удар врага. В армии Пухова генерал армии Рокоссовский[1] побывал на двух передовых наблюдательных пунктах севернее станции Поныри, где через несколько дней разгорится жестокий бой.

Затем генералы отправились на передовую. Они побывали в окопах, блиндажах и траншеях. Повсюду Рокоссовский интересовался не только организацией обороны, хотя это и было главной целью его поездки, но и всем специфическим окопным бытом солдат и командиров, который он так хорошо знал по собственному опыту. Рокоссовский осматривал ниши для оружия и боеприпасов, устроенные в окопах, баки для воды и умывальники, он зашел в блиндаж, предназначенный для отдыха, по-

[1] Звание генерала армии Рокоссовский получил в конце апреля 1943 года.

бывал в мастерских для ремонта обуви и одежды. Несколько раз он останавливался и начинал беседы с солдатами:

— «Тигров» и «пантер» не испугаетесь? — спрашивал он и старался выяснить, как рядовой состав подготовлен к встрече с грозными боевыми машинами врага. Повсюду он чувствовал уверенность в своих силах. Когда на прощание он задал вопрос одному из солдат: «Как вы думаете, прорвутся ли немцы через ваши позиции?» — то получил уверенный ответ всех окружающих:

— Через наши позиции фрицы не пройдут!

Такая уверенность могла только радовать командующего фронтом. Его войска хорошо подготовились к боям, это было очевидным. Иногда, правда, встречались и исключения.

Проверяя состояние обороны 280-й стрелковой дивизии, Рокоссовский обнаружил, что сделано еще далеко не все необходимое. Командир дивизии на многие вопросы Рокоссовского ответить не мог или отвечал неудовлетворительно и растерянно. Тем не менее командующий фронтом внешне ничем не проявлял своего недовольства. Он только позволил себе заметить:

— Вы знаете, у меня возникает сомнение, способны ли вы командовать дивизией! — Но оставался с виду спокойным.

По возвращении на командный пункт комдив немного осмелел и пригласил Рокоссовского и сопровождавших его командиров пообедать. Тут же ему пришлось раскаяться в приглашении. Насмешливо улыбнувшись, Рокоссовский сказал:

— У командира, в дивизии которого так много беспорядка, я обедать никак не могу. Наведите сначала порядок в частях, а потом уж приглашайте нас на обед. — И, приложив руку к козырьку, повернулся и зашагал к своей машине.

Наступил июль. Ожиданию, казалось, не будет конца. Сводки Совинформбюро неизменно содержали фразу: «На фронте ничего существенного не произошло». Но вот 2 июля Рокоссовский получает предупреждение Ставки: по имеющимся сведениям, 3—6 июля противник должен перейти в наступление. Ставка требовала усилить разведку и наблюдение, держать войска в полной боевой готовности к отражению возможного удара. Это было уже

третье такое предупреждение. На этот раз оно было своевременным.

После долгих приготовлений и многократных переносов начала наступления, вызванных главным образом желанием снабдить свои войска новейшими типами танков, Гитлер наконец отдал приказ о переходе в наступление. На советские войска, защищавшие Курскую дугу, должна была обрушиться мощная группировка: 900 тысяч солдат, до 10 тысяч орудий и минометов, около 2700 танков, более 2 тысяч самолетов. Гитлер и его генералы были уверены, что неудачи не должно быть. «Поражение, которое потерпит Россия в результате этого наступления, должно вырвать на ближайшее время инициативу у советского руководства, если вообще не окажет решающего воздействия на последующий ход событий», — писал Гитлер в приказе по офицерскому составу перед началом сражения.

Кто знает, рискнул бы он начать наступление, если бы имел представление о том, какие силы противостояли фашистским войскам на Курской дуге! Центральный фронт Рокоссовского и Воронежский фронт Ватутина имели в своем составе 1,3 миллиона человек, до 20 тысяч орудий и минометов, около 3600 танков и САУ (более тысячи, правда, были танками легких типов), около 3130 самолетов. И это было еще не все! За спиной войск Рокоссовского и Ватутина изготовился как к обороне, так и к наступлению Степной фронт Конева, насчитывавший около 580 тысяч человек, свыше 9 тысяч орудий, 1640 танков и САУ. Советские войска встречали врага в полной готовности и горели желанием сокрушить его. Вермахт шел навстречу разгрому.

Глубокой ночью с 4 на 5 июля Рокоссовского вызвал к телефону командующий 13-й армией. Голос Пухова звучал взволнованно:

— Товарищ генерал армии, только что наши разведчики имели стычку с немецкими саперами! Они делали проходы в минных полях. Захваченный пленный показал: сегодня в три часа начнется, войска уже заняли исходное положение.

С вечера 4 июля в штабе Центрального фронта находился представитель Ставки Жуков. Ему и сообщил Рокоссовский об известиях из армии Пухова.

— Что будем делать? Докладывать в Ставку нет времени! Промедление может нам дорого стоить!

— Вы командуете фронтом, вам и решать, — ответил Жуков. — Я считаю, что времени терять нельзя.

— Тогда я отдаю приказ на проведение контрподготовки. — И Рокоссовский повернулся к начальнику артиллерии фронта: — Василий Иванович, начинай!

В 2 часа 20 минут 5 июля артиллерия 13-й и 48-й армий открыла ураганный огонь по изготовившимся к наступлению вражеским войскам. По прямой штаб-квартира Рокоссовского находилась не более чем в 20 километрах от врага, и на таком расстоянии отчетливо слышался гром орудий.

Тем временем Жуков связался со Ставкой и доложил о принятом решении. Сталин просил чаще информировать его. Чувствовалось, что Верховный Главнокомандующий находится в напряженном состоянии. В 2 часа 30 минут, спустя десять минут после начала контрподготовки, он позвонил сам:

— Начали?

— Да!

— Как реагировал противник?

— Пытался отвечать отдельными батареями.

— Хорошо, я еще позвоню.

Впоследствии из опросов пленных стало известно, что удар советской артиллерии, нанесенный за несколько минут до того, как гитлеровцы сами собирались открыть огонь, был совершенно неожиданным, от него пострадала артиллерия, почти всюду была нарушена связь, система наблюдения и управления. Оценивая, однако, результат контрподготовки, Жуков писал позднее: «...мы все же ждали от нее бо́льших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах».

30 минут гремела канонада, потом наступила тишина, за которой — все это знали — должен последовать «внезапный» удар противника. Прошел час, наступало уже утро... Только в половине пятого утра сотни вражеских пикирующих бомбардировщиков появились над нашими позициями. Они сбросили свой смертельный груз, и после этого немецкая артиллерия начала обработку переднего края, продолжавшуюся свыше часа.

Когда около шести утра немецко-фашистские танки и

пехота пошли в наступление, в штабе фронта около Рокоссовского собрались члены Военного совета, начальники родов войск, проведшие бессонную и тревожную ночь. Все ждали указаний командующего фронтом, как действовать дальше. Вместо этого Рокоссовский спросил:

— Вы уверены в правильности наших планов? Я думаю, войска полностью готовы к отражению атаки врага.

Когда все окружающие подтвердили это мнение, командующий фронтом сказал соратникам:

— Тогда я советую всем отдохнуть часа два. Если же мы будем бодрствовать, то непременно станем дергать командармов, запрашивая, как у них обстоят дела. А им самим надо во всем разобраться, на это тоже требуется немало времени. Уверен, что, как только появятся новости, они сами доложат. Вы как хотите, а я иду спать.

Никто не знает, спал ли командующий фронтом в эти утренние часы, никто не может сказать, какого нервного напряжения стоило ему спокойствие, столь благотворно отражавшееся на окружающих, но телефон его молчал до тех пор, пока командармы не начали сами докладывать о ходе боевых действий. Рокоссовский знал, что все возможное сделано, и был уверен в своих войсках и командующих армиями, которые, он был в этом убежден, будут действовать так, как этого требует обстановка, так, как действовал бы он сам.

Как и ожидал Рокоссовский, именно на войска 13-й армии Пухова и на правый фланг 70-й армии Галанина на узком участке обрушился главный удар танковых и пехотных дивизий врага.

Армада бронированных машин, способных, казалось, стереть, раздавить любое сопротивление, надвигалась на передний край армии Пухова. Впереди ползли группами по 10—15 штук «тигры» и штурмовые орудия «фердинанды» — стальные чудовища, с которыми немецкое командование связывало надежды на неотразимость своих атак. За ними следовали тоже группами, но уже по 30—50 и более машин, средние танки, а сзади них на бронетранспортерах, автомашинах и в пешем строю — тысячи солдат, сопровождаемых артиллерией. С воздуха танки и пехота противника поддерживались авиацией, артиллерия продолжала обстреливать боевые порядки советских солдат.

Солдаты Рокоссовского достойно встретили противника. Мощным огнем артиллерии всех систем первая атака

врага была отбита. Перегруппировав свои войска, в половине восьмого утра немцы возобновили наступление. Теперь уже определился участок, на котором они были намерены нанести главный удар. Это был район Ольховатки. И удар этот обрушился на солдат 15-й и 81-й дивизий армии Пухова. Четыре раза в этот день отбили они атаки врага, четыре раза противник откатывался и четыре раза после артиллерийской и авиационной обработки вновь рвался вперед. Только в результате пятой атаки удалось ему потеснить советские части. Расчеты немецкого командования на то, что с ходу удастся прорвать оборону и получить свободу маневра в направлении Курска, не сбылись. Единственное, чего достигли фашисты ценою существенных потерь, — продвижения в глубь советской обороны на 6—8 километров. С наступлением темноты боевые действия войск почти прекратились, на разных участках шли лишь отдельные столкновения да разведчики вели непрерывные поиски.

Тем временем в штабе фронта продолжалась напряженная работа. Рокоссовский предполагал, и справедливо предполагал, что враг не израсходовал еще свои резервы, что с утра 6 июля следует ожидать наращивания им ударов. Об этом он доложил Верховному Главнокомандующему. В ответ Сталин сообщил, что из резерва Главного командования фронту передается 27-я армия генерал-лейтенанта С. Т. Трофименко.

Весть обрадовала Рокоссовского, он немедленно отправил штабных командиров для встречи армии. Но утром раздался телефонный звонок из Ставки, пришло новое распоряжение — 27-ю армию немедленно направить в распоряжение Ватутина в связи с угрожающей обстановкой в районе Обояни. Ставка предупредила, что надо рассчитывать только на свои силы, что положение левого соседа тяжелое и противник оттуда может нанести удар в тыл войск Рокоссовского.

Приходилось действовать своими собственными силами. Для того чтобы восстановить положение, Рокоссовский принял вечером 5 июля решение: с утра нанести контрудар по вклинившемуся противнику 2-й танковой армией А. Г. Родина и 19-м танковым корпусом И. Д. Васильева.

Однако за короткую июльскую ночь танковые соединения не успели сосредоточиться на исходных позициях. Рассвет застал танки в движении, и они подверглись

ожесточенным атакам немецких бомбардировщиков. Командиры дивизий не успели провести тщательную рекогносцировку местности, не были своевременно проделаны проходы в минных полях. К тому же во встречном бою с «тиграми» наши танки понесли значительные потери. Все это привело к тому, что стремительного и одновременного удара не получилось. Контрудар не дал желаемых результатов.

С утра 6 июля перешли в наступление и дивизии 17-го гвардейского стрелкового корпуса. Им удалось продвинуться на 2—3 километра в глубь расположения врага, и здесь они пришли на выручку подразделениям 15-й и 81-й дивизий, которые уже вторые сутки сражались в окружении. Советские солдаты, будучи обойдены врагом, заняли круговую оборону и отражали атаки врага. Два батальона, семь рот, одиннадцать взводов и много отдельных небольших групп сумели замедлить продвижение немецких войск.

Тем временем гитлеровцы ввели свежие силы и продолжили наступление. Им удалось оттеснить войска 17-го корпуса на исходные позиции, но ворваться во вторую полосу обороны они не смогли. На этом направлении за два дня боя противник продвинулся на 8—10 километров и оказался перед второй оборонительной полосой, не менее крепкой, чем первая.

Почувствовав, что прорыв обороны на Ольховатском направлении ему не удастся, с утра 7 июля противник перенес свои усилия правее, в район железнодорожной станции Поныри. Но и здесь войска Рокоссовского создали мощный оборонительный узел, а командование фронта, предугадав намерения противника, перебросило сюда свои резервы.

Рокоссовский маневрировал имевшимися силами смело и решительно. Поскольку ресурсы были не слишком велики, он без колебаний снимал войска с менее угрожаемых участков и переводил их в район Ольховатки и Понырей. По приказу Рокоссовского командующий 60-й армией Черняховский отдал дивизию, составлявшую его резерв. За сутки эту дивизию перебросили на автомашинах к месту назначения. Пришлось расстаться с несколькими соединениями и Батову, армия которого, так же как и армия Черняховского, занимала вершину Курского выступа.

Батов получил приказ Рокоссовского: «181-ю стрелко-

вую дивизию генерала А. А. Сараева, два армейских танковых полка, состоящих в резерве и во втором эшелоне армии, под покровом ночи сосредоточить на стыке 13-й и 70-й армий, где они поступят в мое распоряжение». Батов попытался отстоять свои резервы. В докладе Малинину он говорил:

— За последние двое суток в полосе обороны армии противник ведет усиленную боевую разведку крупными силами. Немцы вчера нанесли короткий удар с участка Дмитровск — Овяловский — Севск. Возможно, они концентрируют силы для удара на этом направлении. Стоит ли нам силы и средства передавать 13-й армии?

— Что значит, стоит ли? — вспылил начальник штаба фронта, что с ним иногда случалось. — Как можно так относиться к приказам штаба фронта?

Видя, что атмосфера накаляется, Рокоссовский взял у Малинина трубку:

— Павел Иванович! Ведь главные силы врага, как и прежде, направлены против основания Курского выступа. Ваше беспокойство мне кажется излишним. А насчет передачи части сил, так судите сами: если передадите их — за свои тылы можете не беспокоиться, если же нет — не исключено, что придется ждать удара Моделя танками с тыла. Какая перспектива для вас лучше? Ах, первая! Ну и великолепно, значит, договорились?

Положив трубку, Рокоссовский улыбнулся Малинину:

— Видите, как быстро мы договорились? Я всегда вспоминаю мудрые слова, которые когда-то, очень давно, сказал мне один человек: хочешь знать, как обращаться с человеком, поставь себя на его место!

И в эти сверхнапряженные дни Рокоссовский оставался самим собой. Спокойно, уверенно, без колебаний и суеты делал он свое дело. Позднее он напишет: «Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься и о месте командующего. Многие большие начальники придерживались взгляда, что плох тот командующий армией или фронтом, который во время боя руководит войсками, находясь большее время на своем командном пункте, в штабе. С таким утверждением нельзя согласиться. По-моему, должно существовать одно правило: место командующего там, откуда ему удобнее и лучше всего управлять войсками.

С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только бла-

годаря этому мне удалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки.

Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки».

Время было уже иное — 1941 год давно миновал, и обстановка изменилась. Войска Рокоссовского оборонялись, но оборона эта была преднамеренной, и командующий фронтом твердо контролировал положение. Благодаря его умелому руководству, а главное, стойкости и геройству советских солдат ни 7 июля, ни в последующие дни гитлеровцам не удалось прорвать оборону войск Центрального фронта как у Поныреи, так и в других местах.

Сражение у Поныреи, развернувшееся с утра 7 июля, носило исключительно ожесточенный характер.

Сотни вражеских танков, невзирая на потери, рвались к станции. Все вокруг дрожало от грохота танков и разрывов снарядов и мин. Густая, непроницаемая пелена пыли и дыма затянула поле боя. День был жарким и солнечным, но солнце то и дело скрывалось в облаках пыли и дыма пожарищ. Горели вражеские и наши танки, горели дома и железнодорожные постройки Поныреи, горела пшеница на полях, горела краска на стволах орудий, раскалившихся от беспрерывного огня.

Лишь во второй половине дня врагу удалось ворваться на северо-западную окраину Поныреи, но контратакой оба прорвавшихся вражеских батальона были уничтожены. Приближавшаяся ночь не принесла перерыва в боях. Весь следующий день гитлеровцы атаковали позиции 307-й стрелковой дивизии у Поныреи. 13 атак отбили наши бойцы и отстояли Поныри.

Не удались попытки врага прорваться и в других направлениях. К 9 июля Модель ввел в бой все свои резервы, но это не принесло ему успеха. Танковые соединения и пехота гитлеровцев топтались на месте. На направлении главного удара немецко-фашистские войска за

эти 4 дня так и не продвинулись более чем на 10 километров. За 10 километров продвижения они заплатили, однако, дорогой ценой — за 5—8 июля немецкие войска потеряли более 40 тысяч солдат, несколько сот танков и самоходных орудий, около 500 самолетов. Внушительная цена: 4 тысячи солдат за километр продвижения!

Бои на северном фасе Курской дуги продолжались 9—11 июля, но Рокоссовскому стало ясно: враг выдыхается. Уже 12 июля Моделю пришлось отдать приказ о переходе его войск к обороне — войска Западного и Брянского фронтов начали наступление против орловской группировки врага, в тыл 9-й гитлеровской армии, и ей следовало думать об отступлении.

В этот же день окончательно был положен предел продвижению немецких танков на фронте Ватутина, на южном фасе Курской дуги — около старинного поселения Прохоровка разыгралось величайшее танковое сражение в мировой истории. Здесь, на узкой полоске всхолмленной, изрезанной оврагами равнины, зажатой с одной стороны рекой Пселом, а с другой — железнодорожной насыпью, сошлись в смертельной схватке 1200 танков 4-й немецкой и 5-й гвардейской танковых армий. Обе стороны потеряли примерно по 300 танков и отошли на исходные позиции. Далее враг уже не смог продвинуться. Операция «Цитадель» провалилась.

Перед Рокоссовским стояла теперь задача другого рода: по сути дела, без передышки его армии должны были принять участие в общем наступлении против орловской группировки врага. Существенно ослабленные во время отражения атак врага 48, 13 и 70-я армии нуждались в пополнении и отдыхе. Но ни того, ни другого им не было дано. 15 июля они уже перешли в наступление, после трехдневных боев оттеснили вражескую группировку, восстановили положение, которое занимали до 5 июля, а затем начали развивать свой успех.

Но наступление шло тяжело, войскам в буквальном смысле слова приходилось прогрызать одну позицию за другой в многочисленных оборонительных рубежах противника, построенных им здесь за два года пребывания в Орловской области. Применяя подвижную оборону, гитлеровцы упорно сопротивлялись, часто контратаковали танками. Впоследствии Рокоссовский оценивал это наступление так: «...снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложив-

шейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из Орловского выступа. А ведь, возможно, все сложилось бы иначе, если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов».

Продвижение вперед как войск Рокоссовского, так и соседнего Брянского фронта было медленным, но после упорных боев 5 августа Орел был освобожден. В этот же день войска Воронежского фронта освободили и другой древний русский город — Белгород. Вечером 5 августа Сталин вызвал к себе работников Генерального штаба генералов Антонова и Штеменко. Тут же находились и другие члены Ставки.

— Знаете ли вы военную историю? — обратился Верховный к генералам. Вопрос был неожиданным, и генералы не успели ответить, так как Сталин продолжал: — Если бы вы ее читали, то знали бы, что издавна, когда войска одерживали победы, в честь полководцев гудели все колокола. И нам неплохо бы отмечать победы не только поздравительными приказами. Мы решили, — он кивнул головой на сидевших за столом членов Ставки, — давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинять какую-то иллюминацию.

В этот вечер Москва салютовала 12 залпами из 120 орудий освободителям Орла и Белгорода. Отмечать так новые победы с той поры стало традицией. А салютовать с каждым днем приходилось все чаще и чаще — советские войска теперь очищали родную землю от захватчиков.

Шли на запад и войска Рокоссовского. В середине августа, когда они вышли к мощному оборонительному рубежу гитлеровцев «Хаген», пришлось остановиться для перегруппировки. Но уже 16 августа Ставка приказала Центральному фронту: «Наступая в общем направлении Севск — Хутор Михайловский, не позднее 1—3 сентября выйти на фронт река Десна южнее Трубчевск — Новгород-Северский — Шостка — Глухов — Рыльск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Конотоп — Нежин — Киев и при благоприятных усло-

виях частью сил форсировать Десну и наступать по правому ее берегу в направлении Чернигов». Операция должна была начаться 26 августа.

Сложные чувства овладели Рокоссовским. Давно кончились дни, когда приходилось оставлять врагу города и села родной земли. Теперь враг отступал перед нашими солдатами, отступал, огрызаясь и контратакуя, но все же отступал. Рокоссовский смотрел на карту, и гордость, радость и в то же время тревога охватывали его: войскам Центрального фронта предстояло завершить освобождение Курской области, очистить от захватчиков южную часть Брянской области, северные районы Левобережной Украины и юго-восточную Белоруссию. Русским, украинцам и белорусам должны принести освобождение его войска. И на подготовку такого наступления — 10 дней!

Наступать придется на местности, которая содействует обороне противника. Леса, болота. А сколько рек! И за каждой немцы будут пытаться отсидеться, и реки эти придется форсировать с боем! И всего только 10 дней!

Главный удар Рокоссовский решил нанести на Новгород-Северском направлении войсками 65-й армии, которой на флангах должны были помогать 48-я и 60-я армии. В полосе 65-й армии предстояло вступить в бой и 2-й танковой армии.

Наступление началось в срок, хотя подготовка была еще не совсем завершена. Противник, очевидно, ожидал наступления на этом участке, и его сопротивление оказалось очень упорным. Против войск 65-й армии, штурмовавших сильно укрепленный Севск, фашистское командование одну за другой вводило части, переброшенные с других участков. Это его и погубило.

27 августа войска Батова взяли Севск и продолжали движение вперед, правда, медленное: за четыре дня они прошли 20—25 километров. Но южнее Севска генерал Черняховский сумел найти участок, где оборонялись слабые силы противника. Сосредоточив на этом участке несколько наиболее крепких дивизий, Черняховский организовал прорыв, и его войска устремились вперед. 29 августа 60-я армия освободила Глухов, к 31 августа она продвинулась вглубь на 60 километров, расширив прорыв по фронту до 100 километров. Центральный фронт начал сокрушать оборону противника. Началось освобождение Украины.

В штаб фронта журналисты центральных газет приехали в момент, когда командующего фронтом там не было — он выехал в армию Черняховского. Представителей печати принял начальник штаба. Рассказав им о положении на фронте за последние дни, Малинин стал подробно говорить о роли командующего фронтом в происходящем:

— Я считаю, что вы должны об этом написать. Генерал Рокоссовский, без сомнения, в последние дни очень ярко проявил свой полководческий талант. Он принял смелое и, надо полагать, единственное решение — бросить все имеющиеся силы на развитие успеха, достигнутого Черняховским. Поначалу это были танкисты 2-й танковой армии. Затем резервный стрелковый корпус — 25 тысяч бойцов с артиллерией и другой техникой. Тут уже себя проявили наши тыловики. Начальник тыла генерал Антипенко за несколько часов сумел собрать транспорт для переброски корпуса из-под Кром. Через сутки дивизии этого корпуса были уже под Конотопом.

Малинин подвел журналистов к карте и показал направления ударов войск фронта.

— Но это не все, — возвратился он к столу. — Рокоссовский, как вам, наверное, известно, никогда не ограничивается полумерами. В прорыв, на стыке 60-й и 65-й армий он вводит нашу 13-ю армию генерала Пухова, перебросив ее с правого фланга фронта. Немцы поняли, какая опасность им грозит на участке прорыва, они бросают сюда все, что могут, но сдержать наших солдат не в состоянии...

— Зря вы так превозносите Рокоссовского! — В дверях комнаты, никем дотоле не замеченный, стоял командующий фронтом. — Здравствуйте! — поздоровался он с корреспондентами. — Извините, что я помешал беседе. Михаил Сергеевич, я зайду чуть позже, а вы, серьезно, не очень-то расхваливайте Рокоссовского! — И повернулся к гостям: — В сражении самое основное — идеальная согласованность действий. Командующий фронтом и рядовой боец по временам одинаково влияют на успех, а нередко рядовые бойцы, командиры рот, батальонов, батарей делают решающий вклад в итог боя... Разумеется, огромно и значение решений Главного командования. Если Ставка не даст сил и средств, ни один командующий фронтом или армией, будь он семи пядей во лбу, не достигнет успеха... Но главное — солдаты. Я только что

был у Черняховского. В войсках — небывалый подъем! Я не видел еще такого воодушевления, а ведь воюю уже 30 лет! Как солдаты, так и командиры забыли про усталость. Мысль у всех одна — вперед! Вот об этом и пишите, пожалуйста...

После ухода Рокоссовского Малинин, улыбаясь, сказал журналистам:

— Командующий фронтом очень не любит, когда в разговорах, так же как и в печати, успехи войск связывают с его именем. Он, видите ли, считает, что все решения исходят не от него лично, а от Военного совета фронта, органа коллегиального. И это в целом правильно. Но должен вам сказать, что высшим авторитетом в делах фронта является, конечно, Рокоссовский. Что же касается коллегиальности, то Константин Константинович, на удивление, умеет понять, развить, продолжить мысль других военачальников, ему подчиненных. Он всегда готов оценить успех армии или корпуса, увидеть за ним перспективу, готов отказаться от собственного решения, если его подчиненный принимает решение более правильное, смелое, если это решение обещает принести большую пользу для общего дела... Давайте на этом кончим, товарищи...

30 августа войска Рокоссовского вступили в пределы Северной Украины — они освободили Рыльск. Затем последовали Кролевец, Путивль, Ворожба... 3 сентября они вышли к Десне южнее Новгород-Северского. К 5 сентября армия Батова, наращивая темпы наступления, овладела Середина-Будой и хутором Михайловским. К исходу 7 сентября армии Центрального фронта, продвинувшись в юго-западном направлении на 180 километров, вышли к Десне.

По мере того как солдаты и офицеры[1] победоносной армии освобождали города и села, их ярость и желание рассчитаться с врагом удесятерялись. И в 1941—1942 годах видел Рокоссовский разрушенные и сожженные селе-

[1] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 июля 1943 года о введении нового деления военнослужащих на рядовой и сержантский состав, офицеров и генералов был опубликован 28 июля 1943 года. В передовой статье «Правды», озаглавленной «Советские офицеры», говорилось, что «Красная Армия — законный наследник исконной русской воинской славы и доблести», что «отныне наименование офицер закрепляется за командирами Красной Армии государственным актом. Отныне законом устанавливается офицерский корпус Красной Армии».

ния, горе и бедствия советских людей. Но и в 1941 и в 1942 годах наши войска приносили свободу жителям районов, которые в худшем случае находились во власти захватчиков несколько месяцев, иногда даже недель. Теперь же перед советскими воинами во всей чудовищной невообразимости вставала картина «нового порядка», установленного захватчиками в районах, где они пробыли около двух лет, «порядка», при котором без всякого колебания расстреливали сотни тысяч людей, миллионы других угоняли на каторжные работы в Германию, а их жилища в старинных русских, украинских и белорусских городах и деревнях сжигали и уничтожали любым доступным способом. Спасти жителей оккупированных районов от уничтожения и угона в рабство могли только они, солдаты Красной Армии, и, сознавая это, они рвались вперед, к Десне, к Днепру, к Киеву.

Читатель, надеюсь, помнит, как в октябрьские и ноябрьские дни 1941 года фамилия «Генерала Р.» появилась на страницах газет. Минуло два года. Теперь она была столь же частой гостьей в печати:

«10 сентября.

Приказ
Верховного Главнокомандующего
генералу армии *Рокоссовскому*

Войска Центрального фронта, продолжая стремительное наступление, форсировали реку Сейм и 6 сентября освободили от немецких захватчиков город Конотоп, а сегодня, 9 сентября, после ожесточенных двухдневных боев наши войска штурмом овладели городом Бахмач...»

«16 сентября. Приказ...

Войска Центрального фронта, продолжая наступление, сегодня, 15 сентября, после ожесточенных двухдневных боев овладели крупным железнодорожным узлом и городом Нежин...»

«17 сентября. Приказ...

Войска Центрального фронта, продолжая наступление, успешно форсировали реку Десна и сегодня, 16 сентября, с боем овладели крупным опорным пунктом обороны немцев на рубеже этой реки — городом Новгород-Северским...»

Заранее подготовленная немецкими войсками оборона по западному берегу Десны была взломана. Сметая остатки разгромленных вражеских дивизий, войска Центрального фронта устремились к Днепру. Особенно успешно наступала армия Черняховского. Перед нею уже стояла заманчивая перспектива — освобождение Киева.

Понятно поэтому разочарование Рокоссовского, когда он получил директиву Ставки об изменении разграничительной линии между Центральным и Воронежским фронтами. Киев отходил в полосу наступления соседа! Главным направлением Центрального фронта становилось Черниговское. Командующий фронтом счел своим долгом позвонить в Ставку, чтобы высказать свое недоумение.

Ответ Сталина был краток:

— Это мы сделали по настоянию Жукова и Хрущева. Они там находятся на месте, им виднее.

Наступление шло успешно. В ночь на 19 сентября войска Рокоссовского переправились через Десну юго-западнее Чернигова, а 21 сентября освободили и этот древний город.

Немецкое командование придавало Днепру — главной части так называемого «Восточного вала» — огромное значение. Уступая в Европе по протяженности только Волге и Дунаю, Днепр представлял серьезную естественную преграду для войск: местами он мчит свои воды со скоростью 2 метров в секунду. За рекой, достигавшей 3,5 километра ширины и 12 метров глубины, правый берег которой господствует над низким восточным берегом, гитлеровцы рассчитывали отсидеться. Они не только укрепляли западный берег Днепра, но и создавали сильные предмостные укрепления. Все это должно было сделать невозможным, по мнению фашистского командования, форсирование Днепра. Но оно недооценивало, в который уже раз, войска противника.

С 5 июля армии Рокоссовского непрерывно вели активные боевые действия и, конечно же, нуждались в отдыхе и пополнении. Наступать приходилось в лесисто-болотистой местности. Приближалась осень, пошли дожди, дороги, и без того плохие, стали труднопроходимыми для всех видов транспорта. Тем не менее, охваченные воодушевлением, войска Центрального фронта, не задерживаясь, с ходу, начали переправу на западный берег, 21 сентября части 13-й армии стали подходить к Днепру,

а на следующий день они уже имели плацдарм, пока еще небольшой, на противоположном берегу реки. Солдаты использовали все, что было возможно: лодки (их было мало — немцы постарались угнать и уничтожить все, что могло плавать), плоты, бочки. Зацепившись за вражеский берег, передовые взводы, роты, батальоны, отбив попытки врага сбросить их в реку, стали продвигаться вперед. За их спинами переправлялись все новые и новые части, артиллерия, а затем и танки...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле.

23 сентября 13-я армия имела на правом берегу плацдарм шириной в 30—35 километров и глубиной до 35 километров. Южнее столь же стремительно переправились войска 60-й армии, севернее — 61-й. Рокоссовский мог быть доволен: его левофланговые армии прочно удерживали плацдармы на Днепре, а правофланговые на всем протяжении достигли реки Сожа. Задача, поставленная перед ним Ставкой, была выполнена блестяще.

Поскольку плацдармы севернее Киева позволяли угрожать противнику, удерживавшему столицу Украины, Ставка сочла 5 октября необходимым передать эти армии Воронежскому фронту, которому и предстояло освободить Киев.

Войскам Центрального фронта была определена Ставкой другая цель: они должны были начать освобождение Белоруссии. Это поставило Рокоссовского и его штаб перед серьезными проблемами. И одной из самых сложных оказалась необходимость переброски всего тылового хозяйства на новое, Гомельское направление. За два предыдущих месяца наступления основные базы, склады, ремонтные пункты были сосредоточены вдоль железной дороги Курск — Льгов — Конотоп — Бахмач. Теперь же это огромное хозяйство следовало переместить севернее, что требовало и времени, и значительных сил.

Рокоссовский не мог также решить, как поступать со средствами усиления, находившимися в передаваемых Воронежскому фронту армиях. Его соблазняла идея, используя эти средства, ударить с севера по Киеву. Звонок заместителя начальника Генерального штаба Антонова

раздался кстати. Генерала интересовало мнение Рокоссовского по такому своеобразному поводу:

— Как вы считаете, следует ли производить салют в честь войск вашего фронта, форсировавших Днепр?

— Я думаю, — ответил Рокоссовский, — что с этим следует подождать. Мы можем раньше времени насторожить неприятеля. Алексей Иннокентьевич, меня не оставляет мысль о целесообразности удара на Киев силами Черняховского...

— Я вам советую доложить свои соображения товарищу Сталину, — порекомендовал Антонов.

Рокоссовский тотчас же связался со Сталиным и доложил ему.

— Вопрос о действиях войск на Киевском направлении решен, и мы его пересматривать не будем, поздно, — таков был ответ Верховного Главнокомандующего.

— А как быть с фронтовыми средствами усиления, которые до этого были приданы Черняховскому и Пухову? Без них будет крайне затруднительно осуществление операции...

— Оставьте их у себя. Пухову и Черняховскому передайте лишь штатные средства. Раз они теперь входят во фронт Ватутина, пусть он о них и беспокоится. — Сталин немного помолчал и добавил: — Мы, по всей вероятности, расформируем Брянский фронт и часть его армий передадим вам.

Вскоре действительно Ставка передала Рокоссовскому еще три армии: 50-ю под командованием генерала И. В. Болдина, 3-ю генерала А. В. Горбатова и 63-ю генерала В. Я. Колпакчи. С шестью армиями Рокоссовский и начал 15 октября операцию.

Рокоссовский видел, что войска 48-й и 65-й армий завязли в междуречье Сожа и Днепра и потому не смогут расправиться с гомельской группировкой врага, все время усиливавшейся к тому же. Вскоре он нашел новое решение, сулившее большой успех. В междуречье он решил оставить лишь войска 48-й армии, которым предстояло активными действиями сковывать противника, а основные силы 65-й армии во взаимодействии с 61-й армией генерала Белова должны были форсировать Днепр южнее. Армии правого фланга, отошедшие к нему от Брянского фронта, Рокоссовский также обязал действовать активно.

План операции был детально обсужден на наблюда-

тельном пункте П. А. Белова, в сосновом бору на берегу Днепра. Только что прибывший Батов на вопрос командующего о ходе перегруппировки войск ответил:

— Два корпуса уйдут с плацдарма за Сожем сегодня ночью. На плацдарме оставляем для прикрытия нашей перегруппировки 246-ю дивизию. Через 36 часов корпуса будут здесь. На седьмые сутки форсируем Днепр.

— Как ваше мнение? — обратился Рокоссовский к Белову.

— Я не имею права возражать против принятого вами решения...

— Я понимаю, Павел Алексеевич, ваше желание ускорить удар силами армии Батова. Но время для стремительного удара упущено, немцы уже заняли оборону. Теперь нужно действовать наверняка... Задача вашей армии, — обратился Рокоссовский к Батову, — форсировать Днепр в районе Лоев — Радуль, прорвать немецкую оборону на том берегу и ударить в направлении Колпень — Надвин — Демехи. Вот смотрите на карте, как это выглядит...

— Дивизиям настоятельно необходимо пополнение, — попросил Батов.

— Будет вам и пополнение. Правда, из местных военкоматов. Но это либо молодежь, либо окруженцы 1941 года. Выйти из окружения не смогли, руки опустили и сидели здесь два года, грелись. Придется вам поработать, восстановить их веру в себя и в нашу армию.

— Будет сделано! — заверил Батов. — Только дайте побольше людей.

Батов не терял ни минуты, и вскоре его корпуса были уже на новом месте. Знакомство с обстановкой показало, что на противоположном берегу немцы имеют значительные силы. Днепр в этом месте около 400 метров шириной и до 8 метров глубиной. Немцы уже успели подготовить две линии траншей с ходами сообщения полного профиля. Первая сплошная траншея шла у самого уреза воды, вторая — выше, по берегу старицы. Здесь же были устроены артиллерийские позиции для ведения огня прямой наводкой. В целом форсирование должно быть очень сложным. Рокоссовский понимал это и придал армии Батова все фронтовые средства усиления. 12 октября он отдал приказание правофланговым 50-й и 3-й армиям перейти в наступление на своих участках, хотя и знал, что это не даст существенного результата.

Эти армии были ослаблены, но в интересах общего дела, отвлекая силы врага, они перешли в наступление.

Начавшееся 15 октября наступление 65-й армии оправдало надежды Рокоссовского. Лоев был освобожден 17 октября, оборона немцев на Днепровском рубеже рушилась. За пять дней боев вся армия переправилась через мощную реку, расширив плацдарм до 18 километров по фронту и 13 километров в глубину. Но тут она наткнулась на заранее подготовленную вторую полосу немецкой обороны — «надвинские позиции». Прорвать их с ходу не удалось. В ночь на 20 октября Батов получил распоряжение штаба фронта: временно до получения резервов прекратить наступление, стойко удерживать плацдарм, ввести все дивизии в первый эшелон, штабы и тылы подтянуть ближе к войскам, очистить на плацдарме районы сосредоточения для четырех-пяти новых корпусов.

На следующее утро Рокоссовский с группой генералов управления фронта прибыл на КП 65-й армии.

— На достигнутом рубеже надо прочно закрепиться. Эти надвинские позиции немцев придется атаковать после тщательной подготовки. Немцы их будут упорно оборонять, так как, если мы их прорвем и, двигаясь вдоль западного берега Днепра, войдем в Полесье, то этим лишим гомельскую группировку противника основных коммуникаций и поставим ее под угрозу окружения. Но для такой операции наличных сил 65-й армии будет мало. Поэтому я намерен переправить на Лоевский плацдарм два танковых корпуса, два кавалерийских и один артиллерийский корпус прорыва. Времени на перегруппировку достаточно, дадим дней 20, и к началу наступления все корпуса должны быть на плацдарме. После этого будем бить наверняка. Трудности, видимо, будут со снабжением.

Когда 10 ноября войска Белорусского фронта (так с 20 октября стал именоваться фронт Рокоссовского) начали наступление, они сравнительно легко смогли прорвать оборону врага. В первый же день танковые и кавалерийские корпуса были введены в прорыв. После того как 18 ноября были освобождены советскими войсками Речицы, гомельская группировка врага, охваченная с севера соединениями 11-й армии Федюнинского, оказалась под угрозой окружения. К концу ноября войска левого фланга фронта отбросили врага на 130 километров, очистив от

оккупантов значительную территорию Белоруссии. Вечером 26 ноября столица вновь салютовала войскам Рокоссовского: утром этого дня после ночного боя они освободили Гомель. Это был первый областной центр многострадальной Белоруссии, вызволенный из фашистской неволи Красной Армией. Сделали это войска Рокоссовского.

Фронт продолжал наступление, хотя и медленно. Однако в этот период Рокоссовскому пришлось на некоторое время покинуть свои войска.

Вечером его вызвал к телефону Сталин. Сказав, что у Ватутина неблагополучно, немцы перешли в наступление, вновь захватили Житомир и положение становится угрожающим, он приказал немедленно выехать к Ватутину в качестве представителя Ставки, разобраться на месте и принять меры.

Хоть и не хотелось Рокоссовскому покидать свои войска в момент упорных боев, пришлось отправиться в дорогу. Взяв с собой Казакова, командующий Белорусским фронтом поспешил на юг. Перед самым отъездом ему вручили телеграмму Верховного Главнокомандующего, предписывающую в случае необходимости, не ожидая дальнейших указаний, немедленно вступить в командование 1-м Украинским фронтом.

Такая перспектива несколько смутила Рокоссовского. Его беспокойство еще более возросло бы, если бы он знал, что Сталин разговаривал с ним не из Москвы. В конце ноября 1943 года Верховный Главнокомандующий и Председатель Совета Народных Комиссаров находился очень далеко от столицы: в Тегеране он вел переговоры с президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем.

Что же происходило под Киевом, почему Сталин даже в Тегеране, где у него была масса самых сложных дипломатических дел, так беспокоился о ходе сражения на Киевском направлении?

Войска 1-го Украинского фронта (так стал именоваться Воронежский фронт) под командованием Ватутина перешли в наступление еще 3 ноября с плацдарма севернее Киева в районе Лютежа. 6 ноября они достигли выдающегося успеха — освободили столицу Украины и, продолжая наступление, 12 ноября очистили от врага Житомир. Немецко-фашистское командование, перебросив на это направление новые дивизии, главным образом из

Западной Европы, решило нанести контрудар, имевший целью ликвидацию плацдарма советских войск на правом берегу Днепра и захват Киева. 15 ноября 8 танковых и 7 пехотных дивизий врага перешли в наступление. Используя свое превосходство в силах, гитлеровцам удалось захватить вновь Житомир, к 25 ноября ценой огромных усилий продвинуться на 35—40 километров к Киеву. Это-то и вызвало тревогу Сталина.

Штаб 1-го Украинского фронта расположился в лесу западнее Киева. Николай Федорович Ватутин, с которым Рокоссовский был знаком еще с довоенных времен, встретил представителя Ставки настороженно. Это и естественно: он знал о приказе Сталина Рокоссовскому принять командование 1-м Украинским фронтом. Поначалу, как ни старался Рокоссовский, товарищеского разговора не выходило: Ватутин все время как бы оправдывался перед старшим начальником. Тогда Рокоссовский заявил прямо:

— Николай Федорович, я прибыл сюда не расследовать ваши ошибки, а как сосед, который по-товарищески хочет помочь изменить обстановку. Давайте же только в таком духе и беседовать!

После этого дело пошло веселее. Не торопясь с выводами, стараясь соблюдать полную объективность и справедливость, Рокоссовский ознакомился с обстановкой и пришел к следующему выводу: «Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную танковую группу и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия.

Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов, две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику».

Ватутин согласился с этим предложением, однако спросил:

— Когда вы думаете вступить в командование фронтом?

Рокоссовскому пришлось объяснить:

— Я вовсе не собираюсь этого делать. Вы командуете фронтом не хуже, чем это смогу делать я. Кроме того, я хотел бы поскорее вернуться к себе, на Белорусский фронт, у меня там и своих дел много.

Продолжая знакомиться с постановкой управления войсками, Рокоссовский обратил внимание на то, что Ватутин сам составлял распоряжения и приказы, сам все время разговаривал по телефону с армиями, то есть делал то, что в значительной мере полагалось делать штабу. В разговоре с начальником штаба фронта А. Н. Боголюбовым Рокоссовский поинтересовался:

— Почему вы допускаете, что командующий фронтом, у которого так много обязанностей, занимается и штабной работой?

На это генерал-лейтенант Боголюбов ответил:

— Ничего не могу поделать, командующий все хочет сделать сам!

— Так нельзя работать. Вы должны помочь командующему. Это ваша прямая обязанность — ведь вы начальник штаба!

Рокоссовский поговорил на эту тему с Ватутиным.

— Я долго работал в штабе, это сказывается, — объяснил Ватутин. — Не терпится все сделать самому.

Выводы об обстановке на 1-м Украинском фронте и о тех мероприятиях, которые уже начал осуществлять Ватутин, Рокоссовский по ВЧ доложил Сталину. Выразив уверенность в том, что Ватутин в ближайшее же время выправит положение, Рокоссовский просил разрешения возвратиться на свой Белорусский фронт. На следующий день он получил депешу из Ставки с таким разрешением.

С Ватутиным они расстались по-товарищески, это была их последняя встреча. В ближайшие же недели под командованием Ватутина войска 1-го Украинского фронта нанесли врагу ряд сокрушительных ударов, потрясших до основания его оборону. Но 29 февраля 1944 года, во время поездки в войска, генерал армии Ватутин был тяжело ранен в перестрелке с бандой верных слуг германского фашизма — украинских националистов — и 15 апреля скончался.

Войска Белорусского фронта в декабре 1943 года продолжали бои местного характера, улучшая свое положение. 2 января 1944 года Ставка дала Рокоссовскому задачу: разбить мозырскую группировку врага, а в дальнейшем наступать на Бобруйск — Минск. 8 января вой-

ска 65-й и 61-й армий начали прорыв обороны врага и 14 января овладели еще одним областным центром Белоруссии — Мозырем. В тот же день были освобождены и Калинковичи. В конце февраля 3-я и 50-я армии после форсирования Днепра в исключительно тяжелых условиях овладели Рогачевом. Однако наступать становилось все тяжелее, и выполнить полностью свои задачи войска не могли. Вот что написано на этот счет в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»: «Объясняется это прежде всего тем, что Ставка, поставив фронтам немалые по глубине задачи, не обеспечила их соответствующими силами и средствами, в частности танками, боеприпасами и горючим. В целом советские войска, наступавшие зимой и весной 1944 г. на центральном участке фронта, сыграли важную роль в достижении успеха на главном направлении — на Правобережной Украине».

Рокоссовский понимал, что иначе нельзя. Он сознавал, что придет время — и Ставка выделит Белорусскому фронту необходимые для разгрома врага силы. И время это уже не за горами. Пока же приходилось вести бои местного значения. В ходе одного из таких боев освободили местечко Озаричи Полесской области.

Член Военного совета фронта Телегин зашел к Рокоссовскому с утра.

— Поедем в Озаричи. Там, мне передавали, лагерь немецкий освободили.

Поехали. Лагерь был расположен на болоте, поросшем редким сосновым лесом. Огородив площадку колючей проволокой и построив на углах вышки, гитлеровцы согнали в лагерь около 40 тысяч женщин, стариков и детей и оставили их здесь под открытым небом. Никаких построек на территории лагеря не было, и заключенные, вся вина которых состояла только в том, что они жили в прифронтовом районе, находились под открытым небом. И это в марте! По всему участку лежали еще не убранные трупы женщин и детей...

У Рокоссовского сжались от ярости кулаки, когда он вместе с Телегиным слушал объяснения подполковника медицинской службы, который организовывал помощь освобожденным людям.

— Сюда нацисты согнали стариков, детей и многодетных матерей, всех трудоспособных увезли в Германию. Когда мы сюда пришли, многие без памяти лежали в

грязи. Немцы запрещали разводить костры, собирать хворост для подстилки. И за любое нарушение — расстрел. Вот посмотрите этот акт, составленный нами.

Строчки запрыгали перед глазами у Рокоссовского:

«Они расстреляли 12-летнего мальчика Мишу Гусанова из дер. Козловичи Домановичского района только за то, что он вышел за пределы лагерей за водой для семьи. 82-летнего старика Глуцкого Ивана из гор. Жлобина фашисты расстреляли за то, что он хотел развести костер, чтобы обогреть малолетних внучат. У Погодиной Аполлинарии Максимовны заболели дети. Она стала требовать помощи, фашисты расстреляли ее вместе с 2 детьми...»

«Среди освобожденных из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин 13 072 и стариков 4448...»

Подполковник между тем продолжал:

— Среди заключенных тысячи больных тифом. В день умирало по нескольку сот...

Навстречу попался санитар с девочкой трех лет на руках.

— Она сидела у трупа женщины, — объяснил он. — Спросили, как звать — Таней. «А это моя мама...»

— Довольно! — Рокоссовский повернулся к Телегину. — Сделайте так, чтобы каждый солдат знал об этом лагере. Выберите представителей от полков и пошлите сюда. Это будет лучше любой политбеседы!

Бои на Белорусском фронте, постепенно затухая, прекратились в апреле: наступила распутица, и всякое передвижение в белорусских низинах сделалось просто невозможным. 15 апреля 1944 года Ставка отдала войскам Белорусского фронта директиву о переходе к обороне.

Приближалось четвертое военное лето. В 1943 году и в начале 1944 года Красная Армия очистила от захватчиков огромную территорию. Но под их властью находились еще Прибалтика и большая часть Белоруссии, значительная часть Правобережной Украины и Молдавии. А дальше, за Вислой и Дунаем, прихода советских солдат ждали порабощенные народы Европы.

Поражения, понесенные на востоке, подорвали мощь гитлеровской армии: к началу июня 1944 года общая численность вражеских войск, оборонявшихся на советско-германском фронте, составила 4 миллиона человек. Войска эти имели 49 тысяч орудий и минометов, 5250 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов. Фашистская армия была способна еще сопротивляться, однако перевес в силах и средствах теперь находился на стороне Красной Армии: в ее рядах насчитывалось более 6 миллионов человек. Советский народ, несмотря на тяжелейшие условия, делал все, чтобы на фронт нескончаемым потоком шла новейшая техника: Красная Армия располагала 92,5 тысячи орудий и минометов, 7,7 тысячи танков и САУ, 13,4 тысячи самолетов.

Обладая столь мощной армией и полностью сохраняя в своих руках стратегическую инициативу, Советское Верховное Главнокомандование деятельно готовилось к летней кампании 1944 года. Тщательный анализ сложившейся стратегической обстановки убеждал руководителей Красной Армии, что решающего успеха в 1944 году следует искать в Белоруссии и на Западной Украине, так как разгром врага в этом районе позволял наиболее коротким путем вывести советские армии в самое сердце гитлеровского государства. Поэтому уже в марте 1944 года начались предварительные обсуждения намечавшейся операции.

Тогда же Верховный Главнокомандующий разговари-

вал об этом с Рокоссовским. Ознакомив его в общих чертах с наметками плана, Сталин поинтересовался мнением командующего 1-м Белорусским фронтом (так с середины февраля стал называться фронт, которым командовал Рокоссовский). Этому фронту предстояло, обойдя Полесье с севера, действовать в направлении Бобруйск — Барановичи — Варшава. Левым крылом фронт упирался в бескрайние полесские болота, и это обстоятельство крайне ограничивало возможность маневра. Леса и болота разобщали фронт с войсками 2-го Белорусского[1]. Для успеха же операции было необходимо их теснейшее взаимодействие. Все это и изложил Рокоссовский Верховному Главнокомандующему, сказав, что было бы целесообразней объединить оба фронта в один. Такой вариант уже обсуждался в штабе 1-го Белорусского. Объединение всего участка давало огромные преимущества в маневре силами и позволяло организовать удар в обход Полесья как с севера, так и с юга.

После взвешивания всех «за» и «против» Ставка пришла к выводу о необходимости объединения войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов. В начале апреля это объединение было произведено.

Для приема войск Рокоссовский вместе с группой офицеров и генералов выехал в Сарны, где находился штаб 2-го Белорусского фронта. Приехав туда, он выяснил, что штаб фронта имеет устаревшие сведения о состоянии войск: двух-, а то и пятидневной давности. Работники штаба объяснили это тем, что украинские националисты-бандеровцы не давали возможности поддерживать связь[2]. В последние дни ни один офицер для вы-

---

[1] 2-й Белорусский фронт был образован 24 февраля 1944 года между 1-м Украинским и 1-м Белорусским.

[2] Последователи Степана Бандеры, верные слуги германского фашизма — украинские националисты, пользуясь покровительством своих хозяев, в 1941—1943 годах сумели обосноваться в Западной Украине, в частности и в районе Ковель — Сарны. Провозглашая себя на словах борцами за свободу и независимость Украины, они на деле все эти годы активно сотрудничали с гитлеровцами. Когда же войска Красной Армии, громя оккупантов, вступили на территорию Западной Украины, бандеровцы, снабженные немецким оружием, отбросили всякую маскировку и начали боевые действия против советских войск. Разрушая линии связи, нападая из засад на одиночных солдат и офицеров Красной Армии, бандеровцы терроризировали также местное население, зверски расправляясь со всяким, кто казался им подозрительным.

яснения обстановки не выезжал. Такое положение дел было нетерпимо. Рокоссовский немедленно приказал генералу А. Г. Чернякову:

— Завтра к утру подайте на станцию бронепаровоз с двумя броневагонами, и мы отправимся в войска.

На следующий день оперативная группа, возглавляемая Рокоссовским, благополучно добралась до штабов 47-й и 69-й армий, сражавшихся под Ковелем. В короткий срок офицеры штаба сумели наладить твердое управление войсками.

Знакомясь с армиями левого фланга, Рокоссовский пришел к выводу, что они располагают недостаточным количеством противотанковой артиллерии. Это и послужило причиной успеха контрудара гитлеровцев под Ковелем в конце марта 1944 года. Поэтому Рокоссовский принимает решение о переброске противотанковых частей с правого фланга фронта, из района Быхова. И это решение, и организация переброски артиллерии на такое расстояние достаточно четко характеризует как Рокоссовского, так и офицеров его штаба. Три противотанковые бригады и одна зенитная артиллерийская дивизия (всего 13 полков) в пургу, через снежные заносы проделали несколько сотен километров пути. Рокоссовский мог рассчитывать на артиллеристов, вот уже почти три года выручавших его в тяжелые минуты. Марш был проведен в самые короткие сроки, и своевременная переброска артиллерийского усиления в левофланговую группировку позволила избежать дальнейшего продвижения гитлеровских танков под Ковелем.

После принятия войск 2-го Белорусского фронта конфигурация линии фронта стала весьма своеобразной. Теперь 1-й Белорусский фронт, растянувшийся более чем на 700 километров, начинался от города Быхова. Линия фронта проходила по Днепру, восточнее Жлобина, затем шла на юго-запад, пересекая реку Березину, потом снова поворачивала на юг, пересекая Припять, далее, по южному берегу Припяти, уходила далеко на запад, к Ковелю и, обогнув последний с востока, снова шла на юг.

Практика второй мировой войны, пожалуй, не знала другого такого случая, когда бы фронт, имевший наступательные цели, растянулся на такое расстояние. По существу, 1-й Белорусский фронт имел два совершенно самостоятельных операционных направления: одно — на Бо-

бруйск — Барановичи — Брест — Варшаву; другое — на Ковель — Хелм — Люблин — Варшаву.

По-видимому, наличием этих операционных направлений и руководствовался Рокоссовский при составлении планов дальнейших действий фронта. Уже 3 апреля Военный совет 1-го Белорусского фронта представил в Ставку свои соображения о предполагаемой операции. Остановимся на них подробнее, так как они ярко характеризуют черты зрелого полководческого мышления Рокоссовского.

Задачу фронта Рокоссовский видел в том, чтобы, не давая противнику передышки, разгромить вражеские войска в районе Минска, Барановичей, Слонима, Бреста, Ковеля, Лунинца, Бобруйска. После окончания операции армии фронта должны были выйти на рубеж Минск, Слоним, Брест, река Западный Буг, что дало бы возможность прервать все основные железнодорожные и шоссейные рокады в тылу гитлеровцев на глубину в 300 километров и существенно нарушить взаимодействие его оперативных группировок.

Командующий 1-м Белорусским фронтом подчеркивал, что операция предстоит очень сложная. Привлечь для ее осуществления одновременно все силы фронта не представлялось Рокоссовскому возможным, так как оборона противника к востоку от Минска была очень прочной и пытаться прорвать ее ударом в лоб, не увеличивая существенно силу ударных группировок, было бы крайне опрометчиво. Исходя из этого, Рокоссовский предлагал осуществить эту операцию в два этапа. Во время первого этапа четыре армии левого крыла фронта как бы «подрубали» устойчивость обороны противника с юга. Для этого следовало разгромить противостоящую здесь войскам фронта группировку врага и захватить позиции по восточному берегу Западного Буга на участке от Бреста до Владимир-Волынского. В результате этого правый фланг немецко-фашистской группы армий «Центр» оказывался обойденным. На втором этапе операции Рокоссовский уже предполагал организовать одновременные действия всех войск фронта для разгрома бобруйской и минской группировок противника. Опираясь на захваченные позиции по Западному Бугу и обеспечив свой левый фланг от ударов противника с запада и северо-запада, армии левого фланга из района Бреста должны были ударить в тыл белорусской груп-

пировке врага в направлении Кобрин — Слоним — Столбцы. В это же время правофланговые армии фронта должны были нанести второй удар из района Рогачев, Жлобин в общем направлении на Бобруйск — Минск. Рокоссовский считал, что для выполнения этого плана требовалось по крайней мере 30 дней, учитывая и время, необходимое для перегруппировок. Важным условием возможности выполнения этого плана он считал усиление левого крыла фронта одной-двумя танковыми армиями. Без них обходной маневр, по его мнению, не достиг бы цели.

План фронтовой операции был очень интересным и многообещающим. Один из ведущих работников Генерального штаба в годы войны, С. М. Штеменко, оценивает его так: «Такой замысел представлял значительный интерес и служил примером оригинального решения наступательной задачи на очень широком фронте...

К сожалению, Ставка не имела возможности в сложившейся тогда обстановке выделить и сосредоточить в район Ковеля необходимые силы и средства, особенно танковые армии. Поэтому чрезвычайно интересный замысел К. К. Рокоссовского осуществлен не был. Однако сама идея о направлении ударов и последовательности действий войск, обусловленная в значительной степени разделявшим 1-й Белорусский фронт огромным массивом лесов и болот, была использована Оперативным управлением Генерального штаба при последующем планировании операций».

Весь апрель и первую половину мая в Генеральном штабе Красной Армии при деятельном участии командующих фронтами шла разработка плана Белорусской операции. От предложения Рокоссовского о наступлении на Ковель с разворотом в тыл противнику западнее Полесья пришлось отказаться ввиду недостаточности резервов. Генеральный штаб еще раз запросил соображения командующего 1-м Белорусским фронтом. К 11 мая Рокоссовский представил свои соображения по измененному варианту плана.

Целью операции фронта Рокоссовский считал теперь разгром жлобинской группировки противника, а в дальнейшем — продвижение на Бобруйск, Осиповичи, Минск. При этом Рокоссовский считал необходимым нанести не один, а два одновременных удара, примерно равных по силе: один — по восточному берегу реки Березины с

выходом на Бобруйск, другой — по западному берегу этой реки в обход Бобруйска с юга. Нанесение двух ударов давало войскам фронта, по мысли Рокоссовского, неоспоримые преимущества: во-первых, это дезориентировало противника, а во-вторых, исключало возможность маневра вражеских войск. Такое решение шло вразрез с установившейся практикой, когда, как правило, наносился один мощный удар, для которого сосредоточивались основные силы и средства. Рокоссовский сознавал, что, принимая решение о двух ударных группировках, он рискует допустить распыление имевшихся сил, но расположение войск противника и условия лесисто-болотистой местности убеждали его, что это будет наиболее успешным решением задачи.

План Рокоссовского предусматривал непрерывность наступления. Чтобы избегнуть тактических, а впоследствии и оперативных пауз, Рокоссовский предполагал на третий день операции, сразу же после прорыва тактической обороны гитлеровцев, ввести в полосе 3-й армии для развития успеха на Бобруйском направлении 9-й танковый корпус. После того как 3-я и 48-я армии подойдут к реке Березине, Рокоссовский предлагал ввести в действие на стыке между ними свежую 28-ю армию, которая должна была быстро овладеть Бобруйском и продолжать наступление на Осиповичи, Минск.

«Действуя таким несколько необычным для того времени способом, — пишет о замысле Рокоссовского Штеменко, — командующий войсками 1-го Белорусского фронта намеревался рассечь противостоящие силы неприятеля и разгромить их поочередно, не стремясь, однако, к немедленному окружению. Оперативное управление Генерального штаба учло эти соображения».

К середине мая разработка плана Белорусской операции была завершена. План операции получил название «Багратион» в честь Петра Ивановича Багратиона, героя войны 1812 года.

План предусматривал разгром немецко-фашистской группы армий «Центр», занимавшей в Белоруссии заранее подготовленную и хорошо организованную оборону. Конфигурация фронта здесь сложилась в виде огромного выступа на восток, площадью около 250 тысяч квадратных километров, образовавшегося в январе — марте 1944 года после того, как войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов разгромили

ленинградскую группировку противника, а войска 1, 2 и 3-го Украинских фронтов очистили примерно в это же время Правобережную Украину.

Белорусский выступ, нависший над правым крылом 1-го Украинского фронта, мешал дальнейшему продвижению на запад советских войск на Украине, создавал угрозу их коммуникациям с севера. Кроме того, он надежно, как казалось, обеспечивал фашистским войскам оборону подступов к границам Польши и Восточной Пруссии. Этот выступ во что бы то ни стало нужно было срезать.

Для осуществления этой цели Советское Верховное Главнокомандование привлекло войска четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, которым командовал И. Х. Баграмян, 3-го Белорусского[1] — командующий И. Д. Черняховский, 2-го Белорусского — командующий Г. Ф. Захаров и 1-го Белорусского. Замыслом операции предусматривалось, что войска этих фронтов, перейдя одновременно в наступление на Витебском, Богушевском, Оршанском, Могилевском и Бобруйском направлениях, мощными, неожиданными для врага ударами раздробят его стратегический фронт обороны, окружат и уничтожат его группировки в районе Витебска и Бобруйска, после чего, устремившись в глубину, окружат и ликвидируют войска 4-й немецкой армии восточнее Минска и создадут тем самым благоприятные условия для развития операции всех четырех фронтов.

22 и 23 мая план «Багратион» подвергся обсуждению в Ставке. В нем принимали участие и командующие фронтами. Во время рассмотрения плана действий войск 1-го Белорусского фронта предложение Рокоссовского начать наступление вначале войсками правого фланга, а лишь затем левофланговой группировкой под Ковелем было одобрено. Сталин только рекомендовал Рокоссовскому обратить внимание на необходимость тесного взаимодействия с армиями 1-го Украинского фронта. Любопытный и характерный спор разгорелся при обсуждении операции на Бобруйском направлении.

Рокоссовский докладывал:

— Я предлагаю прорывать здесь оборону противника двумя ударными группировками, действующими по схо-

---

[1] 2-й и 3-й Белорусские фронты были образованы в апреле 1944 года в основном из войск Западного фронта.

дящимся направлениям: с северо-востока — на Бобруйск — Осиповичи, и с юга — на Осиповичи.

Такое решение вызвало вопрос Верховного Главнокомандующего:

— Почему вы распыляете силы фронта? Не лучше ли объединить их в один мощный кулак, протаранить этим кулаком оборону противника? Прорывать оборону нужно в одном месте.

— Если мы будем прорывать оборону на двух участках, товарищ Сталин, мы достигнем существенных преимуществ.

— Каких же?

— Во-первых, нанося удар на двух участках, мы сразу вводим в дело большие силы, далее, мы лишаем противника возможности маневрировать резервами, которых у него и так немного. И, наконец, если мы достигнем успеха хотя бы на одном участке, это поставит врага в тяжелое положение. Войскам же фронта будет обеспечен успех.

— Мне кажется, — настаивал Сталин, — что удар надо наносить один, и с плацдарма на Днепре, на участке 3-й армии. Вот что, пойдите, подумайте часа два, а потом доложите Ставке свои соображения.

Рокоссовского отвели в небольшую комнату по соседству с кабинетом. Тишина. Тяжелая мебель, зашторенные окна, старинные часы на камине. Одиночество часто бывало приятно Рокоссовскому, но в этот раз оно тяготило его. Что скажет он Верховному? Правильность собственного решения не вызывает у него сомнения. Да, конечно, можно бы нанести и один удар, он выйдет, по-видимому, мощным, очень мощным. Но два — вернее, он точно это знает! Успех будет обязательно. И жертв — убитых солдат и офицеров — будет меньше. Так что же, один удар или два? Два! Один — это будет ошибка. И он, Рокоссовский, будет настаивать на своем.

Сталин был незаурядным и сложным человеком. Хорошо изучивший его за годы войны, Жуков писал:

«Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым.

Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность,

он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар».

Трусом Рокоссовский никогда не был. Входя в кабинет Сталина, он сохранял спокойствие, как и всегда:

— Вы продумали решение, товарищ Рокоссовский?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Так что же, будем наносить один удар или два удара? — Сталин прищурился. В кабинете было тихо.

— Я считаю, товарищ Сталин, что два удара наносить целесообразней.

— Значит, вы не изменили своего мнения?

— Да, я настаиваю на осуществлении моего решения.

— Почему вас не устраивает удар с плацдарма за Днепром? Вы же распыляете силы!

— Распыление сил произойдет, товарищ Сталин, я с этим согласен. Но на это надо пойти, учитывая местность Белоруссии, болота и леса, а также расположение вражеских войск. Что же касается плацдарма 3-й армии за Днепром, то оперативная емкость этого направления мала, местность там крайне тяжелая и с севера нависает сильная вражеская группировка, что нельзя не учитывать.

— Идите, подумайте еще, — приказал Верховный Главнокомандующий. — Мне кажется, что вы напрасно упрямитесь.

Вновь Рокоссовский один, вновь он продумывает одно за другим все «за» и «против» и вновь укрепляется во мнении: его решение правильное.

Когда его снова пригласили в кабинет, он постарался как можно убедительнее изложить свои доводы в пользу нанесения двух ударов. Он кончил говорить, и наступила пауза. Сталин за столом молча раскуривал трубку, затем поднялся, подошел к Рокоссовскому.

— Настойчивость командующего фронтом доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это гарантия успеха. Ваше решение утверждается, товарищ Рокоссовский.

Весь ход операции в июне — июле 1944 года на 1-м Белорусском фронте подтвердил правильность решения, которое так настойчиво защищал в Ставке Рокоссовский.

Подготовку к операции необходимо было провести тщательно и в то же время осторожно, чтобы не спугнуть противника. Времени для подготовки имелось достаточно — операцию предполагалось начать 15—20 июня. Рокоссовский принялся за окончательную отработку операции.

Наступление на правом фланге 1-го Белорусского фронта на Бобруйском направлении предстояло осуществить силами четырех армий: 3-й армии А. В. Горбатова, 48-й П. Л. Романенко, 65-й П. И. Батова и 28-й А. А. Лучинского. Командармы представили Рокоссовскому свои соображения о том, откуда они намерены нанести удар по врагу, и командующий принялся проверять, достаточно ли удачно сделан ими выбор.

Правофланговая 3-я армия располагала плацдармом за Днепром, вполне пригодным для нанесения удара. 48-я же армия находилась в гораздо худших условиях. Рокоссовский сам облазил передний край в буквальном смысле слова на животе и убедился, что наступать на этом участке невозможно. Только для того, чтобы перевезти легкое орудие, приходилось класть настил из бревен в несколько рядов. Почти сплошные болота с небольшими островками, поросшими кустарниками и густым лесом, исключали возможность сосредоточения тяжелой артиллерии и танков. Поэтому Рокоссовский приказал Романенко перегруппировать свои силы на плацдарм 3-й армии у Рогачева и действовать вместе с войсками Горбатова. Это решение Рокоссовского было вскоре подтверждено и Жуковым.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандующего прибыл на временный пункт управления 1-го Белорусского фронта в Дуревичах 5 июня. Здесь Жуков и Рокоссовский вместе с командармами и начальниками родов войск обсудили обстановку на правом фланге фронта и мероприятия, связанные с подготовкой наступления.

При этом как представитель Ставки, так и Рокоссовский главное внимание отводили проверке того, насколько тщательно изучена войсками местность в районе предстоящих действий, знают ли они систему обороны противника. На наблюдательном пункте 3-й армии они заслушали доклад командарма Горбатова о том, как планируется наступление. При этом обнаружилось, что решение, подготовленное штабом армии, сильно отличается

от указаний, данных командующим фронтом. Однако доводы Горбатова в пользу своего варианта были настолько убедительными, что Рокоссовский без колебаний утвердил его, хотя Жуков и выражал сомнения в правильности плана.

Подобная готовность Рокоссовского поступиться своим собственным решением, если он видел, что его подчиненный предлагает более правильное и обещающее больший успех, была вообще очень характерна для него. С Горбатовым он имел разногласия еще в начале 1944 года, когда командующий 3-й армией после одной неудачной операции со всей прямотой заявил, что его армия используется Рокоссовским неправильно. Ознакомившись с этой жалобой, Рокоссовский направил ее в Ставку. «Я побаивался, — писал впоследствии в своих воспоминаниях Горбатов, — что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился».

Лесистую, заболоченную местность должны были преодолеть в начале наступления и войска 65-й и 28-й армий.

7 июня Жуков и Рокоссовский отправились на участок 65-й армии. На КП Батова они приехали с рассветом. Батов их не ждал.

Первый вопрос Жукова был:

— Когда последний раз ездил в войска?

— Сегодня ночью.

— Куда?

— К Иванову, в 18-й корпус, на участок 69-й дивизии.

— Покажи на карте.

— Вот, видите, это болото...

— Добираться трудно?

— Нелегко. Лучше ехать ночью — местность простреливается немецкой артиллерией.

— Поедем сейчас.

Батову хотелось знать, почему так срочно, но спросить, конечно, было нельзя.

— Если поедем, товарищ маршал, то с небольшим сопровождением. Между машинами интервал установить надо в две-три минуты.

— Хорошо!

К опушке леса добрались, когда солнце еще только

поднималось над горизонтом. Туман висел над позициями, было прохладно. Жуков и Рокоссовский, одетые в черные регланы, зашагали к окопам. Батов волновался: вдруг немцы заметят! Но все сошло благополучно. На позициях лишь изредка пулеметные очереди. Вот и передовые подразделения. Рапорты командиров. Рокоссовский приказал:

— Оставайтесь на месте, занимайтесь своим делом.

Добравшись до первой траншеи, Жуков и Рокоссовский с различных участков стали наблюдать в бинокли, обмениваясь короткими замечаниями. У Батова, после того как он убедился, что начальство хочет оценить местность и глубину тактической обороны немцев, мелькнула мысль: «Ищут направление главного удара!»

Траншеей пошли на другой участок. По пути Рокоссовский спросил Батова:

— Почему здесь вы бываете чаще, чем в районе Паричей?

— Я бываю и там, товарищ командующий.

— Не хитрите, — Рокоссовский засмеялся, — я знаю, что здесь вы бываете почти каждый день, и это неспроста. Как вы считаете, возможны ли действия войск в направлении на Паричи?

— Возможности для продвижения войск там несравненно лучше, чем здесь. Но и противник ожидает наступления именно в направлении Паричей, оно не будет для него неожиданным. Участок, на котором мы только что были, немцы, вероятно, считают непроходимым для крупных сил. Выгоднее, мне думается, попробовать нанести удар здесь.

— А каковы реальные возможности? — вступил в разговор Жуков.

В ответ на это Батов стал приводить все известные ему сведения о местности.

— Это хорошо, что вы все уже продумали, — одобрил его Рокоссовский, — но здесь придется очень много поработать, чтобы сделать болото проходимым. Покажите, как вы готовитесь преодолеть эти топи.

Батов стал знакомить начальство с подготовительными работами для перехода через болота. В его армии, так же, впрочем, как и в других, солдаты и офицеры очень серьезно готовились к предстоящему подвигу — иначе продвижение с боем по заросшему кустарником болоту и не назовешь. Неподалеку от переднего края

пехотинцы учились плавать, преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу. Заготовлялись «мокроступы» — болотные лыжи, волокуши для пулеметов, минометов и легкой артиллерии. Саперы строили плоты и лодки. Но, конечно, главную заботу саперов составляло строительство гатей и дорог. Их в полосе 65-й армии было сделано уже немало. Ознакомившись с подготовкой, Рокоссовский одобрил ее.

— А о танках вы подумали? — спросил он.

— Да, если разрешите, сейчас покажем, как это выглядит.

Зрелище действительно было не совсем обыкновенным. Часа полтора Жуков и Рокоссовский просидели на траве у кромки болота, наблюдая, как танк за танком лезут в топь и преодолевают ее. Саперы снабдили каждую машину фашинами, бревнами и специальными треугольниками для перехода через противотанковые рвы. Наконец Рокоссовский приказал сделать перерыв. Жуков тут же на траве прилег отдохнуть, а командующий пошел к танкистам.

Он остановился у березки, прислонился к ней, наблюдая, как танкисты, весело переговариваясь, умывались у болотистого ручья, потом позвал:

— Идите сюда, товарищи.

Танкисты окружили его. Глядя на их здоровые, веселые лица, командующий улыбался.

— Я хотел вас отругать за то, что воду пьете из ручья, да вижу, что таким никакая хворь не страшна.

Началась беседа. Рокоссовский расспрашивал танкистов, трудно ли вести машины по бревенчатым гатям, какой скорости нужно придерживаться, как четко обозначить курс, чтобы не сбиться.

Когда настало время прощаться, командующий спросил:

— Какие будут у вас просьбы, товарищи?

Механик-водитель в замасленной и замызганной гимнастерке попросил:

— Товарищ командующий, прикажите выдать вторую пару обмундирования заместо спецовки... А то вот, — он поднял руку, показывая испачканный рукав гимнастерки, — в чем под машиной лежишь, в том и в строй идешь...

— Да это надо сделать. — Рокоссовский обернулся к Батову. — Павел Иванович, распорядитесь. — И пошел к машине.

Кто-то из генералов за спиной стал упрекать водителя:

— Почему у вас пуговицы не застегнуты? Вы солдат и должны следить за своим видом.

Рокоссовский оглянулся и сказал Батову:

— Вот так! Только человек скажет правду, а его сразу одернут: пуговицы не застегнуты...

После тщательной доразведки всей обстановки Рокоссовский принял окончательное решение прорывать оборону гитлеровцев двумя группировками: одной — севернее Рогачева, другой — южнее Паричей. В северную группировку он включил 3-ю, 48-ю армии и 9-й механизированный корпус. В паричскую группировку вошли 65-я, 28-я армии, конно-механизированная группа и 1-й гвардейский танковый корпус.

14 июня Рокоссовский и Жуков вновь прибыли в 65-ю армию для того, чтобы провести занятия — проиграть предстоящую операцию. Близ КП армии, в густой тени деревьев, оперативные работники штаба построили макет полосы наступления. Согласно заведенному еще со времени боев на Дону порядку военная игра начиналась докладом командарма, который подробно рассматривал обстановку, излагал свое решение на проведение операции и ставил задачи корпусам. Затем выступали комкоры и командиры дивизий. Детально отрабатывались задачи стрелковых и танковых соединений, план артиллерийского наступления и взаимодействие с авиацией. Рассматривалось возможное течение боя на отдельных участках, особенности построения боевых порядков. Рокоссовский подчеркивал необходимость досконального изучения характера местности в полосе предстоящего наступления, организации обороны противника и способов быстрейшего выхода на дорогу Слуцк-Бобруйск.

В последующие дни такие же занятия были проведены в других армиях. Хорошо подготовленный, слаженный штаб фронта, имевший огромный опыт, во время разработки Белорусской операции проявил свои качества в полной мере.

Немало труда от штабных офицеров требовало соблюдение строжайшей маскировки всего, что делалось в

войсках фронта. Все части перегруппировывались и сосредоточивались только ночью. Днем же в направлении от фронта по железным дорогам шли эшелоны с макетами танков и орудий. Специально для авиаразведки противника во многих местах наводились ложные переправы, прокладывались дороги. На участках, где наступление не предполагалось, сосредоточивалась артиллерия. Она проводила несколько огненных налетов, а затем орудия увозили в тыл, оставляя на месте их макеты. Малинин был просто неистощим в подобных выдумках.

Приходилось перевозить огромные массы войск и техники. Во время Белорусской операции фронт израсходовал более 400 тысяч тонн боеприпасов, около 300 тысяч тонн горючего и почти полмиллиона тонн продовольствия и фуража. Доставлено же этих грузов в период подготовки было еще больше. Немудрено, что железнодорожный транпорт не справлялся с перевозками. 11 июня Жуков докладывал Сталину:

«Продвижение транспортов с боеприпасами для 1-го Белорусского фронта происходит чрезвычайно медленно. В сутки сдается фронту один-два транспорта... Есть основание предполагать, что к установленному сроку фронт обеспечен не будет».

Транспортные затруднения в основном и явились причиной того, что начало операции пришлось перенести с 19 на 23 июня. Наконец к двадцатым числам июня все было готово. Войска четырех фронтов ждали только приказа, чтобы нанести захватчикам сокрушительный удар.

Прошло три года, как здесь же, в Белоруссии, разыгрались первые сражения Великой Отечественной войны. Тогда Красной Армии пришлось отступать под натиском превосходящих сил врага. Теперь же положение было совсем иным. В войсках четырех фронтов насчитывалось 1,4 миллиона человек, 31,7 тысячи орудий и минометов, 5,2 тысячи танков и САУ, около 5 тысяч боевых самолетов. Таковы были силы, которые оказалось в состоянии сосредоточить советское командование через три года после столь неудачного начала войны. Советским войскам противостояла достаточно внушительная вражеская группировка — 800 тысяч человек, 9,5 тысячи орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1300 боевых самолетов, но, как видно из сравнения этих цифр, перевес был целиком на стороне советских

войск. И это после трех лет войны, после тяжелых поражений и потерь! Воистину силы советского народа неисчислимы.

1-й Белорусский был наиболее мощным из четырех фронтов, начинавших операцию «Багратион». Только в войсках его правого фланга на 20 июня насчитывалось 435 тысяч солдат и офицеров, почти 1300 танков и самоходных установок, почти 7,5 тысячи орудий и минометов.

Надо сказать, что гитлеровское командование не ожидало удара такой силы на этом участке фронта. Германский генеральный штаб предполагал, что здесь будет нанесен лишь вспомогательный удар, направленный на то, «чтобы ввести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем». Исходя из этого ошибочного предположения, фашистское руководство сконцентрировало основные силы к югу от Полесья.

Предполагая, однако, что советские войска могут наступать и в Белоруссии, немцы сделали все, чтобы создать здесь сильную, глубоко эшелонированную оборону.

Главный оборонительный рубеж перед войсками 1-го Белорусского фронта состоял из сплошной полосы укреплений глубиной 6, а местами и 8 километров. В полосе имелось пять-шесть линий траншей, тянувшихся вдоль фронта. Все они соединялись между собою ходами сообщений, служившими одновременно и отсечными позициями.

Первая траншея, отрытая в полный профиль, имела много одиночных и парных стрелковых ячеек, пулеметных площадок, вынесенных вперед на 5—6 метров. В 80—100 метрах от траншеи немцы установили проволочные заграждения в один-два, а то и в три кола. Промежутки между рядами проволоки были сплошь заминированы. Далее, в глубине обороны, одна за другой тянулись траншеи: вторая — на удалении 200—300 метров от переднего края, третья — в 500—600 метрах, затем четвертая и в 2—3 километрах пятая траншея, которая прикрывала огневые позиции артиллерии. Проволочных заграждений между траншеями не было, лишь около дорог располагались минные поля.

Блиндажи, где укрывались солдаты, находились по-

зади траншей. Были построены и долговременные огневые точки, главным образом деревоземляные. Для устройства огневых точек немцы часто использовали башни танков, зарытых в землю. Легко вращавшиеся на 360 градусов башни обеспечивали круговой обстрел. В заболоченных местах, где рыть траншеи было невозможно, противник сооружал насыпные огневые точки, стенки которых укреплялись бревнами, камнями и засыпались землей.

Все населенные пункты были превращены немцами в узлы сопротивления. Особенно мощно был укреплен Бобруйск, вокруг которого имелись внешний и внутренний укрепленные обводы. Дома, подвалы, хозяйственные постройки на окраинах города были приспособлены к обороне. На площадях и улицах имелись железобетонные укрепления, баррикады, колючая проволока, заминированные участки.

Если учесть, что все эти укрепления располагались в крайне сложной для наступления местности, изобиловавшей болотами и лесами и затруднявшей использование тяжелой техники, особенно танков, то станет ясным, почему гитлеровцы рассчитывали отсидеться, отбить наступление советских войск. Как показали события, у них не было для этого ни малейших шансов.

В последние дни перед наступлением Рокоссовский вновь объехал войска, проверяя, все ли готово. Побывал он и на левом крыле фронта, которому предстояло вступить в дело позднее. В эти дни состоялось его знакомство с 1-й польской армией. В последующем судьба на несколько лет свяжет Рокоссовского с возрожденным Войском Польским, и важно подчеркнуть, что он был тем военачальником, под чьим командованием польские дивизии делали первые шаги в совместной борьбе с врагом.

Еще в 1941—1942 годах на территории СССР по договоренности с польским эмигрантским правительством в Лондоне была создана армия из поляков. Возглавил ее генерал довоенной Польши Владислав Андерс. Он, как и большинство офицеров армии, был настроен резко антисоветски. После того как Советское правительство помогло вооружить, обмундировать и обучить армию Андерса, руководители ее не пожелали принять участие в боях против немцев и в августе 1942 года, в момент, когда совет-

ские солдаты отражали наступление гитлеровцев на Сталинград, вывезли уже готовые к бою дивизии в Иран, а затем на Ближний Восток.

Но в СССР оставалось еще очень много поляков — патриотов, понимавших, что единственный возможный путь возрождения польского государства — это путь совместной борьбы с гитлеровскими захватчиками, плечом к плечу с советскими людьми. С мая 1943 года в СССР, в военных лагерях Сельцы под Рязанью, шло формирование 1-й польской армии. Первая дивизия этой армии, пехотная дивизия имени Т. Костюшко, в октябре 1943 года приняла боевое крещение в боях под белорусским местечком Ленино. К концу апреля 1944 года 1-я польская армия была уже в основном сформирована и 29 апреля приказом Ставки Верховного Главнокомандования передана в оперативное подчинение командующего 1-м Белорусским фронтом. В этот день командующий армией генерал Зигмунд Берлинг получил приказ Рокоссовского, в котором армии предписывалось скрытно от противника сосредоточиться к 15 мая северо-восточнее Луцка. «С выходом в указанный мною район армии составить резерв фронта, приступить к боевой подготовке, к боевому сколачиванию частей и созданию запасов основных видов материального обеспечения», — гласил приказ Рокоссовского.

Сосредоточение армии несколько задержалось, но вот теперь уже все ее соединения были на месте, и Рокоссовский ехал с ними знакомиться. Он волновался, и волнение это было естественным. За долгую военную жизнь ему никогда не приходилось думать о том, что под его руководством будет находиться столь большая воинская единица, состоящая из поляков, что его войска будут здесь, на пороге польских земель, готовиться к освобождению польского народа от ига захватчиков.

Рокоссовскому понравились и командиры будущего Войска Польского — генералы Зигмунд Берлинг, Александр Завадский, Кароль Сверчевский, Владислав Корчиц, — и солдаты. Все они горели одним желанием — скорее сразиться с врагом, который уже почти пять лет терзал Польшу. Одного желания, однако, здесь было мало, и Рокоссовский видел, что польским частям и соединениям еще необходимо время для подготовки. Поэтому они до середины июля оставались в резерве фронта. Пробыв несколько дней среди польских товарищей, Рокоссов-

ский поспешил вновь на правый фланг своего 700-километрового фронта.

Все было готово к началу наступления. Об этом Рокоссовский говорил с Жуковым, продолжавшим работу по координации деятельности армий фронта. Оба они пришли к выводу, что все в порядке. Дружная, целенаправленная и согласованная деятельность этих крупнейших военачальников нашей армии, во взаимоотношениях которых определяющим моментом было высокое стремление к единой цели — к победе над врагом, принесла свои результаты: 1-й Белорусский фронт был готов к наступлению.

Жуков решил ехать в 3-ю армию Горбатова, чтобы наблюдать за ходом боевых действий. Рокоссовский собирался отправиться в 28-ю армию А. А. Лучинского.

— Мы вам подадим руку помощи через Березину, — шутил на прощание Жуков, — вытащим вас из этих болот.

— Как знать, как знать, — улыбался Рокоссовский.— Желаю успеха!

Наступление войска 1-го Белорусского фронта начали утром 24 июня двухчасовой артиллерийской подготовкой. По 200 и более орудий на километр фронта располагались на участках прорыва. Они молотили гитлеровскую оборону, затем в наступление перешли пехота и танки. Северная группировка — 3-я и 48-я армия — в этот день, к сожалению, смогла лишь захватить первую и вторую траншеи врага.

Гораздо успешнее шло дело в полосе 65-й армии. Уже в первой половине дня оборона противника была прорвана, и генерал Батов ввел в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М. Ф. Панова. Вскоре Рокоссовский получил донесение от командарма-65: «Прорыв закреплен надежно. Танковый корпус, не встречая сильного сопротивления, идет к населенному пункту Брожа, обтекая с юга и запада бобруйский узел сопротивления».

Это сообщение, видимо, показалось преувеличенным Жукову. Вскоре Батов получил телеграмму: «Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии. Жуков». Когда же Батов вновь сообщил о крупном успехе его войск, телеграф отстучал короткую фразу: «Приеду смотреть сам».

К вечеру Жуков и Рокоссовский были у Батова на новом наблюдательном пункте в только что занятом ме-

стечке Гомза. Едва машины проскочили в местечко, как немецкая артиллерия из Паричей начала обстрел дороги.

— Жарко у тебя здесь, Павел Иванович, — сказал командующий фронтом.

— Ничего не поделаешь. Советую не задерживаться.

— Никуда не поедем, — ответил Жуков. — Давай обедать. И доложи, что с противником в Паричах.

— Мы его окружили. Сто пятый корпус приступил к уничтожению группировки.

— Отлично! Распоряжайся насчет обеда. — И, повернувшись к Рокоссовскому, маршал добавил: — Что ж, пожалуй, руку Горбатову придется подавать вам через Березину!

С утра следующего дня в прорыв на участке 65-й армии была введена конно-механизированная группа Плиева, противник начал отход на север и северо-запад. К исходу третьего дня наступления войска 65-й и 28-й армий вышли на оперативный простор. 26 июля прорвали оборону противника и войска армии Горбатова, 9-й танковый корпус генерала Б. С. Бахарова к утру 27 июня перехватил все переправы северо-восточнее Бобруйска. 9-я гитлеровская армия потерпела катастрофу — ее войска были окружены в Бобруйске и юго-восточнее его.

Пытаясь вырваться на север, гитлеровцы в течение дня 27 июня в районе юго-восточнее Бобруйска создали группировку, которая в ночь на 28 июня намеревалась начать прорыв. Но эта группировка была своевременно обнаружена воздушной разведкой. Жаркий июньский день, чем-то напоминавший день 22 июня 1941 года, уже клонился к вечеру, когда командующий 16-й воздушной армией Руденко получил приказ Рокоссовского: «Нанести удар по окруженной группировке до наступления темноты. Время удара и вылета, количество самолетов донести».

Командующий 16-й воздушной армией имел в своем распоряжении много самолетов, трудность заключалась в том, что удар предстояло нанести в считанные часы. Прошло то время, когда с танками врага нашим солдатам приходилось бороться с помощью бутылок, заполненных горючей смесью. В воздух поднялось 526 самолетов, из них — 400 бомбардировщиков, и вся эта арма-

да обрушилась на колонны войск противника. В течение полутора часов летчики сбросили на врага 11 300 бомб, выпустили 572 реактивных снаряда, расстреляли свыше 40 тысяч снарядов. Одна за другой группы самолетов атаковали противника и сумели превратить место его сосредоточения в ад. Клубы дыма от горевших автомашин, танков, горючего поднялись над лесом на 300—400 метров. Один за другим раздавались мощные взрывы — рвались боеприпасы. Густое облако пыли и дыма окутало скопление войск и техники врага, не поддающаяся описанию паника охватила солдат и офицеров. Всякое управление войсками было потеряно. Вскоре район, подвергшийся бомбардировке, стал огромным кладбищем.

Советские кинооператоры побывали в этом районе лишь на следующий день, 28 июня. Они, естественно, не успели заснять бомбардировку, но результаты ее засняли на пленку.

Специальная комиссия, рассматривавшая результаты авиационного удара под Бобруйском, установила, что наши летчики за полтора часа уничтожили до тысячи вражеских солдат, около 150 танков и штурмовых орудий, около 1000 орудий разного калибра, 6 тысяч автомашин и тягачей, до 3 тысяч повозок и 1500 лошадей.

В этот же день войска 1-го Белорусского начали уничтожение 10-тысячной группировки генерала Гамана в Бобруйске. Фашисты оборонялись отчаянно, рассчитывая на помощь извне. Когда же эта надежда не сбылась, они в ночь на 29 июня попытались пробиться из города в северо-западном направлении. Почти 5-тысячная колонна врага сумела вырваться из города и двинулась в направлении на Осиновичи, но вскоре была настигнута и уничтожена.

Войска 1-го Белорусского фронта за пять дней наступления достигли блестящего успеха: прорвав оборону врага на 200-километровом фронте, они окружили и уничтожили его бобруйскую группировку и продвинулись в глубину до 110 километров. 22 километра в сутки! И это несмотря на ожесточенное, отчаянное сопротивление врага! Достижение выдающееся, вне всякого сомнения, и командующий фронтом, организовавший этот стремительный бросок, конечно, заслуживал награды:

Указ
Президиума Верховного Совета СССР
о присвоении генералу армии
Рокоссовскому Константину Константиновичу
воинского звания Маршала Советского Союза.

Генералу армии *Рокоссовскому Константину Константиновичу* присвоить воинское звание *Маршала*[1] *Советского Союза.*

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР *М. Калинин*
Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль,
29 июня 1944 года».

Вырвавшись на оперативный простор, войска фронта, которым Ставка еще 28 июня дала новую задачу — частью сил наступать на Минск, а основными на Слуцк, Барановичи, — завершали окружение 4-й немецкой армии. В каждом городе, в каждом поселке, освобожденном от захватчиков, воины видели бесчисленные следы их преступлений: сожженные и разрушенные здания, трупы расстрелянных и повешенных людей.

Командующий фронтом проезжал одно за другим белорусские селения. На обочинах дорог неизменно стояли уцелевшие изможденные жители, приветствуя освободителей. Особенно радовались дети. Во время одной остановки машину маршала окружила группа ребятишек. На груди одного из них Рокоссовский увидел бирку с названием деревни и номером. Такие бирки гитлеровцы заставили носить всех жителей белорусских селений, чтобы отличить их от партизан. Это было уже известно Рокоссовскому, и тем больнее задел его испуг ребенка, когда один из офицеров штаба хотел снять бирку.

— Дядя, не надо снимать, а то немец расстреляет! — крикнул испуганный мальчик. Стоило большого труда убедить его, что немец ему уже больше ничего не сде-

[1] Маршал Советского Союза — высшее воинское звание, установленное 22 сентября 1935 года; присваивается Президиумом Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в деле руководства войсками. Особым знаком отличия Маршала Советского Союза является маршальская звезда.

лает, что он сюда, на белорусскую землю, больше не вернется.

После таких сцен чувство ненависти к захватчикам и желание сделать все, чтобы освободить своих соотечественников, росли неизмеримо. А захватчикам приходилось теперь очень несладко: во время поездки в войска армии Горбатова штабные машины переправлялись по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному для автотранспорта. Все поле в районе моста было усеяно трупами гитлеровцев.

Воодушевленные успешным началом наступления, войска подвижных соединений рвались вперед. 2 июля танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса приблизились к Минску, а на следующий день, на 4 часа позже, чем войска 3-го Белорусского фронта, наступавшие с севера, они ворвались на юго-восточную окраину столицы Белоруссии. Тем самым замкнулось кольцо окружения вокруг основных сил 4-й армии гитлеровцев, находившихся восточнее Минска. 3 июля после упорных боев Минск был очищен от врага.

Страшная картина открылась перед освободителями Минска. Город-красавец, по сути дела, не существовал, уцелели лишь немногие здания. Немногочисленные оставшиеся в живых горожане горячо приветствовали советских солдат.

Между тем более чем 100-тысячная группировка немецких войск агонизировала в лесах восточнее Минска. Атакуемые на дорогах партизанами, бомбардируемые с воздуха авиацией, немцы пытались прорываться то в одном, то в другом направлении. Но все попытки были тщетны. К 11 июля с группировкой врага было покончено.

17 июля по улицам Москвы прошли 57 600 гитлеровских солдат и офицеров, плененных во время разгрома врага в Белоруссии. Опустив головы брели впереди колонны фашистские генералы. Три часа, по двадцать человек в ряд, шли мимо молчаливых москвичей, заполнивших тротуары, захватчики. Им привелось победно маршировать по улицам Варшавы и Парижа, Праги и Белграда, Афин и Амстердама, Брюсселя и Копенгагена. Осенью 1941 года они были близки и к Москве, но в столицу нашей страны они могли попасть лишь в качестве военнопленных.

После разгрома врага под Минском в германском фронте образовался огромный четырехсоткилометровый разрыв, который гитлеровское командование не было в состоянии быстро заполнить. «Наступило наконец время, — писал позднее маршал Рокоссовский, — когда враг, развязавший войну, стал испытывать все то, что испытывали войска Красной Армии в начале войны. Но мы переживали свои неудачи, сознавая, что они в значительной степени объяснялись внезапностью вероломного нападения врага, знали, что они временные, и ни на минуту не теряли веры в победный исход войны. Врагу же пришлось испытать поражение после одержанных побед и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны, пожар которой он сам разжег».

После того как войска четырех фронтов на несколько дней ранее предусмотренного планом срока осуществили первую часть Белорусской операции, Ставка Верховного Главнокомандования 4 июля отдала им приказ о дальнейшем наступлении. 1-му Белорусскому фронту теперь предстояло, не прекращая преследования противника, концентрическим ударом 48-й и 65-й армий в общем направлении на Барановичи окружить и уничтожить группировку гитлеровцев в этом районе.

Уже через четыре дня эта задача была выполнена: стремительной атакой советских войск Барановичи 8 июля были освобождены. Советские войска продолжали наступление. Пытаясь найти рубеж, за который можно будет зацепиться, враг спешил отойти за реку Щару. Ее надо было форсировать с ходу. Начальника тыла генерала Антипенко вызвали к телефону. Говорил Рокоссовский.

— Перед нами Щара. Соблазнительно форсировать ее с ходу, но в войсках мало боеприпасов, а это делает предприятие сомнительным. Сможете ли вы подать за короткий срок 400—500 тонн боеприпасов? Немедленного ответа я не жду, подумайте часа два, если нет — я доложу Верховному Главнокомандующему и откажусь от форсирования...

Задача была сложной, но генерал Антипенко еще до истечения двухчасового срока мобилизовал необходимый автотранспорт. Если Рокоссовский просит — значит, это надо сделать во что бы то ни стало, это было законом для всех его соратников, и работники тыла, а им

во время Белорусской операции выпало немало трудных минут, всегда стремились к его выполнению. Рокоссовского уважали и его непосредственные подчиненные, и солдаты, и офицеры частей. Генерал Антипенко так писал о Рокоссовском:

«Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаюсь в том, что сам привязан к этому человеку, с которым меня связывает почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ровным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего.

К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда, когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду, что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которое нельзя не выполнить.

Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в сношениях с подчиненными к формуле «командующий приказал». В этом не было нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков».

Боеприпасы в 65-ю армию и к ее соседям попали вовремя, река Щара была форсирована с ходу, и к 16 июля армии 1-го Белорусского вышли на линию Свислочь, Пружаны, сделав за 12 дней 150—170 километров. Одновременно продвинулись войска 61-й армии, наступавшей в Полесье в очень тяжелых условиях. 14 июля они выбили врага из Пинска. Войска приближались к западным границам Белоруссии, освобождение многострадальной белорусской земли было уже близко.

Гитлеровские захватчики нанесли этой республике

колоссальный ущерб. Всему миру известны Орадур-сюр-Глан во Франции, Лидице в Чехословакии, населенные пункты, которые были уничтожены немцами и жителей которых они расстреляли. Трагедия этих западноевропейских городов велика. Но далеко не всем известно, что в Белоруссии подобные случаи были правилом. Многие десятки белорусских селений целиком, со всем населением, от грудных младенцев до дряхлых стариков, были уничтожены врагом. Всего же на территории Белоруссии погибло 2 миллиона 200 тысяч советских граждан.

После того как войска правого крыла 1-го Белорусского фронта к середине июля продвинулись далеко вперед, наступила пора и для левофланговых армий. Еще 7 июля Ставка утвердила план Люблинско-Брестской операции. Замысел Рокоссовского заключался в том, чтобы уничтожить люблинскую и брестскую группировки противника ударами войск фронта в обход Брестского укрепленного района с севера и юга и, продолжая продвижение на Варшавском направлении, выйти на широком фронте на рубеж реки Вислы.

18 июля пять общевойсковых армий (среди них, пока еще во втором эшелоне, и 1-я польская армия), танковая и воздушная армии левого фланга 1-го Белорусского перешли в наступление. Успех пришел сразу. В этот же день они прорвали оборону врага на фронте в 30 километров и углубились на 13 километров. 20 июля произошло знаменательное событие: на широком фронте советские солдаты вышли к Западному Бугу, к границе нашей Родины.

В июльскую пору на пыльных фронтовых дорогах, в гуще наступающих войск то и дело появлялся командующий 1-м Белорусским фронтом. Его походный, защитной окраски автомобиль можно было видеть то на одном, то на другом участке фронта. Подтянутый и стройный, всегда тщательно выбритый, командующий бывал и у пехотинцев, и у артиллеристов, заезжал и к танкистам и к авиаторам.

Конно-механизированная группа генерала Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский корпус и 11-й танковый корпус) начала переправу через Западный Буг. Эскадрон за эскадроном спускались к реке. Вброд шли батареи. Вот уже первые орудия на том берегу, вот они ведут огонь...

Из-за поворота дороги на большой скорости вылетают легковые машины и направляются к переправе, обгоняя кавалеристов. По рядам проносится:

— Рокоссовский! Рокоссовский...

Навстречу машине маршала скачет Крюков. Не доезжая до нее, он спрыгивает с лошади, передает поводья ординарцу, направляется к уже остановившейся машине и докладывает:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса переправляются через Западный Буг!

Рокоссовский здоровается с ним, группа генералов поднимается на высокий берег реки. Теперь ветераны корпуса издалека видят высокую фигуру маршала. Она хорошо знакома им: под его руководством в ноябре — декабре 1941 года они защищали Москву, под его руководством они пришли сюда, на западную границу Родины, пришли со славой и победами.

Рокоссовский смотрит в бинокль на переправу, на бесконечную череду войск и техники, исчезающих вдали, за рекой. Там, за Бугом, — Польша! Как давно он покинул ее! Кто мог подумать, что 18-летний каргопольский драгун, вместе с полком вынужденный уйти из Польши в 1915 году под напором германских войск, вернется сюда спустя тридцать лет во главе миллионной армии, вернется, чтобы руководить освобождением Польши от немецких фашистов. Воистину судьбы человеческие неисповедимы!

Что ждет его и войска руководимого им фронта в Польше? Рокоссовский знал, что политическое положение в польских землях чрезвычайно сложно. За годы оккупации, продолжавшейся вот уже почти пять лет, польский народ многое перенес. Миллионы граждан Польши были уничтожены захватчиками, угнаны в Германию. Теперь с востока шло освобождение, и подавляющее большинство поляков приветствовали Красную Армию, армию-освободительницу. Но в Польше существовали силы, которые смотрели на приближение советских войск как на угрозу своим собственным, эгоистическим планам, как на крушение надежд на воссоздание довоенной Польши, Польши помещиков и буржуазии. С того момента, как советские войска 20 июля вступили на территорию Польши, Рокоссовский становился не просто вое-

начальником над многотысячными армиями, но и политическим деятелем, каждый шаг, каждое действие которого имели значение в сложной борьбе политических сил тогдашней Польши. Следовало быть чрезвычайно осторожным, и надо сказать, что Рокоссовский сумел проявить крайнюю степень дипломатичности в обращении с польскими гражданами и польскими политическими деятелями.

После того как советские войска форсировали Западный Буг, правительство СССР опубликовало заявление, в котором говорилось:

«Советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить вражеские германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой сильной и демократической Польши. ...Советское Правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа».

Военный совет 1-го Белорусского фронта обратился к солдатам и офицерам со специальным воззванием, в котором разъяснялась цель освободительной миссии Красной Армии.

На четвертый день наступления армий левого фланга 1-го Белорусского фронта Рокоссовский получил директиву Ставки: не позднее 26—27 июля овладеть Люблином. Ставка поясняла, что овладения Люблином требуют интересы будущей независимой и демократической Польши.

Новая Польша родилась именно в эти дни. 21 июля 1944 года на освобожденной советскими войсками польской земле был создан Польский комитет национального освобождения, сыгравший роль центрального исполнительного органа народной власти. С волнением читали поляки торжественные слова манифеста, изданного комитетом:

«Поляки на родине и в эмиграции!

Поляки под немецким игом!

Соотечественники! Пробил час освобождения. Польская армия вместе с Красной Армией перешла через Буг. Польский солдат сражается на своей родимой земле. Над истерзанной Польшей вновь реют бело-красные флаги...»

Между тем советские солдаты стремительно продвигались вперед. Не 26—27, а 23 июля они штурмом взяли Люблин, а через два дня уже вышли к Висле в районе Демблина. Севернее в этот же день начались бои за Седльце...

В Люблине, на Замковой площади, тысячи горожан собрались на митинг, посвященный образованию Польского комитета национального освобождения. Древний польский город — первая столица нового народного государства — стал свидетелем единения польского и советского народов, единения, направленного на разгром общего врага. Восхищение собравшихся жителей Люблина вызвал парад войск 1-й армии Войска Польского. Восторженные, ликующие выступления горожан на этом митинге можно было бы суммировать в одной фразе: «Мы ждали освобождения с востока и не ошиблись».

Но вот к микрофону подходит командующий 1-м Белорусским фронтом. Он произносит несколько слов, и по площади расплывается гул удивления и восторга: Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, оказывается, говорит на польском языке. И тысячи люблинцев с напряженным вниманием слушают его. А Рокоссовский говорит о судьбе многострадальной Польши, о том, что пришел час освобождения польского народа, о том, что Красная Армия громит врага и вместе с ней начали сражаться уже и солдаты 1-й армии Войска Польского...

Дел у командующего 1-м Белорусским в эти дни много. Положение на фронте требовало его постоянного и строгого контроля. Войска продолжали безостановочное наступление, и казалось, что в ближайшее же время перед ними раскроется блестящая перспектива: освобождение первой европейской столицы, порабощенной гитлеровцами Варшавы.

Так считало и Советское Верховное Главнокомандование. На совещании в Ставке 27—29 июля было решено, что 1-й Белорусский фронт после овладения районом Брест и Седлец должен без остановок развивать наступление в общем направлении на Варшаву и не позже 5—8 августа овладеть ее предместьем — Прагой, захватив на правом фланге плацдармы на реке Нареве, в районе Пултуска. Левый фланг фронта должен был

обеспечить захват плацдармов на Висле, южнее Варшавы. Следует обратить внимание на то, что даже в той, исключительно благоприятной, по-видимому, обстановке, советское командование не считало возможным в ближайшие же дни добиться взятия Варшавы. И это понятно, поскольку в распоряжении Ставки не имелось крупных резервов, которые она могла бы выделить Рокоссовскому. В этот период советские войска вели упорные бои с противником в Прибалтике и Восточной Пруссии. Южнее 1-го Белорусского войска 1-го Украинского фронта, только что освободившие Львов, устремились к Висле: им предстояло создать плацдарм за этой рекой в районе Сандомира и выдержать жестокие схватки с противником, пытавшимся сбросить советских солдат в реку.

Тем временем в конце июля войска 1-го Белорусского продолжали наступать. 28 июля ими был освобожден Брест, в котором более трех лет назад, в первые дни войны, стояли насмерть его героические защитники. Успешно продвигались и армии южного фланга. 27 июля 69-я армия генерала Колпакчи вышла на Вислу, с ходу форсировала ее и 29 июля уже имела плацдарм на западном берегу у Пулавы. Пыталась совершить бросок 31 июля через Вислу и 1-я польская армия, но потерпела неудачу. Зато 8-я гвардейская армия, та самая 62-я армия, которая в Сталинграде не пропустила немцев к Волге, с боями прошла от великой русской реки до Вислы и которой спустя несколько месяцев предстояло завоевать славу армии, штурмовавшей Берлин, эта армия Чуйкова была более удачливой. Около 12.00 31 июля между Рокоссовским и Чуйковым происходит следующий диалог:

«Рокоссовский. Немедленно приступайте к подготовке форсирования Вислы на участке Мацейовице — Стенжица, чтобы дня через три начать форсирование с целью захвата плацдарма. Краткий план операции донести... 1 августа до 14.00.

Чуйков. Задачу понял. Прошу разрешения форсировать на участке от устья Вильги до деревни Подвежбе. Хочу, чтобы на том берегу фланги опирались на Пилицу и Радомку. Переправу могу начать не через три дня, а завтра утром. Все подготовительные работы проделаны, а чем быстрее начнем, тем больше шансов на успех.

Рокоссовский. У вас мало артиллерии и перепра-

вочных средств. Подкрепления от фронта вы сможете получить не раньше чем через три дня. Ставка придает этой операции большое значение и хочет, чтобы успех был обеспечен в максимальной степени.

Чуйков. Понимаю, но я рассчитываю прежде всего на внезапность. Если удар будет нанесен неожиданно, мне хватит тех средств, которыми располагаю. Прошу разрешения начать завтра утром.

Рокоссовский. Хорошо. Согласен. Еще раз все продумайте и пришлите донесение. Доведите до сведения командиров всех степеней, что солдатам и офицерам, отличившимся при форсировании Вислы, будет присвоено звание Героя Советского Союза [1].

Чуйков. Есть! Завтра начинаю. Немедленно посылаю сообщение с планом операции».

Интуиция и опыт не подвели командарма-8. Его войска начали в районе Магнушева переправу с утра 1 августа, а уже к концу дня на западном берегу Вислы Чуйков располагал плацдармом шириной в 15 километров и глубиной до 10. К 4 августа вся 8-я гвардейская армия была уже на плацдарме, вплоть до танков и тяжелой артиллерии. Теперь немцы могли атаковать сколько им угодно: сталинградцы Чуйкова умели защищать каждый клочок земли.

Успешно двигались на север, в направлении Праги, и корпуса 2-й танковой армии. За день 27 июля они прошли из района Демблина 45—55 километров и уже 30 июля вышли на подступы к Праге. В Варшаве явственно был слышен гром артиллерийской канонады, и казалось, освобождение наступит со дня на день.

Но к вечеру 31 июля перед фронтом 2-й танковой армии одно за другим стали появляться свежие немецкие соединения: спешно переброшенные сюда 19-я танковая дивизия, танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Викинг», парашютно-танковая дивизия «Герман Ге-

---

[1] За день до этого, 30 июля 1944 года, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось, что «за образцовое выполнение заданий Верховного Главнокомандования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство» Маршалу Советского Союза Константину Константиновичу Рокоссовскому присваивается звание Героя Советского Союза.

ринг» и ряд пехотных соединений 2-й немецкой армии. Уже с утра 1 августа советские танкисты оказались в тяжелом положении. Они были вынуждены вести бой с танковой группировкой противника, находившейся под защитой мощных инженерных сооружений на подступах к Праге. За 10 дней наступления 2-я танковая армия прошла более 300 километров, тылы ее растянулись, ощущалась острая нехватка горючего и боеприпасов.

Поэтому с утра 1 августа 2-я танковая армия получила приказ Рокоссовского отказаться временно от штурма Праги и переходить к обороне. И вот в этот-то момент в Варшаве вспыхнуло восстание.

Для того чтобы понять происходящее, надо хотя бы в общих чертах знать обстановку, сложившуюся к тому времени в Польше и Варшаве.

На протяжении всего периода войны в Лондоне находилось польское правительство в эмиграции, состоявшее из буржуазных деятелей, в подавляющем своем большинстве ярых врагов Советского Союза. Это правительство располагало в Польше вооруженными силами — Армией Крайовой (АК), действовавшей как в лесах, так и в подполье в крупных городах, особенно в Варшаве. Армия Крайова пользовалась благосклонностью и поддержкой Великобритании и США, постоянно получала от них оружие и средства, чего, разумеется, были лишены Армия Людова — вооруженные отряды, руководимые польскими коммунистами, — и другие группы Сопротивления. Армия Крайова, особенно ее руководитель, генерал Бур-Коморовский, враждебно относилась к другим антифашистским группам.

Когда в 20-х числах июля 1944 года на освобожденной от немцев территории Польши, в Люблине, начал свою работу Польский комитет национального освобождения (ПКНО), с первых же дней заявивший, что он намерен руководить восстановлением национальной государственности Польши, эмигрантские деятели всполошились. Могло случиться так, что они останутся без министерских портфелей, а будущая Польша станет жить и процветать без помещиков и буржуазии. И польское эмигрантское правительство принимает авантюристическое, преступное, обернувшееся трагедией для польского народа решение: еще до вступления в Варшаву советских войск поднять там вооруженное восстание, за-

хватить город и поставить советские войска и Советское правительство перед свершившимся фактом [1].

Все это делалось в строжайшем секрете от Советского правительства, не говоря уже о ПКНО и руководстве Армии Людовой в Варшаве. 1 августа в 17.00 по всей Варшаве начались выступления АК, к которым немедленно присоединились как другие группы Сопротивления, так и все население Варшавы, решившие, что пришел час действовать. И если руководителям польского эмигрантского правительства в Лондоне и Армии Крайовой восстание в Варшаве мыслилось как козырная карта в большой политической игре — игре, где ставкой являлось будущее Польши, то варшавяне-патриоты и не подозревали этого. Они слышали за Вислой гром орудий Красной Армии, приближавшийся с каждым часом, они думали, что уж если командование Армии Крайовой отдало приказ о начале восстания, то оно, конечно, договорилось с командованием советских войск о совместных действиях, и они единодушно взялись за оружие, чтобы помочь освободить свою столицу наступающим с юго-востока советским солдатам.

Слабо вооруженные, недостаточно хорошо организованные, но смелые и настойчивые повстанцы достигли многого. Они сумели захватить некоторые районы Варшавы, но не смогли сделать главного: овладеть вокзалами и мостами через Вислу. А именно через эти вокзалы и мосты на правый берег Вислы и двигались немецкие соединения, переброшенные гитлеровским командованием против танкистов 2-й танковой армии.

О том, что в Варшаве восстание, Рокоссовский узнал от собственных разведчиков утром 2 августа. Одновременно же ему донесли, что немецкие танковые дивизии атакуют корпуса 2-й танковой армии по всему фронту. Положение создалось тревожное.

Рокоссовский отправляется в войска. С наблюдательного пункта на высокой заводской трубе он впервые пос-

---

[1] Следует подчеркнуть, что подобные авантюры были не единичны: еще 6—7 июля 1944 года отряды Армии Крайовой сделали попытку захватить Вильнюс, который польские буржуазные деятели считали принадлежащим Польше. Попытка была неудачной, она привела лишь к гибели рядовых бойцов АК. Вильнюс был освобожден после ожесточенных семидневных боев 13 июля советскими войсками.

ле тридцатилетней разлуки видит Варшаву. Город его юности покрыт облаками дыма. Это горят дома Варшавы. То здесь, то там вспыхивают разрывы бомб и снарядов. Не надо быть опытным военным, чтобы понять: да, в Варшаве идет бой!

Но бой идет и рядом с ним, всего в двух-трех километрах, где его танкисты из последних сил отбивают атаки эсэсовских головорезов. Что же делать, чем он может помочь восстанию? Рокоссовский перебирает в уме все, что у него есть, и снова приходит к выводу: все силы его фронта заняты, у него нет резервов. Его правофланговые 48-я и 65-я армии ведут бои еще в ста с лишним километрах восточнее и северо-восточнее Варшавы, им предстоит форсировать Нарев, а это, видимо, будет нелегко. 70-я армия только что овладела Брестом и занята уничтожением остатков окруженных врагов. 47-я армия, ближайшая ко 2-й танковой, сражается у Седлеца фронтом на север. Южнее по Висле 1-я польская армия, 8-я гвардейская и 69-я армии только что форсировали реку, расширяют плацдармы, и их, конечно, в ближайшее же время ждут упорные бои за эти плацдармы.

Итак, у него нет сил, он не может коренным образом изменить положение! Нет, не такой виделась ему встреча с Варшавой!

3 августа положение под Прагой стало еще хуже. Гитлеровцам удалось оттеснить наши войска. Под угрозой окружения, с большими потерями советские танкисты начали отступление к югу. Теперь перед Рокоссовским возникала грозная перспектива — двигаясь далее к югу вдоль Вислы, немецкие танки могли отрезать войска армий, сражавшихся на плацдармах западнее Вислы. Приходилось бросать навстречу противнику все, что имелось в наличии, но лишь 5 августа, заняв оборону по реке Чарной, танкисты сумели остановить врага. О том, в каком состоянии находились в этот момент соединения 2-й танковой армии, свидетельствует следующая цифра: в боях на польской территории — в районе Люблина, Демблина, Пулавы и на подступах к Праге — армия потеряла около 500 танков и САУ. Вскоре, после подхода соединений — 47-й армии, танкистов отправили в тыл.

Но Варшава требовала помощи, она истекала кровью. И советское Верховное Главнокомандование стремилось

оказать эту помощь, хотя ни эмигрантское правительство, ни командование Армии Крайовой даже не считали нужным информировать его о целях и ходе восстания. Сталин приказал Жукову, находившемуся под Варшавой, и Рокоссовскому представить свои соображения. 6 августа Жуков и Рокоссовский доложили в Ставку: «1. Сильная группировка противника действует на участке Соколув, Подляски, Огрудек (10 км сев. Калушин), п. Станисланув, Воломин, Прага. 2. Для разгрома этой группировки противника у нас оказалось недостаточно сил». Жуков и Рокоссовский просили разрешить им воспользоваться последней возможностью — ввести в бой только что выделенную в резерв 70-ю армию, состоявшую из четырех дивизий, и дать на подготовку операции три дня. «Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным в связи с тем, что до этого времени мы не успеваем подвезти минимально необходимого количества боеприпасов». Однако и ввод в действие уставших и обескровленных дивизий 70-й армии положения не изменил. Варшава была рядом, но прорваться к ней не удавалось, каждый шаг стоил огромного труда.

Тем не менее советское командование намеревалось организовать новую наступательную операцию для освобождения Варшавы. Жуков и Рокоссовский представили в Генеральный штаб свои соображения по проведению операции, и на их основе был выработан план фронтовой операции.

Предполагалось, что разгром варшавской группировки врага будет осуществлен двусторонним охватом ее силами войск обоих крыльев 1-го Белорусского фронта. В это же время одна из армий ударом на север, вдоль западного берега Вислы, должна была рассечь эту группировку. Исходными районами для наступления должны были служить на юге уже имевшиеся плацдармы за Вислой, а на севере — плацдармы на реке Нареве, которые еще предстояло захватить. Честь овладения Варшавой план предоставлял 1-й польской армии. Начать наступательную операцию предполагалось не ранее 25 августа.

Следует учесть, что в этом наступлении 1-й Белорусский мог рассчитывать лишь на свои силы. Ставка не имела в тот момент крупных резервов, а развернувшиеся в Прибалтике, в Западной Украине и в Прикарпатье на-

ступательные операции поглощали все имевшиеся ресурсы.

В Варшаве тем временем шли бои, и повстанцам нужно было помочь. Во время одного из разговоров с Рокоссовским Сталин приказал еще раз внимательно рассмотреть вопрос о Варшавской операции и, пока идет подготовка, организовать доставку вооружения повстанцам. Он приказал также для установления связи сбросить в Варшаву парашютиста, снабженного рацией.

Но дело осложнялось в крайней степени тем, что Бур-Коморовский не желал вступать в какие-либо отношения с руководством Красной Армии. Парашютист же с рацией, сброшенный в Варшаву, не зная дислокации повстанцев, попал в лапы к немцам. Грузы, которые советские самолеты стали сбрасывать на парашютах повстанцам, часто попадали не по назначению, так как точное расположение повстанцев не было известно.

Между тем на Западе буржуазная пресса, в особенности польская эмигрантская, подняла крикливую кампанию, обвиняя советских руководителей в нежелании помочь восставшим. Сама мысль об этом вызывала негодование у Рокоссовского, как отмечает авторитетный и объективный свидетель. Речь идет об Александре Верте, корреспонденте английской газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-би-си в СССР в годы войны.

Этот английский корреспондент, родившийся в России и хорошо знавший русский язык, беседовал с командующим 1-м Белорусским фронтом 26 августа 1944 года в Люблине. Только что на главной площади древнего польского города состоялась торжественная церемония по случаю открытия памятника погибшим в битве за Люблин советским солдатам. Маршал был необычно суров. Первые его слова были:

«— Я не могу входить в детали. Скажу вам только следующее. После нескольких недель тяжелых боев в Белоруссии и в Восточной Польше мы в конечном счете подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В этот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

— Как далеко назад?

— Не могу вам точно сказать, но, скажем, километров на сто.

— И вы все еще продолжаете отступать?

— Нет, теперь мы наступаем, но медленно.

— Думали ли вы 1 августа (как дал понять в тот день корреспондент «Правды»), что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

— Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, хотя и не лобовой атакой, но шансов на это никогда не было больше 50 из 100. Не исключена была возможность немецкой контратаки в районе Праги, хотя теперь нам известно, что до прибытия этих четырех танковых дивизий немцы в Варшаве впали в панику и в большой спешке начали собирать чемоданы.

— Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

— Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск, не проконсультировавшись с нами.

— Но ведь была передача Московского радио, призывавшая их к восстанию?

— Ну, это были обычные разговоры. Подобные же призывы к восстанию передавались радиостанцией «Свит» [радиостанция Армии Крайовой], а также польской редакцией Би-би-си — так мне по крайней мере говорили, сам я не слышал. Будем рассуждать серьезно. Вооруженное восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии. Правильный выбор времени являлся здесь делом огромнейшей важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов [боев за Варшаву], и я признаю, что некоторые советские корреспонденты проявили 1 августа излишний оптимизм. Нас теснили, и мы даже при самых благоприятных обстоятельствах не смогли бы овладеть Варшавой раньше середины августа. Но обстоятельства не сложились удачно, они были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются. Нечто подобное произошло в марте 1943 года под Харьковом и прошлой зимой под Житомиром.

— Есть ли у вас шансы на то, что в ближайшие несколько недель вы сможете взять Прагу?

— Это не предмет для обсуждения. Единственное, что я могу вам сказать, так это то, что мы будем стараться овладеть и Прагой и Варшавой, но это будет нелегко.

— Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

— Да, однако немцы из кожи вон лезут, чтобы ликвидировать их. Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши, но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

— А вы не можете оказать варшавским повстанцам помощь с воздуха?

— Мы пытаемся это делать, но, по правде говоря, пользы от этого мало. Повстанцы закрепились только в отдельных точках Варшавы, и большинство грузов попадает к немцам.

— Почему же вы не можете разрешить английским и американским самолетам приземляться в тылу у русских войск, после того как они сбросят свои грузы в Варшаве? Ваш отказ вызвал в Англии и Америке страшный шум...

— Военная обстановка на участке к востоку от Вислы гораздо сложнее, чем вы себе представляете. И мы не хотим, чтобы именно сейчас там вдобавок ко всему находились еще и английские и американские самолеты. Думаю, что через пару недель мы сами сможем снабжать Варшаву с помощью наших низколетящих самолетов, если повстанцы будут располагать сколько-нибудь различимым с воздуха участком территории в городе. Но сбрасывание грузов в Варшаве с большой высоты, как это делают самолеты союзников, практически совершенно бесполезно.

— Не производит ли происходящая в Варшаве кровавая бойня и сопутствующие ей разрушения деморализующего воздействия на местное польское население?

— Конечно, производит. Но командование Армии Крайовой совершило страшную ошибку. Мы [Красная Армия] ведем военные действия в Польше, мы та сила, которая в течение ближайших месяцев освободит всю Польшу, а Бур-Коморовский вместе со своими приспешниками ввалился сюда, как рыжий в цирке — как тот

клоун, что появляется на арене в самый неподходящий момент и оказывается завернутым в ковер... Если бы здесь речь шла всего-навсего о клоунаде, это не имело бы никакого значения, но речь идет о политической авантюре, и авантюра эта будет стоить Польше сотни тысяч жизней. Это ужасающая трагедия, и сейчас всю вину за нее пытаются переложить на нас. Мне больно думать о тысячах и тысячах людей, погибших в нашей борьбе за освобождение Польши.

Неужели же вы считаете, — закончил он, — что мы не взяли бы Варшаву, если бы были в состоянии это сделать? Сама мысль о том, будто мы в некотором смысле боимся Армии Крайовой, нелепа до идиотизма».

Многого, очень многого не мог сказать Рокоссовский чрезмерно любознательному и дотошному корреспонденту Би-би-си. Но теперь, спустя столько лет после окончания войны, широко известны основные факты, свидетельствующие, что советский народ и в дни Варшавского восстания с честью выполнил свой интернациональный долг. Можно, к примеру, вспомнить приведенные в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» цифры: войска 1-го Белорусского фронта только за август и первую половину сентября 1944 года, то есть с того момента, как они стали вести боевые действия на польской территории, потеряли убитыми и ранеными 166 808 человек. Потери 1-го Украинского фронта лишь за август составили 122 578 человек. Итого 289 386 человек! И если до сих пор на Западе находятся люди, которые осмеливаются упрекать Красную Армию и ее руководителей в том, что они не захотели будто бы помочь восставшей Варшаве, то пусть эти люди вспомнят, что все людские потери Великобритании в этой войне на земле, в воздухе и на море составили 744 400 человек, а США потеряли на всех театрах 1076 тысяч человек. Пусть они сопоставят эти потери с цифрой — 289 386 советских солдат и офицеров, убитых и раненых лишь за месяц-полтора в боях за освобождение польского народа.

Впрочем, апелляции к совести буржуазных историков и писателей, ослепленных ненавистью ко всему советскому, заранее обречены на неудачу. Да наш народ и не нуждается в оправданиях: свершенное им в истории человечества столь величественно, что желание ума-

лить его роль подобно попыткам заслонить солнце. На протяжении столетий наш народ неоднократно спасал европейские народы от гибели. Так было в XIII веке, когда он своей грудью прикрыл развивающуюся культуру Западной Европы от диких орд татаро-монголов, так было в XIX веке, когда он повалил в бездну «тяготеющий над царствами кумир» Наполеона, так было в XX столетии, когда он поверг «тысячелетний рейх» Адольфа Гитлера.

В тот момент, когда Рокоссовский беседовал с А. Вертом, 1-й Белорусский фронт уже наступал, наступал с одной целью — помочь Варшаве. Но прорвать оборону врага при том остром недостатке боеприпасов, который испытывали войска, оказалось нелегко. Лишь армии правого крыла сумели захватить плацдарм за рекой Наревом. Наступательные возможности фронта иссякали. 29 августа Ставка отдала директивы о переходе к жесткой обороне трем Белорусским, 1-му и 4-му Украинским фронтам. Исключение составляли лишь войска правого крыла Белорусского фронта. Им предстояло продолжать движение по направлению к Варшаве.

В начале сентября 1944 года разведка 1-го Белорусского сообщила Рокоссовскому, что немецкие танковые части, находившиеся до этого под Прагой, атакуют плацдармы на Висле, южнее Варшавы. Значит, решил командующий фронтом, враг не ожидает наступления на Варшаву, раз ослабил свою группировку там. Немедленно об этом было доложено Сталину, и тот отдал соответствующий приказ.

4 сентября Рокоссовский был уже в 47-й армии, которой командовал Н. И. Гусев. На совещании в штабе армии Рокоссовский ознакомил присутствующих с приказом на наступление. 47-я армия должна была наступать на главном направлении. Во взаимодействии с соседями — 70-й советской и 1-й польской армиями — ей предстояло прорвать оборону врага, выйти к Висле и овладеть Прагой.

— На подготовку операции вам дается пять суток, — говорил Рокоссовский. — Из резерва фронта мы предоставим вам дополнительно артиллерийские и танковые части.

Рокоссовский подошел к карте, висевшей на стене, и обвел указкой полосу наступления армии.

— Боевая задача не из легких. Немцы глубоко эшелонировали оборону, они на весь мир кричат, что Прага неприступна. Правда, мы уже привыкли брать эти «неприступные» крепости, но все же Прага — крепкий орешек. Сил и средств у вашей армии, с учетом того, что мы дадим дополнительно, достаточно, чтобы операция была проведена успешно. Однако от вас потребуется немалое искусство, слаженность и прочное взаимодействие. Приказываю ни в коем случае не ориентировать солдат и офицеров на легкую победу. Одновременно требую сделать все, что можете, чтобы избежать лишних жертв.

Рокоссовский немного помолчал.

— Необходимо до предела тщательно соблюдать скрытность подготовки. Внезапность, неожиданность и мощный удар — это половина победы. Помните об этом постоянно. И напоследок — каждый солдат, каждый сержант и офицер должны знать цель операции, ее значение для нас и для польского народа!

После этого Рокоссовский отправился в части, беседовал с командирами и политработниками, с рядовыми бойцами, словом, делал то, что считал обязанным сделать всегда перед подготовкой наступления. Сопровождавший Рокоссовского вместе с командармом в этой поездке начальник Политуправления армии М. Х. Калашник пишет: «На меня произвело большое впечатление умение маршала вести разговор с людьми. Он мог каждого вызвать на откровенность, направить разговор на самое нужное, дать необходимый совет, подметить даже мелкое на первый взгляд упущение. Создавалось впечатление, что жизнь того или иного полка, который мы посещали, он знает не хуже самого командира. Объяснялось это, безусловно, тем, что командующий фронтом досконально знал войска, в полной мере был осведомлен об их нуждах и запросах, умел видеть то главное, основное, что в конце концов определяло успех или неудачу на поле боя. Высокий, стройный, мужественно-красивый, с блестящей военной выправкой, он обладал каким-то особенным обаянием, солдаты смотрели на него с гордостью и любовью».

Наступление началось 10 сентября, в полдень, — Рокоссовский старался избежать шаблона и в этом, ведь немцы привыкли к тому, что наступление обычно начиналось утром. Действия войск отличались большой напо-

ристостью, и в ночь на 13 сентября они ворвались в Прагу. Вот когда следовало поднимать восстание! Произойди оно в этот момент, восставшие могли рассчитывать на захват мостов и немедленную переправу советских солдат через Вислу. Теперь же немцы, отчаянно защищавшие в Праге каждый дом и каждую улицу, сумели взорвать мосты, и перед вышедшими 14 сентября на широком фронте к Висле советскими войсками оказалась широкая и глубокая река, на западном берегу которой немцы заблаговременно подготовили укрепления.

Еще 13 сентября, когда советские войска ворвались в Прагу, Рокоссовский доложил Сталину об этом. Сталин спросил, могут ли войска фронта начать операцию по освобождению Варшавы. Рокоссовский вынужден был дать отрицательный ответ. Тогда Сталин попросил помочь восставшим, чем можно, чтобы облегчить их положение.

В то время как польские части занимали позиции по берегу Вислы, фронтовая авиация начала переброску вооружения и боеприпасов повстанцам. Первые самолеты ПО-2 появились над Варшавой в ночь на 14 сентября. Зашевелилось наконец и командование Армии Крайовой. 15 сентября оно по радио вступило в связь с частями Красной Армии, действовавшими в Праге.

Прошло уже 45 дней с начала восстания, и они стоили жителям Варшавы сотен тысяч жизней. По приказу Гитлера немецкие солдаты безжалостно расстреливали всех, кто казался им подозрительным. Остальных угоняли в Германию. Специальные команды подрывников и поджигателей методически разрушали и сжигали дом за домом, улицу за улицей. И все же в центре города, в Мокотуве, Жолибоже и Чернякуве продолжали еще обороняться повстанцы, теснимые со всех сторон превосходящими силами гитлеровцев.

Командующий 1-м Белорусским фронтом приехал в Прагу 15 сентября. Машина его медленно пробиралась по улицам предместья Варшавы, где когда-то он бегал мальчишкой, где он начал свою трудовую жизнь. Как это давно было! И как все переменилось. Вот Рембертув, вот Козя Гура, вот Виленский вокзал! Он узнавал и не узнавал с детства знакомые места. Время, неуловимо бегущее время, оно изменило все. И война,

жестокая, неумолимая война, ее следы на каждом шагу!

Из машины пришлось выйти — рядом Висла, и с противоположного берега враги стреляют по всему живому. Осторожно дошли до блиндажа, расположенного почти у самого уреза воды. Непрерывно моросил дождь. Сквозь его пелену были видны руины Варшавы. Слева на Висле чернели развалины — это остатки моста, того самого моста, облицовкой которого когда-то занимался 16-летний паренек Костя Рокоссовский. Только теперь этот мост зовется иначе — мостом Понятовского, и немцы взорвали его позавчера, 13 сентября. Города, в сущности, нет — сплошные развалины, они кажутся нагромождением скал. С противоположного берега доносятся взрывы, ветер несет запах гари... Вот так и пришлось маршалу Рокоссовскому вновь увидеть Варшаву спустя тридцать лет: через Вислу из амбразуры блиндажа. «Разыгравшаяся в Варшаве трагедия не давала покоя, — писал он много лет спустя. — Сознание невозможности предпринять крупную операцию для того, чтобы выручить восставших, было мучительным».

Попыткой помочь восставшим было форсирование реки солдатами 1-й армии Войска Польского. С правого берега Вислы поляки видели, как пылает в огне Варшава. Верность своему народу звала их в бой. В ночь на 16 сентября первый батальон Войска Польского переправился через реку, за ним последовал еще один. 17 сентября на плацдарме в Варшаве было около 1000 бойцов, и предполагалось переправлять все новые и новые части.

Но переправа была чрезвычайно сложным делом. Из-за небольшой глубины реки у берега тяжелые понтоны не могли подойти к нему, артиллерийская и бронетанковая техника не могла быть переправлена. И погрузка и выгрузка происходили под жесточайшим артиллерийским и пулеметным огнем, польские солдаты гибли десятками.

И все же воины 1-й польской армии сумели зацепиться за противоположный берег. Однако пробиться к центру или в южную часть Варшавы они не смогли. Не удалось установить и контакт с восставшими — по приказу Бур-Коморовского, не желавшего ни в коей форме сотрудничать с частями Войска Польского, группы повстанцев отошли в глубь города.

Между тем немецкое командование принимало все меры к уничтожению плацдармов. Одна за другой следовали танковые атаки. Представитель Ставки при Войске Польском генерал-майор Н. М. Молотков докладывал: «С рассветом 21 сентября 1944 года противник при поддержке сильной артиллерийской подготовки и дымопуска атаковал подразделения Польской армии на западном берегу р. Висла. В результате прекратилась всякая связь со 2-м батальоном 6-го полка, который с 8.30 *вызвал артогонь на себя...»*

«Вызвал артогонь на себя...» Это значило, что мужественные польские солдаты и погибая стремились уничтожить врага!

«Прекратилась всякая связь с батальоном 8-го пехотного полка... Группа, состоящая из двух батальонов 9-го пехотного полка, в результате сильной контратаки противника оттеснена и к 18.00 21 сентября занимала небольшую восточную часть квартала...»

С каждым часом положение на плацдарме становилось тяжелее. «В таких условиях удержаться на западном берегу Вислы было невозможно, — писал впоследствии Рокоссовский. — Я решил операцию прекратить. Помогли десантникам вернуться на наш берег. К 23 сентября эти подразделения трех пехотных полков 1-й польской армии присоединились к своим частям». Остается добавить, что попытка форсирования реки стоила польским солдатам немалых потерь.

Трагедия Варшавы близилась к концу. Единственное, чем еще мог помочь Рокоссовский варшавянам, — это сбрасывать с самолетов оружие, боеприпасы, продовольствие. ПО-2 каждую ночь появлялись над Варшавой и с небольшой высоты сбрасывали грузы довольно точно, так как летчики располагали теперь координатами повстанческих районов. С 14 сентября по 1 октября 1944 года советская авиация совершила в Варшаву 2243 полета и сбросила восставшим 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 42 тысячи гранат, 3 миллиона патронов, 113 тонн продовольствия и 500 килограммов медикаментов.

28 сентября гитлеровцы предприняли в Варшаве решительный штурм, и через три дня повстанцы оказались на грани полного поражения. 2 октября командование Армии Крайовой отдало приказ о капитуляции. Лишь

несколько десятков повстанцев, в основном из Армии Людовой, сумели перебраться через Вислу. Варшавское восстание окончилось трагически.

Между тем севернее Варшавы советские армии продолжали наступление, пытаясь ликвидировать плацдарм противника в междуречье Вислы и Нарева, но добиться успеха никак не могли. Ставка же требовала во что бы то ни стало разделаться с плацдармом врага. Рокоссовский решил сам на месте выяснить обстановку и причины неудач:

«Ознакомившись с вечера с организацией наступления, которое должно было начаться на рассвете, я с двумя офицерами штаба прибыл в батальон 47-й армии, который действовал в первом эшелоне. Мы расположились в окопе. Со мной были телефон и ракетница. Договорились: красные ракеты — бросок в атаку, зеленые — атака отменяется.

В назначенное время наши орудия, минометы и «катюши» открыли огонь. Били здорово. Но ответный огонь противника был куда сильнее. Тысячи снарядов и мин обрушились на наши войска из-за Нарева, из-за Вислы, из фортов крепости. Ураган! Огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых крепостных, минометы обыкновенные и шестиствольные. Противник не жалел снарядов, словно хотел показать, на что он еще способен. Какая тут атака! Пока эта артиллерийская система не будет подавлена, не может быть и речи о ликвидации вражеского плацдарма. А у нас пока и достаточных средств не было под рукой, да и цель не заслуживала такого расхода сил.

Я приказал подать сигнал об отмене атаки...»

По возвращении на КП фронта Рокоссовский решил связаться со Ставкой и доложить о невозможности продолжения наступательных операций. В этом намерении он был поддержан Жуковым, вновь прибывшим на фронт в качестве представителя Ставки. Позвонив Сталину и доложив обстановку, Жуков просил разрешения прекратить наступательные бои на участке 1-го Белорусского фронта ввиду их бесперспективности. Части нуждались в отдыхе и пополнении.

В ответ Сталин предложил Жукову завтра же вылететь вместе с Рокоссовским в Москву.

На следующий день маршалы были в Ставке. Кроме Сталина, в кабинете находились Молотов и Антонов.

Жуков вспоминает:

«Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Ну, докладывайте!

Я развернул карту и начал докладывать. Вижу, И. В. Сталин нервничает: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально поглядывая то на меня, то на карту, то на К. К. Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и был чем-либо неудовлетворен.

— Товарищ Жуков, — перебил меня В. М. Молотов, — вы предлагаете остановить наступление тогда, когда разбитый противник не в состоянии сдержать напор наших войск. Разумно ли ваше предложение?

— Противник уже успел создать оборону и подтянуть необходимые резервы, — возразил я. — Он сейчас успешно отбивает атаки наших войск. А мы несем ничем не оправданные потери.

— Вы поддерживаете мнение Жукова? — спросил И. В. Сталин, обращаясь к К. К. Рокоссовскому.

— Да, я считаю, надо дать войскам передышку и привести их после длительного напряжения в порядок.

— Думаю, что передышку противник не хуже вас использует, — сказал Верховный. — Ну а если поддержать 47-ю армию авиацией и усилить ее танками и артиллерией, сумеет ли она выйти на Вислу между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил К. К. Рокоссовский. — Противник также может усилить это направление.

— А вы как думаете? — обращаясь ко мне, спросил Верховный.

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв, — снова повторил я. — А с оперативной точки зрения нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Варшаву надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас на фронте нет, но их следует сосредоточить. Одновременно нужно основательно подготовить и соседние фронты на Берлинском направлении к совместным действиям.

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся, — остановил меня И. В. Сталин».

Когда минут через двадцать Рокоссовский и Жуков вновь были приглашены в кабинет, решение было уже принято.

— Мы решили согласиться на переход к обороне наших войск, — сказал Сталин. — Дальнейшие планы будем обсуждать позже. Можете идти.

В тот же вечер Рокоссовский вылетел к войскам. Они перешли к обороне, но противник не оставил надежд на то, что ему удастся расправиться с плацдармами на Висле и Нареве. Магнушевский плацдарм южнее Варшавы все время подвергался атакам, на плацдарме же 65-й армии за Наревом некоторое время было спокойно. Немецкое командование сумело скрытно подготовиться и 4 октября нанесло внезапный удар, одновременно введя в действие большие силы. Уже в первые часы положение стало тревожным, и Рокоссовский с Телегиным, Казаковым, Орлом выехал к Батову.

Во второй половине дня он был на армейском КП.

— Противник с ходу не смог прорвать вторую позицию, хотя и подошел к ней вплотную, — докладывал Батов. — Противотанковая артиллерия отличилась. Здорово помогли также ИС-2[1], они с расстояния в два километра насквозь прошивали немецкие «тигры» и «пантеры». Мы подсчитали — шестьдесят девять танков горит перед нашими позициями.

— Немцы, я думаю, после того как не удался им прорыв в центре, могут изменить направление удара, — раздумывал вслух Рокоссовский, но в этот момент его прервал начальник связи армии:

— Товарищ маршал, вас к аппарату ВЧ, Ставка!

— Да... у противника до четырехсот танков, — докладывал Рокоссовский. — Сто восемьдесят он бросил в первом эшелоне... Удар очень силен. Да, в центре потеснил, войска отошли на вторую полосу... Командарм? Справится, я уверен. Помощь ему оказываем... Слушаюсь, — закончил разговор Рокоссовский. — Ну, Павел Иванович, — повернулся он к Батову, — сказано, если не удержим плацдарм...

Плацдарм был удержан, но бои продолжались здесь

---

[1] «Иосиф Сталин-2» — новый тип тяжелого советского танка.

вплоть до 11 октября. Потеряв более 400 танков и много солдат, немцы 12 октября перешли к обороне. Теперь настал черед войск Рокоссовского. Измотав противника, Рокоссовский сконцентрировал на плацдарме свежие соединения и 19 октября предпринял наступление, в результате которого плацдарм вдвое увеличился. Левее 65-й армии за Нарев была переправлена 70-я армия, и теперь можно было думать об использовании плацдарма для броска в глубь Польши, к границам Германии.

В середине октября большой и дружный коллектив штаба фронта, возглавляемого Рокоссовским, уже начал отрабатывать элементы новой фронтовой операции. Рокоссовский предполагал нанести главный удар с Пултуского плацдарма на Нареве в обход Варшавы с севера, а с плацдармов южнее Варшавы — в направлении на Познань. Но осуществить этот план ему не пришлось.

Вечером 12 ноября он вернулся на КП фронта из поездки на Пулавский плацдарм за Вислой и пошел в столовую ужинать. Не успел командующий фронтом сесть за стол, как дежурный офицер доложил, что его вызывает для разговора Ставка.

Сталин начал разговор с самого главного:

— Вы, товарищ Рокоссовский, назначаетесь командующим 2-м Белорусским фронтом.

Это было так неожиданно, что Рокоссовский не удержался от вопроса:

— Почему меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

— Вы ошибаетесь, — Сталин как будто ждал этого вопроса, — этот участок входит в общее Западное направление, и от тесного взаимодействия 1-го и 2-го Белорусского, а также 1-го Украинского фронтов зависит успех предстоящей решающей операции. На подбор командующих мы обращаем особое внимание. На ваше место назначен Жуков. Как вы смотрите на эту кандидатуру?

— Кандидатура вполне достойная.

— На 2-й Белорусский мы возложим очень ответственную задачу, усилим его, разумеется, соединениями и средствами. Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков.

— Я понимаю, товарищ Сталин. — Рокоссовский все же был разочарован, и Сталин это чувствовал.

— Если вы считаете необходимым, можете взять с собой на новое место тех работников штаба, которые вам нужны.

— Этого я не хочу. Сейчас на всех фронтах штабы хорошие.

— Вот за это благодарю!

На следующий день Рокоссовский, не дождавшись приезда Жукова, выехал к месту нового назначения. Ему не суждено было стать освободителем Варшавы.

В ГЕРМАНИИ

XIII века на побережье Балтийского моря, между Вислой и Неманом, на исконных славянских и литовских землях, обосновались «псы-рыцари» Тевтонского ордена. С течением времени они превратили Восточную Пруссию в мощный, выдвинутый на восток плацдарм для осуществления «Дранг нах Остен» — пресловутого «Натиска на Восток». Отсюда на протяжении семи столетий одно за другим следовали вторжения на земли соседей. Много горя и страданий принесли нашему народу эти вторжения, много раз объединенные силы русских, поляков и литовцев отбрасывали врагов. Но они приходили все вновь и вновь, влекомые бредовой идеей установления господства над нашими народами. Однако всему бывает конец.

Осенью 1944 года Восточная Пруссия, важный военно-промышленный район Германии, оказалась осажденной войсками Красной Армии: с востока и северо-востока на ее территорию ворвались армии 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, с юга же, в пределах польской области Мазовии, держали оборону войска 2-го Белорусского фронта, которым теперь и командовал Рокоссовский.

Еще в первых числах ноября 1944 года при разработке планов осенне-зимней кампании советское Верховное Главнокомандование пришло к убеждению, что для успешного наступления на главном — Берлинском — направлении необходимо разгромить восточнопрусскую группировку противника и тем самым развязать руки войскам 2-го Белорусского фронта для действий на этом основном направлении. Успех операции стратегически был очень важен и во многом определял ход завершающей кампании Великой Отечественной войны.

Об этом и говорил новому командующему Белорусским фронтом Сталин во второй половине ноября в Ставке.

— Вы должны все время помнить о необходимости

тесного взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом. — И Сталин красным карандашом вывел на карте, представленной ему Рокоссовским, красную стрелу, нацеленную во фланг противника. — Тем самым вы поможете Жукову, если наступление его войск замедлится.

Завершая беседу, Сталин сказал:

— Еще раз подчеркиваю, что ваш фронт — один из трех важнейших. 1-му и 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому — именно этим трем фронтам, вероятно, и предстоит завершить войну в Германии.

Рокоссовский возвратился на фронт. Вскоре он получил директиву Ставки:

«1. Подготовить и провести операцию с целью разбить пшаснышско-млавскую группировку противника и не позднее 10—11 дня наступления овладеть рубежом: Мышинец, Вилленберг, Найденбург, Дзялдово, м. Бежунь, м. Бельск, Плоцк, иск. Петркувек. В дальнейшем наступать в общем направлении Ново-Място, Мариенбург.

2. Главный удар силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии и одного танкового корпуса нанести с Рожанского плацдарма в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Оборону противника прорвать силами трех армий на участке 16—18 км по фронту.

На участок прорыва привлечь три артдивизии и создать плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 220 стволов на один километр фронта прорыва...

3. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с Сероцкого плацдарма в общем направлении Насельск, Плоньск, м. Бельск.

Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника частью сил левого крыла фронта... нанести удар в обход Модлин с запада с целью не допустить отхода варшавской группировки противника за р. Висла и быть в готовности форсировать р. Висла западнее Модлин...»

Поскольку 2-му Белорусскому фронту предстояла, как и обещал Верховный Главнокомандующий, очень важная операция, Ставка начала проводить усиление его войсками и техникой. Когда Рокоссовский принял фронт, в него входили 3, 48 и 50-я армии. Но вскоре из 1-го Белорусского фронта под командование Рокоссовского перешли 70-я и 65-я армии вместе со своими участками, а из ре-

зерва Ставки были выделены 2-я ударная, 49-я общевойсковые армии и 5-я гвардейская танковая армия. Таким образом, к началу января 1945 года в распоряжении Рокоссовского имелось семь общевойсковых армий, одна танковая, одна воздушная, танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, несколько артиллерийских дивизий прорыва, в целом вместе с тыловыми учреждениями более 880 тысяч человек, 2195 танков и САУ, более 11 тысяч орудий и минометов, полторы тысячи самолетов.

Войска 2-го Белорусского фронта к началу января держали оборону на 288-километровом участке, по восточному берегу Августовского канала, рекам Бобру и Нареву до Сероцка включительно. На западном берегу Нарева они удерживали два плацдарма.

Руководствуясь директивой Ставки, Рокоссовский принял решение прорвать оборону врага силами 3, 48 и 2-й ударной армий и 5-й гвардейской танковой армии на Млавском направлении с плацдарма у Ружан. Южнее, с плацдарма за Наревом, у Сероцка, на 10-километровом участке, должны были нанести удар 65-я и 70-я армии, для развития успеха которых намечалось ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус. Находившаяся на правом фланге 50-я армия активными действиями должна была сковывать силы врага.

Рокоссовский предусматривал, что прорыв главной полосы обороны войска фронта осуществят при темпе 10—12 километров в сутки, а в дальнейшем будут продвигаться со скоростью до 15 километров в день.

Чтобы привести в действие такую махину, как 2-й Белорусский фронт, чтобы обеспечить успешное наступление, требовалась самая тщательная подготовка, и Рокоссовский с первых же дней по вступлении в командование принялся за нее. Здесь, на 2-м Белорусском фронте, он нашел дружный, сплоченный и опытный коллектив работников штаба, работать с которым было легко и приятно.

Как и на 1-м Белорусском фронте, Рокоссовский по-своему, несколько необычно, построил работу штаба. Вот как об этом писал он сам: «...я применил оправдавшую себя систему работы на командном пункте. У нас имелась, как мы ее называли, штаб-квартира, где мы сообща обдумывали планы, принимали решения, заслушивали информации офицеров-направленцев, обсуждали всевозможные предложения, обменивались мнениями об исполь-

зовании различных родов войск, об организации взаимодействия между ними. Тут же отдавались необходимые распоряжения. В результате руководящий состав фронта постоянно был в курсе происходящих событий, и мы быстро на них реагировали. Мы избавлялись от необходимости тратить время на вызов всех руководителей управлений, родов войск и служб и на заслушивание длинных и утомительных докладов. То, что было приемлемо в мирное время, не оправдало себя в условиях войны. Начальник штаба фронта генерал А. Н. Боголюбов, очень педантичный, как и свойственно хорошему штабисту, сначала морщился: не по правилам! — но потом признал, что установленный мною порядок действительно лучше отвечает боевой обстановке».

На протяжении декабря 1944-го и начала января 1945 года командующий, как и всегда, посещал одну за другой армии фронта, на месте знакомясь с соединениями и их командирами, с обстановкой и местностью, где его войскам скоро предстояло наступать. Спокойно, без излишних волнений и тем более шума и криков разбирался Рокоссовский в решениях, принятых командующими армиями, и, если это было нужно, искусно исправлял, уточнял решения, но делал это так, чтобы не задеть самолюбия своих подчиненных.

Командующий 48-й армией генерал П. Л. Романенко должен был провести частную наступательную операцию, с тем чтобы улучшить позиции своих войск. На время этой операции Рокоссовский выделил ему артиллерийский корпус прорыва, некоторые части которого из-за распутицы не смогли вовремя прибыть в назначенные им районы. Хотя командующий артиллерией армии докладывал о невозможности переброски артиллерии в отведенные сроки и необходимости отложить операцию на два-три дня, генерал Романенко не захотел с этим считаться и заявил, что откладывать операцию он не собирается и потребовал «во что бы то ни стало» обеспечить готовность артиллерии. Это было явно невыполнимое требование, и Рокоссовскому стало известно о нем.

Командующий фронтом связался с командармом-48 и начал разговор, как всегда, спокойно и дружелюбно:

— Как ваши дела, Прокопий Логвинович?

Голос командарма был бодр:

— Завершаем подготовку, товарищ командующий, все в порядке. Завтра точно в срок начнем.

— А как с артиллерией? Корпус прорыва собрали?

— Да нет, только он один и подводит, еще не все бригады подошли. Но я отдал приказ, чтобы завтра точно в назначенный срок они все были готовы к открытию огня по плану.

— Прокопий Логвинович, а к чему вы торопитесь? Дороги, вы сами знаете, сейчас плохие, артиллеристы могут и запоздать. Я бы на вашем месте не торопился.

— Товарищ командующий, а вы разрешите дня на два отложить операцию?

— А почему нет? Ведь это ваша армейская операция, я вас жесткими сроками не связываю.

Романенко явно обрадовался:

— Спасибо, товарищ командующий. Мы со штабом все подсчитаем, и я вам доложу.

— Хорошо, Прокопий Логвинович. Желаю успеха.

Командующий положил трубку и мягко улыбнулся окружающим: вот, мол, и вся проблема!

Тщательно контролируя исполнение своих приказаний, Рокоссовский в то же время не проявлял ненужной подозрительности и полностью доверял своим подчиненным, если был убежден, что они знают свое дело. И. И. Федюнинский, командующий 2-й ударной армией, только что прибывшей из резерва Ставки, немедленно явился к Рокоссовскому, с которым они вместе начинали войну в Западной Украине, и доложил о состоянии армии.

По окончании доклада он спросил:

— Товарищ маршал, вы будете проводить смотр войскам?

— А дивизии у вас хорошие? — поинтересовался Рокоссовский. — Боевой опыт есть?

— Да, все дивизии имеют боевой опыт, укомплектованы полностью.

— Ну что ж, тогда я пока смотреть их не буду. Распорядитесь, чтобы ваш начальник штаба и командующий артиллерией приехали сюда, надо начинать готовить наступление с Наревского плацдарма.

Декабрь 1944 года прошел в подготовке. Все, от генерала до рядового, прекрасно понимали, что наступают завершающие месяцы войны. И повсюду Рокоссовский видел высокую сознательность своих подчиненных, проявлявшуюся даже в мелочах.

Вместе с командующим 2-й ударной армией он ехал ночью на плацдарм за Наревом. Ночь была очень тем-

ной, дорога — скверной, и Рокоссовский разрешил шоферу включить ненадолго фары. Но сразу же у какого-то мостика машину остановила девушка-регулировщица и начала выразительно отчитывать шофера за нарушение светомаскировки. Ее не смутило присутствие генералов в машине, она лишь сказала с укоризной:

— Эх, товарищи генералы, отдаете приказы, и сами же их нарушаете!

Рокоссовский засмеялся:

— А ведь она права!

— Это так, но зачем же ругаться? — заметил Федюнинский девушке.

— А что мне прикажете делать с вашим шофером? Он нарушает приказ!

— Молодец! — продолжал смеяться маршал. — Хорошо несете службу.

— Служу Советскому Союзу! — Регулировщица откозыряла и на прощание приказала шоферу: — Свет ты все-таки выключи!

Наступил январь 1945 года. Внезапно Ставка потребовала ускорить подготовку и перейти в наступление на шесть дней раньше, 14 января. Причины такого изменения срока были внешнеполитическими: в конце декабря 1944 года немецкие войска нанесли мощный удар по англо-американским войскам в Арденнах, там складывалось катастрофическое положение. В специальном послании Уинстон Черчилль просил Сталина ускорить начало наступления, и Советское правительство, верное своим союзническим обязательствам, немедленно откликнулось. Этих шести дней очень не хватало Рокоссовскому — еще не все было готово, в связи с перегрузкой транспорта еще не прибыло долгожданное пополнение. Тем не менее 2-й Белорусский фронт перешел в наступление 14 января. За день до этого начали операцию по разгрому восточнопрусской группировки врага войска 3-го Белорусского фронта, руководимого И. Д. Черняховским. В эти же дни пришли в движение и другие фронты: 1-й Украинский перешел в наступление 12 января, 1-й Белорусский — 14 января. Удар сокрушительной силы обрушился на врага.

Давно известно, что разбойник, отправляясь на грабеж, загодя готовит себе надежное убежище, куда можно будет перетащить захваченную добычу и где можно отсидеться в случае неудачи. На протяжении столетий не-

мецкие милитаристы укрепляли свою разбойничью цитадель — Восточную Пруссию. Особенно рьяно принялись они за это с конца XIX века в предвидении предстоящей войны с Россией, а военные теоретики прусского милитаризма — Шлиффен и Мольтке-младший — разрабатывали планы операций в Восточной Пруссии. Уже к началу первой мировой войны Восточная Пруссия, по сути дела, представляла собой единый мощный укрепленный район, справиться с которым оказалось не под силу русской армии в 1914 году. В последующие десятилетия строительство оборонительных укреплений продолжалось, и к началу 1945 года здесь была создана, казалось, непреодолимая оборона. Сотни мощных долговременных (железобетонных) огневых точек, траншеи, противотанковые рвы, бетонированные наблюдательные и командные пункты, различные проволочные препятствия (проволочный забор, спираль «Бруно», малозаметные препятствия), противопехотные минные поля, бетонные и деревянные надолбы, металлические «ежи», форты многочисленных крепостей, каменные строения в городах и деревнях, приспособленные к обороне, — думается, что достаточно только перечислить все это, чтобы понять, какую оборону предстояло прорвать советским солдатам. Вдобавок фашистские солдаты, и всегда оборонявшиеся упорно и до последней возможности, здесь, на границах собственной земли, дрались с отчаянием обреченных, сознавая, что пришло время расплаты за все содеянное на советской земле за долгие три года войны.

На направлениях ударов Рокоссовскому удалось создать мощные группировки: войска 2-го Белорусского фронта превосходили здесь противника в живой силе в 5 раз, в артиллерии — в 7—8 раз, в танках — в 9 раз. Поэтому, когда началась артиллерийская подготовка, командующий фронтом был спокоен: его войска должны, не могут не прорвать обороны врага. Досадно было только, что действия авиации в этот день исключались: во всей полосе фронта густой туман и обильный снегопад ограничивали видимость до 150—200 метров.

85 минут артиллерия обрабатывала позиции врага, и в первые часы боя активность его войск была незначительной. Но в дальнейшем они стали оказывать яростное сопротивление, а с утра 15 января перешли в контратаки, введя в бой все дивизионные и корпусные резервы и пытаясь ликвидировать трещины, образовавшиеся в обороне.

Продвижение войск замедлилось, а местами и вовсе прекратилось. В такой обстановке Рокоссовский принял решение ввести в бой танковые корпуса, что сразу изменило ход сражения. Оборона противника была прорвана, и войска 2-го Белорусского фронта устремились к Бромбергу, Грауденцу и Мариенбургу. К утру 19 января они прорвали фронт обороны противника на протяжении 110 километров и углубились на Млавско-Эльбинском направлении до 60 километров, то есть продвигались по 12 километров в сутки, как и предполагалось планом операции.

20 января произошло знаменательное событие — войска 3-й армии вступили в пределы Восточной Пруссии. На следующий день Рокоссовский получил директиву Ставки:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта продолжать наступление в общем направлении на Дойтш-Айлау, Мариенбург и не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, далее на юг р. Висла, Торн, отрезая противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию.

По выходе на р. Висла захватить плацдармы на западном ее берегу к северу от Торн.

Одновременно правым крылом фронта овладеть рубежом Иоганнесбург, Алленштайн, Эльбинг.

2. Иметь в виду в дальнейшем вывести большую часть сил фронта на левый берег р. Висла для действия в полосе между Данцигом и Штеттином. 19-я армия, сосредоточивающаяся в районе Острув-Мазовецки, с 1 февраля будет передана в состав войск 2-го Белорусского фронта».

Войска 2-го Белорусского уже 21 января выполняли предписания директивы Ставки. В этот день они овладели многими восточнопрусскими опорными пунктами, в том числе и Танненбергом.

Походная машина Рокоссовского летела по автострадам Восточной Пруссии мимо покинутых населением чистеньких немецких городков. Вот и Танненберг. Сложные чувства овладевают Рокоссовским. Всем, кто изучал военную историю, известно название этого городка. Здесь 15 июля 1410 года под Грюнвальдом у Танненберга объединенные русские, польские, чешские и литовские полки наголову разбили войско тевтонских крестоносцев. Здесь же, западнее Мазурских озер, в августе 1914 года примерно в том же направлении, что и

армии Рокоссовского, наступала 2-я русская армия генерала А. В. Самсонова. Тогда она вторглась в Восточную Пруссию и достигла поначалу значительного успеха, но затем вследствие несогласованности действий русских войск была наголову разбита. Погибло много русских солдат, генерал Самсонов застрелился. Немецкие историки назвали это сражение Танненбергским. В честь Гинденбурга, с именем которого связана победа, гитлеровское правительство соорудило огромный мемориальный комплекс.

Отступая, немецко-фашистские войска взорвали памятник. Теперь командующий 2-м Белорусским фронтом стоит перед его развалинами. Советские солдаты идут вперед безостановочно. Война пришла и на немецкую землю. Три с половиной года Рокоссовский видел разрушенные и сожженные города и села нашей Родины и соседней Польши, три с половиной года он твердо верил: настанет пора — и наши солдаты придут сюда. Он верил в это в июне 1941 года, когда догорали последние танки его корпуса, он был уверен в этом, когда его бойцы с гранатами в руках бросались навстречу врагу под Волоколамском, он был убежден в этом в приволжских степях, в виду пылающих развалин Сталинграда. Да, он верил в то, что завершит войну на земле агрессора, что ему, солдату с тридцатилетним стажем, удастся все же прийти сюда, на немецкую землю. И не только он верил в неизбежность такого поворота событий, в это верили и те, кто шел в огонь по его приказу на Днепре и Волге, на Дону и Десне, на Буге и Висле. И вот это свершилось!

Рокоссовский стоял перед взорванным памятником Гинденбургу, и вспомнились ему строчки совсем недавно прочитанных в газете стихов:

За горе, за все страдания,
Что видел наш мирный дом,
Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идем!

Но то, что позволительно поэту, не может быть дозволено ему, советскому полководцу и политическому деятелю. Красная Армия ведет войну не против немецкого народа, она взялась за оружие, чтобы разгромить агрессора и уничтожить в Германии фашизм и милитаризм, принесшие так много несчастья соседям Германии, да и

самому немецкому народу. В отличие от гитлеровских захватчиков, сеявших смерть и разрушения на оккупированной земле, воины Красной Армии должны вести себя с достоинством, свято хранить честь защитника социалистического государства, и он, Рокоссовский, сделает все, что в его власти, чтобы солдаты его фронта помнили: гитлеры приходят и уходят, а Германия, а народ германский остается!

Вступление в Восточную Пруссию солдаты и офицеры фронта Рокоссовского встретили с величайшим подъемом. «Вот она, берлога немецкого зверя, — говорили они. — Теперь мы отомстим гитлеровцам за все их злодеяния, совершенные ими на нашей земле». В сознании многих солдат вначале не укладывалось, как после тех зверств, что творили фашистские захватчики на советской земле — и это солдаты и офицеры на протяжении трех с половиной лет видели собственными глазами, — можно относиться великодушно к немцам. На этот счет в «Истории Великой Отечественной войны» говорится: «...не все советские бойцы правильно понимали, в чем должна выражаться месть и как надо вести себя в Германии. В первые дни боевых действий на территории Восточной Пруссии были отдельные факты нарушения норм поведения». Этого нельзя было допустить, командование и политуправление фронта позаботились о том, чтобы каждому солдату и офицеру была ясна сущность гуманной советской политики в отношении мирного немецкого населения. Был издан специальный приказ, партийные и комсомольские организации войск в течение одного-двух дней разъяснили воинам требования этого приказа. И воины 2-го Белорусского фронта оказались на высоте — больше Рокоссовскому не приходилось встречаться с подобными нарушениями воинского кодекса, хотя по дорогам Германии его войска проделали немалый путь.

Войска 2-го Белорусского фронта, гоня перед собой объятые паникой и потерявшие управление соединения 2-й немецкой армии, быстро продвигались к Балтийскому морю. То, что было не под силу солдатам Самсонова в августе 1914 года, солдаты Рокоссовского сделали быстрее всех намечавшихся сроков. Не 2—4 февраля, как предписывала Ставка, а вечером 23 января танкисты передового отряда 31-й танковой бригады под командованием капитана Г. Л. Дьяченко ворвались в Эльбинг. По-

явления их никто не ждал, Эльбинг жил обычной жизнью тылового города: работала электростанция, ходили трамваи, по улицам гуляли горожане. И вдруг — советские танки! С зажженными фарами, стреляя по вражеским автомашинам, промчались советские танкисты по центральным улицам города. Поднялась паника, а танкисты, не задерживаясь в городе, устремились к берегу Балтийского моря, к заливу Фришес-Хафф, и вскоре уже были на его побережье.

С выходом войск 2-го Белорусского фронта к этому заливу все сухопутные коммуникации восточнопрусской группировки врага были перерезаны. С 14 по 26 января армии фронта продвинулись с боями на 200—220 километров, овладели крепостями Модлин, Млава, Фордон, Мариенбург и окружили крепость Торн. За эти 12 дней они освободили территорию северной Польши площадью до 20 тысяч километров и заняли около 14 тысяч квадратных километров территории Восточной Пруссии.

Однако с 27 января оперативная обстановка в полосе наступления 2-го Белорусского фронта осложнилась. Немецко-фашистское командование предприняло контрудары, имевшие целью отбросить советские войска от залива и деблокировать свою восточнопрусскую группировку. Контрудар гитлеровцев начался в ночь на 27 января.

Эта ночь хорошо запомнилась Рокоссовскому. С вечера поднялся ураганный ветер, и разыгралась метель. Одно за другим в штаб-квартиру командующего поступали тревожные сообщения: командующий 48-й армией докладывает, что противник наступает большими силами, и возникает опасение, удастся ли его сдержать. Командующий 5-й гвардейской танковой армией В. Т. Вольский докладывает Рокоссовскому, что неприятель приближается к его командному пункту, и просит разрешения со штабом перейти в распоряжение войск 2-й ударной армии И. И. Федюнинского. Действовать надо быстро, и Рокоссовский перебрасывает на угрожаемое направление стрелковый, механизированный и два танковых корпуса, основные силы кавалерийского корпуса, механизированную бригаду, пять истребительно-противотанковых бригад и стрелковую дивизию.

Вскоре мимо окон командного пункта на галопе стали проноситься кавалеристы корпуса Н. С. Осликовского. Сам командир корпуса заскочил в штаб и доложил, что его головной полк уже в районе действий, ведет бой с

прорвавшимися в расположение 48-й армии войсками противника.

Метель тем временем не ослабевает, на дорогах возникают сугробы, и в таких условиях кавалеристы Осликовского имеют неоспоримое преимущество перед пехотой. Снежные заносы мешают и врагу. Советские части, обойденные в населенных пунктах, занимают круговую оборону и сопротивляются до конца. 28—30 января бои идут с переменным успехом, но к 31 января гитлеровские войска вынуждены отойти на исходные позиции. Деблокада восточнопрусской группировки не состоялась.

Только сумел Рокоссовский справиться с этой угрозой, как положение обострилось на другом участке. В районе города Торна (Торунь) 70-я армия блокировала группировку гитлеровцев. По оценке командарма-70, в ней было всего 5 тысяч солдат, и потому для ее ликвидации выделялась лишь ослабленная стрелковая дивизия и один полк без достаточного количества артиллерии. На самом же деле в гарнизоне Торна насчитывалось около 30 тысяч солдат, и этот просчет привел к необходимости вести тяжелые бои.

Вечером после ужина в штаб-квартире к Рокоссовскому обратился начальник тыла фронта И. М. Латунов:

— Товарищ командующий, из Торна пришло несколько поляков. Они говорят, что в городе полно солдат, у них танки, бронемашины, артиллерия.

— А где были задержаны эти поляки?

— Да никто их не задерживал, товарищ командующий, просто они зашли к нам в госпиталь и сказали, что на пути никого из наших солдат не встречали. Это встревожило начальника госпиталя, он и позвонил мне.

Рокоссовский с начальником штаба только начали обсуждать, какие силы следует выделить для ликвидации торунского гарнизона, как комфронта вызвали к телефону.

Говорил командарм-70 Попов:

— Товарищ командующий фронтом! Противник прорвал кольцо и движется на север, к Грауденцу. Войск у него гораздо больше, чем мы предполагали.

— Что вы предприняли?

— У меня нет войск под руками, противник приближается к моему командному пункту. Прошу вашего разрешения перенести его.

— Хорошо, переходите в ближайшую дивизию и немедленно принимайте меры к ликвидации противника.

Я сейчас позвоню Батову и прикажу ему переправить на восточный берег войска навстречу немцам.

Рокоссовский связался с командующим 65-й армией, войска которой вели бои за расширение плацдармов на западном берегу Вислы в нижнем ее течении:

— Павел Иванович, противник вырвался из Торна и движется по тылам 70-й армии к вашим переправам и к Грауденцу, где немцы еще сохранили переправы. Надо принимать меры! Что у тебя есть на восточном берегу?

— Дивизия и полк.

— Этого мало! Переправь обратно с плацдарма минимум две дивизии, иначе их не сдержать.

Батов немедленно начал исполнять приказ Рокоссовского. Объединенными усилиями двух армий прорвавшаяся группа войск гитлеровцев была окружена на правом берегу Вислы, к востоку от Хелмно, уже на открытой местности, а не в городе-крепости. После нескольких дней боев группировка была разгромлена, 12 тысяч фашистов попали в плен и лишь около 3 тысяч сумели переправиться через Вислу.

Отражая попытки врага деблокировать восточнопрусскую группировку, уничтожая гарнизоны немецких крепостей в своем тылу, войска левого крыла фронта одновременно расширяли свои плацдармы на левом берегу Вислы и готовились к наступлению в Восточной Померании.

Это наступление началось без оперативной паузы и явилось, по существу, продолжением наступательных действий войск 2-го Белорусского фронта, но с новыми целями и задачами. Уже в ходе боев в Восточной Пруссии Рокоссовский, своевременно информированный Ставкой о дальнейшем развитии событий на правом крыле советско-германского фронта, сумел правильно оценить обстановку и произвел некоторую перегруппировку своих войск. Не ослабляя внимания к боям в Восточной Пруссии, он постарался усилить левое крыло фронта и к моменту получения директивы Ставки имел здесь группировку, позволявшую развивать наступление без паузы. Таким образом, Рокоссовскому удалось обеспечить непрерывность ударов по противнику и их нарастающую силу.

8 февраля Ставка приказала Рокоссовскому перейти в наступление с целью разгрома восточнопомеранской группировки врага. Силы левого крыла фронта и его центра должны были начать наступление 10 февраля. Четыре

свои правофланговые армии Рокоссовский должен был передать 3-му Белорусскому фронту, на который Ставка возложила завершение разгрома врага в Восточной Пруссии. В тот же день Рокоссовский отдал приказ, формулировавший ближайшие задачи армий фронта. Вскоре он направил в Ставку свои соображения о дальнейших действиях войск. Учитывая состояние войск фронта, Рокоссовский предполагал уменьшить пространственный размах операций, заменить намечавшийся фронтальный удар по всей восточнопомеранской группировке маневром на окружение ее части путем отсечения 2-й немецкой армии.

Предложения Рокоссовского об изменении плана Ставки были вызваны состоянием войск фронта. В январе — феврале 1945 года они понесли большие потери, были утомлены и требовали отдыха. В дивизиях насчитывалось не более 3—4 тысяч человек. Исправных танков в соединениях фронта не было и трехсот. Все это и вызывало тревогу Рокоссовского.

Начавшиеся 10 февраля действия 2-го Белорусского фронта были довольно успешными. За 10 дней его войска продвинулись на 40—60 километров, но все же полностью выполнить задачу Ставки не смогли. Поэтому Верховное Главнокомандование решило привлечь для разгрома восточнопомеранской группировки и войска 1-го Белорусского фронта. Оба фронта смежными флангами должны были наступать на север, рассечь вражескую группировку, выйдя к Балтийскому морю. Затем войска 2-го Белорусского фронта должны были повернуться фронтом на восток, ликвидировать восточную часть вражеской группировки и овладеть городами Данцигом и Гдыней.

Выделенные Ставкой для удара на левом фланге фронта 19-я армия и 3-й танковый корпус еле-еле успевали сосредоточиться в районе, откуда им предстояло действовать, но все же намеченные сроки были выдержаны. Рокоссовский вновь показал завидное умение в кратчайший период концентрировать на ударных участках необходимое количество войск и техники. При незначительном общем превосходстве в силах над противником в полосе шириной 17 километров на направлении главного удара армии Рокоссовского превосходили врага по пехоте почти в 3 раза, по танкам и самоходной артиллерии — в 2 раза, по минометам — в 4,5 раза и по орудиям — в 3 раза.

После сорокаминутной артиллерийской подготовки 19-я армия утром 24 февраля перешла в атаку и к исходу дня продвинулась на 10—12 километров. С утра следующего дня Рокоссовский ввел в прорыв 3-й гвардейский танковый корпус генерала А. П. Панфилова, и в тот же день обозначился крупный успех: преодолев за день 40 километров, танкисты вышли на оперативный простор. После этого они еще прибавили темп наступления. Сбивая вражеские части прикрытия, обходя опорные пункты, оставляя их для разгрома пехоте, танкисты Панфилова устремились к северу, к берегу Балтийского моря. Теперь, в 1945 году, немецко-фашистским войскам не удавалось противодействовать умелым маневрам советских танкистов, наступавших решительно и смело.

Стремительное продвижение танкистов и радовало и беспокоило Рокоссовского. Дело в том, что они, наступая на север, не имели обеспечения с левого фланга, так как войска 1-го Белорусского фронта должны были перейти в наступление только 1 марта. Об этом Рокоссовский говорил с Верховным Главнокомандующим:

— По данным разведки, товарищ Сталин, в Ной-Штеттине, который находится западнее разграничительной линии, концентрируются войска немцев. Я боюсь, что, если Жуков не начнет вскоре наступление, они ударят нам в открытый левый фланг. Существует реальная угроза этого.

— Попробуйте сами обеспечить фланг, — предложил Сталин.

— У меня нет для этого сил, все резервы исчерпаны. Прошу в этом случае усилить фронт войсками или же обязать 1-й Белорусский побыстрее начать наступление.

— А войска вашего фронта не смогут занять Ной-Штеттин? — Несмотря ни на что, Сталин казался очень довольным ходом событий на 2-м Белорусском фронте. — Если вы это сделаете, в вашу честь дадим салют.

— Мы попытаемся, — отвечал Рокоссовский, — но это не меняет дела в корне — все равно фланг наш открыт.

— Я поговорю с Жуковым, — пообещал Сталин.

Рокоссовский тут же связался с Осликовским, приказал командиру 3-го гвардейского кавалерийского корпуса атаковать Ной-Штеттин и сообщил ему об обещании

Верховного Главнокомандующего дать салют. В этот же день кавалеристы Осликовского завязали бой за Ной-Штеттин, обошли его с флангов и тыла и 28 февраля овладели городом. За это они были заслуженно вознаграждены приказом Верховного Главнокомандующего и салютом в Москве.

Тем временем танкисты Панфилова после некоторой перегруппировки возобновили свой бег к морю. Однако к исходу 2 марта Рокоссовский обнаружил, что опасность угрожает далеко продвинувшимся вперед танкистам теперь уже с правого фланга — в районе города Руммельсбурга враг собрал большую группу своих войск, явно намереваясь ударить по открытому флангу 19-й армии.

Однако из этого замысла ничего не вышло. Навстречу врагу были брошены пехотинцы 40-го стрелкового корпуса. Понеся большие потери, враг откатился на северо-восток.

3 марта танкисты возобновили продвижение, и к вечеру их передовые отряды были уже на побережье Балтийского моря.

Генерал Панфилов докладывал Рокоссовскому:

— Мы вышли к Кеслину. Оборона вокруг города мощная. Пленные говорят, что в городе сильный гарнизон.

— Что вы собираетесь делать?

— Буду брать город, — твердо ответил Панфилов.

— Хватит ли сил? — засомневался Рокоссовский.

— Хватит. Пехота со мною.

— Хорошо, — одобрил комфронта.

Штурм начался незамедлительно, и утром 5 марта Кеслин был очищен от врага. Тем самым 2-я немецкая армия была отрезана от остальных сил, находившихся в Восточной Померании.

На следующее утро в штаб фронта прибыл гонец из 3-го гвардейского танкового корпуса. На стол перед Рокоссовским он торжествено водрузил три закупоренные бутылки.

— Что это? — удивился Рокоссовский.

— Балтийская вода, товарищ командующий фронтом. — Голос гонца звучал гордо.

Рокоссовский засмеялся, вышел из-за стола, взял одну из бутылок, откупорил, понюхал.

— Пахнет водорослями! Попробуем, какова на вкус. — От отхлебнул прямо из горлышка и тут же сплюнул. — Соленая! Ну что ж, это хороший подарок!

Вода из Балтийского моря! Вот куда мы пришли, а были у Волги! — Он повернулся к гонцу. — Передайте мою благодарность молодцам-гвардейцам за такой подарок!

Теперь, после рассечения восточнопомеранской группировки, Ставка потребовала от 2-го Белорусского фронта разгромить и уничтожить врага в районе Данциг — Штольп. Для этого армии левого крыла следовало повернуть фронтом на восток.

Если читатель посмотрит на карту, то он увидит на берегу Данцигской бухты три расположенных рядом города — Гдыню, Цоппот (ныне — Сопот, известный курорт) и Данциг (Гданьск). Они, по сути дела, слились в один город. Во время войны эти укрепленные города-порты с их верфями и многочисленными военными кораблями были мощной крепостью.

Войска 2-го Белорусского фронта продолжали наступление, но медленно. Им явно не хватало подвижных соединений, и Рокоссовский был вынужден обратиться в Ставку с просьбой передать в его распоряжение хотя бы временно одну из двух танковых армий 1-го Белорусского. Согласившись с его доводами, Сталин обещал немедленно отдать распоряжение о временной передаче фронту 1-й гвардейской танковой армии, и с 8 марта эта армия перешла в распоряжение Рокоссовского.

Тем временем 2-й Белорусский продолжал наступать. Заметного успеха добились танкисты все того же 3-го гвардейского корпуса. 8 марта они стремительной атакой захватили один из крупнейших городов Померании, Штольп, и продолжали продвижение на восток. Для характеристики того, насколько решительно и умело действовали теперь, на исходе четвертого года войны, советские солдаты, можно привести следующий эпизод.

После захвата Штольпа для обеспечения своего фланга с севера командование корпуса выделило небольшой отряд — взвод танков, взвод бронетранспортеров и взвод мотоциклистов — и отправило его к маленькому приморскому городку Штольпмюнде. Вблизи этого городка советские бойцы настигли колонну врага, состоявшую из трех бронетранспортеров, танка и двух рот мотопехоты. На большой скорости советские танки ударили в хвост колонне. 12 автомобилей с пехотой были разбиты огнем и гусеницами танков. Первыми же выстрелами танкист Бородулин подбил немецкий танк. Бронетранспортеры пы-

тались скрыться, но попали в засаду, устроенную обогнавшими их советскими мотоциклистами. Первый бронетранспортер от взрыва двух умело брошенных гранат перевернулся и загородил дорогу остальным. Оставшиеся в живых фашисты сдались, советский же отряд устремился в Штольпмюнде, ворвался в город и после короткой схватки очистил его от противника.

После того как 8 марта на левом крыле фронта появилась 1-я гвардейская танковая армия, продвижение войск 2-го Белорусского стало еще быстрее. Немецко-фашистское командование, видя, что ему не удастся задержать на промежуточных рубежах советские войска, начало отводить свои соединения в заблаговременно подготовленный Гдыньско-Данцигский укрепленный район. 13 марта танковые соединения с ходу прорвались к предполью этого района, но ворваться в Данциг и Гдыню не смогли. Предстояла осада и штурм крепости.

Рокоссовский отправился посмотреть оборонительные сооружения врага. Его автомобиль с превеликим трудом пробирался по забитой дороге. Фронт наступления сузился до 60 километров, и на прифронтовых дорогах было очень тесно от техники и людей. А еще больше загромождали дорогу беженцы. Геббельсовская пропаганда плела такие ужасы о советских «зверствах», что, едва только заслышав о приближении «большевиков», все, кто мог передвигаться, бросались бежать. Обезумевшие от страха люди забили все шоссе и проселки. Но, по мере того как они убеждались, что советские солдаты не воюют с мирными жителями, людская река начинала течь в другом направлении.

Обгоняя понуро бредущих по обочинам дороги немцев-беженцев, Рокоссовский вспоминал горькие дни июня — июля 1941 года, когда вот так же, выбиваясь из сил, шли по дорогам наши старики, женщины, дети, а следом за ними на восток рвались отцы, мужья, сыновья, братья этих людей... Что же, кто посеял ветер, пожнет бурю!

Данциг оказался крепостью экстра-класса. Мощные, хорошо замаскированные форты держали под обстрелом всю местность в радиусе 15 километров от города. Крепостной вал, оставшийся от прежних времен, опоясывал город, а перед ним вырос внешний пояс современных оборонительных сооружений. На всех без исключения командных высотах — железобетонные и камнебетонные

доты. Широко и умело спланированные позиции полевого характера дополняли оборону. По сведениям разведки, до двух десятков фашистских дивизий защищали эту цитадель. Рокоссовский убедился — такой крепости его войскам еще не приходилось штурмовать.

Он решил, не допуская никаких пауз в боевых действиях, с утра 14 марта нанести рассекающий удар в направлении на Цоппот, чтобы затем уничтожить группировку врага по частям. Этот план и был выполнен войсками, но каких усилий это потребовало от солдат!

Сражение шло днем и ночью. Прогрызая одну позицию врага за другой, медленно шли к намеченной цели советские солдаты. Бои носили столь упорный характер, что продвижение наших войск по временам исчислялось только сотнями метров. Отдельные крупные опорные пункты обороны врага приходилось атаковать по нескольку суток. Лишь в ночь на 25 марта советские солдаты штурмом преодолели последнюю линию укреплений между Данцигом и Гдыней. В 6 утра они ворвались в Цоппот и вышли к берегу моря. Одновременно севернее войска 19-й армии завершили освобождение Гдыни. 28 марта они полностью овладели ею.

Теперь оставался только Данциг. Его гарнизону был послан ультиматум с предложением капитулировать. Но ответа не последовало, и войска 2-й ударной и 65-й армий с утра 27 марта начали последний штурм города. 30 марта в приказе Верховного Главнокомандующего сообщалось, что войска 2-го Белорусского фронта полностью овладели городом и портом Данциг. На следующий день в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Рокоссовского «за искусное руководство крупными операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск», орденом «Победа» [1]. Так Константин Рокоссовский, начавший счет боевым наградам с простого солдатского «георгия» в августе 1914 года получил высший военный орден своего Отечества.

[1] Этот высший военный орден Советского государства был учрежден 8 ноября 1943 года для награждения лиц высшего командного состава за успешное проведение боевых операций большого масштаба. В знак особого отличия награжденных этим орденом в Большом Кремлевском дворце учреждена мемориальная доска для имен кавалеров ордена «Победа». Всего таких кавалеров — семнадцать, и двенадцать из них — советские военачаль-

Взятие Данцига явилось торжеством великой освободительной миссии Советской Армии. Данциг — старинный славянский город, неразрывно связанный с историческими судьбами Польши. Долгие годы он был оторван от нее. И то, что ныне национальный польский флаг развевается над этим городом, — дело рук и крови советских солдат, возглавлявшихся Константином Рокоссовским. Спустя четыре года, в марте 1949 года, в ознаменование освобождения Гданьска и Гдыни народные советы этих городов присвоили Рокоссовскому звание почетного гражданина.

В тот момент, однако, Рокоссовскому мало приходилось думать о судьбах старинных польских земель, его одолевали другие заботы. Как он и предполагал, не успели войска завершить штурм Данцига, как Верховное Главнокомандование дало им новую ответственную задачу.

1 апреля Ставка отдала директиву Рокоссовскому о срочной перегруппировке основных сил фронта — четырех общевойсковых армий, трех танковых и одного механизированного корпуса, а также фронтовых средств усиления на Штеттинское направление, чтобы не позднее 15—18 апреля сменить там войска 1-го Белорусского фронта.

2-му Белорусскому фронту предстояло принять участие в последнем сражении на территории Германии: мощными ударами 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов советское командование намеревалось сокрушить вражескую оборону на ряде направлений, расчленить его берлинскую группировку и овладеть Берлином. Осуществление этого замысла должно было принудить Германию к капитуляции.

Но, чтобы принять участие в Берлинской операции,

ники. Дважды этим орденом награждены И. В. Сталин, Г. К. Жуков и А. М. Василевский. А. И. Антонов, Л. А. Говоров, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко и Ф. И. Толбухин имели по одному ордену «Победа». Кроме них, эту награду в годы войны и вскоре после нее получили маршал Югославии Иосип Броз Тито, бывший верховный главнокомандующий Войска Польского маршал Польши М. Роля-Жимерский, верховный командующий войсками союзников в Европе Д. Эйзенхауэр, английский фельдмаршал Б. Монтгомери, бывший король Румынии Михай I. В 1978 году орденом «Победа» награжден Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Маршал Советского Союза Л. И. Брежнев.

войскам Рокоссовского, только что наступавшим в восточном направлении, нужно было совершить поворот на 180 градусов и преодолеть форсированным маршем 300—350 километров по местности, на которой недавно окончились яростные сражения. Многие мосты на этом пути были взорваны, дороги завалены разбитой техникой, железнодорожный транспорт еще не возобновил работы.

Уже 4—5 апреля по решению Рокоссовского первыми начали перегруппировку 49-я и 70-я армии, вслед за ними 65-я. По железной дороге перебрасывались лишь танки, самоходно-артиллерийские установки и тяжелая артиллерия. Общевойсковые соединения и конница шли походным порядком. По 30—35 километров в сутки делали солдаты, спеша на запад, к Одеру.

Тем временем Рокоссовский получил указание Ставки о подготовке наступательной операции в общем направлении Штеттин — Росток. Для этого войска фронта должны были форсировать Одер, разгромить 3-ю танковую армию противника, не допустить ее отступления в район Берлина и тем самым обезопасить действия 1-го Белорусского фронта с севера.

10 апреля Рокоссовский прибыл на Одер, чтобы ознакомиться с местностью, на которой предстояло наступать. Начал он рекогносцировку с участка 65-й армии. Увиденное не обрадовало его. Долина Одера, несмотря на утренний туман, просматривалась хорошо. В этом месте Одер разделяется на два рукава — Ост-Одер и Вест-Одер, каждый шириной от 100 до 250 метров. Между рукавами раскинулась огромная, трех-четырехкилометровая пойма, вся испещренная протоками, каналами, местами затопленная водой. Таким образом, перед армиями лежала четырех-пятикилометровая водная преграда, переправиться через которую во многих местах на лодках и паромах было нельзя: слишком мелко для этого.

Поэтому Рокоссовский решил форсировать Одер на широком фронте — успех, достигнутый в одном месте, можно будет немедленно использовать, перебрасывая сюда силы и средства. Замысел операции, разработанной Рокоссовским и его штабом, заключался в нанесении главного удара левым крылом фронта силами трех общевойсковых армий (65, 70 и 49-я), трех танковых, механизированного и кавалерийского корпусов по противни-

ку, оборонявшемуся на западном берегу Одера. После форсирования реки и прорыва Одерского оборонительного рубежа введенные в бой подвижные соединения должны были продвигаться в западном и северо-западном направлениях, отсекая основные силы 3-й танковой армии от Берлина и уничтожая их в прибрежных районах Балтийского моря. Операция планировалась на глубину в 130 километров и должна была продолжаться 12—15 дней. Рокоссовский предполагал, что его войска будут в состоянии начать операцию 20 апреля.

13 апреля первыми были на месте войска 65-й армии. Затем стали подходить соединения других армий, и к 18 апреля весь фронт в основном был на Одере. Но уже за день до этого, 16 апреля, с юга стала слышна канонада — это 1-й Белорусский фронт Жукова начал Берлинскую операцию. Небывалое воодушевление охватило всех. Все хорошо сознавали, что наступают последние недели войны, что там, южнее, их товарищи штурмуют Берлин, и спешили быстрее подготовиться, чтобы прийти им на помощь. В ночь на 20 апреля Рокоссовский доложил Верховному Главнокомандующему, что в назначенный срок войска готовы перейти в наступление.

И вот она началась, последняя боевая операция в его военной жизни! К ней он шел долгим и трудным путем.

Войска 2-го Белорусского фронта начали форсировать реку на широком фронте всеми тремя армиями ударной группировки, но наибольшего успеха в утренние часы достигли передовые батальоны 65-й армии Батова. Около 11.15 на НП Батова позвонил командующий фронтом:

— Как ваши дела, Павел Иванович?

— Пять дивизий первого эшелона форсировали Вест-Одер. Ведем бой за расширение плацдармов, товарищ командующий фронтом.

— Сейчас приеду к вам, ждите, — ответил Рокоссовский.

Его волновало, что армии, форсировавшие Одер левее Батова, не достигли существенных успехов. Вскоре он был уже в 65-й армии.

— Что нового?

— Мы навели две 16-тонные паромные переправы, — докладывал Батов, — все время переправляли войска. Теперь пошла и техника.

Рокоссовский вместе с командующим артиллерией фронта А. К. Сокольским, начальником инженерных войск Б. В. Благославовым и командующим 4-й воздушной армией К. А. Вершининым поднялся на НП.

— Немцы контратакуют, от роты до полка пехоты, с танками группами в три-пять, а то и пятнадцать машин, — продолжал доклад Батов.

Подошли к оптическим приборам. Противоположный берег хорошо просматривался, хотя и на небольшую глубину, так как он господствовал над нашим. Батов навел стереотрубу на один из наиболее активных участков — высотку на стыке 37-й гвардейской и 108-й дивизий.

— Товарищ командующий, прошу посмотреть атаку противника. До батальона пехоты и семь танков. Пять уже горят, — глаза Батова искрились радостью, — и пехота залегла.

Рокоссовский склонился к стереотрубе, с минуту следил за боем, а затем обернулся, улыбаясь:

— Не пять, а все семь! Молодцы. Доложите потом, кто отличился, надо наградить. — Он немного помедлил и обернулся к генералам штаба: — Основные усилия фронта надо переносить сюда, на правый фланг. Авиации главные силы бросить на прикрытие войск 65-й армии. 2-я ударная будет также переправляться здесь, разумеется, после того, как переправятся ваши войска, Павел Иванович. Я дам вам танковый корпус Панова. Желаю успеха! Поехали, товарищи, в 70-ю.

Войска 70-й армии также сумели зацепиться за противоположный берег. Но наибольшего успеха достигли в этот день все же дивизии Батова. К вечеру они захватили и удерживали плацдарм шириной до 6 километров. На этом кусочке земли к вечеру находился 31 батальон пехоты. Начали переправлять и технику. Пехотинцы в этот момент имели 50 45-миллиметровых пушек, 70 минометов. Большую помощь им оказывали 15 самоходных установок (СУ-76), которые до наступления темноты оказались на плацдарме.

Под непрекращающимся артиллерийским огнем войска переправлялись всю ночь. Чудеса героизма совершали все советские солдаты, на всех участках. С восхищением смотрел Рокоссовский, как саперы по горло в ледяной воде, не обращая внимания на снаряды и мины, падаю-

щие вокруг, наводили переправу для войск 70-й армии. Гибель грозила им каждую секунду, и все же уверенно и быстро они делали свое дело.

Враг оборонялся отчаянно. 21, 22, 23 апреля войскам Батова и Попова непрестанно приходилось отбивать атаки противника, и продвижение вперед было медленным. К вечеру 23 апреля плацдарм достиг 30 километров по фронту и 6 километров в глубину. В этот день Ставка Верховного Главнокомандования отменила свое приказание об обходе Берлина с севера. 2-му Белорусскому фронту предстояло двигаться на северо-запад, охватывая главные силы 3-й танковой армии врага.

Между тем сопротивление его не ослабевало. В бой противник бросал теперь не только регулярные пехотные и танковые соединения, но и наспех созданные части моряков, фольксштурма. 25 и 26 апреля ожесточение боев не уменьшалось, однако теперь уже с расширенного плацдарма наступали войска четырех армий, поддержанные переправленными через реку танковыми корпусами. 26 апреля они вступили в крупнейший город Германии — Штеттин. Начиная с 27 апреля немецко-фашистским войскам уже не удавалось сколько-нибудь прочно закрепиться ни на одном рубеже. Несмотря на то что противник при отступлении взрывал за собой мосты, минировал и разрушал дороги, скорость продвижения достигала теперь 25—30 километров в день. 2 мая войска 2-й ударной и 65-й армий вышли на побережье Балтийского моря, 3 мая гвардейцы-танкисты Панфилова встретились с солдатами 2-й британской армии.

Пора кровавых столкновений прошла, и наступило время торжественных встреч и приемов. Для Рокоссовского первым таким торжеством был визит к союзникам. Командующий 21-й армейской группой британский фельдмаршал Монтгомери, которому английский король даровал титул Аламейнского в честь победы под Эль-Аламейном в Египте осенью 1942 года, пригласил победителя немцев под Сталинградом посетить его в штаб-квартире в Висмаре. Визит состоялся 7 мая.

Машина Рокоссовского летела по прекрасной автостраде, а навстречу ей брели бесконечные колонны военнопленных. Кое-кто из них с любопытством глядел вслед штабным машинам с генералами и офицерами армии-победительницы, но большинство не поднимало голов. Этим людям было о чем подумать. Ослепленные бредовой идеей

мирового господства, они дали себя увлечь в кровавую авантюру, завершившуюся катастрофой, подобной которой на памяти человечества не испытало ни одно государство. И теперь, когда фашистская Германия оказалась в бездне, следовало бы извлечь уроки из поражения!

Гораздо более живописными и радостными были толпы людей, освобожденных Красной Армией из гитлеровской неволи. Сотни тысяч русских, украинцев, поляков, сербов, чехов, французов, бельгийцев — жителей всех стран Европы шли и ехали по дорогам. При виде освободителей они радостно размахивали руками и национальными флагами, они пели на разных языках. Подобного Европе не приходилось видеть за всю свою историю, и как быстро изгладилось все это из памяти иных государственных и политических деятелей Запада, как скоро и охотно они забыли, кто искупил своей кровью «Европы вольность, честь и мир»!

Кортеж Рокоссовского при въезде в Висмар был встречен британскими офицерами, а фельдмаршал Монтгомери ждал его у входа в резиденцию. Военачальники обменялись рукопожатиями. Этот и многие последующие моменты были запечатлены на пленку корреспондентами советских и иностранных газет, собравшимися толпой у входа. Журналисты не давали покоя Рокоссовскому и Монтгомери на протяжении всего визита. Все было как и полагается: почетный караул, орудийный салют... Первая встреча военачальников двух союзных армий, соединившихся в самом центре Германии после четырехлетней совместной борьбы с фашизмом, началась в очень торжественной и теплой атмосфере.

Монтгомери и его офицеры оказались проще и общительнее, чем этого даже можно было ожидать. Само собой разумеется, что и Рокоссовский понравился английскому фельдмаршалу, как он и свидетельствует в своих мемуарах. На прощание Рокоссовский пригласил англичан нанести ему 10 мая ответный визит, и Монтгомери с видимым удовольствием принял приглашение.

Повторное свидание было еще теплее, и немудрено: оно состоялось уже в мирное время. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года в предместье Берлина Карлсхорсте фельдмаршал Кейтель подписал условия безоговорочной капитуляции Германии. Война окончилась.

У арки, украшенной государственными флагами СССР,

Великобритании и США, машину Монтгомери ожидал почетный эскорт из гвардейцев-кавалеристов. Когда машина фельдмаршала приблизилась к штаб-квартире Рокоссовского, оркестр грянул национальный гимн Великобритании. Монтгомери и Рокоссовский приняли парад почетного караула. Сверкая на солнце обнаженными клинками, проходили мимо них конногвардейцы, и английские гости не находили слов для того, чтобы выразить свое восхищение отличной выправкой советских воинов, проделавших огромный путь от берегов Волги к сердцу Германии.

По окончании парада Рокоссовский пригласил Монтгомери, сопровождавших его генералов Баркера, Голста и офицеров в зал. Здесь был накрыт огромный стол, во главе которого и уселись Рокоссовский и Монтгомери.

Торжественный обед открыл хозяин.

— Я предлагаю, — сказал Рокоссовский, — поднять бокалы за организаторов наших побед, за руководителей, обеспечивших полный разгром гитлеровской Германии, — за Сталина, Черчилля и Рузвельта.

Гости приняли тост. Ответная речь Монтгомери была гораздо пространнее:

— Мы начинали наш путь с разных сторон Европы, — сказал он. — Мы огнем пробивали себе дорогу и вот теперь встретились в центре Германии. Все эти годы испытаний англичане с восхищением следили за борьбой мужественного русского народа. Как солдату мне не приходилось до сих пор видеть советского бойца. Сегодня я с ним встретился впервые и восхищен до глубины души.

С началом этой большой войны англичане, проживающие на своих островах, все время видели, как росли замечательные военные руководители России. И одним из первых имен, которые я узнал, было имя маршала Рокоссовского. Если бы о нем не объявляло радио, я бы все равно видел его славный путь по салютам в Москве.

Я сам пробил себе дорогу через Африку и был во многих боях. Но я думаю: то, что сделал я, не похоже на то, что сделал маршал Рокоссовский. Я предлагаю тост за маршала Рокоссовского!

Так говорил о советских солдатах и Рокоссовском английский фельдмаршал во второй день мира. Пройдет 13 лет, в 1958 году появятся мемуары Монтгомери Аламейнского, и в них мы не найдем уже слов признатель-

ности и восхищения, произносившихся в майские дни 1945 года.

Но то, что визит прошел с успехом, Монтгомери признает и 13 лет спустя. Англичанам понравился и обильный стол, за которым они просидели несколько часов, и особенно концерт красноармейской художественной самодеятельности, русские песни и пляски. Уже поздно вечером гости уехали, тепло распрощавшись. «Эта встреча, — писал в книге «Солдатский долг» Рокоссовский, — на долгое время сохранила у всех нас чувство уверенности, что люди разных государств, говорящие на разных языках, и даже с разной идеологией, при желании могут жить в дружбе, с уважением относясь друг к другу».

Советская страна с ликованием встретила окончание войны, она готова была чествовать и награждать своих героев, в четырехлетней кровавой схватке отстоявших свободу и независимость нашей Родины.

В Москву выехал и Рокоссовский — ему предстояло еще получить орден «Победа». 24 мая в Кремле Калинин вручил высший полководческий орден Рокоссовскому и четырем другим военачальникам Советской Армии — Жукову, Коневу, Малиновскому и Толбухину.

Радостно, конечно, было получить из рук «всесоюзного старосты» столь высокую награду, но день 24 мая запомнился Рокоссовскому не только поэтому. Вечером Правительство Союза ССР устроило в Кремле прием в честь командующих войсками Советской Армии.

К 8 вечера Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца был заполнен. Здесь вместе с военными находились члены правительства и Центрального Комитета партии, деятели народного хозяйства, науки, культуры, литературы и искусства.

В этот вечер в Георгиевском зале было провозглашено много тостов. Дошел черед и до командующих войсками. Первым было упомянуто имя Жукова, потом Конева. Но вот Молотов, на долю которого выпало произнесение тостов, поднял бокал в очередной раз.

— Теперь я предлагаю тост за маршала Рокоссовского, — сказал он, — героя Сталинградской битвы, которая явилась историческим поворотом в нынешней войне, полководца, руководившего операциями в Белоруссии, изгнавшего немцев из Данцига и Штеттина.

Этот тост, как и все другие, был встречен аплодисментами.

Прием длился долго.

Вечер этот оставил в душе Рокоссовского глубокий след. Памятные события в эти недели мая — июня 1945 года следовали для него одно за другим, как бы являясь заслуженной наградой за долголетнее и безупречное служение Отчизне. Через неделю после кремлевского приема, 2 июня, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета:

«За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями на фронте борьбы с немецкими захватчиками в районе Померании и Мекленбурга и достигнутые в результате этих операций успехи наградить второй медалью *«Золотая Звезда»* Героя Советского Союза Маршала Советского Союза *Рокоссовского* Константина Константиновича, соорудить бронзовый бюст с изображением награжденного и установить его на постаменте на родине награжденного». Вот почему с 1949 года украшает одну из площадей возрожденных после войны Великих Лук бюст Константина Рокоссовского.

Но в этом месяце его ждала еще одна почесть.

Через несколько дней после завершения войны Сталин отдал приказ подготовить и провести в Москве Парад Победы. В день торжественного приема, 24 мая, работники Генштаба доложили ему свои наметки организации парадного шествия. Верховный Главнокомандующий одобрил эти планы, назначил число парада — 24 июня и в завершение спросил:

— А кто будет командовать парадом и принимать его?

Хорошо изучившие Сталина Антонов и Штеменко промолчали — они резонно предполагали, что этот вопрос Сталин уже решил и спрашивает для формы. Действительно, он чуть помолчал и объявил:

— Принимать парад будет Жуков, а командовать Рокоссовский.

Через несколько дней при случае, как бы мимоходом, Верховный спросил Рокоссовского:

— А вы не разучились ездить на коне?

Рокоссовский не ожидал такого вопроса, но ответ мог быть только один:

— Нет, конечно.

— Вам придется командовать Парадом Победы. Принимать его будет Жуков.

Рокоссовскому оставалось только одно:

— Спасибо за честь!

К этому времени подготовка шла полным ходом. Сводные полки (по 1000 человек от каждого фронта) тренировались на Центральном аэродроме, мастерские и ателье шили и подгоняли парадную форму. Для принимающего парад и командующего подобрали коней. Жукову — белого, Рокоссовскому — вороного. Старые кавалеристы не нуждались в длительных тренировках, но очень много времени отнимала подготовка церемониала парада. Жуков и Рокоссовский тщательно рассмотрели его и особо внимательно отнеслись к боевым знаменам, с которыми сводные полки должны были выйти на парад. Ведь за каждым знаменем — часть или соединение, каждое олицетворяет тяжелый и длинный путь, пройденный нашими солдатами от Ленинграда, Москвы, Сталинграда, предгорий Кавказа до Берлина и Вены, Бухареста и Будапешта, Праги и Белграда.

Наконец все было готово. Генеральная репетиция состоялась на Красной площади. Сводные полки, составленные из наиболее отличившихся солдат и офицеров, в короткий срок были блестяще подготовлены и производили сильное впечатление.

24 июня Рокоссовский проснулся рано. Проснулся и взглянул в окно. Да, синоптики на этот раз не ошиблись: предсказанный ими дождь моросил на улицах Москвы.

К 8 часам Рокоссовский был уже на площади. Сюда один за другим сходились полки. Танки, артиллерия заполнили улицу Горького, площадь Революции, Охотный ряд.

9.45. На трибунах волна рукоплесканий: это члены Политбюро и правительства поднялись на Мавзолей. Рокоссовский занимает место для движения навстречу принимающему парад маршалу Жукову.

Чем ближе 10 часов, тем большее волнение овладевает командующим парадом. Но вот кремлевские куранты начинают бить. С десятым ударом из ворот Спасской башни выезжает Жуков.

— Парад, смирно! — командует Рокоссовский и трогает с места коня. Замерли шеренги солдат. Чувство торжественного волнения овладевает Рокоссовским. Наступают минуты, которые будут венцом, наградой за более чем 30-летнюю военную жизнь. Навстречу на белом коне движется Жуков. И в те секунды, в которые продол-

жается сближение, в уме Рокоссовского мелькают эти годы, годы беззаветного служения Родине. Вот он, 18-летний мальчишка, идет в разведку 8 августа 1914 года за речку Пилицу... Вот он, уже 25-летний, атакует казаков Унгерна там, далеко в монгольской степи под Желтуринской... Вот он, 45-летний, идет ночью по грязной дороге в лесу под Вязьмой, а в ушах его звучат слова больного солдата: «Что же вы делаете, товарищ командир...» Вот он видит море, Балтийское море, в самом сердце Германии, куда с победой ворвались его солдаты... И все это только для нее, для его Родины, которой он служит не за страх, а за совесть, для партии, которая привела его Родину, его народ к великой Победе...

Жуков уже рядом, лицо его непроницаемо и торжественно, но и он волнуется, он очень волнуется! Поравнявшись с Жуковым, Рокоссовский салютует палашом, и над площадью раздается:

— Товарищ маршал, войска действующей армии и Московского гарнизона для Парада Победы построены!

Жуков принимает рапорт, и вдвоем они начинают объезд войск.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза! — звучит тысячеустный ответ.

— Поздравляю вас с праздником Победы!

Богатырское «ура!» гремит над площадью.

Маршал возвращается к Мавзолею. Сводный оркестр в 1400 человек исполняет «Славься, русский народ» Глинки, Жуков произносит с трибуны короткую речь, и начинается торжественный марш войск.

Один за другим в том порядке, в каком фронты были расположены с севера на юг, идут по площади сводные полки.

Первым — полк Карельского фронта, во главе него — маршал К. А. Мерецков. Следом — колонна Ленинградского фронта, которую ведет маршал Л. А. Говоров. Далее — полк 1-го Прибалтийского фронта, возглавляемый генералом армии И. Х. Баграмяном. Сводный полк 3-го Белорусского фронта ведет маршал А. М. Василевский. А вот и 2-й Белорусский. Генерал-полковник К. П. Трубников, заместитель Рокоссовского, марширует впереди. Во главе 1-го Белорусского — генерал-лейтенант И. П. Рослый, а впереди — генерал армии В. Д. Соколовский. Затем следует особая колонна Войска Поль-

ского под руководством начальника генерального штаба Польши В. В. Корчица.

Идет полк 1-го Украинского фронта, впереди — маршал И. С. Конев, за ним следует 4-й Украинский с генералом армии А. И. Еременко во главе, затем — 2-й Украинский со своим командующим маршалом Р. Я. Малиновским и, наконец, 3-й Украинский маршала Ф. И. Толбухина. Шествие замыкает сводный полк военных моряков, возглавляемый вице-адмиралом В. Г. Фадеевым.

Оркестр сопровождает движение войск боевыми маршами, они звучат без перерыва. Внезапно оркестр умолкает. Короткая пауза. Ее прерывает тревожная дробь барабанов, и на площадь вступает необычайная колонна. Двести советских солдат несут 200 вражеских знамен, захваченных в боях с немецко-фашистскими войсками. Под этими знаменами они ворвались четыре года назад в нашу страну, под этими знаменами они мечтали маршировать на Красной площади. Что ж, эти знамена попали на Красную площадь. Но несут их советские солдаты, солдаты-победители, несут, склонив к земле, так что полотнища со свастикой почти волочатся по мокрой брусчатке. Вот они поравнялись с Мавзолеем, внезапный поворот направо, несколько шагов — и вражеские знамена летят к подножию Мавзолея! Трибуны взрываются аплодисментами и криками «ура!». Неплохо бы тем, кто и ныне мечает о реванше, думает переиграть войну заново, да и всем охотникам до наших земель иногда смотреть кинохронику, запечатлевшую этот момент!

Парад длится два часа, хотя дождь льет как из ведра. Вечером на площадях столицы гремят оркестры. Москва празднует победу.

Вечером в Кремле состоялся прием в честь участников парада. Вновь было произнесено много теплых речей. А затем военачальники разъехались по своим служебным местам, где их ждали войска и обязанности. Война кончилась, но служба Рокоссовского продолжалась.

Заботы совсем особого рода ждали маршала. 23 июня 1945 года первая послевоенная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о демобилизации из армии и флота тринадцати старших призывных возрастов. Советские солдаты стремились домой, их звала прерванная вторжением врага созидательная работа.

Демобилизация началась уже 5 июля и завершилась в основном к началу 1948 года. Восемь с половиной миллионов солдат и офицеров, с честью защитивших свою социалистическую Родину и разгромивших германский фашизм в его собственном логове, возвратились в СССР, чтобы вновь пахать землю, восстанавливать разрушенное оккупантами хозяйство. К началу 1948 года в Советских Вооруженных Силах насчитывалось 2874 тысячи человек — примерно столько же, сколько и в 1939 году.

Одновременно с демобилизацией и сокращением армии проводилась и реорганизация Вооруженных Сил. Советские войска, находившиеся в восточной части Германии, в Австрии, Венгрии, Польше и Румынии, объединялись в группы войск. Рокоссовский возглавил руководство группой советских войск, дислоцировавшихся на территории Польской Народной Республики.

И в мирное время перед Советскими Вооруженными Силами вставали серьезные трудности. Они были закономерны: вся страна переживала нелегкий период, приходилось возрождать из пепла города и села, восстанавливать экономику разрушенных и разграбленных врагом областей. Перестройка жизни и учебы войск тоже давалась нелегко. Нужны были новые методы обучения и воспитания солдат и офицеров, новая организация службы. Рокоссовскому приходилось думать о многих вопросах, искать новые решения многих проблем.

Работа в Польше проходила тогда в весьма сложной обстановке. Революционные преобразования в стране в послевоенный период совершались в обстановке ожесто-

ченной классовой борьбы. Остатки эксплуататорских классов стремились восстановить старый, отживший свой век капиталистический строй, не допустить создания социалистического государства. В борьбе против народного государства они не брезговали ничем — убийства и диверсии, шпионаж и заговоры — все шло в ход.

В таких условиях Военный совет, возглавляемый Рокоссовским, сделал все, чтобы установить прочные и широкие связи с правительством, общественными организациями, демократическими партиями Польши, с руководителями Войска Польского. Рокоссовский заботился о том, чтобы советские военные части поддерживали тесную связь с местными правительственными и общественными организациями, чтобы личный состав частей и подразделений помогал братскому народу в восстановлении разрушенного войной и оккупацией народного хозяйства.

Советские офицеры и солдаты делали это с большой готовностью. Вместе с польскими рабочими они пускали в ход бездействовавшие фабрики и заводы, вместе с польскими крестьянами выполняли сельскохозяйственные работы на селе. Осенью 1945-го и весной 1946 года советские воины засеяли не менее 750 тысяч гектаров земли. Они очищали поля от мин, ремонтировали брошенные гитлеровцами тракторы, тягачи, автомашины и затем безвозмездно передавали их крестьянским кооперативным организациям.

В то же время политуправление руководимой Рокоссовским группы войск вело большую политико-воспитательную работу среди польского населения. Советские люди разъясняли местным жителям смысл событий, происходивших в Польше, они убеждали их в правильности действий народного правительства. Когда в июне 1948 года было принято решение о выводе части советских войск с территории Польши, Рокоссовский следил за тем, чтобы Войску Польскому были переданы в полной исправности освободившиеся помещения, казармы, склады, лечебные учреждения.

Советское правительство, осуществляя сокращение Вооруженных Сил, руководствовалось идеями сохранения мира и дружбы между народами и надеялось, что его примеру последуют и западные державы. Но этим надеждам не суждено было оправдаться. Правительство США и их союзники начали «холодную войну», одновременно форсируя гонку вооружения и наращивая свои армии.

Уже в 1949 году, то есть менее чем через год после завершения демобилизации армии, ввиду резкого обострения международной обстановки Советское правительство было вынуждено в интересах укрепления обороны страны пойти на увеличение численности армии.

Необходимость укрепления оборонной мощи и повышения боеспособности встала и перед народной армией Польши. Советский Союз, столь щедро помогавший Войску Польскому в годы войны и сразу после нее, и в этот период по-прежнему поставлял в Польшу вооружение, содействовал строительству оборонных предприятий. По просьбе польского правительства значительная группа советских военных специалистов, генералов и офицеров была направлена в Польшу и в течение длительного времени находилась на руководящих постах в Войске Польском.

Президент Польши Болеслав Берут неоднократно обращался к Советскому правительству с просьбой направить Константина Константиновича Рокоссовского в распоряжение польского правительства для службы в Войске Польском. Рокоссовский полностью предоставил решение этого вопроса Советскому правительству, и оно согласилось удовлетворить просьбу президента Польской Народной Республики. Рокоссовский был освобожден от военной службы в Советской Армии и выехал в Польшу. Так он надел мундир маршала Польши.

В первом своем приказе по Войску Польскому от 7 ноября 1949 года Рокоссовский писал: «Мне выпало на долю в течение многих лет служить делу трудящегося народа в рядах героической Советской Армии. Волею военной судьбы я был командующим тем фронтом, в составе которого героически сражались на славном пути от Ленино через Варшаву, Гданьск, Гдыню, Колобжег, Поморский Вал, вплоть до Берлина солдаты вновь возникшего Войска Польского, солдаты 1-й дивизии, а позднее и 1-й армии...

Во исполнение обязанностей, возложенных на меня Страной и Президентом, во исполнение обязанностей перед польскими трудящимися и польским народом, среди которого я вырос и с которым всегда чувствовал себя связанным всем своим сердцем, а также перед братским советским народом, который воспитал меня как солдата и полководца, я принимаю доверенный мне пост, чтобы

все свои силы посвятить дальнейшему развитию и укреплению нашего Войска Польского и обороны Речи Посполитой...»

С ноября 1949 года Рокоссовский занимает пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета Министров ПНР. Всю свою энергию он обращает на преобразование Войска Польского, на создание современной армии.

В ходе демобилизации польской армии в первые послевоенные годы ее численность сократилась с 400 до 200 тысяч. В 1949—1955 годах произошло некоторое ее увеличение — до 280 тысяч человек. Но главные изменения происходили в Войске Польском в связи с его перевооружением и реорганизацией. В эти годы в стране была создана военная промышленность, построены новые предприятия по выпуску артиллерийской, танковой, авиационной и другой техники, не существовавшие ранее или же слабо развитые. Это позволило вооружить польских солдат новой военной техникой. Сила огня польской пехотной дивизии возросла многократно по сравнению с силой огня предвоенной дивизии. Войско Польское располагало теперь танковыми и моторизованными соединениями, способными к быстрому маневру и хорошо обученными для ведения военных действий в новых условиях — в условиях ядерной войны.

В обучении войск Рокоссовский широко использовал свой богатый опыт, приобретенный во время службы в Советской Армии. В апреле 1950 года был введен новый устав внутренней службы польской армии, многие положения которого перекликались с уставом Советской Армии. В августе этого же года сейм принял закон о введении новой клятвы, в которой говорилось об обязанностях солдата по отношению к народной Польше.

Больших трудов стоила Рокоссовскому организация обучения и воспитания офицерских кадров Войска Польского. В годы пребывания Рокоссовского на посту министра обороны в армии развернулась массовая подготовка новых кадров офицеров. Были открыты Академия Генерального штаба имени Кароля Сверчевского, Военно-техническая академия имени Ярослава Домбровского, Военно-политическая академия имени Ф. Э. Дзержинского. В результате к 1956 году военные кадры Войска Польского полностью состояли из преданных делу социализма офицеров — выходцев из рабочих и крестьян.

Реорганизация, перевооружение и обучение Войска Польского проходили при постоянной и щедрой помощи Советского Союза, и Рокоссовский стремился, чтобы солдаты и офицеры вверенной ему армии твердо усвоили это обстоятельство. Вот он пишет в одном из приказов по армии: «Каждый поляк — патриот, каждый солдат Войска Польского знает, что только благодаря Советской Армии, благодаря ее богатому боевому опыту, благодаря ее замечательному примеру, благодаря помощи, оказанной советскими военными специалистами, мы могли избегнуть трудностей при строительстве наших вооруженных сил и в относительно короткий срок создать армию нового типа, каковой является Войско Польское».

Семь лет Рокоссовский возглавлял армию народной Польши и сделал для ее укрепления очень много. В ноябре 1956 года он попросил Польское правительство освободить его от занимаемых должностей. Просьба Рокоссовского была удовлетворена, и с согласия Советского правительства он возвратился в СССР. О признании заслуг Рокоссовского перед польским народом и армией свидетельствует следующая правительственная грамота, врученная ему незадолго до отъезда из Польши:

«Товарищу *Константину Рокоссовскому*
Маршалу Польши

Дорогой товарищ!

Примите чувства признательности и искренней благодарности за Ваш самоотверженный труд на посту Министра обороны Польской Народной Республики и Главнокомандующего Войска Польского.

С того момента, когда Вы по просьбе Польского правительства приняли этот пост, Вы, не щадя сил, отдали все свои знания и способности для лучшего выполнения этих обязанностей.

О положительных результатах Вашей работы свидетельствует укрепление обороноспособности нашей страны и поднятие как организационного уровня, так и оснащения и обучения Войска Польского, в чем очень велик внесенный Вами вклад.

Партия и народ об этом никогда не забудут, так же как никогда не забудут Ваших подвигов и Ваш вклад в борьбу за разгром гитлеризма и освобождение Поль-

ши. Мы уверены, что и Вы, товарищ Маршал, сохраните хорошие воспоминания о Вашем сотрудничестве с нами.

Совместная деятельность и совместный труд, которые нас так сблизили, имеют прочное значение.

Желаем Вам много сил, здоровья и наилучших результатов в дальнейшей работе на благо интересов социализма, мира и прогресса — так дорогих для нас всех».

Рокоссовскому рано уходить на отдых, хотя он, конечно, его заслужил. По возвращении в СССР Рокоссовский назначен заместителем министра обороны СССР, вновь он с головой окунается в армейскую жизнь.

В СССР Рокоссовский возвратился в момент, когда Советские Вооруженные Силы находились в начале нового этапа своего развития — этапа коренных преобразований во всех областях военного дела. Появление ядерного оружия совершило настоящую революцию в военном искусстве. Поскольку все время существовала военная угроза со стороны империалистических агрессоров, внедрение ядерного оружия становилось жизненной необходимостью для того, чтобы укрепить обороноспособность нашего Отечества и социалистического лагеря. Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно стремились к тому, чтобы армия и флот нашей страны располагали всем необходимым для надежной защиты советского народа от возможных случайностей.

Еще в 1954 году офицеры и солдаты Советских Вооруженных Сил начали изучение атомного оружия и способов боевых действий в условиях атомной войны. К тому времени на вооружении Советской Армии и Военно-Морского Флота уже имелось ядерное оружие, в том числе и водородная бомба. После того как на вооружении Советской Армии появились ракеты стратегического назначения, способные поражать цели в самых отдаленных уголках земли, боевые возможности войск неизмеримо выросли. Но это вызывало необходимость пересмотра и коренного изменения многих теоретических положений и практических рекомендаций, сложившихся в военном искусстве в прошлом, это требовало изменения практики боевой подготовки войск, применявшейся в первые послевоенные годы.

Свой богатейший военный опыт Рокоссовский использовал и в эти годы служения Родине. После должности заместителя министра обороны СССР он некоторое время занимает пост командующего Закавказским военным округом, затем возвращается в Москву и работает главным, а позднее — генеральным инспектором Министерства обороны. На этом посту маршал с успехом осуществляет контроль за подготовкой войск и поддержанием их в постоянной боевой готовности, стремится достичь того, чтобы в новых условиях советские воины были всегда готовы исполнить свой долг. Вот что писал он о новых условиях, сложившихся в армии:

«Высокое сознание своего долга перед Родиной, мастерство, организованность и строгое выполнение приказов начальников обуславливают в огромной степени успех боевой деятельности нашего воина. Но этого еще недостаточно, чтобы стать героем в современном бою. Ко всем этим качествам нужно приложить отличное знание боевой техники, умелое владение вверенным оружием, мастерство, физическую выносливость.

Современное оружие, особенно ракетно-ядерное, требует от воина больших знаний, умения быстро и четко управлять различного рода механизмами, аппаратурой. Боевая обстановка может потребовать в считанные минуты и даже секунды произвести сложные расчеты и сложные действия. Однако, невзирая на исключительное напряжение, воин должен действовать осмысленно, разумно, четко».

Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, благодаря неустанному труду армейских работников всех рангов к началу 60-х годов произошли коренные изменения в вооружении и боевой технике Советской Армии, в организационной структуре, в теории военного искусства, в практике обучения и воспитания войск. Свершилась настоящая революция в военном деле, Советские Вооруженные Силы стали неизмеримо мощнее, а их боеготовность еще более выросла. В это огромное и необычайно важное дело внес свою посильную лепту и Рокоссовский.

Ему идет седьмой десяток, но активность его работы не снижается. Обязанностей у него очень много: он избран кандидатом в члены ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. И на всех этих постах он трудится не жалея сил, трудится так, как привык делать это всю

жизнь. Что из того, что голова его поседела, что здоровье уже не то! Он — коммунист, ветеран Советской Армии, и он не может оставаться бездеятельным, он не может замкнуться в узком кругу личных забот и переживаний. К этому зовет он и своих старых товарищей по армии, к этому направлен его труд в Советском комитете ветеранов войны.

Работе среди ветеранов войны, обобщению их опыта, передаче этого опыта молодому поколению он придает огромное значение. Его волнует, что не всегда ветераны Советской Армии могут донести свои знания и опыт молодежи.

Той же цели — передаче боевого опыта ветеранов молодежи — была посвящена и работа маршала Рокоссовского в ДОСААФ. Это добровольное оборонное общество, созданное почти полвека назад, внесло существенный вклад в усиление могущества Советских Вооруженных Сил. В предвоенные и военные годы предшественник ДОСААФ — Осоавиахим сделал немало, осуществляя военную подготовку трудящихся, особенно молодежи. И в послевоенные годы, расширяя и совершенствуя формы и методы оборонно-массовой работы, добровольное общество воспитывает наших людей в духе советского патриотизма, в духе постоянной готовности защищать свое Отечество. В этом направлении и вел свою работу в ДОСААФ маршал Рокоссовский. Он писал:

«Нам надо лучше, систематически, с чувством патриотической гордости знакомить молодежь с героями революционной борьбы, героями минувших войн, с жизнью замечательных людей страны и на этом воспитывать у воинов высокие нравственные качества. Пусть у каждого военнослужащего никогда не угасает стремление подражать героическим сынам родного народа, умножать их славу и славу своего Отечества. Пусть тот, кто допустил аморальный поступок, нарушил дисциплину, — пусть он поймет, что этим самым опозорил не только свое собственное имя, но и имя и славу своих отцов и старших братьев, очернил светлую память тех, кто отдал свои силы, знания и жизнь торжеству высоких идеалов коммунизма».

Сам Рокоссовский постоянно делает все, что может, чтобы его опыт, его огромные знания не лежали втуне, чтобы они стали достоянием окружающих. Об этом он пишет в своих статьях, а их много, очень много — за

1959—1968 годы имя Рокоссовского более тридцати раз появилось на страницах «Правды» и «Известий», «Красной звезды» и «Литературной газеты», «Военно-исторического журнала» и «Военных знаний», — об этом он говорит на встречах с солдатами и трудящимися. И всегда, где бы он ни выступал, вспоминая прошлое, он увязывает его с настоящим.

Он все время в движении, все время с людьми и, как прежде, внимателен и чуток с ними. Он ведет огромную переписку. Ему пишут и старые его товарищи времен гражданской войны, товарищи, с которыми он начинал свой боевой путь в Красной Армии. Ему пишет и бывший солдат Центрального фронта, ныне артист ведущего оперного театра страны — талант певца был впервые замечен маршалом, и он помог солдату стать на путь искусства. Ему пишет бывший солдат 1-го Белорусского фронта, он жалуется своему командующему, что местные власти не торопятся помочь ему, инвалиду войны, — не торопятся достать лесоматериалы, необходимые для строительства дома, — и маршал Рокоссовский хлопочет о помощи...

Он по-прежнему страстно любит охоту, по-прежнему начинает свой день с зарядки — без нее он не мыслит своего напряженного трудового дня. Зарядка помогает ему сохранять бодрость на протяжении всех суток, наполненных встречами и беседами с людьми.

Но главное содержание последних лет его жизни — работа над мемуарами. Это кропотливое, трудоемкое, непривычное для него дело, а у него есть что рассказать людям, ведь за плечами такая длинная и богатая событиями жизнь! Он хочет написать несколько книг, в которых было бы рассказано и о далекой юности, и о гражданской войне, и, конечно, о войне Отечественной. Именно о событиях Великой Отечественной войны в первую очередь хочет Рокоссовский поведать людям, и он торопится... Но ему не суждено увидеть «Солдатский долг» вышедшим в свет. За несколько месяцев до появления книги тяжелая и безжалостная болезнь, с которой человечество не научилось еще бороться, оборвала жизнь Константина Константиновича Рокоссовского. 3 августа 1968 года, в 54-годовщину службы в армии, его не стало...

В одном из красивейших залов Центрального музея Вооруженных Сил СССР в Москве, в Зале Победы, для

всеобщего обозрения создана экспозиция наград выдающихся полководцев Советской Армии. В одной из витрин находится и парадный мундир Рокоссовского со всеми наградами. Их много — более сорока! Семь орденов Ленина, шесть орденов Красного Знамени... — Родина щедро наградила своего верного сына.

Жизнь человеческая кратковременна. Счастлив тот, о ком с почтением и благодарностью будут вспоминать потомки. Таков Константин Рокоссовский. Его нет, но существует и крепнет армия, существует и процветает страна, которым отдал всю свою жизнь этот замечательный человек.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТАНТИНА РОКОССОВСКОГО

1896, 8(20) декабря — Родился в городе Великие Луки.
1900 — Семья Рокоссовских переезжает в Варшаву.
1911 — Начало трудовой деятельиости Коистаитиыа Рокоссовского.
1914, август — 1917, декабрь — Служба в 5-м Каргопольском драгунском полку.
1917, декабрь — Вступлеиие в ряды Красиой Армии.
1918, октябрь — Рокоссовский командир эскадроиа 1-го Уральского кавалерийского полка.
1919, июнь — Комаидир 2-го Уральского кавалерийского дивизиона.
1919, 4 ноября — За бой под стаиицей Вакоринской К. К. Рокоссовский получает свою первую награду в Красиой Армии — орден Красного Знамени.
1920, январь — Командир 30-го коиного полка.
1920, сентябрь — Командир 35-го конного полка.
1921, 2 июня — В бою под станицей Желтуринской Рокоссовский ранен. За этот бой ои иагражден вторым орденом Красного Знамеии.
1922—1924 — Рокоссовский служит в Забайкалье, в 5-й отдельиой Кубаиской кавалерийской бригаде.
1924, сентябрь — 1925, август — Слушатель ККУКС.
1925—1929 — Продолжеиие службы в Забайкалье.
1929, ноябрь — Участие в разгроме китайских милитаристов во время конфликта иа КВЖД.
1930—1931 — Рокоссовский комаидует 7-й Самарской кавалерийской дивизией.
1932—1935 — Рокоссовский вновь в Забайкалье, ои комаидует 15-й кавалерийской дивизией.
1936 — Рокоссовского назиачают комаидиром 5-го кавалерийского корпуса в Пскове.
1940, декабрь — Рокоссовский стаиовится комаидиром 9-го механизированиого корпуса.
1941, 22 июня — 14 июля — Рокоссовский сражается иа Юго-Западном фронте.
19 июля — Рокоссовский становится командующим армейской группой, а затем 16-й армией.

Октябрь — 1942, март — Во главе войск 16-й армии Рокоссовский сражается на подступах к Москве.

1942, 8 марта — Тяжелое ранение в Сухиничах.

14 июля — Рокоссовский вступает в командование Брянским фронтом.

1 октября — Рокоссовский принимает командование Донским фронтом.

19 ноября — 1943, 3 февраля — Рокоссовский участвует в разгроме гитлеровских войск под Сталинградом.

1943, февраль — Рокоссовский вступает в командование Центральным фронтом.

Июль — Рокоссовский руководит боевыми действиями Центрального фронта на Курской дуге.

Август — 1944, апрель — Войска Центрального, а затем Белорусского фронта под командованием Рокоссовского участвуют в освобождении Украины и Белоруссии.

1944, 29 июня — Рокоссовскому присвоено звание Маршала Советского Союза.

Ноябрь — Рокоссовский становится командующим 2-м Белорусским фронтом.

1945, январь — март — Рокоссовский руководит войсками фронта во время Восточно-Прусской и Восточно-Померанской операций.

24 июня — Рокоссовский командует Парадом Победы в Москве.

1945—1949 — Рокоссовский руководит группой советских войск, дислоцированных на территории Польской Народной Республики.

1949, ноябрь — 1956, ноябрь — Рокоссовский занимает пост министра национальной обороны и заместителя председателя Совета Министров Польской Народной Республики.

1957—1968 — Рокоссовский работает заместителем министра обороны СССР, генеральным инспектором Министерства обороны СССР.

1968, 3 августа — Кончина К. К. Рокоссовского.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968.

Рокоссовский К. К. На Берлинском и Восточно-Прусском направлениях. «Военно-исторический журнал» (далее — ВИЖ), 1965, № 2.

Рокоссовский К. К. Севернее Берлина. ВИЖ, 1965, № 5.

Рокоссовский К. К. На Волоколамском направлении. На северных подступах к столице. ВИЖ, 1966, № 11, 12.

Рокоссовский К. К. Победа на Волге. ВИЖ, 1968, № 2.

Рокоссовский К. К. На Центральном фронте зимой и летом 1943 года. ВИЖ, 1968, № 6.

Алексеев Д. Начдив Иван Грязнов. Свердловск, 1968.

Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. М., 1971.

Батов П. И. В походах и боях. М., 1968.

Батов П. И., Трояновский П. Человек, большевик, полководец. ВИЖ, 1966, № 12.

Батов П. И. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. В кн.: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1970.

«Бессмертный подвиг». Сборник. М., 1968.

«Битва за Сталинград». Сборник. Волгоград, 1970.

Василевский А. М. Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 года. ВИЖ, 1965, № 8.

Василевский А. М. Незабываемые дни. ВИЖ, 1965, № 8, 10; 1966, № 1, 3.

Василевский А. М. Восточно-Прусская операция. ВИЖ, 1969, № 3.

Василевский А. М. Белорусская стратегическая операция. ВИЖ, 1969, № 9.

«Великая Отечественная война Советского Союза». Краткая история. Изд. 2-е. М., 1970.

«Великая победа на Волге». М., 1965.

Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963.

Ежаков В. Восточно-Прусская операция. ВИЖ, 1970, № 3.

Душенькин В. Разгром у КВЖД. ВИЖ, 1969, № 11.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970.

Жуков Г. К. В битве за столицу. ВИЖ, 1966, № 8—10.

Жуков Г. К. На Курской дуге. ВИЖ, 1966, № 8, 9.

Жуков Г. К. Битва под Москвой. ВИЖ, 1971, № 10, 12.

Завьялов А. С., Калядин Т. Е. Восточно-Померанская операция. М., 1960.
Казаков В. И. На переломе. М., 1962.
Кислов А. Н. Разгром Унгерна. М., 1964.
Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1970.
Конев И. С. Начало Московской битвы. ВИЖ, 1966, № 10.
«Курская битва». Сборник. М., 1970.
Лобачев А. А. Трудными дорогами. М., 1960.
Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1966.
«Освобождение Белоруссии». М., 1970.
«50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968.
«Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». М., 1964.
Самсонов А. М. Сталинградская битва. М., 1968.
Светлишин Н. Восточно-Померанская операция. ВИЖ, 1965, № 2.
«Сталинградская эпопея». М., 1968.
Телегин К. Ф. Не отдали Москвы. М., 1968.
Телегин К. Ф. В боях за освобождение Белоруссии. ВИЖ, 1969, № 6.
Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.
Штеменко С. М. Перед ударом в Белоруссии. ВИЖ, 1965, № 2.
Штеменко С. М. Парад Победы. ВИЖ, 1968, № 2.
Штеменко С. М. Перед Курской битвой. ВИЖ, 1968, № 5.
Штеменко С. М. На пути к победе. «Знамя», 1970, № 5, 6

СОДЕРЖАНИЕ

Кардашов В. И.
К21 Рокоссовский. — 4-е изд. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 446 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 13 (517)).

В пер.: 2 руб. 100 000 экз.

Вся жизнь Константина Константиновича Рокоссовского неразрывно связана с Советской Армией. Участник гражданской войны и прославленный герой Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза и Маршал Советского Союза. Под его командованием наши войска участвовали в крупнейших операциях Отечественной войны — под Москвой и под Сталинградом, под Курском и в Белоруссии, в Восточной Пруссии и Померании и, наконец, в величайшем сражении за Берлин.

К $\frac{4702010200-298}{078(02)-84}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)722.78
9(С)27

ИБ № 4329

Владислав Иванович Кардашов

РОКОССОВСКИЙ

Редакторы Е. Любушкина, Г. Сальникова
Серийная обложка Ю. Арндта
Рисунок на обложке и оформление В. Алексеева
Художественный редактор А. Степанова
Технический редактор Г. Варыханова
Корректор Н. Самойлова

Сдано в набор 18.05.84. Подписано в печать 15.10.84. А08197. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52+ +2,62 вкл. Усл. кр.-отт. 28,13. Учетно-изд. л. 27,5. Тираж 100 000 экз. (1-й завод 50 000 экз.). Цена 2 руб. Заказ 813.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

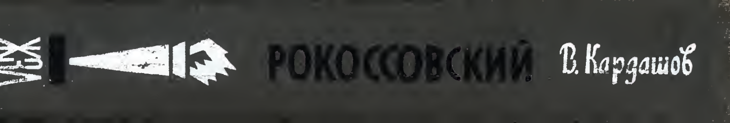
Дорогие читатели!

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» просит Вас присылать краткие отзывы о книгах серии, а также свои предложения по улучшению их содержания и оформления.

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», отдел писем.

2 руб.

М О Л О Д А Я   Г В А Р Д И Я

ЖЗЛ
РОКОССОВСКИЙ
В. Кардашов